МАЗУЧЧО

НОВЕЛЛИНО



МАЗУЧЧО

НОВЕЛЛИНО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РЕСПУБЛИКА»
1993

ББК 84.4Ит
М13

«НОВЕЛЛА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Общая редакция, вступительная статья
и комментарии *А. Д. МИХАЙЛОВА*

Перевод *С. С. МОКУЛЬСКОГО* (новеллы XVI, XVIII, XXI—L,
«Речь автора к своей книге»), *М. М. РЫНДИНА*
(пролог, новеллы I—XV, XVII, XIX, XX), *А. В. ТОПОРОВОЙ*
(посвящения и послесловия к новеллам).

В художественном оформлении издания
использованы рисунки *И. Ф. РЕРБЕРГА*

Мазуччо Гвардато.
М13 Новеллино: Пер. с ит.— М.: Республика, 1993.— 400 с.— (Новелла Возрождения).
ISBN 5—250—02173—5

Мазуччо Гвардато из Салерно, писатель второй половины XV в., после Боккаччо был самым популярным из итальянских новеллистов. Его книга «Новеллино», изданная в 1476 г., имела шумный успех, чему способствовали занимательность сюжетов 50 новелл, их некоторая фривольность, сатирическое изображение сладострастных монахов и любвеобильных женщин.

На русском языке сборник впервые был издан в 1931 г. и давно уже стал библиографической редкостью. В новом издании книги восстановлены опущенные ранее посвящения и послесловия к новеллам, подготовлены новые примечания. Читателю предстоит увлекательное знакомство с одним из наиболее известных литературных памятников эпохи Возрождения.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

М **4703010000—082**
079(02)—93

ББК 84.4Ит

ISBN 5—250—02173—5

© Издательство «Республика», 1993

КНИГА РАССКАЗОВ МАЗУЧЧО ГВАРДАТО ИЗ САЛЕРНО И ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Рождение новеллистики итальянского Ренессанса связано с именем Боккаччо (хотя у него и были, конечно, предшественники, а сам он опирался на богатейший общеевропейский сюжетный фонд); поэтому-то в свете «Декамерона» неизменно рассматривались все этапы эволюции этого жанра (так поступил, например, Франческо Де Санктис, заметивший: «Почти в каждом центре Италии свой д е к а м е р о н» [1]). Что же, так строить историю новеллы действительно было очень удобно: появлялся надежный ориентир, незыблемая и ясная точка отсчета. В самом деле, едва ли не все итальянские новеллисты нескольких столетий в той или иной мере решали намеченные Боккаччо задачи.

Уместно спросить: какой новеллистический канон создан был «Декамероном»? [2] Это число рассказов — сто, это членение книги на «дни», «декады», «ночи», «части», это наличие обрамления (обрамляющей истории, персонажи которой и рассказывают друг другу все эти новеллы), играющего достаточно заметную роль, нередко несущего основную идейную нагрузку. Все остальное — как бы на усмотрение автора. Но и это немногое выполнялось последователями Боккаччо не вполне. Либо новелл было меньше (или значительно больше, как у Саккетти), либо обрамление носило иной характер (подчас его не было вовсе), либо отсутствовало внутреннее членение сборника. Поэтому в эволюции итальянской новеллы эпохи Возрождения нельзя не видеть двуединого процесса — настойчивого повторения уроков Боккаччо (нередко — с прямыми восторженными ссылками на автора «Декамерона») и сознательного отхода от его традиций. Да, напористая ориентация на «Декамерон» была удобной, но не всегда плодотворной. При всем непреходящем великолепии этой книги она навязывала последователям Боккаччо достаточно жесткую схему — как отдельной новеллы, так и, в еще большей мере, всего новеллистического сборника. Попытка повторить Боккаччо неизбежно вела к сужению свободы и поэтичности «Декамерона» (ведь никто из новеллистов так и не дотянул до его уровня), но также и к сужению собственных возможностей авторов. Поэтому новеллисты, по крайней мере итальянские, все до единого отдавая дань преклонения перед «Декамероном», часто стремились писать по-своему, лукаво оправдываясь или стыдливо обходя вопрос о своем отступничестве.

После Боккаччо итальянская новелла долго топчется на месте. Франко

[1] *Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. М., 1963. Т. 1. С. 514. Ср.: *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С. 99.

[2] Прекрасный анализ поэтики «Декамерона» см. в работе: *Хлодовский Р. И.* Декамерон: Поэтика и стиль. М., 1982.

Саккетти (1330–1400) в своих «Трехстах новеллах», завершенных на пороге XV столетия, вновь обращается к средневековым бродячим сюжетам и городским анекдотам. Себя он называет «человеком невежественным и грубым», поэтому в его книге перед читателем «низменная простонародная жизнь в простонародной форме» [1]. Саккетти хорошо знает Боккаччо, но не старается ему подражать. Иначе поступили современник Саккетти Сер Джованни Флорентиец, автор сборника «Пекороне» (ок. 1378), и некий Серкамби, чей «Новельере» был создан в Лукке в последнее десятилетие XIV в. Оба они ввели в свои книги обрамление, широко использовали общие с «Декамероном» сюжеты или даже словесные обороты Боккаччо. Поэтому произведения их — это произведения эпигонов, не только беспомощные и слабые, но и более архаичные, чем оригинал.

Затем в развитии новеллы вообще наступает большой перерыв. «Первый век гуманизма», каким принято считать XV столетие (Кваттроченто), был действительно временем расцвета наук, искусств, ремесел. В судьбе ренессансной культуры Италии этот век — решающий. Но также переходный. Происходило постепенное выравнивание разных сфер культуры, их синхронизация; эволюция приобретала один — поступательный — характер. Это век гигантских открытий, изменивших и лицо Земли, и самосознание отдельного человека. Недаром именно теперь было изобретено книгопечатание и открыта Америка. За достаточно короткое время европейская цивилизация проделала огромный путь. Начиналась Новая эпоха. Не случайно во второй половине века итальянская культура выдвинула целую плеяду великих художников, совершивших настоящий переворот в живописи.

Литература тоже проходит период стремительной эволюции. Сначала ученичества. Это связано с возвратом к латыни и в поэзии, и в прозе. Такое ученичество было необходимым и, как выяснилось впоследствии, плодотворным. К тому же им отмечено творчество далеко не всех писателей. Наиболее ярко итальянская проза выявила себя в книгах новеллистов. Их было в том веке совсем немного. Крупных — всего три. Это сиенец Джентиле Сермини (его сборник сложился вскоре после 1424 г.), болонец Джованни Саббадино дельи Ариенти (ок. 1455–1510) и салернитанец Мазуччо Гвардато.

Сермини, писавший в первой половине века, выводит на сцену в своих новеллах распутных женщин, не знающих подлинной любви, забывших о благочестии монахов, простофиль-горожан; все они находятся во власти самых низких инстинктов, что делает героев новелл комичными и отталкивающими. Сермини не пытался создавать полнокровные характеры, вместо них у него карикатурные схемы, нарочитое сгущение красок, гротескных черт. Особую неприязнь вызывают у автора простолюдины, в облике и поступках которых постоянно высвечиваются наиболее низменные приметы.

Сборник Саббадино дельи Ариенти был завершен, видимо, в 1483 г. в Болонье. Назывался он «Порретанские новеллы», так как, согласно обрамлению, эти истории рассказывали друг другу отдыхавшие на водах в Порретo летом 1475 г. знатные молодые люди, прекрасные дамы и известные литераторы, собравшиеся там по приглашению графа Андреа Бентивольо. Сборник был задуман и написан как несомненное подражание «Декамерону» (обрамление, обсуждение содержания каждой новеллы и т. д.). Но в отличие от Боккаччо Ариенти предпочитал обрабатывать анекдоты о знаменитых людях как прошлого, так и современности (например, историю о благородном поступке короля Альфонса Арагонского).

---

[1] *Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. Т. 1. С. 422.

Саббадино дельи Ариенти писал в одно время с Мазуччо, но в совсем иной общественной и культурной атмосфере; Мазуччо же работал над своим «Новеллино» не в маленькой Болонье, старавшейся, однако, участвовать в большой политике, а в Неаполитанском королевстве, занимавшем особое место в итальянской истории.

Роль Неаполя в культурной жизни Италии двойственная. С одной стороны, это было провинциальное захолустье, экономически отсталый юг. Не только большая политика, но и большая культура делались в центре и на Севере — в Риме, Флоренции, Милане, Венеции, даже в маленьких Болонье, Ферраре, Сиене. Там культурная и художественная жизнь била ключом. Показательно, что на юге так и не сложилась своя художественная школа и оттуда родом был лишь один замечательный художник, Антонелло да Мессина (ок. 1430—1479), но он стал ярким представителем не неаполитанской и не сицилийской, а венецианской живописи. С другой же стороны, Неаполь был давним хранителем высоких традиций куртуазной культуры, вот почему столь плодотворным оказалось пребывание здесь, при дворе короля Роберта (1275—1343), поклонника наук и искусств, и королевы Джоанны, любительницы развлечений и фривольных забав, юного Боккаччо. Здесь он нашел предмет своего любовного недуга — молодую и прекрасную Марию д'Аквино, здесь он, под влиянием королевского библиотекаря Паоло Перуджино, проникся любовью к античной культуре (напомним, что в Неаполе похоронен Вергилий и его могила издавна была местом всеобщего поклонения), здесь Боккаччо не просто сделал первые пробы пера, а и создал свои ранние, но уже значительные произведения. Не будем также забывать, что юг во второй половине XIII столетия дал итальянской литературе сицилийскую поэтическую школу, столь сильно повлиявшую на Данте и его окружение.

В Неаполе всегда было много пришлого народа, и многоязыкий говор характерен для звуков неаполитанской улицы. На юге Италии побывали и оставили свой след греки, затем византийцы, норманны, арабы, французы (анжуйцы), наконец, испанцы. С приходом последних обозначился определенный культурный сдвиг. Он связан как вообще с испанцами, так и прежде всего с личностью короля Альфонса V Арагонского, ставшего Альфонсом I Неаполитанским.

Давние куртуазные традиции нашли подкрепление в рыцарских увлечениях, принесенных пришельцами. С ними воцарилась в Неаполе любовь ко всему пышному, красочному, возвышенному, театрализованному.

В свите Альфонса пришли в Неаполь не только военачальники и политики, но и два выдающихся писателя-гуманиста — Лоренцо Валла (1407—1457) и Антонио Беккаделли по прозванию Панормита (1394—1471). Вскоре сюда потянулись другие гуманисты — прежде всего Джаноццо Манетти (1396—1459), флорентийский купец, дипломат и выдающийся переводчик. Переселился в Неаполь Бартоломео Фацио из Специи и известный ученый Джуниано Майо, но больше было кратковременных визитеров — от грека Константина Ласкариса до флорентийского тирана Лоренцо Великолепного.

Альфонс любил музыку и поэзию, книги и античную культуру, приглашал к себе нидерландских живописцев, оставивших в Неаполе заметный след, привечал ученых, заботился о старой королевской библиотеке, которая при нем заметно обогатилась, покровительствовал университету и вообще собирал вокруг себя поэтов. В Неаполе ко второй половине столетия сложилась значительная школа латинских поэтов, выдвинувшая таких замечательных мастеров, как Джованни Джовиано Понтано (1422 или 1426—1503) и Якопо Саннадзаро (1455—1530),

а также поэтов-петраркистов (Тебальдео, Серафино делль'Аквила, Каритео и др.). И на тех и на других заметное влияние оказала древнегреческая эротическая лирика и чувственная лирика Катулла. Вообще любовная тематика в ее нередко весьма рискованном преломлении имела большое распространение и в придворном обиходе Неаполя, и в его литературе.

Но литература эта вовсе не была оторвана от жизни; напротив, политика занимала в ней внушительное место. Задолго до Макиавелли здесь были созданы трактаты о государе (Понтано), о правлении государей (Пьер-Джакомо Дженнаро), о величии государей (Джуниано Майо), об обязанностях государей (Диомеде Карафа) и т. д. Это очень понятно: молодая династия искала надежного обоснования своей власти, отличающей ее от многочисленных итальянских тираний того столетия. Эти трактаты должны были королевскую власть обосновать, возвеличить, но и — регламентировать. Через все десятилетия правления арагонцев (с 1442 по 1504 г.) проходит их упорная борьба с папством (поэтому антицерковные настроения и мотивы в литературе всячески приветствовались), а также с народными массами и местными баронами. Впрочем, особую остроту эта борьба приобретает лишь при сыне Альфонса короле Фердинанде I (Фернандо, Ферранте), правившем с 1458 по 1494 г. Сразу же по его восшествии на престол начинается полоса крестьянских восстаний (1459—1461), им на смену приходят заговоры феодалов (1465, 1486), с которыми Ферранте жестоко расправляется.

Король Ферранте и сын его Альфонс (во времена Мазуччо — герцог Калабрийский) не снискали расположения современников. Нелицеприятную их оценку дал замечательный французский мемуарист Филипп де Коммин (ок. 1447—1511), прекрасно разбиравшийся в итальянских делах. Он свидетельствует: «Оба они учинили насилие над многими женщинами. К церкви они не испытывали никакого почтения и не повиновались ее установлениям... Сын никогда не соблюдал поста и даже вида не делал. Они оба многие годы прожили без исповеди и причастия. Так что хуже, чем они, и жить невозможно» [1]. Добавим к этому, что оба короля не интересовались науками и литературой, не покровительствовали художникам и ученым. Правда, при их правлении культурная жизнь продолжалась. Возникло книгопечатание, развивалась переводческая деятельность (отметим, например, переводы басен Эзопа, сделанные Франческо дель Туппо, и написанную им «Жизнь греческого баснописца»), создавал свои произведения Понтано (на него было возложено воспитание сына Ферранте герцога Калабрийского), ставил при дворе свои «кавайольские фарсы» Пьетро-Антонио Караччоло. Но происходило это, видимо, лишь потому, что основатель династии дал культурному развитию очень сильный импульс.

Смещались и культурные центры. Основным был уже не королевский двор, а «Академия», которую основал в Неаполе, еще при Альфонсе Великодушном, Антонио Беккаделли, а затем ею руководил Понтано. Не менее притягательным был маленький двор герцога Калабрийского, где задавала тон его жена Ипполита-Мария Сфорца — красивая, умная, образованная, не чуждая литературных интересов, любившая писателей и сама в часы досуга бравшаяся за перо.

Мазуччо испытал культурное воздействие этого милого двора. Не менее значительным было для него общение с Беккаделли и Понтано. Первый бесспорно заинтересовал автора «Новеллино» своим скандальным «Гермафродитом» (вот откуда у Мазуччо виртуозное мастерство эротических иносказаний). Повли-

[1] *Филипп де Коммин.* Мемуары. М., 1986. С. 295.

ял на него и второй — стилистической уравновешенностью и раскованностью своих произведений, мыслями о том, что человек — это игрушка в руках безжалостной Фортуны, живыми зарисовками местного быта (которые мы находим в диалогах Понтано «Харон», «Осел» и др.). Оба они были друзьями новеллиста, им посвятил он по новелле в своей книге.

Когда она создавалась, в каких обстоятельствах вообще, какова была жизнь Томмазо Гвардато, прозванного Мазуччо? Мы почти ничего не знаем об этом. Впрочем, благодаря многолетним напряженным разысканиям Джорджо Петрокки [1] кое-что все-таки известно. К тому же некоторые сведения о жизни писателя можно найти в его книге.

Предки Мазуччо издавна жили в Неаполитанском королевстве. Издавна же были они дворянами служивыми, а не поместными, хотя есть сведения, что в 1181 г., во времена Вильгельма Доброго Норманнского, семья Гвардато владела Торичеллой. Но, видимо, не очень долго. Вот почему предки писателя, как и он сам, вынуждены были служить. Его отец Лоизе Гвардато, уроженец Сорренто, был секретарем князя Раймондо Орсини. В общем, всю свою жизнь состоял на службе и Мазуччо.

Родился он между 1410 и 1420 г. в Сорренто и вскоре переехал в Салерно. С этим городом так или иначе оказалась связана вся его сознательная жизнь, вот почему в «Новеллино» нередко прорывается наивный салернский патриотизм (ближайшие соседи, жители Амальфи или Кавы, изображаются обычно глупыми недотепами). Мазуччо большую часть жизни провел в Салерно, но побывал и в других местах. Он постоянно наезжал в Неаполь, который знал досконально и который тоже любил; побывал в других городах и странах, что отразилось в «Новеллино» (в одной из новелл он называет «своим государем» Филиппо-Марию Висконти, так как, видимо, какое-то время жил в Милане, возможно даже там состоял на службе). Впрочем, о его переездах мы практически ничего не знаем, как не знаем и того, где и как он учился или что написал, кроме книги новелл (эрудиты XVII столетия утверждали, что он писал стихи; правда, кто их тогда не писал, к тому же он сам назвал себя «поэтом» в пространном заглавии «Новеллино»).

Мазуччо гордился своим дворянским происхождением (и в этом сословии находил он своих положительных героев), но о предках не смог ничего сказать вразумительного. За исключением деда по материнской линии Томмазо Мариконда, который «был весьма достойным и видным рыцарем и в свое время пользовался в нашем городе немалой славой и уважением» (нов. 14). Мазуччо был назван в его честь.

Около 1440 г. Томмазо Гвардато женился на некой Кристине Пандо, имел от нее трех сыновей (Лоизе, Альферио, Винченцо) и двух дочерей (Караччола и Адриана). Будем надеяться, что в браке он нашел известное семейное согласие: тема счастливого брака не раз звучит в новеллах на фоне традиционных разоблачений женского любострастия и зловредности. Или мотив этот компенсаторен? На протяжении многих лет Мазуччо состоял в должности секретаря при Раймондо Орсини, князе Салернском, и его ситуация моделирует отношения писателя и монарха-мецената, с чем мы постоянно сталкиваемся на всем протяжении Возрождения. Так было в жизни Рабле, Шекспира и Сервантеса. Но в случае Мазуччо ориентиром для писателя был не конкретный государь, а государство. Поэтому Неаполь входит в «Новеллино» не столько тематически,

[1] См.: *Petrocci G.* Masuccio Guardati e la narrativa napoletana del Quattrocento. Firenze, 1953.

сколько идейно: ради его возвеличивания и рассказываются все эти истории, то есть создается книга.

Итак, Мазуччо был секретарем, но что, собственно, входило в его обязанности, сказать трудно. Составление бумаг, выполнение дипломатических поручений, ведение переписки? Наверное. Но безусловно также, немалое место в его жизни занимало простое пребывание в придворном штате, что предполагало как участие в развлечениях, так, возможно, и их организацию. Не последнее место отводилось здесь литературным занятиям. Из них во многом и родилась его книга. Вчитаемся в блестящую латинскую эпитафию, которую посвятил старшему собрату изысканный Понтано:

Он повестушки слагал для забавы и прелестью красил,
Шуток искусной игрой речь расцвечая свою.
Духом высокий, высокий и родом, в степени равной
Он и ученым был друг, и сановитым мужам.
Имя Мазуций ему, Салерн знаменитый — отчизна.
Здесь подарен земле, здесь и похищен он был [1].

Тут, как говорится, все сказано. Остроумный собеседник и увлекательный рассказчик, дворянин старинного рода, друг ученых мужей и сильных мира сего, человек, чья жизнь неразрывно связана с Салерно. Это все. Столь же немного сообщил о себе и сам Мазуччо. В том числе и о том, как и когда книга его была написана. Впрочем, о том, как — он все-таки рассказал, хотя, возможно, создал красивую легенду: якобы друзья уговорили собрать в один том разрозненные новеллы, которые он когда-то для их развлечения насочинял. Поверим ему, пусть в книге и присутствует подозрительная стройность, а стиль ее, язык не грешат разнобоем. Сохранившаяся в одном из собраний новелла-послание с посвящением все тому же Понтано подтверждает рассказ Мазуччо. Сложнее вопрос о датировке новелл. Когда книга была завершена, понятно — между смертью патрона автора, Роберто дель Сансеверино (12 декабря 1474 г.), и выходом «Новеллино» в свет в 1476 г. Сочинять же забавные свои повестушки он начал, видимо, около 1450 г. (на это указывают некоторые посвящения). Таким образом, работал писатель не торопясь и, наверное, вначале и не предполагал все это публиковать.

Дату смерти Мазуччо несложно вычислить: в эпитафии Понтано речь идет о новеллах, но ни слова — о книге; следовательно, писатель скончался до ее появления, то есть в конце 1475 или начале 1476 г.

Это действительно были забавы между делом, приятные сюрпризы для немногих друзей. Набор адресатов определял, конечно, выбор тем и стилистику их разработки, но не стоит это обстоятельство преувеличивать: думается, сюжет новеллы возникал — и в мыслях Мазуччо, и на бумаге — раньше, чем подбирался ее адресат. В этой череде посвящений вряд ли кто был обойден. И наверняка было много незаслуженных похвал друзьям и вынужденной лести сановникам и правителям (прежде всего Альфонсу, герцогу Калабрийскому). Но, посвятив всю книгу Ипполите Арагонской, Мазуччо был искренен: она была его музой, покровительницей, доброжелательным судьей и на все эти роли подходила вполне.

Такой налет дружеской интимности, возникший на первых порах случайно, был затем проведен через всю книгу, которая оказалась сработана мастеровито и изобретательно. Постоянные напоминания Мазуччо о том, что истории его неуклюжи и безвкусны, их язык груб и нестроен, что ладья его плохо оснащена

[1] Перевод М. Л. Лозинского.

и т. д.— не более чем кокетливая поза, столь понятная у литератора-дилетанта. Менее лукав писатель, когда признается, что пользовался «злою и резкою речью», стремясь говорить правду. Действительно, пристрастия и антипатии автора выражены в «Новеллино» достаточно прямо.

Было бы ошибкой полагать, что Мазуччо — это «писатель без стиля». Напротив, стилистические проблемы его занимали, и здесь ему было у кого учиться (в одном из прологов Меркурий, обращаясь к автору, говорит: «Боккаччо, изящному языку и стилю которого ты всегда старался подражать»). Но решал все эти проблемы он по-своему. Мазуччо не стремился к стилистическому единству «Новеллино», поэтому мы можем выделить в книге по меньшей мере три стилистических уровня.

Самый высокий (точнее, приподнятый) находим в посвящениях. В них порой затрагивается тематика следующего за посвящением повествования, но главное тут — это восхваление адресата. И коль скоро он принадлежит к аристократическому обществу, посвящение выдерживается в определенном тоне. Здесь Мазуччо показал себя старательным (пусть не очень способным или не очень внимательным) читателем Цицерона и его подражателей. Он умеет сложно закрутить период, подобрать эпитеты, нанизать сравнения. Фразы посвящений ритмически безупречно организованы, а сами тексты построены по правилам риторики. Все посвящения стилистически выверены и единообразны. И это делает их достаточно монотонными и неинтересными.

Известное стилевое единство есть на следующем уровне — в авторской речи. Она, как правило, нейтральна и лишь изредка взрывается эмоциями, когда автор слишком близко к сердцу принимает злоключения персонажей или сетует на жестокую несправедливость фортуны. И вновь звучит авторский голос в послесловиях (которые названы в книге просто «мазуччо»).

Наконец, третий стилистический уровень связан с собственно повествованием, с прямой речью героев, несущей на себе основную индивидуализирующую нагрузку. Тут хотелось бы говорить о богатой языковой палитре и словесном мастерстве. Однако это не вполне так.

Речевые характеристики персонажей Мазуччо достаточно традиционны и даже однообразны. И здесь опять «высовывается» автор: его комментирующее слово богато красками, оно то откровенно иронично, то имитирует наивное простодушие, то гневно саркастично. Особенно неутомим и изобретателен писатель в изображении любовных забав своих героев. Тут он всегда прибегает к внешне изящным и остроумным, но порой и очень смелым иносказаниям. Эротические метафоры Мазуччо заслуживают специального исследования, настолько образное мышление писателя — в этой области — нешаблонно и неожиданно. Да, он может уподобить любовные объятия пахоте, верховой езде, охоте, поединку двух воинов — что делалось и до него,— но каждый раз это бывает окружено такими непредсказуемыми деталями, головокружительными подробностями, остроумными и дразнящими намеками, что звучит свежо и занимательно.

Сам Мазуччо признавал, что словесные украшения — не самая сильная сторона его таланта. Другое дело фабула, повествование, его ритм. Что касается сюжетов «Новеллино», то лишь у немногих найдутся прямые параллели в предшествующей литературной традиции. Мы не хотим сказать, что предшественников у Мазуччо не было. Напротив, они были и было их немало (что старательно выявлено исследователями). Более того, сам писатель не раз утверждал, что ничего не выдумывал, что рассказы его достоверны. Видимо, так оно и было.

У Мазуччо новелла отражала близкое историческое прошлое, была «новостью», то есть чем-то случившимся недавно, о чем рассказывается впервые. Вот почему так точна, детальна и функциональна топография книги; в этой топографии особо выделен Неаполь: связанные с ним истории освещены как бы особым светом. Это добрый город, где и должны совершаться только добрые дела (так бывает, конечно, не всегда, но все это — досадные исключения).

Да, источники у Мазуччо были. Не только литературные, но главным образом устные, и вот таких нелитературных — значительно больше, чем каких-либо иных. И это стало литературным приемом, причем в большей мере, чем у многочисленных средневековых предшественников писателя в жанре короткого сюжетного повествования. Поэтому сборник Мазуччо квазиисторичен в том смысле, что даже вымышленный сюжет оформляется соответственно «дней минувших анекдотам», то есть имитирует рассказы бывалых людей. На имитацию подобных рассказов нацелен сам стиль Мазуччо, архитектоника его новелл. Для них характерны невозмутимая неторопливость зачина, стремительное разворачивание основного сюжета (при этом писатель избегал повторения сходных фабульных ситуаций, что замедляло бы развитие действия), некоторая философская раздумчивость концовки, подытоживающей тот жизненный урок, который несла в себе сама новелла, легшая в ее основу острая и неожиданная жизненная ситуация. Урок этот суммировался и обобщался в послесловии — в том размышлении «от себя», которое, как уже говорилось, писатель называл «мазуччо».

Пассивность адресатов (чего не было в «Декамероне», где адресаты новелл были одновременно и их рассказчиками) выдвигает в книге Мазуччо на первый план автора. Он становится активным не только как повествователь, но также идейно и художественно. У Мазуччо новеллы тоже обсуждаются, но одним человеком — самим автором в послесловиях. Аудитория у писателя конечно же есть, причем самая аристократическая, однако она вынесена за скобки, из основной структуры книги удалена и в общем-то совершенно необязательна. Ее в книге нет, но на нее, на ее вкусы и политические пристрастия писатель вынужден ориентироваться. Поэтому обрамление в «Новеллино» имеется, только оно не фабульное, а литературно-концептуальное. Это делает сборник новелл Мазуччо именно «книгой», а не обрамленной повестью (вариантом которой были и «Декамерон», и в еще большей мере «Гептамерон» Маргариты Наваррской, и многие другие памятники ренессансной новеллистики).

Активность автора определила прежде всего его сюжетные предпочтения. Событийно новелла Мазуччо достаточно разнообразна, ситуационно же она сводится к небольшому набору фабул, довольно удачно систематизированному Е. М. Мелетинским [1]. В самом деле, мы можем выделить новеллы, повествующие о плутовстве с эротическими целями (нов. 2, 3, 6, 9, 11, 12, 14, 34, 38, 40) и о просто мошенничестве разного рода (нов. 4, 10, 16, 17, 18), о порочности женщин (нов. 21—26, 28, 42), о низких нравах духовенства (нов. 1—4, 6—10, 18, 29), о примерах высокого великодушия (нов. 21, 27, 44, 46, 50) и крайней жестокости (нов. 1, 6, 19, 22, 27, 28, 31, 37, 42, 47). Впрочем, такая классификация не исчерпывает всего фабульного богатства книги, да к тому же большинство новелл нельзя охарактеризовать лишь каким-то одним признаком. Правильнее было бы говорить о ведущих мотивах новеллистики Мазуччо, мотивах, которые никак не противостоят друг другу, но, напротив, переплетаются и друг друга подкрепляют.

[1] См.: *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы. С. 103—104.

Некоторые из этих мотивов исследователями были абсолютизированы и — в таком виде — легли в основу ряда ошибочных или не вполне точных оценок творчества писателя.

Так, стало расхожим утверждение, согласно которому Мазуччо был ярким антиклерикальным писателем. Но верно ли это? В первой части «Новеллино» действительно говорится о сластолюбии, коварстве, стяжательстве, злокозненности монахов. И в следующих частях тема эта время от времени возникает, но до удивления редко. Писатель как бы считал, что с этим вопросом он покончил и к нему вряд ли имеет смысл возвращаться. (Правда, в общем заключении к книге он еще раз сказал о пороках и прегрешениях монахов, противопоставив им честных и добродетельных служителей церкви.) К тому же первая часть книги — самая неоригинальная, здесь Мазуччо в основном разрабатывал сюжеты, заимствованные из средневековых фаблио и фарсов (что делал и Боккаччо). Насмешки над монахами, обнажающие, отталкивающие или попросту смешные черты этого сословия были общим местом средневековой литературы и без особых изменений перешли в памятники литературы Возрождения.

Кое-что, впрочем, изменилось: Средневековье почти не знало яростной сатиры, направленной против князей церкви (это есть у Данте, но поэт справедливо считается зачинателем Ренессанса). Теперь такая сатира появилась, по крайней мере у Мазуччо. А простые монахи и монашки с их мелкими грешками и не очень опасными пороками? Они, конечно, критикуются, но в большей мере становятся объектом насмешек. Так и у Мазуччо, и совершенно понятно почему. Монах в литературе Ренессанса становится как бы рядовым членом общества, над ним уже нет ореола святости. Он, как и мирянин, оказывается во власти страстей, и если выходит победителем из всяких переделок, то не может не вызывать одобрения. Его право на ошибки, нарушение каких-то слишком строгих правил уже не оспаривается. Теперь воистину ничто человеческое ему не чуждо. Вот в одной из новелл молодой монах проникается страстным чувством к тоже молодой и необычайно красивой монахине. Кощунственным обманом он склоняет ее к взаимности. Их любовь, особенно первое любовное свидание, описана не только не скабрезно, но очень поэтично и даже возвышенно. За что же герой новеллы осуждается? Не за обман, не за нарушение обета целомудрия, а за то, что он вскоре пускается в бега, оставив монашку расхлебывать содеянное. Естественное чувство, как и продиктованные им находчивость и ловкость, одобряются, порицается же душевная черствость, стоящая на грани жестокости.

Да, Мазуччо пустил в служителей церкви немало ядовитых стрел, но нашел возможным сказать и об их положительных качествах. Что там монахи и простые аббаты, он метит значительно выше — в кардиналов и пап. Показательно, что персонаж одной из новелл, турецкий султан, много слышал всяких рассказов о папах и кардиналах, «об их надменности, корыстолюбии и завистливости, о том, что они запятнаны беззаконною похотью и преисполнены всякого рода мерзких и гнуснейших пороков». Антимонашеские настроения писателя были продиктованы во многом старой, еще средневековой традицией сатиры на духовенство. Это подкреплялось рождающимся, уже ренессансным взглядом на личные достоинства и общественные обязанности человека, в том числе и монаха, от которого требовалась уже не только святость, но и отчетливая общественная активность (вспомним, как беспощадно изображал эту ленивую братию Франсуа Рабле). Наконец, участие в повествовании такого персонажа, как монах или аббат, способствовало созданию всевозможных комических ситуаций, чем просто не мог не воспользоваться Мазуччо.

Итак: сатира на низшее духовенство у автора «Новеллино» не очень остра, она сдержанней и толерантней, чем у его предшественников (Боккаччо тут, конечно, не в счет); сатира на князей церкви не нашла конкретизации в ярких образах, это не сатира, а выражение в публицистической форме антипапских настроений писателя, продиктованных исключительно политическими мотивами.

Другое расхожее суждение о «Новеллино» — это якобы ожесточенный антифеминизм книги. Действительно, у Мазуччо немало новелл и ярких пассажей, обличающих слабый пол. «Самого могучего красноречия недостаточно, — восклицает писатель,— чтобы рассказать все, что следует, об этом гнилом, подлом, несовершенном женском поле, вероломство и гнусные деяния которого таковы, что не только разум человеческий, но даже мудрость богов никогда не будут в состоянии оградить нас от них». Автору вторит один из его персонажей, типичный резонер: «Большинство же из них, несомненно, невоздержанны, вероломны, упрямы, мстительны, подозрительны, неспособны к любви и лишены всякой нежности». Здесь нам слышатся отголоски средневековых сатирических произведений, также обличавших любострастие и коварство женщин. Для Мазуччо слабый пол — действительно слабый. Прежде всего в том смысле, что не может совладать со своими порывами, как порывами высокой страсти (пусть это просто неутоленный любовный пыл), так и с врожденным кокетством, столь же неодолимым желанием нравиться. Ведь «каждая из них предпочитает сойти за порочную красавицу, чем прослыть добродетельной дурнушкой». И вот эти женские «слабости» описаны в книге заинтересованно и подробно.

Мазуччо бесспорно рисовал нравы своей эпохи, которые не отличались излишним целомудрием. Он угождал вкусам заказчиков, а известно, что при неаполитанском дворе фривольные сюжеты и темы были явно в чести. Отсюда тот несколько легкомысленный тон в описании любовных отношений героев, из-за которого писатель иногда слывет автором эротическим. Но Мазуччо не был бы крупным писателем, если бы ограничился сочинением забавных, увлекательных и слегка скабрезных повестушек и не выразил бы в «Новеллино» своей концепции жизни, в том числе и любви.

И в его книге мы найдем то, что несколько упрощенно называется обычно «реабилитацией плоти». Плоть у Мазуччо реабилитируется в том смысле, что любовные отношения воспринимаются и трактуются теперь как вполне естественное, обыденное и лишенное запретности состояние людей. В его реализации случаются всяческие смешные, неожиданные, но подчас и трагические ситуации, о которых и рассказывает писатель. Мазуччо, конечно, не апологет вседозволенности. Даже напротив: в любви он отстаивает здоровое начало, красоту отношений. Но и монах имеет у него право на любовь. Правда, при нескольких непременных условиях: если он молод и красив, если не низок душой, если не способен на обман, подлость, насилие.

Так этика у Мазуччо (что было вообще характерно для Возрождения) легко и органично перетекает в эстетику. Вот почему все героини «Новеллино», как на подбор, молоды и очень красивы. И Мазуччо не скупится на их описание, хотя порой изобретательности ему не хватает, он начинает повторяться и прибегает к привычным клише. Мы подсчитали: в 39 новеллах из 50 подчеркнута красота их героинь. Не все они достигают успеха в непростой жизненной борьбе, которую им приходится вести, но они никогда не попадают в комическое положение. Они могут вызывать восхищение, сострадание или же ужас, но не смех. Не все они добродетельны, но Мазуччо не прощает им не легкомыслие или любострастие, а нарушение эстетических норм. Так, одна из героинь книги воспылала страстью

к безобразному мавру, другая предпочитает ухаживающему за ней юноше слугу-эфиопа, третья тоже отказывает молодому человеку, но принимает любовные предложения раба. С этим смириться писатель не может, но он вполне понимает молодую даму, имеющую старого некрасивого мужа, которая сама проявляет инициативу и сходится с юным послушником.

Любовь у Мазуччо не знает сословных преград. Одинаково сильно и необузданно любят у него и простолюдинки, и знатные дамы. Главное, чтобы они были молоды и прекрасны лицом и телом, и книга Мазуччо становится своеобразным прославлением юности и красоты. В этом ее поэзия и эстетическая доминанта. Вместе с тем концепция любви у Мазуччо двойственна: это и радостное всепобеждающее чувство, и несущая зло страсть. Гуманистическая идея стремления к счастью через добродетель все время ищет примирения с гуманистической же идеей поисков наслаждения. Последнее лишь должно не нести с собой зло и не противоречить эстетическому чувству.

А что же эротические мотивы? Они есть, конечно, но не в большей мере, чем у современников автора «Новеллино», к тому же они реализуются не в ситуациях новелл, а в тех иносказаниях, ироничных, озорных, изящных, о которых была речь выше.

Однако не все в жизни гладко. Как и его кумир Боккаччо, Мазуччо охотно рисует трагические ситуации, заставляет своих героев сносить удары судьбы, бороться за счастье и даже за саму жизнь и далеко не всегда выигрывать в этой борьбе. И опять-таки роковую роль тут может сыграть любовь, ради которой герои рискуют и подчас погибают. Любовь помогает преодолеть все препятствия, но и заставляет идти на чрезмерные жертвы. Поэтому любовные начинания молодых героев Мазуччо не смешны, они могут вызывать сочувствие и восхищение, хотя и не всегда успешны.

Частенько можно услышать, что у писателя немало рассказов о жестокостях, вообще о мрачной стороне жизни. Думается, что не более, чем это было в окружающей Мазуччо действительности, поэтому обвинять его в садистичности, как это иногда делается [1], по меньшей мере несправедливо. Можно предположить, что распущенность нравов, изображаемая в «Новеллино», провоцирует жестокость возмездия. Но это далеко не всегда так. Нет, зло чаще всего наказывается (как наказываются, например, злобные обитатели лепрозория, погубившие двух прекрасных и ни в чем не повинных возлюбленных), но в море бед погружаются на страницах книги далеко не всегда одни грешники.

У Мазуччо проявление жестокости трояко: это жестокость наказания (часто определяемого величиной причиненного зла), жестокость ситуации (самый частый случай) и жестокость, инфернальность характера персонажа. Последним качеством писатель наделяет, как правило, женщин. Так, у него жена благородного рыцаря берет в любовники карлика, а подсмотревшая за ними арапка убивает обоих, и трупы муж бросает на съедение зверям. В другой новелле королева, одержимая страстью, убивает сына; еще в одном рассказе мать проникается вожделением к сыну и зачинает от него. Еще в одной новелле муж хладнокровно убивает и неверную жену, и ее любовника-мавра. Здесь эстетика определяет этические предпочтения писателя.

Было бы ошибкой говорить о безусловном аристократизме Мазуччо. На благородные поступки способны у него люди разного звания, точно так же, как подлость или жестокость обнаруживаются у представителей разных сословий.

---

[1] См.: *Мелетинский Е. М.* Историческая поэтика новеллы. С. 102—109.

Лишь в последней части книги писатель делает некоторую уступку своей аудитории (это «десять новых достойных рассказов об исключительных доблестях, а также о великих щедротах, проявленных великими государями»). Дворяне действительно нередко обрисованы Мазуччо в положительном свете. И вот что отметим: положительные герои — дворяне более безлики, чем осмеиваемые простолюдины, и это вполне естественно: комедия — на определенном уровне — долговечнее и ярче возвышенной поэмы. Но добавим: трагический накал повествования в новеллах, где протагонистами выступают дворяне, обычно выше, чем в тех, где на сцене появляются смешные простолюдины. К тому же и последние (а также нехристиане) могут становиться героями достаточно серьезных, даже трагических новелл. В этом смысле в книге Мазуччо продолжается расшатывание привычных амплуа и тем самым нарушается жесткий литературный этикет, столь типичный для средневековой словесности.

Герои «Новеллино» — активны. Но им противостоит неумолимая обманчивая Фортуна. Жизнь человека, по мысли писателя, складывается из сцепления неожиданных обстоятельств, однако решает все-таки нечто высшее; но не некое божественное предначертание, а слепая судьба. Поэтому в новеллах писателя нет дидактической заданности, для него увеселение важнее назидания. А еще важнее — запечатление жизни. Такой, какой он ее увидел, понял, какой хотел бы видеть. Действительно, в книге Мазуччо поэзия жизни пробивается сквозь традиционные сюжеты и сквозь банальность тривиальных ситуаций, сквозь несколько приземленный гедонизм героев. В этом смысле писатель отразил существенные черты своей эпохи и своего круга в его обыденных заботах и чрезвычайных конфликтах.

Книга Мазуччо замечательна еще одним своим качеством: в ней как бы смоделирован путь дальнейшей эволюции новеллистики итальянского Возрождения. Начинается она, как уже отмечалось, с традиционных, еще чисто средневековых ситуаций и тем, чтобы потом перейти к более неординарным и сложным жизненным коллизиям. Легкое, мажорное восприятие жизни по мере развертывания книги сменяется более глубоким, подчас однозначно трагическим ее осмыслением (что как бы предсказывает новеллистику Маттео Банделло и его многочисленных подражателей во всей Европе). Вот почему воздействие уроков Мазуччо можно обнаружить и в «Новелле о сиенце» Луиджи Пульчи (1432—1484), и в «Новелле о Джакопо» Лоренцо Великолепного (1449—1492), и в «Истории двух благородных влюбленных» Луиджи да Порто (1485—1529). Причем Пульчи, посвятив свою новеллу все той же Ипполите Арагонской, в первых же строках упомянул как образец именно Мазуччо. А не Боккаччо, как можно было бы ожидать. Мазуччо был ближе флорентийскому поэту прежде всего по времени. Но не только: Пульчи нашел в «Новеллино» преодоление традиций Боккаччо — путем подражания ему, а следовательно, выход жанра новеллы к новым горизонтам.

И тут вклад Мазуччо из Салерно неоценим. Вот почему его поначалу так много издавали, а потом наступила католическая контрреформация со всеми ее прелестями. «Новеллино» был внесен в первый же «Индекс запрещенных книг» (1564). Мазуччо надолго исчез с книжных прилавков (да и из публичных библиотек), чтобы быть изданным вновь, уже в XIX столетии, как один из признанных мастеров мировой литературы.

А. Михайлов

НОВЕЛЛИНО





НОВЕЛЛИНО

благородного отечественного поэта Мазуччо Гвардато из Салерно, посвященный славнейшей Ипполите Арагонской из рода Висконти, герцогине Калабрийской. Итак, в добрый час, начинается он сперва с Пролога.

П Р О Л О Г

Я вполне ясно понимаю и не сомневаюсь в том, славная и высокородная Мадонна, что звуки моей грубой и дребезжащей лиры не дают мне права на сочинение книг, а тем более не позволяют выставлять на них свое имя; и скорее в таком случае справедливо упрекнуть меня за дерзость, чем хоть сколько-нибудь похвалить мое красноречие; однако с самых ранних лет я усердно упражнял мои грубые и неразвитые способности и написал ленивой, загрубелой рукой несколько новелл, относящихся к происшествиям старым и новым, за достоверность которых можно поручиться. Я разослал их разным достойнейшим лицам, как это ясно видно из заглавий; и вот по этой причине захотелось мне собрать эти рассыпанные новеллы и, соединив воедино, построить из них книжицу, которую назову, так как лучшего она не стоит, *Новеллино*. Ее же хочу я посвятить и послать тебе, единственной заступнице и светочу наших Италийских стран, ибо твое изысканное, изящное красноречие и необычайная тонкость суждения помогут тебе очистить ее от тех ржавых пятен, которыми она изобилует, и я надеюсь, что, отсекая и устраняя все излишнее в моем недостойном труде, ты сможешь принять его в твое величественное и прославленное книгохранилище. И хотя многие соображения чуть было не отвлекли меня совсем от исполнения моего намерения и почти убедили не приступать к такой работе, однако народная повесть, передающая случай, не так давно действительно имевший место в нашем городе Салерно, утвердила меня в прежнем решении

и побудила к его осуществлению. Прежде чем продолжать начатое, я намерен рассказать тебе этот случай.

Итак, во времена счастливой и славной памяти королевы Маргариты проживал в нашем городе один богатейший купец-генуэзец, который вел большие торговые дела и был известен во всей Италии. Имя его было мессер Гвардо Салуджо, и принадлежал он к одному из почтеннейших семейств своего города. Раз, прохаживаясь перед своим банком, находившимся на улице, называемой улицей Суконщиков, где расположено много других банков, лавок с серебряною утварью и швален, он заметил во время своей прогулки валявшийся у ног одного бедного портного венецианский дукат; хотя дукат был весь в грязи и сильно затоптан, тем не менее этот делец, как хорошо знакомый с этим чеканом, сейчас же признал его и, немедленно нагнувшись, сказал: «Честное слово, это — дукат». Увидя то, бедняк портной, латавший кафтан, чтобы заработать себе на пропитание, преисполнился зависти и, будучи крайне беден, пришел в ярость от огорчения. Он обратил взоры к небу, поднял вверх сжатые кулаки и, в смятении душевном изрекая проклятия на божественную справедливость и всемогущество, прибавил напоследок:

— Правду говорят, что золото к золоту катит, а горькая доля от бедняка никак не убежит; вот я сегодня надсаживался весь день и не заработал и пяти торнезов, и мне не удается найти ничего, кроме камней, разрывающих мои башмаки. А этот человек, владеющий целым сокровищем, нашел золотой дукат у самых моих ног, хотя он ему нужен столько же, сколько покойнику ладан.

Осмотрительный и благоразумный купец отдал между тем дукат серебряных дел мастеру, находившемуся напротив, и тот с помощью огня и других средств возвратил червонцу первоначальную его красоту. А после этого богач с приятной улыбкой обратился к бедному портному и сказал ему так:

— Милый человек, ты не прав, жалуясь на бога, ибо он поступил справедливо, позволив мне найти этот дукат; ведь, попадись он тебе в руки, ты бы все равно с ним расстался, а если бы и сохранил, то подверг бы его всяким неприятностям и хранил бы в одиночестве, в неподходящем для него месте; я же поступлю с червонцем совершенно иначе, так как помещу его вместе с ему подобными в большое и избранное общество.

Сказав это, купец вернулся к себе в банк и положил дукат на хранившуюся там груду денег, в которой было несколько тысяч флоринов.

Итак, составив, как было уже сказано выше, из разбросанных новелл забрызганную грязью и затоптанную книжонку, я, в силу отмеченных побуждений, пожелал послать ее тебе,

достойнейшему нашему ювелиру и лучшему знатоку подобных чеканных изделий, чтобы ты доступными тебе средствами придала ей прелесть, после чего мое сочинение сможет найти для себя небольшое местечко среди твоих пышных и изысканных книг. И это прибавит к их прежним достоинствам еще одно новое и большее, ибо, по утверждению философа, сопоставление вещей противоположной природы ярче оттеняет их различие. И сверх того почтительно прошу тебя: когда тебе будут дарованы мгновения досуга, не сочти для себя обузой чтение этих новелл, так как в них ты найдешь много остроумных рассказов и веселых шуток, которые будут доставлять тебе непрерывное веселье; а если среди слушателей окажется случайно какой-нибудь святоша, приверженец лицемерных монахов, о преступной жизни и гнусных пороках которых я собираюсь рассказать малую толику в первых моих десяти новеллах, и если он пожелает поносить меня и, назвав меня клеветником, станет говорить, что я ядовитым моим языком изрекаю хулу на слуг господних, то соблаговоли, несмотря на это, не сходить с начатого пути; и пусть в этой тяжбе лишь сама Истина, если это понадобится, подымет оружие на мою защиту и будет мне свидетельницей в том, что происходит это не от желания моего злословить о других и не из личной и особой ненависти к монахам. Намерением моим, поистине, было сообщить кому-нибудь из великих государей, а также моим лучшим друзьям некоторые сведения о кое-каких современных происшествиях и о других, тоже не очень давних, на основании которых можно было бы судить, как многоразличны преступные ухищрения, применявшиеся лживыми монахами для обмана глупых или, скорее, неосторожных мирян.

Целью моей было, таким образом, остеречь современников и предупредить будущее поколение, чтобы оно не позволяло впредь надувать себя этому подлому и развращенному отродью, вводящему всех в обман своей показной добродетелью. Со всем тем, хорошо зная монахов за прекраснейших людей, я считаю необходимым кое в чем подражать им, особенно же в следующем. Бóльшая часть их, коль скоро они надели рясу, считает дозволенным в частных беседах или публично злословить о мирянах, присовокупляя при сем, что все мы-де осуждены на вечные муки, или рассказывать другие глупости, за которые следовало бы побить их камнями. И если бы они пожелали возразить, что в проповедях своих они обличают лишь пороки дурных людей, то я на это не затруднюсь ответом, так как в написанном мной я не осуждаю добродетель праведных. Таким образом, дело будет обстоять без обмана и без преимуществ для одной из сторон, и мы будем искусаны в равной мере.

Итак, если я иду по их стопам и правдиво описываю преступления и распутную жизнь каждого из них, никто не должен на это досадовать. Для тех же, у которых уши засорены благочестивым вздором так, что они не могут слышать ничего дурного о монахах, для них, как мне кажется, лучшее и единственное средство, могущее уврачевать этот недуг,— не читая и не слушая моих новелл, идти, с божьей помощью, дальше; и, продолжая общаться с монахами, они с каждым днем будут убеждаться в плодотворности этого общения для своей души и для тела: ведь пастыри эти преисполнены милосердной любви и постоянно наделяют ею свое стадо. А ты, достойная и прекраснейшая Мадонна, с обычной тонкостью твоего ума, читая эти новеллы, найдешь в них среди множества шипов какой-нибудь цветок, который даст тебе иной раз повод вспомнить о твоем смиренном слуге — почтительнейшем Мазуччо, который постоянно поручает себя твоей милости и молит бога об увеличении твоего счастья и благоденствия. Vale! [1]

М А З У Ч Ч О

Кончив краткое и неуклюжее предисловие, обращенное к твоей светлости, я перейду теперь к обещанным мною новеллам или историям; в первых десяти из них, как уже сказано, будет речь о возмутительных поступках некоторых монахов; среди них будут рассказы, способные не только вызвать удивление слушателей, но и возбудить глубокую их скорбь; другие можно будет прочесть не без приятного смеха и веселья. К такого рода новеллам относится первая, посвященная нашему непобедимому и могущественнейшему королю и государю. Закончив ее, я собираюсь рассказать о других предметах, приятных и нравоучительных, а также жалостных и плачевных, которым отведено особое место в порядке наших повествований.

[1] Прощай; будь здоров! (*лат.*)



НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Магистр Диэго, умерщвленный в доме мессера Родерико, перенесен в свой монастырь. Другой монах, считавший магистра живым, бросает в него камень и думает, что совершил убийство. Спасаясь бегством верхом на кобыле, он, по странному стечению обстоятельств, встречает мертвеца, сидящего верхом на жеребце, и тот, с копьем наперевес, преследует его по всему городу. Живой забран и признает себя убийцей; ему грозит казнь. Рыцарь открывает истину, и монах избавляется от незаслуженной смерти.

Славному королю дону Фернандо Арагонскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Так много было и так много есть, превосходный и славнейший Король, искусных поэтов, красноречивых ораторов и других достойнейших писателей, которые в своих писаниях создавали и не перестают создавать и в изящной прозе и в достойных стихах, на латыни и на родном языке, в своих восхвалениях величие и постоянную славу Твоего Светлейшего Величества, что я убежден, что мой неотесанный стиль покажется тебе по сравнению с ними не чем иным, как черным пятном на белоснежном горностае. Тем не менее поскольку Твое Высочество со свойственным тебе человеколюбием соизволило сказать мне, что ему доставило бы большое удовольствие, если бы я составил приличествующее тому описание достойной истории, случившейся в Кастильском королевстве с рыцарями и меньшим братом, то я захотел, повинуясь такому твоему желанию, скорее писать кое-как, чем молчанием каким-либо образом не оправдать оказанную мне честь. По этой самой причине, а вовсе не из-за дерзости я все же решился войти в мучительный лабиринт и создать самонадеянные писания, недостойные того, чтобы их про-

чел такой Король. Я прошу с тем смирением, которое мне подобает, чтобы он благоволил принять их с удовольствием; и пусть, когда тебе позволят другие твои занятия, чтение их не будет скучным для тебя и твоих великолепных подданных и доблестных учеников. Ибо помимо того, что эта история знаменательна уже сама по себе, ты найдешь в ней некоторые развлечения и достойные дела монахов, которые, я не сомневаюсь, послужат причиной постоянного роста и увеличения твоего набожного отношения к ним, как и подобает столь высокому Величеству. К ногам и милости коего твой преданнейший Мазуччо припадает и умоляет, чтобы не был он помещен в число забытых. Vale!

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Приступая к повествованию моему, благочестивейший король, скажу, что в ту пору, когда блаженной и славной памяти король и повелитель дон Фернандо Арагонский, достойнейший дед твой; на благо и преуспеяние подданных своих мирно правил королевством Кастильским, в Саламанке, одном из древних и славнейших городов этого королевства, жил некий минорит-конвентуал, которого звали магистром Диэго да Рéвало. Не менее сведущий в доктрине святого Фомы, чем в учении Скота, которого они придерживаются, удостоился он, в числе прочих, быть избранным преподавать за немалое вознаграждение в превосходных школах столь знаменитого университета этого города. И он с таким поразительным успехом вел свое преподавание, что слава об его учености распространилась по всему королевству. Говорил он иногда и небольшие проповеди, но это было скорее делом необходимости или выгоды, чем проявлением истинного благочестия. Был же он юн, очень красив и изящен и подвержен пламени любовных увлечений; и вот однажды во время проповеди случилось ему увидать молодую женщину поразительной красоты. Имя ее было Катарина, и была она женой одного из виднейших дворян этого города, которого звали мессер Родерико д'Анджайа. Как только магистр увидел даму, которая понравилась ему с первого взгляда, владыка Амур, запечатлев в душе его образ красавицы, глубоко поразил тронутое уже любовным недугом сердце. Сойдя с кафедры, магистр прошел в свою келью и там, отбросив в сторону все свои теологические рассуждения и софистические доказательства, всецело отдался мыслям о понравившейся ему женщине. Он знал, какое высокое положение занимала эта дама и чьей она была женой, и, видя безумие предприятия, на которое готов был отважиться, много раз убеждал себя не впутываться в такое опасное дело; и все же,

несмотря на все это, он говорил себе порой: «Там, где любовь захочет явить свои силы, она отнюдь не ищет равенства по происхождению; держись она подобных требований, высокие князья не стремились бы ежечасно совершать набеги на наши берега. А посему Амур должен уравнять наши права, предоставив и нам любить высоких дам, раз он разрешает великим мира сего опускать свои взоры до мест низких. Ран, наносимых любовью, никто не получает, заранее подготовившись к ним, но застигают они нас врасплох; однако если безоружным нашел меня этот владыка, против ударов которого бесполезно в таких случаях защищаться, то, как неспособный к сопротивлению, я по справедливости побежден и, как его подданный,— пусть будет, что будет,— вступлю я в страшную битву; и если суждено мне приять в ней смерть, которая избавит меня, во всяком случае, от страданий, то по крайней мере дух мой пойдет навстречу ей с отважно подъятым челом, гордясь тем, что так высоко занес свои когти».

Сказав это и не возвращаясь более к первым своим отрицательным доводам, он взял лист бумаги и, не переставая глубоко и часто вздыхать и проливать горячие слезы, написал любимой даме с большим уменьем изящное письмо, в котором восхвалял ее прелести, скорее небесные, чем земные. Затем он говорил о том, до чего пленен ею и что не остается ему иного выхода, как только надеяться на ее милость или ждать смерти. Признавая себя недостойным добиваться свидания со столь высокой дамой, он все же почтительнейше просил ее назначить ему время и указать способ, каким он мог бы побеседовать с нею тайно, или по крайней мере пусть примет она его служение, так как он избрал ее единственной властительницей своей жизни. Закончив послание рядом подобных же изящных слов, магистр сложил его и, многократно облобызав, передал одному из своих клириков, которому объяснил, куда следовало отнести письмо. Клирик этот, смысливший немало в такого рода услугах, спрятал письмо в потайном месте, под мышкой левой руки, и пошел туда, куда ему было указано. Придя в дом, он нашел благородную и юную даму, окруженную своими многочисленными прислужницами, и, обратившись к ней с умелым приветствием, сказал ей:

— Мой господин препоручает себя вашей милости и просит, чтобы вы дали ему отсеянной муки для святых даров, как о том написано подробно в этом письме.

Дама отличалась большой проницательностью, и когда она увидела письмо, то была близка к уверенности, что догадывается об истинном его содержании. Взяв и прочтя его, она, хоть и была честнейшей женщиной, все же не возмутилась при мысли, что этот монах так ее любит, считая ее прекраснейшей на свете; читая

письмо, в котором так прославлялась ее красота, она ликовала, подобно той, что некогда, вместе с первородным грехом, первая подпала действию страсти, переданной ею по наследству остальной части женского рода, в силу чего женщины все свое достоинство, честь и славу полагают в том всецело, чтобы быть любимыми, желанными и превозносимыми за свою красоту, и потому каждая из них предпочитает сойти за порочную красавицу, чем прослыть добродетельной дурнушкой. Однако эта дама, недаром питавшая сильное и вполне основательное отвращение ко всем монахам, решила не только ничем не потворствовать магистру, но и в ответе, который готовилась дать ему, не показать себя вежливой. Вместе с тем она решила на этот раз ни о чем не рассказывать мужу. Остановившись на таком решении, она обернулась к монашку и без малейшего признака смущения сказала ему:

— Передай твоему магистру, что хозяин моей муки всю ее хочет оставить для своего пользования, а потому пусть твой господин раздобывает муку в другом месте; на письмо же другого ответа не нужно. А если бы все же он захотел ответа, то пусть сообщит мне о том, и когда вернется домой мой синьор, то я попрошу, чтобы твоему господину ответили так, как подобает отвечать на подобные предложения.

Несмотря на суровую отповедь, полученную магистром от дамы, пыл его ничуть не унялся; напротив, его любовь, вместе с вожделением, разгорелась еще более сильным пламенем; и, не желая отступать ни на шаг от начатого предприятия, он, пользуясь тем, что дом синьоры находился очень близко от монастыря, с такою назойливостью стал за ней волочиться, что она не могла ни подойти к окну, ни войти в церковь или в какое-либо иное место, чтобы, гонимый стрекалом желания, магистр не оказался где-нибудь поблизости от нее. А потому на поведение монаха обратили внимание не только в околотке, где жила дама, но стало о том известно почти во всем городе. Вследствие этого сама дама убедилась, что этого дела нельзя долее скрывать от мужа, так как, кроме грозившей ей отсюда опасности, она боялась и того уже, что, узнав обо всем от кого-либо из посторонних, он перестанет считать ее порядочной женщиной. И, укрепившись в этой мысли, однажды ночью, когда она находилась вместе с мужем, она точнейшим образом рассказала ему все происшедшее. Рыцарь, ревниво оберегавший свою честь и отличавшийся неукротимостью нрава, воспылал таким буйным гневом, что малого недоставало, чтобы он пошел и предал огню и мечу монастырь и всю братию. Однако, немного укротив свои чувства и произнеся целую речь, в которой он похвалил достойное поведение своей жены, он затем приказал

ей, чтобы, пообещав магистру исполнить его желание и избрав к тому наиболее подходящие по ее мнению средства, она пригласила его прийти к ней ближайшей ночью; ибо, желая удовлетворить требованиям своей чести, рыцарь вместе с тем хотел предохранить от всякого поругания доброе имя своей дорогой, любимой супруги. Что касается остального, то пусть она предоставит позаботиться ему одному. Хотя даму смущала мысль о той развязке, которую она предвидела, однако, желая быть покорной воле мужа, она сказала, что исполнит приказание, и так как монашек, прибегая к новым уловкам, постоянно возобновлял свои попытки разбить твердый камень, то она сказала ему:

— Передай от меня привет твоему господину и скажи ему, что великая любовь, питаемая им ко мне, и горячие слезы, которые, по его словам, он беспрестанно из-за меня проливает, нашли наконец доступ в мое сердце, так что я в большей мере стала принадлежать ему, чем себе самой. И так как сулящая нам радости судьба пожелала, чтобы мессер Родерико отправился в деревню, где он и заночует, то пусть магистр, как только пробьет три часа, приходит ко мне тайком, и я дам ему свидание, которого он добивается. Только попроси его, чтобы он в этом деле не доверялся никому, даже самому близкому другу и приятелю.

Монашек ушел до крайности обрадованный, и когда он передал магистру благоприятное известие, тот почувствовал себя самым счастливым человеком. Но как ни был краток назначенный срок, ему казалось, что придется прождать тысячелетия; когда же время пришло, он старательно надушился, чтобы не разило от него монахом, и, полагая, что для победы в предстоящем беге ему придется нестись во весь опор, поужинал на этот раз самыми тонкими и изысканными кушаньями. Захватив свою обычную утварь, он направился к двери дамы и, найдя ее открытой, вошел в дом и затем впотьмах, как слепой, был проведен служанкой в залу, где, вопреки ожиданию, вместо радостно идущей ему навстречу дамы, нашел рыцаря с одним из его верных слуг; те схватили его голыми руками и придушили, не произведя ни малейшего шума.

Когда рыцарь убедился в смерти магистра Диэго, он стал было раскаиваться в том, что запятнал свои могучие руки убийством минорита. Но, видя, что раскаянием делу не поможешь, он решил, опасаясь за честь свою и боясь королевского гнева, убрать мертвеца из дома. Итак, ему пришло на ум отнести труп в монастырь. Он взвалил его на спину слуги, и они направились в монастырский сад и, без труда проникнув отсюда в монастырь, отнесли мертвеца туда, куда братья ходили по своим нуждам;

а так как случилось, что только одно из седалищ было пригодно, все же другие были разрушены (ведь, как постоянно приходится видеть, монастырские помещения походят скорее на разбойничьи притоны, чем на обители слуг божиих), они посадили его туда, как если бы он был занят отправлением своих нужд, и, оставив мертвеца, вернулись домой. В то время как синьор магистр оставался там будто с целью освободиться от излишнего, случилось, что другой монах, молодой и здоровенный, почувствовал в полночь крайнюю необходимость пойти в упомянутое место для отправления своих естественных надобностей. Он зажег светильник и пошел туда, где восседал мертвый магистр Диэго; узнав его и думая, что он жив, монах, не сказав ни слова, отошел назад, потому что из-за монашеского недоброжелательства и зависти они находились в смертельной и яростной вражде. Итак, он решил подождать в сторонке, пока магистр свершит то, что он сам собирался сделать. Обождав же, согласно своим расчетам, достаточно долго и видя, что магистр не шевелится, монах, испытывавший неотложную нужду, повторял себе неоднократно: «Как бог свят, этот негодяй застрял здесь и не хочет пустить меня на свое место ради того лишь, чтобы гнусной этой проделкой выказать мне свою вражду; но это ему не удастся, так как я потерплю, пока могу, а потом, если увижу, что он упорствует, не пойду, хотя и мог бы это сделать, в другое место, а вытащу его отсюда, даже против его воли».

Магистр, однако, ставший уже на мертвый якорь, упорно не двигался с места, и монах, которому терпеть дольше было невмочь, вскричал в бешенстве:

— Не допусти этого, господи! Не бывать тому, чтобы он причинял мне такой позор, а я бы не мог постоять за себя!

Схватив огромный булыжник и подойдя поближе, он с такой силой запустил камнем магистру в грудь, что опрокинул его навзничь, причем тот, однако, не пошевельнул ни одним членом.

Монах заметил, с какой силой пришелся его удар, и потому, видя, что магистр не поднимается, стал опасаться, не убил ли он его камнем; выждав немного и то веря, то не веря своему предположению, он наконец подошел к мертвецу и, осмотрев его при свете светильника и убедившись в том, что магистр действительно мертв, он и впрямь счел себя убийцей, решив, что все так и произошло, как ему показалось. Он впал в смертельную тоску, так как опасался, что будет, вследствие вражды своей к магистру, заподозрен в нанесении ему смертельного удара, и, предвидя, что придется ему расстаться с жизнью, несколько раз собирался уже повеситься. Но, хорошенько обдумав дело, он решил вынести труп из монастыря и бросить на улицу, чтобы избавиться в будущем от всяких подозрений и обвинений,

которые, по указанной причине, могли бы быть на него возведены. И, когда он уже намеревался осуществить задуманное, ему пришло на ум постыдное и всем известное ухаживание магистра за донной Катариной, которую тот непрестанно преследовал; и он сказал себе: «Куда мне отнести его, как не к дому мессера Родерико? Это очень легко, так как дом его по соседству, и таким образом я меньше всего навлеку на себя подозрение, так как наверно подумают, что магистр был убит по приказанию рыцаря в то время, как пробирался к его жене».

Сказав это и твердо держась своего решения, монах с превеликим трудом взвалил себе на плечи покойника и отнес его к той самой двери, откуда за несколько часов перед тем магистр был вынесен мертвым. Оставив его здесь, он вернулся никем не замеченный в монастырь.

И хотя монаху казалось, что средство, к которому он прибег, обеспечивало ему безопасность, тем не менее он решил под каким-либо вымышленным предлогом покинуть город; и, остановившись на этой мысли, он пошел к настоятелю и сказал ему:

— Отче, позавчера, за отсутствием вьючных животных, я оставил большую часть нашего сбора неподалеку от Медины, в доме одного преданного нам человека, а потому я бы хотел отправиться за нашим добром, захватив с собой нашу монастырскую кобылу. С божьей помощью я возвращусь оттуда завтра или послезавтра.

Настоятель не только дал ему разрешение, но и весьма похвалил его за усердие. Получив этот ответ, справив свои делишки и взнуздав кобылу, монах стал дожидаться зари, чтобы пуститься в путь. Мессер Родерико, почти или совсем даже не спавший ночью, так как он сомневался в исходе дела, с приближением дня остановился на мысли послать своего слугу, чтобы тот, обойдя кругом монастырь, послушал и разузнал, не нашли ли монахи мертвого магистра и что они говорят по этому поводу. Слуга, выходя из дому, чтобы исполнить приказание, нашел магистра Диэго сидящим перед входной дверью, словно на диспуте; зрелище это внушило слуге немалый страх, какой обычно вызывает вид мертвецов; возвратясь в дом, он тотчас же позвал своего синьора и, едва владея языком, рассказал ему, что тело магистра принесено к ним обратно. Рыцарь премного удивился такому случаю, повергшему его в еще большее смущение; однако, ободрив себя мыслью о том, что дело его, как он думал, правое, он решил со спокойной душой ждать исхода и, обернувшись к мертвецу, сказал:

— Итак, тебе суждено быть язвой моего дома, от которой я не могу уберечься,— все равно, жив ты или мертв! Но назло тому, кто притащил тебя сюда, ты вернешься к себе обратно не

иначе как верхом на таком животном, каким ты сам был при жизни.

И, сказав это, он приказал слуге привести из конюшни одного из соседей жеребца, которого хозяин держал для городских кобыл и ослиц и который пребывал там наподобие ослицы Иерусалимской. Слуга пошел весьма поспешно и привел жеребца с седлом и уздой и всей прочей сбруей, находившейся в полной исправности; и, как уже решил рыцарь, они посадили мертвеца на лошадь, подперев его и привязав как следует, и, снабдив его копьем, которое они укрепили на башмаке мертвеца, они вложили ему в руки поводья, так что можно было подумать, что они собирались отправить его на бой. Снарядив его таким образом, они отвезли магистра к паперти монастырской церкви и, привязав его там, возвратились домой.

Когда монаху показалось, что ему уже пора отправиться в задуманное путешествие, он открыл ворота и затем, сев на кобылу, выехал на улицу. Здесь перед ним оказался магистр, снаряженный так, как уже было о том рассказано; казалось, он угрожал монаху копьем и готовился поразить его насмерть. При виде такого зрелища монаху пришла в голову дикая и страшная мысль, именно — что дух магистра, как верят тому некоторые глупцы, возвратился в его тело и в наказание за грехи обречен преследовать своего убийцу. А потому монах был поражен таким ужасом, что едва не свалился замертво. И в то время как он стоял так словно громом пораженный, от страха не зная, в какую сторону повернуть, до жеребца донесся запах кобылы, и он извлек свою стальную булаву и, заржав, хотел к ней приблизиться. Такое поведение жеребца еще более испугало монаха; однако он пришел в себя и хотел направить кобылу на настоящую дорогу, но она повернула корму в сторону жеребца и начала лягаться. Монах отнюдь не был лучшим наездником на свете и чуть было не свалился. Не дожидаясь второй подобной встряски, он крепко сжал лошади бока, вонзил в них шпоры, вцепился обеими руками в седло и, бросив поводья, пустил животное по воле судьбы. Кобыла, почувствовав, что шпоры сильно врезаются в ее бока, оказалась вынуждена бежать наугад по первой попавшейся дороге.

Жеребец же, видя, что добыча его ускользает, в ярости порвал слабые узы и буйно понесся за нею вслед. Бедный монашек, чувствуя позади себя врага, обернулся и увидел его плотно сидящим в седле с копьем наперевес, словно он был отменным бойцом. Эта новая опасность прогнала страх перед первой, и монах стал кричать:

— На помощь, на помощь!

Так как уже рассвело, то на его крики и шум, производимый

мчавшимися без узды скакунами, все стали выглядывать в окна и в двери; и каждому казалось, что он лопнет от смеха при виде столь нового и необычайного зрелища, каким было это преследование вскачь одного минорита другим, причем оба они в равной мере походили на покойников. Кобыла, предоставленная самой себе, неслась по улицам то туда, то сюда, в ту сторону, куда ей заблагорассудится; жеребец же скакал за ней, не переставая яростно ее преследовать, так что не приходится даже спрашивать, не грозила ли монаху опасность быть раненным копьем.

Огромная толпа испускала вслед им крики, свист и вой, и повсюду слышно было, как кричали: «Стой, хватай!» Одни бросали в них камни, другие ударяли жеребца палками, и каждый изощрялся, стараясь разъединить их, но не столько из сострадания к несущимся вскачь, сколько из желания узнать, кто они такие, так как вследствие быстрого бега лошадей нельзя было разглядеть всадников.

Наконец злосчастные наездники случайно повернули к одним из городских ворот. Там их обступили и схватили обоих, и мертвого, и живого; и велико было общее удивление, когда их узнали. И как сидели она на лошадях, так и были отведены в монастырь, где их встретили с неописуемой скорбью настоятель и вся братия. Мертвого похоронили, а для живого приготовили веревку. После того как монаха связали, он, не желая подвергаться пытке, чистосердечно сознался в том, что убил магистра. Правда, однако, что он не мог догадаться, кто посадил мертвеца на лошадь. Благодаря этому признанию его не вздернули на дыбу, однако подвергли жестокому заключению; затем было сделано распоряжение о том, чтобы епископ города лишил его монашеского сана и передал светским властям, дабы те судили его как убийцу, согласно обычным законам.

Случайно в те дни прибыл в Саламанку король Фернандо, и когда ему рассказали о происшедшем, то, несмотря на всю свою сдержанность и на то, что он очень скорбел по поводу смерти столь знаменитого ученого, он все же не в силах был устоять против забавности этого происшествия и стал вместе со своими баронами так сильно над ним смеяться, что едва мог удержаться на ногах. Когда уже наступил срок исполнения несправедливого приговора над монахом, мессер Родерико, который был доблестным рыцарем и любимцем короля, рассудил, что его молчание будет единственной причиной столь великой несправедливости. Побуждаемый любовью к правде, он решил скорее умереть, чем скрыть истину в столь важном деле. И, придя к королю, он в присутствии баронов и множества народа сказал ему:

— Синьор мой, с одной стороны, суровый и несправедливый приговор, вынесенный неповинному францисканцу, с другой стороны, желание не скрывать истину заставляют меня вмешаться в это дело. И потому, если ваше величество пожелаете простить настоящего убийцу магистра Диэго, я сейчас призову его сюда и заставлю рассказать по правде, со всеми доказательствами и во всех подробностях, как это на самом деле произошло.

Король, будучи милостивым государем и желая узнать истину, не поскупился на просимое прощение. Получив его, мессер Родерико в присутствии короля и всех окружающих рассказал точнейшим образом с самого начала и до рокового и последнего часа жизни магистра все подробности, относящиеся к ухаживанию монаха за его женой, а также обо всех письмах, посланиях и прочих проделках минорита. Король уже ранее выслушал показания монаха и, так как они, по его мнению, сходились с показаниями мессера Родерико, то, зная его за честного и превосходного рыцаря, он отказался от дальнейших допросов и дал полную веру его словам; но, раздумывая о подробностях этого запутанного и странного случая, он и удивлялся, и скорбел, а иногда и искренно смеялся. Однако, чтобы воспрепятствовать исполнению несправедливого приговора над невинным, король призвал настоятеля и вместе с ним также и бедного монаха и рассказал им в присутствии баронов, прочих дворян и представителей народа о том, как на самом деле все произошло; на основании этих данных он приказал тотчас же освободить монаха, приговоренного к жестокой смертной казни. И когда приказ был исполнен, то монах, доброе имя которого было теперь восстановлено, вернулся домой в самом веселом настроении. Мессер же Родерико, получив прощение, удостоился сверх того и самых высоких похвал за свое поведение в этом деле. И, таким образом, весть о случившемся, возбуждая немалую радость, была разнесена быстрою молвою по всему Кастильскому королевству, а затем рассказ об этом достиг и наших краев и был передан в кратких словах тебе, могущественнейший король и господин наш; и я задумал, чтобы изъявить покорность твоим повелениям, сделать этот рассказ достойным вечной памяти.

М А З У Ч Ч О

Свойство и стиль странных, необычных и немыслимых случаев, о которых рассказано в новелле, знаменитейшая моя Мадонна, не сомневаюсь, будут для тебя и для слушателей, после их смеха, поводом сказать, что наш магистр Диэго был достойным образом вознагражден своей пылкой любовью. И помимо этого

кажется мне несомненным, что некоторые скажут, что, если бы он был братом-спиритуалом или соблюдающим правила, он не предавался бы подобным беспорядочным сладострастным утехам и его не ожидала бы из-за этого тяжкая смерть. И хотя в других частях этого моего небольшого сочинения мы, предлагая вопросы и отвечая на них, дадим удовлетворение таким глупцам, проведя различие между жизнью и действиями конвентуалов и соблюдающих правила, тем не менее мне надлежит вкратце коснуться этого предмета и сказать, что для всего христианского мира было бы несомненно лучше, если бы у нас не было другой религии, кроме той, которую Христос оставил нам на земле через славного апостола Святого Петра; и хотя она отчасти извращена, все-таки ее служители, а также те братья, которые зовутся конвентуалами, нам ясно показывают, как и что из нее мы должны от них оберегать, потому что вся их наружность, все и в их одежде, и в походке, и в любом другом действии — не что иное, как ужасающие крики и вопли, гласящие: «Не доверяйте нам!» По этой причине их стоит не только не порицать, но скорее хвалить за то, что они не хотят обманывать других ханжеством, плохой одеждой и лицемерным видом; каждый, кто обладает хоть крупицей разума, может вынести об этом верное суждение.

Но если бы всем тем, кто наделен волчьим умом, да и нам они явились бы в шкуре кротких ягнят, случилось бы то, что произошло с названным магистром; я не сомневаюсь, они старались бы ежечасно заражать наши компании. Укрепи, господи, слабый разум глупых мирян, которые не умеют распознавать множества подобных монахов, что украли свое искусство у шарлатанов и, разглагольствуя, ходят по королевствам и иным странам с девятью способами обмана, лодырничая, воруя и предаваясь сладострастию, а когда все это искусство оставляет их, они притворяются святыми и изображают, что творят чудеса, и кто-то расхаживает с плащом святого Викентия, а кто-то с орденом святого Бернардина, другие же с недоуздком осла Капистрано, и при помощи тысячи других дьявольских ухищрений они подчиняют себе и наши способности, и нашу честь. И хотя шум о таких их проделках разносится по всему свету, тем не менее в следующей новелле, посвященной светлейшему государю, твоему достойнейшему супругу, ты услышишь об интереснейшей шутке, которую сыграл со знаменитейшей немецкой дамой один монах-доминиканец, принявший облик самый святейший, будучи подлинным дьяволом. Из случившегося с ней злоключения мы сможем вывести, что, чем прямее и выше деревья, с тем

большей отвагой и дерзостью начинают
работать топоры, дабы повергнуть
их наземь, как это будет сейчас
тебе показано.



НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один монах-доминиканец дает знать мадонне Барбаре, что она зачнет от праведника и произведет на свет пятого евангелиста; с помощью этого обмана он ею овладевает, и она становится беременной; затем, прибегнув к новому обману, он спасается бегством.

Светлейшему государю Альфонсу Арагонскому, достойнейшему герцогу Калабрийскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Есть люди, светлейший господин мой, которые, желая изобразить ум и честность и намереваясь показать себя перед простыми людьми добрыми и украшенными всяческими добродетелями, постоянно ведут беседы с монахами, так что можно видеть, как они твердят «Отче наш» и пасутся у ног святых; а насколько проделывающие все это запятнаны на самом деле отвратительными грехами и низкими пороками, об этом могут доподлинно свидетельствовать те, кто водит с ними близкое знакомство. Эти самые лицемеры постоянно меня язвят и терзают, потому что, говорят они, я так направил свое перо и язык, что, кажется, ни о чем другом не умею рассуждать и писать, как только против монахов, которые, как они говорят, в большинстве своем соблюдают правила, а если среди них и есть какой-нибудь злодей, то число хороших, как они рьяно утверждают, бесконечно. А поскольку я не хотел бы, чтобы меня хвалили вышеназванные лицемерные клеветники, я тем не менее скажу им в качестве своего неизменного ответа, что видимые всеми преступления, совершаемые злыми монахами каждый день повсюду и все с новыми уловками и различными изобретениями, постоянно подтверждают мою правоту. А со стороны тех, кто дружит

с правдой и честностью и понимает их, повествование мое будет сопровождаться постоянными похвалами.

Итак, мой благороднейший господин, мне надлежит сказать в связи с этим, что намного легче найти среди ста солдат пятьдесят хороших, чем среди целого капитула братьев отыскать одного без ужаснейшего пятна; тем не менее, если бы хороших было больше, чем плохих, отсюда последовало бы не меньшее неудобство, поскольку случается, что в опасных сражениях больший ущерб наносит один подлый трус, чем приносят пользы десять смельчаков. Не иначе случается и с бедными мирянами, которые более доверяют монахам, чем того требует нужда; ибо большее разорение, позор и вред принесет знакомство и беседа со страшным злодеем и мошенником монахом, чем можно извлечь удобств из совершенств ста хороших братьев. Для них, мне кажется, было бы достойным наказанием сказать не что иное, как то, что бог может быстро разрушить Чистилище, и они, не будучи в состоянии жить подаянием, будут вынуждены взяться за лопату; от которой большая часть из них и ведет свое происхождение. Однако я хочу в этой моей правдивейшей истории, посвященной тебе, моему земному божеству, несколько отойти от их общего осуждения, но, обратясь к отдельному человеку, показать тебе, как один брат-проповедник, высоко ценимый среди доминиканцев, с помощью интереснейшей шутки поймал в свои лисьи сети одну из самых знаменитых дам во всей Германии. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Рассказывали мне, с ручательством за истину, что в недавнее время в Германии жил знатный синьор, герцог Ланцхетский, и был он богаче всех прочих немецких баронов и драгоценностями и деньгами. Судьба даровала ему только одну дочку, которую звали Барбара. И не только как единственная дочь была она горячо любима своим отцом, но и по красоте своей была она признана единственной во всей Германии. Еще в детском возрасте, вдохновляемая, может быть, духом святым, а то, пожалуй, под влиянием скорей ребяческой прихоти, чем зрелого размышления, дала она торжественный обет соблюсти девственность в течение всей своей жизни. И вот посвятила она свою девственность Иисусу Христу, и, украсившись всяческими добродетелями и похвальными обычаями так, что при первом взгляде уже казалась юной святой, достигла она брачного возраста. Узнав же, что многие бароны настоятельно просят у отца ее руки, она почувствовала себя вынужденной объявить о своем решении.

Когда она открыла его отцу и матери, то, несмотря на ее умелую речь, родители были, не без основания, крайне огорчены этим известием. Но хотя они применяли и угрозы и ласки, чтобы заставить дочь отказаться от ее упорства, они убедились, что она отнюдь не склонна сойти с этой дороги, на которую вступила; и тогда со скорбью, равной которой никогда еще не испытывали, они решили оставить ее в покое и довериться в этом деле благодетельной природе. Барбара же, после того как объявила о своей воле, превратила комнату свою в благочестивую молельню и не только проводила почти все свое время в молитвах, но и изнуряла нежнейшее тело свое постом и бичеванием так, что было это всем на удивление.

Молва о такой святости прошла по всей Германии, Верхней и Нижней, и дошла даже до наших италийских пределов, благодаря чему в окрестностях города, где жил герцог, в кратчайшее время собралось бесчисленное множество всяких монахов, разными выдумками оправдывавших свое прибытие. И как коршуны и голодные волки сбегаются к смердящей падали, сбежались они, чтобы заполучить в добычу честь и имущество столь высокой и редкой дамы. Среди них был один бездельник-монах, имени которого я не знаю или не хочу назвать. Умолчу и о том, был он итальянцем или немцем, так как имею для этого уважительную причину. Этот монах, заслуживший в ордене святого Доминика славу великолепного проповедника, исколесил все варварские германские земли, прибегая к величайшим плутням, показывая рукоять ножа, которым был убит святой Петр Мученик, и разные безделушки, относящиеся к святому Викентию, проделывая другие подобные штучки и творя, по мнению многих глупцов, бесчисленные чудеса.

Когда молва о нем достигла мадонны Барбары, то желание его исполнилось и расчеты оправдались, так как благочестивая девушка пожелала увидеть его и приказала позвать к себе. Монах тотчас же отправился к ней с обычными своими церемониями; дочь герцога, приняв его и почтив как святого, поведала затем доминиканцу о своем неизменном решении и просила его как милости, чтобы он дал ей совет и оказал помощь в деле спасения души. Монах хорошо присмотрелся к ее скорее небесным, чем земным прелестям и, будучи человеком молодым и крепким, сразу же в нее влюбился и по временам испытывал столь сильные приступы вожделения, что готов был лишиться чувств. Однако, овладев собой, он воздал в благолепных выражениях хвалу ее святому и дивному намерению, непрестанно славя и благословляя божественный промысел, избравший среди этого обманом полного мира столь достойную деву; он постарался убедить также и ее родителей в том, что столь прекрасная склонность их

дочери принесет пользу не только ей одной, но также и всем остальным женщинам, настоящим и будущим; и на том основании, что общение с мирянами было бы для нее опасным, он утвердил ее в намерении покинуть мир и вместе с другими девственницами вступить в один из монашеских орденов, чтобы таким образом послужить созданию на земле новой общины дев обрученных Христу. После долгих бесед с герцогом и его супругой монаху удалось убедить их; и так как все сочли совет его превосходным, святым и на непреложной истине основанным, то родители, желая вместе с тем сделать приятное Барбаре, построили в кратчайший срок большой и роскошный монастырь и, по желанию монаха, посвятили его святой Екатерине Сиенской для того, чтобы он не перешел как-нибудь в чужие руки; и Барбара затворилась в нем вместе с множеством других благородных девиц. И здесь, приняв правила и обычаи, указанные им нашим монахом, они положили начало святому и благолепному уставу; и все это имело такой вид, что никто, кроме бога, единственного сердцеведца, проникающего в тайные помыслы, не мог бы дознаться, что царь бесовский вполне овладел полной скверны душой этого распутника.

Он же, чтобы следить за тайными помыслами дев, постоянно убеждал их, что не знает более спасительного и действительного средства против соблазнов вражеских, как частая исповедь; и, подвергаясь ей, они сделали хищного волка господином своего благочестивого стада, причем ни одна из них не проникла в его тайные козни. Когда же он увидел, что как следует приручил их, то решил, не медля долее, удовлетворить свою постыдную похоть; и однажды вечером, завладев тайком книжечкой Барбары, в которой были записаны некоторые благочестивые молитвы и находились изображения различных святых, а также святого духа, он против уст его сделал золотыми буквами следующую надпись: «Барбара, ты зачнешь от праведника и родишь пятого евангелиста, который восполнит недосказанное остальными; и ты пребудешь непорочной и будешь блаженной пред лицом господа». И, сделав это и закрыв книгу, он с утра заблаговременно положил ее в том самом месте, откуда взял вечером. Он изготовил еще много листков с надписями такого же содержания, сделанными золотом и лазурью, и спрятал их, выжидая, когда представится случай ими воспользоваться.

Барбара, придя в обычное время в келью для положенных молитв и раскрыв страницу с изображением святого духа, совсем растерялась при одном взгляде на надпись; немного придя в себя, она ознакомилась с содержанием этого плачевного благовестия, и оно дало ей достаточное основание для удивления, смятения и тоски. Перечитывая надпись, она с каждым разом терзалась все

более, и тяжелое беспокойство овладело ее юным женственным и непорочным сердцем. Полная удивления, прервала она начатую молитву и поспешно направилась к своему духовному отцу; она отвела его в сторону и, угнетенная и побежденная ребяческим страхом, плача показала ему книгу с золотой надписью. Монах, едва взглянув, прикинулся крайне пораженным и, осенив себя крестным знамением, обратился к девушке в таких выражениях:

— Дочь моя, я полагаю, что это — искушение дьявола, который, в злобе на вашу чистоту, хочет расставить перед вами свои путы, чтобы низвергнуть вас в бездну вечной гибели; а потому я приказываю тебе во имя господа и святого послушания, чтобы ты некоторое время не давала веры ни этому, ни чему-либо подобному; однако премного хвалю тебя за то, что ты все мне открыла, и поступай так же и впредь, и я увещеваю тебя и накладываю на тебя епитимью, требуя, чтобы ты немедленно прибегла к святой исповеди — лучшему средству от этих коварных козней. Итак, будь сильной и стойкой в сражении с проклятым врагом божьим — и ты будешь увенчана за победу твою двойной пальмовой ветвью, ибо добродетель, побеждающая вопреки слабости, становится совершенством.

Произнеся еще много подобных, столь же благочестивых слов, он успокоил ее своей мошеннической болтовней и затем, уйдя от нее, согласно заранее обдуманному плану, позвал к себе одного из своих служек и спрятал его в комнате дамы. Он снабдил его несколькими из тех листков, о которых было сказано выше, и объяснил, когда нужно будет их подбросить. Благородная девица вошла в комнату и тотчас же стала на молитву, со смиренным сердцем моля бога, чтобы он просветил ее насчет случившегося. Но внезапно она почувствовала, что на колени к ней упал один из этих листков. Она подняла и прочла его; и, видя, что листок великолепно разукрашен и что он подобными же словами подтверждает пророчество о воплощении нового евангелиста, Барбара сразу задрожала и хотела встать. Но за первым листком последовали второй и третий, и, прежде чем она успела выйти, их упало до десяти. Видя это, девушка в сильном страхе покинула келью и, позвав монаха, вся бледная, показала ему листки. Преподобный волк, прикинувшись изумленным, сказал:

— Дочь моя, это дело, способное вызвать величайшее удивление, и такого рода, что нельзя его оставить без зрелого размышления, потому что здесь, быть может, явила себя божественная сила; но возможно, что и иная. Итак, мне кажется, что не следует ни спешить с верою, ни упорствовать в прежнем заключении; скорее подобает нам прибегнуть к святой молитве, и ты, с одной

стороны, а я, с другой, будем просить бога, чтобы по совершенной и нескончаемой благости своей он удостоил нас своей милости и подал знак, по которому мы могли бы судить, какого рода это откровение — благо ли в нем или зло, и что нам делать: следовать ему или спасаться от него. А кроме того, я хочу завтра отслужить мессу в твоей келье. И, вооружась древом честного креста господня и другими святынями, побеждающими дьявольские козни, мы посмотрим, какое указание даст нам всемогущий бог.

Барбара сочла эти советы святыми и достойными исполнения, и потому согласилась, чтобы все так и было сделано.

На следующий день вставший заблаговременно монах привел в порядок все свои снаряды для службы сатане, велел служке отправиться на прежнее место, а затем сам пошел в келью дамы. Принятый ею с почтением, он начал благоговейно служить мессу; и с самого начала и до конца служка не переставал бросать листки, которыми монах снабдил его в изобилии. Молодая девушка убедилась в том, что эти многочисленные и непрекращающиеся послания говорили все об одном; вместе с тем моления, бдения и другие благочестивые упражнения укрепили ее в желании верить, и ей стало казаться, что это откровение поистине исходит от святого духа. И, гордясь в сердце своем таким счастьем, она сочла себя блаженной и поверила, что ей подлинно уготовано то, на что указывали надписи.

Монах же, полагавший, что пора уже сорвать в этом пышном саду последний и самый сладостный плод, сказал:

— Дочь моя, эти явные и столь многочисленные указания убеждают меня, что в деле этом — божья воля и что дальнейшие попытки получить новые подтверждения были бы с нашей стороны самонадеянным дерзанием исследовать то, что проистекает от божественного разума, который, как видишь, открыто указывает нам на свою волю, желая, чтобы столь высокое сокровище появилось на свет из твоего благодатного сосуда. Однако, уже не поддаваясь сомнению, а желая лишь окончательно убедиться в сказанном, посмотрим, не пророчит ли об этом в какой-либо части своей Священное писание.

И, взяв тотчас же Библию и раскрыв ее на заранее отмеченной им странице, он нашел в Евангелии от Иоанна то место, в котором говорится: «Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей». И, прочтя это, он обернулся к Барбаре и сказал ей:

— В ином свидетельстве нет нам нужды: вот и все наши сомнения рассеялись; поистине это будет тот, о ком говорит нам евангелист, и он восполнит то, о чем умолчали другие; и посему всякие сомнения отныне не только излишни, но даже неуместны; и я предоставляю бремя их тебе одной, если ты еще не уверилась.

Отвечая на его последние слова, дама сказала:

— Горе мне, отче, за что мне эти речи? Разве не знаете вы, что все мое благо и упование — в том, чтобы вверяться вашему совету? Итак, я всегда буду склонна исполнить все, что вы пожелаете.

Видя, что замысел в таком положении, что остается только завершить его на деле, монах сказал:

— Дочь моя, ты говоришь мудро; однако у меня в душе остается сомнение: как найдем мы лицо, к тому подходящее и которому могли бы мы довериться, принимая во внимание, что весь мир полон обмана и предательства?

Барбара в своей невинности ответила ему на это:

— Отче, в наших писаниях сказано, что тот, кто сотворит это, будет праведен и свят, как вы; и я не знаю никого другого, кто бы более, чем вы, подошел для того, чтобы совершить это со мной, в особенности потому, что вы мой духовный отец.

На это монах ответил:

— Не знаю, как могло бы это совершиться через меня, так как и я ведь дал обет всю жизнь мою соблюдать целомудрие; однако лучше согрешить мне, чем допустить, чтобы твое непорочное и нежнейшее тело было осквернено чужими руками. Кроме того, это должно послужить на благо христианской вере, а потому я готов. Однако я не премину напомнить, что тебе следует остерегаться и ни с кем не говорить об этом, так как я не сомневаюсь, что бог прогневается, если кто-либо о том проведает, и как ныне ты по справедливости можешь считаться самой блаженной из жен века сего, так тогда ты станешь неугодной богу и мятежницей.

Благородная девица, ничего не возражая, заверила его всякими клятвами, что никому на свете этого не откроет.

— В таком случае, — сказал монах,— сегодня вечером во имя господне, не медля долее, приступим к совершению; но так как сочетаться мы будем во славу всевышнего, то до самого того времени нам следует пребывать в святой молитве, чтобы в благоговении приступить к этому святому, божественному таинству.

Так заключил он свою речь и, после того как девушка проводила его к выходу, вернулся в свою келью; и, помня о том, что от его плодоносного семени должен будет родиться святой евангелист, он не стал в этот день осквернять свое тело той грубой заурядной пищей, которую часто принимал, чтобы обмануть других, но подкрепил себя как следует отборнейшими и великолепно приготовленными яствами и превосходными винами. Когда же наступил вожделенный час, он пробрался скрытыми путями в комнату Барбары, которая, постясь и проливая слезы, все

время неустанно молилась. Увидя своего духовного отца, она встала и почтительно приветствовала его. Несмотря на то что монах был одержим сильным желанием насладиться женщиной и изведать ее очаровательных объятий, вследствие чего каждое мгновение превращалось для него в тысячелетие, он, однако, решил, что не начнет любовной игры какой-нибудь похотливой лаской, а сначала убедится, так же ли она прекрасна нагая при свете факелов, как являет ее в одеждах дневной свет, и поэтому он приказал ей раздеться донага. Исполняя это во имя послушания, Барбара испытывала величайший стыд; он же, оставшись в одной рубашке, зажег два больших факела и поместил девушку между ними. Смотря на ее нежнейшее, цвета слоновой кости тело, побеждавшее сверканием своим свет зажженных факелов, он был охвачен и побежден таким вожделением, что упал замертво в ее объятия; а придя в себя, он стал перед ней на колени и, усадив ее прямо перед собой, подобно мадонне на престоле, сказал так:

— Поклоняюсь тебе, благодатное чрево, в котором должен быть зачат светоч всего христианства.

И, сказав это и поцеловав девственную ее лилию, он страстно припал к ее нежнейшим розовым устам и, не расставаясь с ними ни на мгновение, заключил девушку в объятия и бросился с нею на приготовленную постель. И всякий легко может себе представить, чем занимались они всю ночь; мне же доподлинно известно, что они не только в согласии с тем, что было открыто девушке, дошли до пятого евангелиста, но и до семи даров духа святого.

И хотя Барбара принимала эту пищу лишь в качестве духовной, однако, поразмыслив наедине, она решила, что это самое приятное и сладостное, что только может совершить или отведать смертный. И так как игра эта под конец ей понравилась, то, для того чтобы иметь полную уверенность в зачатии будущего евангелиста, они каждую ночь все с большим рвением сходились для любовных сражений, и, продолжая наслаждаться таким образом, она и вправду забеременела; а когда несомненные признаки убедили в том обоих, монах, опасаясь за свою жизнь, сказал:

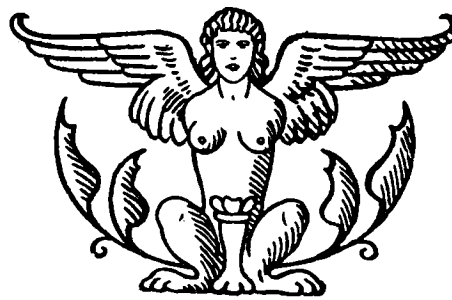
— Дочь моя, ты видишь, что, как того пожелал господь, мы уже достигли цели, к которой стремились: ты беременна и, с помощью творца, должна родить. Я намереваюсь потому обратиться к святейшему папе и сообщить ему об этом божественном чуде, чтобы он послал сюда двух своих кардиналов, которые объявят младенца святым при самом его рождении, вследствие чего он будет возвеличен и чтим превыше всех святых.

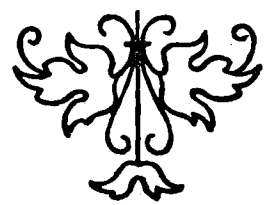
Девушкой, которая, как сказано, была очень чиста и потому легко поверила этому, овладело новое честолюбивое мечтание, и ей было приятно, что ради нее монах отправится в этот путь. Он же, видя ясно, что с каждым днем сосуд нового евангелиста увеличивается, быстро собрался в дорогу и, получив от Барбары кое-что для подкрепления своего чрева и простившись с нею не без огорчения, отправился в путь. В скором времени он находился уже в Тоскане. Что делал он потом и где бывал, обманывая других новыми хитростями и уловками, пусть поразмыслит об этом тот, кем не владеет страсть; следует, однако, считать за достоверное, что всюду, куда только прибывал этот предтеча антихриста, он давал предвкушать всем, кто в него верил, божественность райского бытия ангелов. Что сталось с Барбарой, оставшейся беременной и долго напрасно ждавшей обещанных кардиналов, и как разрешилась она от бремени — ничто не побуждает меня заняться выяснением этих обстоятельств. Но я знаю, что таковы бывают плоды, листья и цветы, приносимые общением с этими плутами-монахами.

М А З У Ч Ч О

И какая же человеческая душа окажется способной устоять в стольких сражениях, сколько, как мы видим, постоянно устраивают, обманом и предательством, эти, не скажу — святые, братья, но, скорее, слуги самого дьявола? И так как они недавно заметили, что те, кто обладает разумом, распознают все грязные стороны их извращенной жизни, то как последнее средство они решили притворяться святыми. А чтобы заставить набожных людей поверить в их очевидные обманы, а легковерных — коснуться их рукой, они, говорю я, отыскивают тех, кто едва избежал виселицы и пребывает в крайней нужде, и, подкупив их небольшим количеством денег, они заставляют их притворяться — кого скрюченным, кого слепым, а кого пораженным неизлечимыми болезнями; и когда они видят, что собралась большая и плотная толпа несведущих людей, которые и не знают, кого послушать, эти обманщики велят всем этим приговоренным к смерти убийцам подходить к ним, дабы, прикоснувшись к краям их одежд, обладающих, по их словам, свойствами мощей прежних святых, возопили они громким голосом, что, дотронувшись до святого проповедника, они чувствуют себя исцеленными от болезни и в связи с этим молят о пощаде; и тут начинают звонить в колокола, устраивают длинные процессии и записывают об этом в хроники. И вот благодаря таким дьявольским уловкам молва летит и распространяется из одного королевства

в другое, пока волей-неволей не случается так, что тот, кто распознал их обманы, не объявит, что лжи верят как истине, однако простой народ и лицемеры держат и считают его за еретика. А то, что это именно так, помимо очевидных фактов, которые мы все видели в наше время, подтверждает и только что рассказанная новелла, показавшая нам плоды, которые приносит их показная святость; и хотя подобает испытывать заслуженную скорбь и сострадание в связи с теми обманами, которые столь подлый обманщик совершил по отношению к названной благородной даме, то, что последует ниже,
будет воспринято не без величайшего удовольствия
и радости.







НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Брат Николо́ да Нарни, влюбленный в Агату, добивается исполнения своего желания; является муж, и жена говорит ему, что монах с помощью некоторых реликвий освободил ее от недуга; найдя штаны у изголовья кровати, муж встревожен, но жена говорит, что это — штаны святого Гриффона; муж верит этому, и монах с торжественной процессией относит штаны домой.

Славнейшему поэту Джованни Понтано

П О С В Я Щ Е Н И Е



сли от разных друзей, как от самого себя, великолепный мой Понтано, ожидают восхвалений и всяких приятных слов, то и я, хотя я и принадлежу к числу твоих самых незаметных друзей, считаю, однако, своим долгом стремиться всячески тебе угодить. Зная же, что ты наделен таким числом редчайших достоинств, что мы можем по заслугам называть тебя светочем риториков и зерцалом поэтов, не говоря о других замечательных качествах, коими ты обладаешь, и видя, что они замараны лишь одним пятном, которое легко можно смыть, я никоим образом не захотел умолчать о нем: это постоянное и тесное твое общение с монахами разного рода́. Ты можешь сам рассудить, что это является для человека твоего благородства бо́льшим и более предосудительным недостатком, чем стакнуться с еретиками, ибо с ними общаются лишь ростовщики, развратники и злонамеренные люди для того только, чтобы под видом такой лицемерной беседы можно было обмануть товарища. А поскольку ты не волк, то и не следует подбивать свой плащ его шкурой; сверни, прошу тебя, со столь предосудительной и вредоносной дороги и окончательно решись не только совсем отказаться от такого общения, но и навечно изгнать их из своего

дома, как если бы они были больны заразнейшей чумой. И, сделав это, ты отведешь в будущем от себя всякое подозрение, а им не дашь возможности проникать через врата твоей дружбы и отравлять своим присутствием общество твоих друзей, как они имеют обыкновение это делать. А чтобы не видеть, как ты устремляешься к означенной пропасти, помимо приведенных рассуждений моих я покажу тебе, с помощью моего повествования и как пример для твоих будущих поступков, в нижеследующей новелле, тебе посвященной, какой плод принесла дружба одного святого монаха с медиком из Катании, более чем другие ему приверженным, хотя он и был весьма ревнивым, и как с помощью наитончайших уловок этот бедняга был предан и обведен вокруг пальца женой и братом-монахом.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Как хорошо известно, благородная и славная Катания считается одним из самых значительных городов острова Сицилии. Не так давно там жил некий доктор медицины, магистр Роджеро Кампишано. Хотя он и был отягчен годами, он взял в жены молодую девушку. Звали ее Агатой, происходила она из очень почтенного семейства названного города и, по общему мнению, была самой красивой и прелестной женщиной, какую только можно было найти тогда на всем острове, а потому муж любил ее не меньше собственной жизни. Но редко или никогда даже такая любовь не обходится без ревности.

И в скором времени, без малейшего повода, доктор стал так ревновать жену, что запретил видеться не только с посторонними, но и с друзьями и родственниками. И хотя магистр Роджеро, как казначей миноритов, их поверенный, словом — как лицо, посвященное во все их дела, был у них своим человеком, все же для большей верности он приказал своей жене избегать их общества ничуть не менее, чем общества мирян. Случилось, однако, что вскоре после этого прибыл в Катанию минорит, которого звали братом Николо́ да Нарни. Хотя он имел вид настоящего святоши, носил башмаки с деревянными подметками, похожие на тюремные колодки, и кожаный нагрудник на рясе и хотя он был полон ханжества и лицемерия, тем не менее он был красивым и хорошо сложенным юношей. Этот монах изучил богословие в Перуджии и стал не только славным знатоком францисканского учения, но и знаменитым проповедником; кроме того, согласно его собственному утверждению, он был прежде учеником святого Бернардина, от которого, как говорил, получил некие реликвии, чрез чудесную силу которых бог явил и являет

ему постоянно многие чудеса. По этим причинам, а также благодаря благоговейному отношению всех к его ордену проповеди его вызывали огромное стечение народа. И так случилось, что однажды утром во время обычной проповеди он увидел в толпе женщин мадонну Агату, показавшуюся ему рубином в оправе из множества белоснежных жемчужин; поглядывая на нее по временам искоса, но ни на мгновение не прерывая своей речи, он не раз говорил себе, что можно будет назвать счастливцем того, кто заслужит любовь столь прелестной женщины. Агата, как это обыкновенно бывает, когда слушают проповедь, все время смотрела в упор на проповедника, который показался ей необычайно красивым; и ее чувственность заставляла ее втайне желать, чтобы муж ее был таким же красивым, как проповедник; она подумала также, а потом и решила пойти к нему на исповедь. Приняв это решение, она направилась к монаху, как только увидела, что тот сходит с кафедры, и попросила его назначить ей время для исповеди. Монах, в глубине души испытавший величайшее удовольствие, чтобы не обнаружить своих позорных помыслов, ответил, что исповедь не входит в его обязанности. На это дама возразила:

— Но, может быть, ради моего мужа, магистра Роджеро, вы согласитесь сделать исключение в мою пользу!

Монах ответил:

— Так как вы супруга нашего уполномоченного, то из уважения к нему я охотно вас выслушаю.

Затем они отошли в сторону, и, после того как монах занял место, полагающееся исповеднику, дама, опустившись перед ним на колени, начала исповедоваться в обычном порядке; перечислив часть своих грехов и начав рассказывать затем о безмерной ревности мужа, она попросила монаха как милости, чтобы он своей благодатной силой навсегда изгнал из головы мужа эти бредни; она думала, впрочем, что недуг этот, пожалуй, можно исцелить теми самыми травами или пластырями, которыми муж ее лечит своих больных.

Монах при этом предложении снова возликовал. Ему показалось, что благоприятная судьба сама открывает ему доступ к желанному пути, и, успокоив даму искусными словами, он дал ей следующий ответ:

— Дочь моя, не приходится удивляться, что твой муж так сильно тебя ревнует; если бы было иначе, ни я, ни кто другой не счел бы его благоразумным; и не следует винить его за это, так как виновата здесь одна лишь природа, наделившая тебя такой ангельской красотой, что никак невозможно обладать ею, не ревнуя.

Дама, улыбнувшись на эти слова, нашла, что ей уже пора

вернуться к ожидавшим ее спутницам, и, выслушав еще несколько ласковых слов, попросила монаха дать ей отпущение грехов. Тот, глубоко вздохнув и обратившись к ней с благочестивым видом, ответил так:

— Дочь моя, никто, будучи сам связан, не может разрешить от уз другого; так как ты связала меня в столь краткий срок, то без твоей помощи я не властен избавить от них ни тебя, ни себя.

Молодая дама, будучи сицильянкой, без труда разобралась в этой немудреной притче, которая понравилась ей, потому что видеть плененным этого красивого монаха доставляло ей величайшее удовольствие. Однако она порядочно удивилась тому, что монахи занимаются такими делами. Будучи в очень нежном возрасте и строго охраняемая мужем, она не только никогда не общалась с монахами, но и была твердо уверена, что принятие монашества для мужчины — все равно что оскопление для цыпленка. Убедившись теперь в том, что этот монах был петухом, а не каплуном, молодая женщина почувствовала такое сильное желание, какого еще не знала прежде, и, решив отдать монаху свою любовь, она ответила:

— Отец мой, предоставьте скорбеть мне, ибо, придя сюда свободной, я уйду порабощенной вами и любовью.

Монах в несказанном восторге ответил ей:

— Итак, раз желания наши столь согласны, не сможешь ли ты придумать способ, как бы, одновременно выйдя из сурового заточения, мы могли насладиться нашей цветущей юностью?

На это она ответила, что охотно поступила бы так, будь то в ее власти; однако затем прибавила:

— Мне сейчас пришло в голову, что мы, несмотря на крайнюю ревность моего мужа, все же сможем осуществить наше намерение. Раз в месяц у меня бывают такие сильные сердечные припадки, что я почти лишаюсь чувств, и никакие советы врачей до сих пор не оказали мне ни малейшей помощи; старые же женщины говорят, что это проистекает от матки: они говорят, что я молода и способна быть матерью, а между тем старость моего мужа лишает меня этой возможности. Поэтому мне пришла мысль — в один из тех дней, когда он отправится к какому-нибудь своему больному за город, представиться, будто я захворала своей обычной болезнью, и тотчас же послать за вами, прося принести мне что-нибудь из реликвий святого Гриффона; будьте же наготове, чтобы прийти с ними ко мне тайно, и с помощью одной из моих девушек, крайне мне преданной, мы сойдемся вдвоем к полному нашему удовольствию.

Монах сказал весело:

— Дочь моя, да благословит тебя бог за то, что ты так хорошо это придумала, и я полагаю, что твой замысел следует

исполнить; а я приведу с собой товарища, который, снисходя к положению вещей, позаботится о том, чтобы твоя верная служанка не оставалась тоже без дела.

И, приняв это решение, они расстались, страстно и влюбленно вздыхая. Возвратившись домой, дама открыла служанке то, о чем, к их общей радости, она уговорилась со священником. Служанка, крайне обрадованная этим известием, ответила, что всегда готова исполнить любое приказание госпожи. Судьба благоприятствовала любовникам. Как и предвидела дама, магистр Роджеро должен был отправиться к больному и выехал на следующее утро из города; и, чтобы не откладывать дела, жена его прикинулась одержимой своим обычным недугом и стала призывать на помощь святого Гриффона. Тогда девушка подала ей совет:

— Почему бы вам не послать за его святыми мощами, столь всеми чтимыми?

Как между ними было условлено, дама обернулась к служанке и, делая вид, что говорит с трудом, ответила:

— Конечно, я прошу тебя за ними послать.

На это девушка сочувственно сказала:

— Я сама пойду за ними.

И, поспешно выйдя из дому, она разыскала монаха и передала ему то, что было приказано; он же тотчас отправился в путь, взяв с собой, как обещал, одного из своих товарищей, молодого и весьма к такому делу пригодного. Брат Николо вошел в комнату дамы и почтительно приблизился к постели, на которой та лежала в одиночестве, любовно его ожидая. С величайшей скромностью приветствовав монаха, молодая женщина сказала ему:

— Отец, помолитесь за меня богу и святому Гриффону.

На это монах отвечал:

— Да удостоит меня того создатель, однако и вам с вашей стороны надлежит приступить к сему с благоговением, и если вы пожелали причаститься его благодати чрез посредство чудесной силы мощей, мною принесенных, то сначала нам следует с сокрушенной душой приступить к святой исповеди, ибо если дух свят, то скорее может исцелиться и плоть.

В ответ ему дама промолвила:

— Не иначе думала и я; иного желания я не имею и крайне прошу вас об этом.

После того как дама сказала это и под приличным предлогом удалила всех находившихся в ее комнате, за исключением служанки и второго монаха, они плотно заперлись, чтобы никто не помешал им, и оба брата безудержно устремились в объятия своих любовниц. Брат Николо взобрался на кровать и, считая себя, по-видимому, в полной безопасности, снял подштанники,

чтобы дать свободу ногам, и сунул их под подушку; затем, обнявшись с прекрасной дамой, он приступил с ней к вожделенной охоте. Продержав долго свою легавую на привязи, он из одного логова выгнал подряд двух зайцев; когда же он оттащил собаку, чтобы пустить ее за третьим, они вдруг услышали, как магистр Роджеро, возвратившийся уже от больного, подъехал на лошади к крыльцу дома. Монах с величайшей поспешностью вскочил с кровати и был так сражен страхом и огорчением, что совершенно забыл спрятать штаны, брошенные на кровати; служанка, тоже не без неудовольствия оторвавшаяся от начатой работы, открыла дверь и позвала ожидавших в зале, сказав им, что госпожа ее по милости божьей почти совсем исцелилась; и, когда все прославили и возблагодарили бога и святого Гриффона, она, к большому их удовольствию, позволила им войти.

Магистр Роджеро, войдя тем временем в комнату и увидев необычайное зрелище, был не менее огорчен тем, что монахи повадились ходить к нему в дом, чем новым припадком своей милой жены. Она же, увидев, что он изменился в лице, сказала:

— Супруг мой, поистине я была бы уже мертвой, если бы наш отец проповедник не помог мне мощами святого Гриффона: когда он приложил их мне к сердцу, я сразу избавилась от всех моих страданий; совсем так же потоки воды гасят слабый огонек.

Доверчивый муж, услышав, что найдено спасительное средство от столь неизлечимого недуга, немало тому обрадовался и, воздав хвалу богу и святому Гриффону, обратился к монаху, без конца благодаря его за оказанную помощь. Наконец после многих благочестивых речей монах распростился с хозяевами дома и с честью удалился вместе со своим товарищем. По дороге, чувствуя, что добрый пес его поминутно вырывается на свободу, он вспомнил, что забыл цепь на кровати, и, сильно огорченный этим, обратился к спутнику и рассказал о случившемся. Товарищ, вполне успокоив монаха указанием на то, что служанка первая найдет ее и спрячет, уже почти смеясь, прибавил следующее:

— Господин мой, ваше поведение ясно показывает, что вы не привыкли стеснять себя и, где бы ни находились, готовы дать полную волю вашему псу, быть может, следуя в этом примеру доминиканцев, которые никогда не держат своих собак на цепи; однако, хотя охота их и весьма добычлива, все же собаки, посаженные на привязь, горячее и на охоте бывают более хваткими.

На это монах ответил:

— Ты говоришь правду, но дай бог, чтобы допущенная мною неосторожность не принесла мне позора и поругания. Ну а ты как поступил с добычей, которую я оставил в твоих когтях? Про моего ястреба я знаю, что он в один полет поймал двух куропа-

ток и собирался пуститься за третьей, но тут подоспел магистр, и ястреб сломал себе шею.

Товарищ ответил:

— Хоть я и не кузнец, однако прилагал все силы, чтобы с одного накала сделать два гвоздя; один был уже готов, а другому, пожалуй, оставалось лишь насадить головку, когда служанка — будь проклят этот час — сказала: «Хозяин у ворот!» Вот причина, почему, не окончив дела, я направился туда, где были вы.

— Ах, кабы с помощью божьей,— сказал монах,— вернуться мне к прерванной охоте, а тебе, когда вновь почувствуешь к тому влечение, заняться изготовлением гвоздей сотнями!

На это товарищ ответил:

— Я не отказываюсь; однако один пух пойманных куропаток стоит больше, чем все гвозди, изготовленные в Милане.

Монах рассмеялся на это, и, продолжая свое острословие, они с удовольствием вспоминали промеж себя о выдержанном ими сражении.

Магистр Роджеро, как только монахи ушли, приблизился к жене и, нежно гладя ее по шее и груди, стал расспрашивать, очень ли она мучилась от боли; болтая о том о сем, он протянул руку, чтобы поправить подушку под головой больной, но тут он зацепил нечаянно тесьму от штанов, оставленных монахом. Он вытащил их и, тотчас же признав за монашеские, весь изменился в лице и сказал:

— Черт возьми, что это значит, Агата? Как сюда попали монашеские штаны?

Молодая женщина всегда была очень сметливой, а в эту минуту любовь пробудила все ее хитроумие, и потому она сразу же ответила:

— Разве ты не помнишь, что я тебе сказала, супруг мой? Это не что иное, как чудесные штаны, принадлежавшие славному господину нашему святому Гриффону; их принес сюда монах-проповедник как одну из чудесных реликвий святого, и всемогущий бог чрез благодатную их силу уже явил мне свою милость; увидев, что я совсем избавилась от страданий, я ради большей предосторожности и из благоговения попросила как милости собиравшегося унести их монаха, чтобы он оставил мне реликвию до вечера, а потом сам пришел бы за нею или прислал кого-нибудь другого.

Муж, выслушав быстрый и толковый ответ жены, поверил или сделал вид, что поверил ей; но по природе своей он был ревнив, и его ум под впечатлением случившегося раздирался противоположными ветрами. Ничего, однако, не возразив, он оставил жену в покое. Она же, будучи весьма находчивой и видя,

что муж ее насторожился, придумала новую хитрость, чтобы рассеять все его подозрения, и, обратившись к служанке, сказала ей:

— Ступай в монастырь и, разыскав проповедника, скажи ему, чтобы он послал за оставленной мне реликвией, так как, слава богу, я в ней больше не нуждаюсь.

Смышленая служанка, вполне уразумев, что́ на самом деле подразумевала дама, поспешно направилась в монастырь и тотчас вызвала монаха; тот подошел к входной двери и, думая, что девушка принесла ему оставленную им памятку, с веселым лицом сказал ей:

— Как дела?

Служанка, несколько раздосадованная, ответила:

— Плохи, из-за вашей небрежности, и были бы еще хуже, если бы не находчивость моей госпожи.

— В чем дело? — спросил монах.

Служанка в точности рассказала ему о происшедшем, прибавив, что, по ее мнению, нужно немедленно послать за известной ему реликвией и обставить возвращение ее с наивозможной торжественностью.

Монах ответил:

— В добрый час!

И он отпустил служанку, обнадежив ее, что все будет улажено; затем он тотчас же отправился к настоятелю и обратился к нему с такими словами:

— Отец, я тяжко согрешил, и за свое прегрешение готов принять кару; но молю вас не замедлить с вашей помощью; и так как нужда в том велика, пособите уладить дело.

И после того как он в кратких словах рассказал о случившемся, настоятель, крайне этим разгневанный, строго выбранил монаха за неблагоразумие, сказав ему следующее:

— Так вот каковы твои подвиги, доблестный муж! Ты расположился там, вообразив себя в полной безопасности? Но, если ты не мог управиться, не снимая штанов, разве не было возможности спрятать их на груди, в рукаве или каким-нибудь другим образом скрыть их на себе? Но вы так привыкли к этим бесчинствам, что и не помышляете о том, какою тяжестью они ложатся на нашу совесть и сколько позора приходится нам принять, чтобы уладить дело. Право не знаю, что мешает мне, откинув сострадание, посадить тебя, как ты этого заслуживаешь, в заточение! Однако, ввиду того что теперь бóльшая нужда в исправлении, чем в наказании, ибо дело идет о чести нашего ордена, мы отложим пока второе.

Затем он приказал звонить в колокол капитула, и, когда все монахи собрались, он сказал им, что бог чрез благодатную силу

штанов святого Гриффона только что явил в доме доктора Роджеро несомненное чудо. И, рассказав вкратце о случившемся, он убедил их немедленно же отправиться в дом врача, чтобы, во славу божью и для умножения числа засвидетельствованных чудес святого, торжественной процессией принести оттуда обратно оставленную святыню.

Подчиняясь приказанию и став по два в ряд, монахи, предшествуемые крестом, направились к указанному дому. Настоятель, облаченный в пышные ризы, нес дарохранительницу, и так дошли они в порядке и в глубоком молчании до дома магистра Роджеро. Услышав их приближение, доктор вышел навстречу настоятелю и спросил его о причине, приведшей к нему монахов, на что тот с радостным лицом ответил ему, как заранее обдумал:

— Дорогой мой магистр, согласно нашему уставу, мы должны приносить тайно реликвии наших святых в дома тех, кто их просит; делается это с той целью, чтобы в случае, если больной по своей вине не испытает действия благодати, мы могли бы так же скрытно отнести их обратно: таким образом мы ничуть не повредим славе о чудесах; но если бог пожелает чрез посредство святынь явить несомненное чудо, мы в таком случае должны, благовествуя о нем, с полной торжественностью и соблюдением обрядов отнести наши святыни в церковь и затем составить протокол о случившемся. И вот, ввиду того что супруга ваша, как это вам известно, избавилась от своей опасной болезни именно с помощью нашей святыни, мы пришли сюда с такой торжественностью, чтобы вернуть святыню на место.

Доктор, видя перед собой весь благоговейно собравшийся монашеский капитул, подумал, что никогда бы не сошлось столько людей для плохого дела; и, дав полную веру выдумке настоятеля и отбросив все сомнения, он ответил:

— Добро пожаловать!

И, взяв за руки настоятеля и монаха, он провел их в комнату, где находилась его жена. Дама, и на этот раз не дремавшая, завернула предварительно штаны, о которых идет речь, в белый благоуханный плат. Раскрыв его, настоятель с глубоким благоговением облобызал святыню и дал приложиться к ней доктору, его жене и всем находившимся в комнате, которые с такой же набожностью последовали их примеру. Затем он положил ее в дарохранительницу, для этого им принесенную. По данному настоятелем знаку все монахи стройно запели: *Veni, creator spiritus* [1], и, шествуя так чрез весь город в сопровождении бесчисленной толпы народа, они дошли до своей церкви, где, положив святыню на главный алтарь, оставили ее на несколько дней для

[1] Приди, животворящий дух (*лат.*).

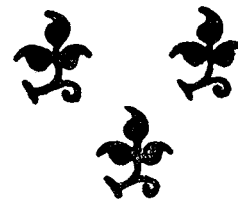
поклонения, так как весь народ знал уже о совершившемся чуде.

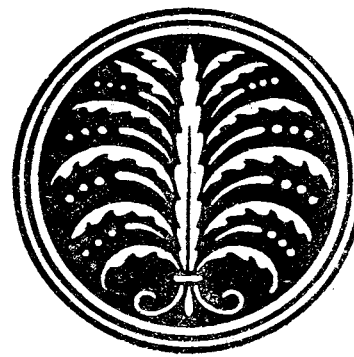
Магистр Роджеро, стремясь усилить всеобщее почтение к этому ордену, всюду, где только он ни навещал своих больных — будь то за городом или в городе,— громко рассказывал об удивительном чуде, которое бог явил в его доме чрез благодатную силу штанов святого Гриффона. А пока он занимался этим делом, брат Николо с товарищем не упускали случая продолжить начатую ими удачную охоту, доставляя тем немалое удовольствие как служанке, так и госпоже. Последняя же не только стремилась удовлетворить свою чувственность, но и полагала, что избранное ею средство — единственно верное против ее жестоких страданий, так как прилагалось оно к месту, соседящему с тем, где гнездился недуг; и, будучи женой врача, она при этом вспоминала слышанный ею текст Авиценны, в котором говорится, что приложенные средства приносят пользу и при постоянном применении излечивают; а потому, наслаждаясь с монахом к обоюдному их удовольствию, она наконец убедилась, что совсем освободилась от своего неизлечимого недуга благодаря отличному лекарству, примененному благочестивым монахом.

М А З У Ч Ч О

Хотя все части только что рассказанной новеллы были исполнены большой приятности, так что их должны бы часто перечитывать и выслушивать, тем не менее я хотел бы, чтобы те, кто постоянно меня преследует с натянутым луком, хуля и порицая мое сочинение из-за нападок моих на всех этих лживых обманщиков, рассудили бы, прочитав об обмане и прелюбодеянии, совершенном мошенником монахом, каким явным еретиком, каким истинным хулителем веры Христовой, его деяний и учения является тот, кто не то что положил, но лишь помыслил положить зловонные штаны, прибежище вшей и тысячи других нечистот, в избранный сосуд и подлинное вместилище святейшего тела Сына Божия. Прочитайте же величайшие Страсти Христовы, и вы не найдете там, чтобы коварные иудеи, хотя они и убили его с величайшей несправедливостью и бесчестием, оказали ему когда-либо столь большое пренебрежение, сравнимое с тем, о чем было рассказано. Итак, пусть разверзнется земля и поглотит живьем все множество этих мошенников заодно с их пособниками не только в наказание настоящим, но и в устрашение и вечный пример будущим злодеям подобного рода. Однако, чтобы опровергнуть, будто упомянутые клеветники, мои противники, имеют столь большую силу, что могут отвратить меня от

начатого мною порядка повествования, в котором я передаю услышанную мною правду об этих солдатах Люцифера, я вскоре расскажу, хотя бы они этого и не хотели, о тончайшей уловке, придуманной двумя другими проклятыми монахами как с целью собрать побольше денег, так и для того, чтобы стать прелатами, чего они страстно жаждали. Вы услышите, как они показывали всякие лживые чудеса, да так ловко, что нельзя было в это не поверить.





НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Брат Джироламо из Сполето, показывая соррентинцам кость одного мертвеца, уверяет их, что это рука святого Луки; товарищ его возражает на это; Джироламо просит бога явить чудо; товарищ падает и прикидывается умирающим, а Джироламо своей молитвой возвращает его к жизни; с помощью этого двойного чуда он собирает немало денег, покупает должность прелата и бездельничает вместе с товарищем.

Великолепному мессеру Антонелло Петруччи, несравненному и верному королевскому секретарю

П О С В Я Щ Е Н И Е

Я полагаю, великолепный мой господин, что, желая начать писать к тебе, этому морю всякого риторического стиля, обладай я даже лирой Орфея или красноречием Меркурия, тебе бы это показалось не более чем низкой песнью слепца, предназначенной для грубого народа. Лишь это было причиной, по которой я откладывал до сих пор написание следующей новеллы; но, сознавая, что она довольно веселая и приятная, я все-таки решил послать ее тебе такой неукрашенной и шероховатой. Хотя она и не может принести тебе никакой пользы, ибо содержит слишком много ненужных сведений о происшествиях, случившихся в свете, однако я не сомневаюсь, что другие, читая ее, извлекут из нее полезный пример, и, быть может, она будет для них надежным поводом, чтобы остерегаться этой новой лживой секты святых, которые, изображая чудеса с помощью мошеннического искусства и ловчайших обманов, ухитряются похищать у нас честь, имущество и довольство одновременно. И я не думаю, что будет достаточно какого-либо красноречия, чтобы суметь рассказать обо всей

их зловредности. Однако, чтобы сорвать самый крохотный цветок с огромного поля, ты сейчас услышишь об одном дьявольском притворстве, содеянном неким меньшим братом, защититься от которого, по моему низкому разумению, не удалось бы даже при самой тонкой проницательности.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В ту пору, когда король Иаков Французский, принявший впервые звание графа Марки, вступил в брак с последней из рода Дурацци, в Неаполь прибыл монах-минорит, которого звали братом Джироламо Сполетским. Этот монах, прямо святой с виду, постоянно проповедовал не только в Неаполе, но и во всех ближайших городах, всюду прославляясь и возбуждая к себе почтение. И вот случилось, что во время его пребывания в Аверсе ему указали в одном из монастырей *братьев-проповедников*, как на предмет, достойный удивления, на тело одного видного рыцаря, умершего много лет тому назад. Тело это, в силу ли благоприятных условий, в которых оно хранилось, или, быть может, вследствие особой прочности своего жизненного состава, или, наконец, по какой-либо другой причине, было настолько цельным и плотным, что не только все кости его находились на своих местах, но и кожа оставалась неповрежденной, так что от прикосновения к голове шевелились отдаленные части тела. Наш монах, все как следует осмотревший, замыслил раздобыть какой-нибудь из членов этого тела для того, чтобы, выдав его за мощи, извлечь из этого сотни, а не то и тысячи дукатов. Деньги эти дали бы ему возможность не только жить бездельничая, но, пожалуй, даже, как это водится, достичь степени прелата. Ведь если присмотреться как следует, какое множество важных прелатов достигли своего положения за счет жалких и глупых мирян! Один добился таким образом должности инквизитора, другой — сборщика пожертвований на крестовый поход; умолчу уже о тех, что, имея папские буллы — настоящие или подложные, дают отпущения грехов и при помощи денег отводят кому угодно место в раю. Таким образом всеми правдами и неправдами набивают они себе брюхо флоринами, хотя это строго воспрещено их святейшим уставом.

Но вернемся к нашему брату Джироламо, который, задумав это дело и подкупив местного ризничего (хотя тот тоже был доминиканцем), получил с благословения приора Санта Кроче правую руку покойника, на которой сохранились даже волоски, а ногти были такие блестящие и крепкие, словно принадлежали

живому человеку. И, не желая более медлить, наш монах, завернув мощи в несколько покровов из шелковой тафты и спрятав их в ларец, куда были положены различные благовония, приготовился к отъезду. Возвратившись в Неаполь, он отыскал здесь своего верного товарища, не менее ловкого штукаря, чем он сам, которого звали братом Мариано Саонским. Чтобы использовать свое оружие, они решили вместе отправиться в Калабрию, область, населенную грубым и темным людом; на этом решении они и остановились.

Брат Мариано, переодевшись из предосторожности доминиканцем, пошел в порт, чтобы поискать способов переправиться в Калабрию, а брат Джироламо с тремя другими товарищами, нагруженные дорожными мешками, направились к морскому побережью другим путем. Там случайно набрели они на судно из Амантеи, как раз готовившееся к отплытию; они сели в него, не показывая, однако, виду, что знакомы между собой, и держась друг от друга в стороне, как это делают плуты на ярмарке или когда сходятся в пути на постоялом дворе. Так устроились они и, когда весла были спущены на воду и паруса надулись ветром, пустились в путь. Но в то время как они находились неподалеку от Капри, подул такой буйный и страшный ветер, что невозможно было бороться с ним никакими мореходными средствами, и, едва избежав гибели, они должны были против своей воли пристать в одном маленьком заливе неподалеку от Сорренто. Не без труда причалив здесь к берегу, они сошли с корабля и отправились в город, порешив обождать в нем, пока уляжется непогода. В числе других и наш брат Джироламо со своими товарищами направились в убежище доминиканцев; там же поместился вместе со своими спутниками-мирянами и брат Мариано, тоже ставший доминиканцем. Узнав, что море не так-то скоро успокоится, достойный брат, не желая терять времени, решил сразу же произвести первый опыт со своей ложной святыней. Он вспомнил, что, как приходилось ему слышать в своих краях, Сорренто принадлежал к числу не только самых славных, но и древнейших городов королевства; а из этого он заключил, что в его гражданах должно жить древнее невежество, которое позволит ему так же легко, как и в Калабрии, осуществить свое намерение.

Памятуя о том, что следующий день был воскресным, и предупредив тайком брата Мариано, он попросил настоятеля сообщить архиепископу о том, что он собирается, с его благословения, произнести проповедь в главном храме города. Он просил также архиепископа созвать из города и его окрестностей столько народу, сколько он найдет нужным, и внушить этим людям необходимое благоговение, чтобы можно было во славу божию показать им самую почтенную из всех виденных доселе святынь.

Архиепископ, принадлежавший к древнейшим соррентинцам, торжественно объявил не только по городу, но и по ближайшим деревням отлучение всем тем, кто не придет набожно выслушать проповедь одного из слуг господних и посмотреть на святыню, которую он покажет соррентинскому народу. Весть об этом распространилась по всей стране, и наутро собралось столько народу, что церковь едва могла вместить половину людей. Когда наступило время проповеди, брат Джироламо, сопровождаемый, со всеми обычными церемониями, множеством монахов, взошел на кафедру и долго разглагольствовал о делах благочестия и святой милостыни; когда же, по его мнению, настало время, он обнажил голову и начал следующую речь:

— Преподобнейший монсиньор, и вы, благородные господа и дамы, отцы и матери мои во Христе Иисусе, я не сомневаюсь, что вам известно о моем проповедничестве в Неаполе, где, по милости божьей, не по моим заслугам и достоинствам, я постоянно пользовался особым вниманием прихожан. Наслышавшись о вашем славном городе, о просвещенности и набожности его граждан, а также о красотах этой местности, я много раз собирался уже приехать сюда для благовествований божественного слова, равно как и с целью насладиться вместе с вами этим благорастворенным воздухом, который поистине кажется мне подходящим для моего здоровья. Однако в силу послушания, которым я обязан отцу нашему главному викарию, потребовавшему, чтобы я немедленно отправился в некоторые города Калабрии для посещения монастырей, просивших о моем приезде, мне пришлось направить свой путь туда, куда было приказано. Но как вы, вероятно, знаете, судно наше, борясь с противными и бурными ветрами, попало в этот залив и против воли моряков, тщетно напрягавших свои силы, мы прибыли сюда, едва избежав гибели. Я усматриваю, однако, истинную причину нашего прибытия сюда не в противном ветре, а в божественной воле творца, захотевшего отчасти исполнить мои желания. И вот, чтобы и вы стали сопричастны этой милости божией, я хочу показать вам, для утверждения вашего благочестия, чудесную святыню, а именно всю правую руку превосходного и славного писца, спасителя нашего Иисуса Христа господина святого евангелиста Луки. Святыня эта была принесена в дар константинопольским патриархом отцу нашему викарию, и он посылает ее со мной в Калабрию по указанной причине, так как в этой стране никогда не было никаких мощей. Итак, да благословит тебя бог, стадо мое, и пусть каждый желающий видеть это сокровище благоговейно снимет шапку, так как скорее чуду господнему, чем моим делам, обязаны вы возможностью узреть его; но прежде еще сообщу вам, что имею при себе буллу господина нашего

папы, который дарует снисхождение и отпущение грехов каждому, кто принесет посильное даяние, дабы на собранные деньги можно было изготовить для этих мощей серебряную, украшенную драгоценными камнями раку, подобающую столь высокой святыне.

Сказав это, он вытащил из рукава, по обычаю своему, поддельную буллу, которую никто даже не стал читать, так как все поверили ему безусловно. Итак, все поспешили подать свою лепту, даже те, средства которых были крайне скудными. Брат Джироламо, с толком рассказав сочиненную им побасенку, велел своим товарищам принести ларец со святой рукой и зажечь множество факелов; затем, благоговейно держа его в руках, он стал на колени и с полными слез глазами умиленно облобызал край вместилища, содержащего святыню. После этого монах-проповедник обернулся к товарищам, и, чтобы вернее ввести народ в обман, они запели на церковный лад благочестивый акафист святому Луке. Видя, что весь народ пришел в священный восторг, монах открыл ларец, из которого распространился чудный аромат; потом, развернув пелены из шелковой тафты, он вынул мощи и, освободив от покрова кисть руки и часть предплечья, сказал следующее:

— Это та самая счастливая и святая рука вернейшего писца Христова, та самая блаженная рука, что написала столько возвышенного о жизни святой девы Марии и, кроме того, много раз изображала ее подлинный лик.

Он собирался продолжать свое славословие святому Луке, как вдруг брат Мариано Саонский, в своем новом доминиканском облачении, находившийся в другом конце церкви, без стеснения проложил себе дорогу и обратился к брату Джироламо в таких выражениях:

— О гнусный злодей, бездельник, желающий обмануть бога и людей! Как это ты не устыдился произнести такую безмерную ложь, утверждая, что это рука святого Луки? Разве неизвестно мне доподлинно, что его святейшие мощи целиком обретаются в Падуе? Эти гнилые кости ты вытащил из какого-нибудь гроба для того, чтобы обмануть ближних; удивляюсь я монсиньору и всем почтенным отцам-церковникам, которые должны были бы побить тебя камнями, как ты этого заслуживаешь!

Архиепископ и весь народ, немало удивленные таким необычайным выступлением и встревоженные словами монаха, хотели заставить его замолчать; но тот не унимался, продолжал кричать и, казалось, с большою горячностью старался убедить народ в том, что не следует верить его противнику. Когда дело дошло до этого, брат Джироламо решил, что настало время совершить задуманное им ложное чудо. Он выказал сперва некоторое сму-

щение, затем, сделав рукою знак, чтобы народ, не перестававший роптать, замолчал, и, убедившись, что все со вниманием ждут его слова, обернулся к главному алтарю, где находилось распятие, стал перед ним на колени и начал так:

— Господи Иисусе Христе, спаситель рода человеческого, бог и человек, ты, вылепивший меня по образу твоему, приведший меня сюда и искупивший меня своим славным телом и своею непорочной плотью и горчайшими страстями, заклинаю тебя чудесными крестными ранами, дарованными тобой нашему, серафимам равному, Франциску,— соблаговоли явить несомненное чудо перед лицом благоговейного народа и достойного этого монаха, который, как враг и соперник нашего ордена, пришел оспаривать мою правду; и если я солгал, то да ниспошлешь ты на меня свой гнев и да умру я тотчас; если же я говорю правду и это — подлинная рука господина нашего святого Луки, твоего достойнейшего писца, господь мой, то не ради отмщения, но для обнаружения истины произнеси приговор над ним, чтобы, если он пожелает покаяться, он не мог бы даже подать о том знак ни языком, ни рукой.

Еще не окончил брат Джироламо своего заклинания, как брат Мариано, как было у них условлено, начал внезапно корчиться, дрыгая руками и ногами, выть и бессвязно бормотать. Глаза его закатились, рот искривился, все члены, казалось, свело, и он упал навзничь. При виде такого явного чуда все находившиеся в церкви взмолились богу о пощаде и завопили так сильно, что, загреми гром, вряд ли кто-нибудь его бы услышал. Брат Джироламо, видя, что народ им уже обольщен, чтобы сильнее довершить обман, начал выкрикивать:

— Да прославится бог! Успокойся, стадо мое!

Когда его слова успокоили народ, то, приказав поднять брата Мариано, казавшегося мертвым, и положить его перед алтарем, он начал следующую речь:

— Благородные синьоры и дамы, и вы, горожане и поселяне, прошу вас, во имя святых страстей господних, стать на колени и благоговейно прочесть во славу святого Луки молитву господню. Пусть бог, ради заслуг своего святого, не только вернет этого несчастного к жизни, но и возвратит ему дар слова и утраченную способность владеть членами; и да избавится он от гибели вечной!

Едва брат Джироламо успел обратиться к народу, как все уже начали молиться; а он сошел с кафедры, взял нож, отрезал маленький кусочек ногтя с чудотворной руки, положил его в чашу со святою водою, затем открыл рот брату Мариано и влил ему в горло этот драгоценнейший напиток, говоря:

— Повелеваю тебе именем духа святого: встань немедленно и будь по-прежнему здоровым.

Брат Мариано, с трудом все время сдерживавший смех, выпив поданное ему пойло и выслушав приказание, тотчас же поднялся, открыл глаза и, как ошалелый, завопил:

— Иисусе! Иисусе!

При виде этого второго столь же явного чуда встревоженная и ошеломленная толпа стала тоже призывать Христа; и кто бежал звонить в колокола, кто лобызал и прикасался к одеждам проповедника. И так были все преисполнены благочестия, что казалось им, уже наступил день страшного суда.

Брат Джироламо, желая завершить дело, приведшее его сюда, с большим трудом взобрался на кафедру и приказал поставить мощи перед алтарем. Вокруг них он расставил всех своих товарищей: кого с зажженным факелом, кого для очистки места, чтобы каждый из приходящих мог без помехи молиться и приносить в свое удовольствие пожертвования святой руке. Нечего говорить, что деньги щедро жертвовались всеми присутствующими, образовавшими такую толпу, какой никогда прежде не случалось видеть; и были даже такие женщины, которые в порыве неистового благочестия срывали с себя жемчуг, серебро и другие драгоценности и подносили их святому евангелисту. Весь этот день простояли мощи открытыми; когда же брату показалось, что пора уже вернуться с добычей домой, он осторожно кивнул товарищам, и те, проворно завернув все в один узел вместе с ларцом, в котором находилась рука, отправились гурьбой в монастырь. Монаху, сопричтенному к святым, оказаны были великие почести: весь народ, с архиепископом во главе, проводил его домой, после чего свершившееся чудо было надлежащим образом письменно засвидетельствовано. На другой день, видя, что погода благоприятна для плавания и что выручка недурна, брат Джироламо вместе с братом Мариано и другими товарищами сели на привезшее их судно. Совершив плавание при попутном ветре, они через несколько дней прибыли в Калабрию. Прибегая там к различным новым надувательствам, плотно понабили они деньгами свои карманы и, исходив вдоль и поперек всю Италию и сделавшись благодаря чудотворной руке богачами, возвратились в Сполето, где почувствовали себя в полной безопасности. После этого брат Джироламо с помощью одного синьора кардинала купил себе епископство, что, согласно их новым взглядам, не было симонией, а только вознаграждением за труды. И здесь, бездельничая вместе с братом Мариано, проводили они весело время до конца своей жизни.

М А З У Ч Ч О

Вышеприведенная новелла отчасти показала, с каким искусством лживые и хищные волки стараются овладеть нашим достоянием, так что никакой человеческой предусмотрительности не хватит, чтобы уберечься от них. И что еще хуже и во вред нам, они постоянно так ведут свои проповеди, что всячески клянут и порицают скупость, выставляя ее не только как смертный грех, но и как непростительный порок ереси. С другой же стороны, мы ясно видим, что скупость — это не только общая для всех монахов рожденная страсть, но и как бы любимая подруга и сестра каждого из них, не иначе как если бы в их правилах послушания специальным предписанием было установлено и указано следовать ей и пестовать ее. И если в конце упомянутой новеллы я сказал, что наш брат Джироламо купил епископство и что симония сменила имя, никто не должен этому удивляться, потому что каждому должно быть ясно, что никто, сколь бы достойным он ни был, даже если он потратил годы и все свои способности на ученые занятия или подвизаясь при римском дворе, никогда не сможет заполучить ни одного духовного сана без благосклонности магистра Монетного двора. Прелатство же подобает покупать на аукционе, как покупают лошадей на ярмарке, и сверх подкупа подарками и заранее условленной суммой денег, кои вручают не только тем, кто способствует покупке, но и тем, кто закрывает на все это глаза. И не будет ничего удивительного, если в результате подобной сделки незаконное присвоение будет называться заслуженным пенсионом. Итак, мы можем сделать из этого вывод, что братья, священники и монахи изобрели с помощью всяких новых слов странный язык; так, любому ужасающему пороку они присваивают особое название, сопровождая его какими-нибудь известными словами из Священного писания. И таким-то образом, питаясь и лодырничая за счет распятого, а также и на наши денежки, они насмехаются над богом и над людьми. И когда самый ужасный грех, какой только можно совершить на земле в поругание бога и природы, они называют секретом ордена и совершают его без всяких пределов, без стыда и страха, любой человек может подумать, что совершают они и другие грехи, не столь страшные. Желая же побольше рассказать о том, что я слышу открыто или тайно об их деяниях, я влеком стремлением продолжить начатые мною новеллы. Так что я создам еще одно достоверное свидетельство в моей продолжающейся тяжбе и в следующей пятой новелле расскажу, как один мошенник-священник, помимо того что он распевал Gaudeamus *, Per incarnati Verbi misterium **, Veni,

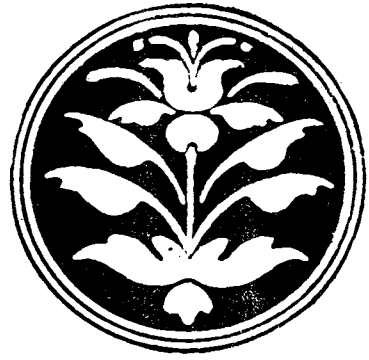
* Возрадуемся (*лат.*).

** Для таинства воплощенного слова (*лат.*).

Sponsa Christi * и другие подобные бесконечные песнопения, называл в своем обиходе шпагу Salvum me fac **, а также, переиначивая естественные названия, говорил, что хочет водворить папу в Рим и изгнать турка из Константинополя.

* * *

*



* Приди, невеста Христова (*лат.*).
** Сохрани меня (*лат.*).



НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

В Массимиллу влюблены священник и портной, и она обещает свою любовь обоим; пока она тешится в своей хижине с портным, священник приходит за обещанным и силой хочет войти; портной из страха прячется на чердак; священник входит и говорит, что хочет водворить папу в Рим; портной, присутствующий при этом торжестве, решает, что оно не должно происходить без музыки, и начинает играть на дудке; священник убегает, и портной снова овладевает упущенной добычей.

Великолепному мессеру Анджело Караччоло

П О С В Я Щ Е Н И Е

Иногда люди низкого происхождения, рассуждая, говорят, мой великолепный кум, что долги оплачиваются не только деньгами; если эта пословица была когда-либо кому-нибудь дорога или в ней испытывали потребность, то и я буду одним из них, поскольку я вынужден использовать ее в случае с тобой. Так вышло, что с начала нашей дружбы и вплоть до настоящего времени я оказался обязанным тебе в столь многочисленных и разнообразных вещах, что я не только никоим образом не смогу возместить их, но даже при одной мысли об этом осознаю себя в высшей степени несостоятельным. А поскольку для великодушных людей, каковым и ты являешься, самые незначительные вещи, полученные от тех, с кем они связаны подлинной дружбой, доставляют обычно большее удовольствие, чем вещи роскошные, то я намерен следующей новеллой покрыть хотя бы небольшую частичку моего долга. Умоляю тебя принять ее с любовью, и если грубое наречие моего родного языка полностью или отчасти не понравится тебе, то восприми это не как цвет моего необразованного и неискусного ума, а лишь как плод этого самого языка. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В самых достоверных и внимания достойных сочинениях мы читаем о богатствах, какими изобиловали восхитительные местности, прилегающие к Амальфийскому побережью. Но хотя эти, а может быть и бóльшие, утверждения справедливы по отношению к прошлым временам, то ныне мы видим, что не только с сокращением морской торговли эти богатства уменьшились и великие дворцы разрушились, но и что самое существование стало для местных жителей крайне затруднительным.

Переходя к моему повествованию, скажу, что неподалеку от города, имя которого отчасти уже указывает на то, сколь красива эта местность, находилась деревенька, где не очень много лет тому назад проживал некий священник по имени дон Баттино. Хотя он жил в деревне, он, однако; был человеком умелым и толковым; и, будучи молодым и здоровенным, он больше занимался служением дамам, чем отправлением в надлежащие часы божественной службы: постоянно упражняясь в этой игре, он украсил многих бедняков в околотке головным убором овна. И вот случилось, что в числе других приглянулась ему как-то соседка-молодка по имени Массимилла, жена одного бедного плотника. Хотя Массимилла очень гордилась своей красотой и была довольна, когда кто-нибудь в нее влюблялся, однако же, зная, что священник страстно увлечен ею, она не только не удостоила его какими-нибудь проявлениями благосклонности, но даже не подарила ласковым взглядом, может быть, потому лишь, что мысли ее были направлены в другую сторону.

Священник, будучи по природе своей человеком необузданным и вспыльчивым и видя, что от ухаживаний его нет прока и что ни просьбами, ни лестью на молодку не подействовать, ничуть не стесняясь, стал ее преследовать криками и угрозами, докучая ей так, что молодая женщина скорее с досады и из страха, чем по склонности обещала ему, что вскоре, как только уедет ее муж, она охотно исполнит его желание. Священник удовлетворился этим обещанием и стал вести себя пристойно. Но тут случай привел в эти края одного юношу из другой деревеньки, находившейся неподалеку. Это был портной по имени Марко, который также влюбился в Массимиллу. Не будучи особенно искусным в своем портняжном деле, занялся он тем, что стал ходить по окрестным местечкам и всюду, где справлялись праздники, играть на своей волынке, которая у него была превосходная. И так как он был пригож лицом и статен и был большим выдумщиком и забавником, то всюду, куда он приходил, его встречали с радостью и удовольствием; и это кормило его куда лучше, чем его прежнее ремесло.

Полюбив, как уже было сказано, свыше меры названную молодку, он принялся ухаживать за ней так нежно и искусно, что ему удалось заставить ее полюбить себя. Так продолжал он свое любовное ухаживание, и наконец дело дошло до того, что Массимилла с полной охотой дала ему такое же обещание, какое к великой своей досаде вынуждена была дать назойливому священнику. Крайне обрадованный этим, мастер Марко томился желанием и не без удовольствия помышлял об ожидаемом отъезде бедняги мужа. Того же самого с нетерпением ждали и молодуха и священник. И пожелала ли этого их счастливая судьба или злой рок мужа, но не прошло и недели, как он уже нанялся матросом на каравеллу, отправлявшуюся в Палермо.

Через несколько дней после его отъезда в одном из ближайших к ним местечек справлялся праздник, на который Марко был приглашен играть на волынке. Случайно встретив здесь Массимиллу, тоже пришедшую на праздник вместе с другими крестьянками, он крайне обрадовался; и к взаимному своему удовольствию они пролюбезничали целый день, а когда пришло время кончать праздник, мастер Марко, незаметно подойдя к своей даме, в самых кратких выражениях попросил ее как милости, чтобы она исполнила данное ему обещание. Молодке пообещать было нетрудно, но так как она была женщиной благоразумной, то исполнить обещанное показалось ей делом легкомысленным; все же после разных ласковых слов, какие приняты у деревенских влюбленных, она сказала:

— Вскоре я пойду отсюда по той дороге, что пересекает нашу; ты же будь наготове и, как только я выйду, следуй за мной, чтобы нам сойтись в хорошем и укромном месте — в таком, где нам будет удобно.

У Массимиллы был домик с садом, расположенный на склоне горы выше деревни; ее муж пользовался им как мастерской, обтесывая здесь доски для лодок. Иногда летом он поселялся в нем со всей семьей. Молодая женщина полагала, что может в полной безопасности, наслаждаясь вместе с мастером, провести там не только остаток дня, но и часть следующей ночи. Портной, обратясь к находившемуся при нем мальчишке, отдал ему меха от своей волынки и приказал отнести домой, а сам, засунув дудку за пояс, стал поджидать ухода Массимиллы. Когда, по его мнению, время наступило, он поспешно направился вслед за нею, и, пройдя свой путь, они почти одновременно оказались в хижине, о которой говорилось выше. Войдя в нее и заперев дверь, они приготовились изрядно потешиться.

Священник, ничего о том не подозревавший, знал, однако, что муж Массимиллы отправился в Палермо и что сама она ушла на праздник. Полагая, что молодая женщина должна была уже

вернуться домой, и рассчитывая найти ее в ее деревенском доме, священник решил пойти попытать свое счастье. Выйдя на дорогу и засунув за пояс большой нож, который он называл Salvum me fac *, он медленным шагом, как будто прогуливаясь, направился к дому Массимиллы. Найдя его запертым, он догадался о том, где была молодка, так как она туда часто ходила. Он хорошо знал и место это, и дорогу; и хотя в эту знойную ночь путь показался ему трудным, однако, гонимый любовью, он устремился в гору и, задыхаясь от усталости, добрел до хижины почти в ту самую минуту, когда мастер только что начал целовать свою возлюбленную. Догадавшись, что молодка дома, и полагая, что она там одна, он очень этому обрадовался и стал стучать в дверь. Женщина, прервав поцелуи, спросила:

— Кто там?

Священник ответил:

— Это я, твой дон Баттино.

— В чем дело? — спросила молодка.

На это священник ответил снова:

— Разве ты не знаешь, чего я хочу? Сейчас ведь нет ни твоего мужа, ни кого-либо другого, кто мог бы нам помешать; так открой же мне, прошу тебя.

Она сказала:

— Ладно, ладно, уходи себе с богом, милый человек; я сейчас не расположена заниматься этим делом.

Раздраженный таким ответом, священник, уже не сдерживаясь, сказал:

— Клянусь богом, если ты мне не откроешь, я выломаю дверь и против твоей воли сделаю то, чего желаю, а затем ославлю тебя на всю деревню.

Массимилла по звуку его голоса поняла, что священник вышел из себя и готов исполнить свое обещание с такой же быстротой, с какой он произнес его; а потому, зная его взбалмошный нрав, она обратилась со следующими словами к портному, не менее ее дрожавшему от страха:

— Милый, желанный мой, ты сам видишь, в какой мы опасности по милости этого сорвавшегося с цепи, богом проклятого дьявола; поэтому, ради нашего спасения, поднимись по этой лестнице и, пробравшись через дверцу на чердак, втащи за собой лестницу и посиди там немного спокойно; я же надеюсь так устроить наши дела, что мы ничего не потеряем и он уберется к дьяволу.

Портной, нравом больше похожий на овцу, чем на льва, послушался внезапного приказа молодки и в точности исполнил

---

* Сохрани меня (*лат.*).

все, что ему было сказано; и, сидя на чердаке и поглядывая оттуда в дырочку через потолок, он в нестерпимых муках ждал, чем кончится эта игра; священник же тем временем не переставал кричать, требуя, чтобы ему отворили. Видя, что портной уже спрятался, молодка побежала отпирать с радостным лицом. Улыбаясь, она взяла священника за руку и хотела обратиться к нему с речью, но тот схватил ее, как голодный волк хватает робкую козу; ничуть не сдерживаясь и откинув всякие приличия, он начал не столько нежно целовать ее, как делал это портной, сколько неистово пожирать, громко ржа при этом, как боевой конь. Лук его был уже натянут, и он заявил, что хочет во что бы то ни стало водворить папу в Рим.

Молодая женщина, знавшая, что портной подсматривает, спросила:

— Какой такой папа и что это за загадки?

И, выказывая крайнее возмущение, она слабо защищалась. Священник все более распалялся любовью и вскоре, оставив слова, решил приступить к делу. Он бросил ее на кровать и, готовый к первому бегу взапуски, схватился за свое орудие, восклицая: «Сейчас папа въедет в Рим!», и водворил его куда следует, по пути, туда ведущему и к тому приспособленному, так, что каждый раз мог показать папе и алтарь, и хоры святого Петра.

С тоской и печалью взирал на это мастер Марко. И понемногу досада превозмогла в нем страх, а так как он был, как мы уже сказали, большим забавником, то, видя эту пляску, хоть она и была ему совсем не по вкусу, он решил пошутить по своему обыкновению. И, вытащив из-за пояса дудку, он сказал:

— По чести, какой же это торжественный въезд папы в Рим, если нет музыки?

И, приложив дудку к губам, мастер заиграл прекраснейший марш на въезд папы, производя при этом страшный шум и топоча ногами по дощатому полу. Священник, еще не кончивший своей пляски, услышав музыку и страшный грохот над головой, испугался, что пришли родственники молодки и ее мужа cum gladiis et fustibus *, чтобы искалечить и опозорить его. Всполошившись, он с величайшей поспешностью прервал неоконченный танец, кинулся искать скорей выход и, найдя дверь открытой, так заработал ногами, что без оглядки и опрометью добежал до дому.

Мастер Марко, увидев, что новая его выдумка удалась еще лучше, чем он предполагал, весело спустился с чердака, и радость его, когда он сходил вниз, была большей, чем его страх, когда он

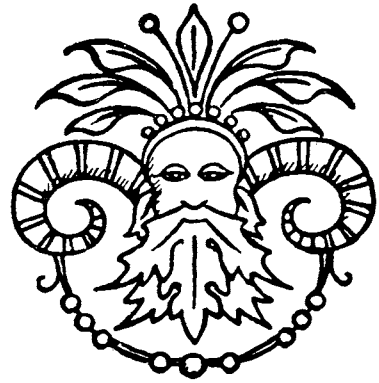
* С мечом и розгами (*лат.*).

подымался. Найдя молодку задыхающейся от смеха и готовой к помолу, он завладел вновь отнятой было у него добычей. И так как папа не успел еще без музыки совершить свой въезд в Рим, то они приятнейшими плясками отпраздновали водворение Великого султана в Константинополь.

М А З У Ч Ч О

В шутку скажу, что Массимилла осталась более довольна уходом турка из Константинополя, чем славным прибытием папы в Рим. Но почему она одна могла составить об этом мнение, я предоставляю вам судить по аналогии с двумя монахинями, о чем я намереваюсь далее рассказать, каковые монахини, без звука принимая у себя и клириков, и мирян, сообщали

in causa scientiae, то есть наставления
ради, как они быстро отыскали
путь к собственному
спасению.





НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Две монахини тешатся ночью с приором и священником; епископ узнает об этом, устраивает засаду и приказывает схватить приора, когда тот выходит из монастыря; священник остается в монастыре, а его любовница, узнав, что епископ собирается туда войти, обманывает настоятельницу и, заставив ее покинуть постель, прячет там священника; епископ находит его, монахиня оправдана от обвинения, настоятельница опозорена, а приор и священник платятся деньгами.

Светлейшему Роберто дель Сансеверино,
князю Салернскому
и адмиралу нашего королевства

П О С В Я Щ Е Н И Е

Поскольку, светлейший князь, ни в одной из моих новелл я до сих пор совсем не говорил о большой хитрости и тончайших решениях, мгновенно принимаемых большинством монахинь, мне показалось полезным и необходимым написать для тебя, моего единственного господина, нечто новое и дать тебе некоторое представление об их обычаях и манерах; дабы если ты когда-либо и слышал о некоем их достойном поступке, то смог бы составить свое собственное мнение по их нынешним достоверным делам и ясно увидел бы, как с помощью уловок, изобретенных и усвоенных в монастырях, они куда как превзошли ущербную природу их пола, а иногда умением своим превосходят и осторожных мужчин, как об этом отчасти свидетельствует следующее повествование. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В благородном и древнем городе твоем Марсико, как это тебе, может быть, уже известно, есть монастырь, монахини которого славятся своей добродетелью. В прошлом году там было всего лишь десять молодых женщин, одаренных замечательной красотой, со старухой настоятельницей, женщиной доброй и святой жизни. Она не только не пропустила зря своей цветущей юности, но и стаду своему внушила, что не следует терять даром время и молодость, бесчисленными доводами убеждая их, что нет большей печали, как видеть, что бесцельно истратили мы время, и заметить это лишь тогда, когда каяться уже поздно и когда дело нельзя поправить. И если все монахини не причиняли ей больших хлопот и были вообще в высшей степени склонны к усвоению ее уроков, то все же две девушки самого благородного происхождения превосходили прочих своими поразительными способностями. Одну из них я назову Кьярой; хотя это и не настоящее ее имя, оно очень ей подходит, так как, будучи умной и смышленой, она прекрасно умела разбираться в своих делах, а другую я окрещу и нареку Агнессой.

Потому ли, что эти монахини были красивее остальных, или потому, что они были особенно податливы к наставлениям и приказаниям настоятельницы, но, только узнав, что епископ этого города запретил строжайшими предписаниями посещение их монастыря кому бы то ни было, они решили с этим не мириться, а еще с бóльшим старанием и рвением, прибегая к самым необычным и разнообразным предлогам, стали прилагать всю изобретательность к удовлетворению своих похотливых влечений. И, упорствуя в своем намерении, они добились цели, так что в скором времени хорошо обработанная почва дала многочисленные плоды в виде хорошеньких монашков. И, заключив между собою тесную дружбу и прочный союз, они с такой ловкостью водили бритвой, что, можно сказать, не брили, а начисто снимали кожу. И так как такое поведение их не было большой тайной, а дошло до сведения многих, то и мессеру епископу стало о том известно. Последний отправился однажды в преподобную обитель с целью утвердить ее в благом поведении; но случилось, что сам он очутился во власти прелестей и красоты сестры Кьяры. Надавав много новых предписаний и советов, епископ возвратился домой другим, чем туда отправился. Он начал писать письма и сочинять сонеты и таким способом в скором времени открыл своей Кьяре, что погибает от любви к ней.

Кьяра, много дней протомив его ожиданием с целью сильнее разжечь его страсть, рассмотрев лицо епископа, убедилась, что оно было сделано плохим художником и, пожалуй, списано

с кого-нибудь из предшественников Адама; кроме того, она узнала, что скупость его не знает границ и что ее коготкам он не поддастся, а потому решила занести имя епископа в список людей, ею одураченных. Мессер епископ заметил это и, видя, что над его любовью потешаются и что взор нашей Кьяры, ясный для других, был для него мутен, пожелал разузнать, кто был тот, на кого она направила свои помыслы. В качестве влюбленного, для которого редко что может остаться скрытым, он во всех тонкостях исследовал дело и дознался, что преподобный приор церкви Сан-Якобо сошелся с Агнессой, а Кьяра предавалась любовным восторгам с другим богатейшим священником, которого звали дон Танни Салюстио, и что оба священника чуть не каждую ночь ходят вместе тешиться к своим возлюбленным. Разузнав все эти подробности, епископ решил непременно сделать так, чтобы ловкачи прелаты попались ему в руки, не только для того, чтобы пообщипать их густой пух, но и ради мести за нанесенную ему обиду. Итак, он принялся каждую ночь, с целой стаей своих волчат-клириков, бродить вокруг монастыря с целью удовлетворить оба свои желания; и случилось так, что приор, выходя однажды оттуда ночью, натолкнулся на засаду своих врагов и, схваченный ими, был отведен на суд первосвященника Кайафы. Дрожа, хоть и не от холода, он прежде даже, чем приступили к его допросу, решил, что, выдав товарища, он избежит гнева епископа, и потому сказал, что ходил в монастырь не ради греха, а лишь сопровождая дона Танни Салюстио, которого оставил в келье Кьяры.

Епископ, немало обрадованный тем, что поймал приора, и не менее желая захватить его товарища, приказал крепко связать первого и отправил его к себе на дом. Затем, все подготовив, чтобы без шума проникнуть в монастырь, он решил поймать, если удастся, дона Салюстио. Агнесса, которая не спала и была настороже, узнав, что приор схвачен и что епископ хочет проникнуть в монастырь, несмотря на свое собственное огорчение, в качестве верной подруги поспешила в келью Кьяры, чтобы предупредить ее о случившемся. Хотя известие это было выслушано Кьярой с большой досадой, молодая монахиня, отлично понимавшая, какими страшными последствиями это может ей грозить, все же не потеряла присутствия духа; хитрая и смелая, она надеялась, что с помощью уловки, тут же пришедшей ей в голову, сумеет избежать явной опасности и не увязнет в этой топкой грязи. Разбудив священника, который, кстати, уже успел разрядить свою баллисту и несколько раз удачно попал в цель, она посоветовала ему быть настороже, а затем поспешно направилась в комнату настоятельницы и встревоженным голосом крикнула ей:

— Мадонна, змея или какое-то другое злое животное пробралось к вашим цыплятам и собирается их всех пожрать!

Настоятельница, как это полагается старым монахиням, была весьма скупа и потому, несмотря на свою дряхлость, тотчас же вскочила с постели на защиту своих цыплят и волчьими шагами направилась в курятник. Кьяра, бывшая настороже, увидав, что ее замысел удался, вывела из своей комнаты священника, не успевшего еще как следует одеться, и, схватив его за край рубашки, быстро потащила его, как быка на скотобойню, в комнату настоятельницы. Уложив его там в постель, она быстрее ветра вернулась к себе. Почти в то же мгновение епископ со своими провожатыми вошел в монастырь и, дойдя до спален, встретился там с настоятельницей, которая возвращалась с палкой в руках, радуясь, что не нашла никакой змеи, и празднуя победу. Увидя епископа с сердитым лицом, она затрепетала и, глядя на него в упор, спросила:

— Мессер, по какому делу вы явились сюда в такое необычное время?

Епископ, который грозным выражением своего лица мог бы испугать медведя, обернулся к ней и рассказал все в подробностях, прибавив, что решил во что бы то ни стало накрыть Салюстио и Кьяру. Настоятельница, смертельно опечаленная случившимся, постаралась, как могла, доказать свою непричастность к этому делу и предложила епископу любое удовлетворение, заранее на все соглашаясь. Епископ, раздраженный промедлением, вместе со своими провожатыми и настоятельницей поспешно направился к келье Кьяры; постучав в дверь, они окликнули монахиню, велев ей тотчас же им открыть. Кьяра, хотя она и не думала спать, прикинулась, будто заспалась и что ей трудно встать; наконец, полуодетая и протирая глаза, она спокойно подошла к двери и с улыбкой спросила:

— Что это за армия сюда явилась?

Епископ, и без того уже сильно в нее влюбленный, а теперь совсем очарованный видом ее прелестей, все же, желая застращать ее, сказал:

— Вот как, разбойница! Мы пришли сюда, чтобы наказать тебя за нарушение святых обетов, а ты с нами шутишь, как будто мы ничего не знаем о том, что Салюстио лежал эту ночь в твоей постели, да и сейчас еще находится здесь!

Благоразумная настоятельница, беспокоясь о судьбе Кьяры, прежде чем та успела что-нибудь ответить, принялась ругать ее на чем свет стоит, от избытка ярости готовясь пустить в ход руки. Кьяра, отославшая своего медведя в чужую берлогу, презрительно ответила настоятельнице так:

— Госпожа моя, вы слишком поспешили, стараясь, вопреки

чести и долгу, запятнать меня гнусными подозрениями; но уповаю в том на бога и на святого и преславного Фому, нами почитаемого, что мессер удалится отсюда не иначе, как установив мою невинность и прегрешения других; тот, кто освободил Сусанну от ложного обвинения и гнуснейших священников, освободит и меня от возводимого на меня позора.

И, сказав это, она с притворными слезами и гневом прибавила:

— Входите же, хищные волки, пусть будет по-вашему.

Епископ, не сомневавшийся в том, что священник находится в келье, тотчас же вошел со своими людьми, и они обыскали все так, что и заяц не мог бы от них укрыться; но найти священника им не удалось, и епископ, полный гнева и досады, выйдя из комнаты, сказал:

— Даю слово, что мы его найдем, хотя бы нам пришлось обыскать все щели.

Настоятельница, видя, что все кельи монахинь подвергнутся обыску, сказала:

— Мессер, ради бога, ищите повсюду и начните с моей комнаты.

То же сказали и все монахини, сбежавшиеся на шум.

Епископ, думая, что догадался об умысле настоятельницы, приказал двоим из своих людей войти в комнату неповинной старухи и сделать вид, будто они ее обыскивают, так как место это не внушало ему подозрений и он хотел как можно скорее добраться до других. Войдя туда и увидев, что постель несколько приподнята, они убедились в том, что там находится мужчина, и, стащив с него одеяло, нашли под ним несчастного Салюстио, полумертвого от страха. Узнав священника, они тут же набросились на него, как борзые, и завопили: «Ecce homo!» *

Услышав шум, епископ со всеми своими провожатыми тотчас же вошел в комнату, и вы легко можете себе представить, как все были удивлены, найдя в постели настоятельницы раздетого священника; но больше всех была поражена этим сама несчастная, обманутая старуха: она чуть не умерла на месте. Хорошо помня, что до ее ухода в постели не было никакого мужчины, она не знала, во сне или наяву все это происходит, но одно она ясно понимала: будет она отрицать или покорно примет обвинение, все равно ей несдобровать. Когда мадонна Кьяра увидела, что ее выдумка увенчалась полным успехом, вы можете себе представить, с какой бранью она набросилась на мессера епископа и на несчастную, одураченную настоятельницу. Она кричала:

— Клянусь крестом господним, завтра же я извещу моих

* «Се человек!» (*лат.*)

родителей, чтобы они взяли меня из этого блудилища, где ночью можно найти священников в постелях тех, кто должен был бы подавать благой пример всем остальным! Ах ты старая чертовка! О, если бы сошел с неба огонь и чудом убрал тебя с земли!

Произнеся эти и другие подобные им слова, она в гневе ушла к себе в келью и заперлась там, оставив епископа и всех остальных в полном замешательстве. Злоба епископа сменилась величайшим смущением и стыдом. Вспомнив наконец о несчастном священнике, он приказал связать его, как вора, и, не позволив проводить себя убитой горем и пристыженной настоятельнице и другим монахиням, удалился домой. На следующее утро он сначала объявил для вида, что хочет устроить суд, чтобы предать костру приора и священника, но затем притворился смягченным, намекнув на то, что укротил свой суровый гнев благодаря заступничеству друзей; и таким образом огонь вместе с другими пытками, которыми он грозил святым отцам, превратился в приятнейшую влагу господина нашего святого Иоанна Златоуста; и такой чудесной силой обладает она, что не только она избавила преступников от заслуженной ими смерти, но, помимо отпущения грехов, дала им все полномочия для свободного плавания по уже взборожденным ими морям и по всяким иным, какие повстречают они на своем пути; впредь могли они делать это, не уплачивая никакой пени, так как в своем сыновнем послушании они оба выплачивали мессеру епископу должную десятину, дабы бог многократно умножил их доходы. Вот таким образом, славнейший синьор мой, мудрая Кьяра, благодаря своей быстрой находчивости, выскользнула из сетей мессера епископа и, свалив вину на тех, кто грозил ей огнем, спаслась от грозившей ей опасности.

М А З У Ч Ч О

Не желая в повествовании моем перебрасываться от одного предмета к другому, я оставил — и в дальнейшем оставлю — в стороне некоторые тайные и достойные внимания обстоятельства, относящиеся к монахиням, и в частности к тем из них, которые подчинены монахам. Умолчу поэтому о раздорах и смертельной вражде братий и мирян и о том, что тех монахинь, которые путаются с непосвященными, считают хуже иудеев и, подобно еретикам, постоянно подвергают заключению, гонению и преследованию, к другим же относятся благосклонно: они получают почетные должности, особые послабления и, наконец, пользуются величайшими преимуществами. Умолчу также о том,

что можно было бы рассказать о браках их с монахами, хотя я сам не раз бывал тому свидетелем и мог видеть и осязать это. Они устраивают пышные свадьбы, приглашают друзей из обеих обителей, приезжают на них с обозами, нагруженными всяким добром, служат мессу, веселятся, забавляются, танцуют под звуки спрятанных инструментов, с разрешения настоятельницы и прелата изготовляют брачное свидетельство, к которому прикладывают печать, и после роскошного ужина и всех прочих свадебных обрядов без стыда и страха новобрачные ложатся на брачное ложе — совсем так, как если бы невеста была вверена жениху отцом и союз их скреплен законом.

И хотя, признаюсь, я не вполне точно выразился в предшествующей новелле, сказав, что возделанная почва монахинь производила хорошеньких монашков, истина, противоречащая этому, еще гнуснее и отвратительнее, и я не могу умолчать о ней. Дело в том, что, для того чтобы не забеременеть, они прибегают к бесчисленным ухищрениям, описывать которые запрещает мне скромность. Что же касается случаев, когда их осел срывается с привязи и плодоносное семя производит свой естественный плод, то, чтобы избежать завершения родов, они пользуются всевозможными внутренними и наружными снадобьями и прибегают к разным отвратительным ядовитым настойкам. Таким образом, постоянно тревожа плод, прежде чем невинная душа ребенка отведает материнского молока, увидит вечный свет небес и окунется в воду святого крещения, они убивают и насильственно отправляют ее в ад. И если кто скажет, что это ложь, то пусть он осмотрит смрадные монастырские стоки: он найдет там следы совершенных монахинями убийств и обнаружит целое кладбище нежнейших костей — следы избиения, худшего, чем то, которое произвел Ирод над еврейскими младенцами.

Я только одно могу сказать по этому поводу: велико долготерпение господне! Не будучи в состоянии исчерпать этот предмет, я все же хочу коснуться его в кратких словах в следующей новелле. Недавно я сообщил о моем намерении великолепному Марино Караччоло, благороднейшему партенопейцу, хотя скорбь о моем дорогом и добродетельном брате так помрачила мой ум, что я сам не знал, какой изберу путь, приступая к писанию. Однако, ободряемый его просьбами и побуждаемый многими его письмами, я принялся за предназначенную ему новеллу.



НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Монах-партенопеец влюбляется в Маркезу; он прикидывается приверженцем короля, чтобы снискать расположение двора, и под вымышленным предлогом завладевает ключом от ворот монастыря; его товарищ приводит Маркезу к нему в келью, и монах дает ей деньги; Маркеза обо всем рассказывает своему любовнику; монах разоблачен, схвачен и приговорен к пожизненному заточению.

Великолепному и благородному Марино Караччоло

П О С В Я Щ Е Н И Е

Так много было причин, и столь справедливых, по которым я нахожусь в большой и непривычной скорби и постоянной тоске, что ты не должен удивляться, великолепный мой Марино, что я до сей поры хранил молчание и ничего не написал тебе. И если ты поразмыслишь, то в конце концов увидишь, что враждебные удары моей безрадостной судьбы все-таки не смогли воспрепятствовать тому, чтобы моя большая любовь к тебе вновь возобладала в моем сердце и мой смятенный ум и расслабленная рука были подвигнуты на написание тебе настоящей новеллы и на подробный рассказ об одном интересном случае, и не только для того, чтобы хоть немного удовлетворить твое благородное желание, но и для того, чтобы навсегда предостеречь тебя, да и всякого, кто ее прочтет в будущем, о том, как мы должны постоянно опасаться засады злых лицемеров и притворщиков монахов, потому что под обманчивым покровом своего одеяния они не убегают, подобно диким и хищным зверям, в свои привычные леса, прячась там от лая собак и шума охотников, но, как прирученные и ставшие домашними волки,

когда на них прикрикнут, прячутся в глубине наших же собственных комнат, прикрываясь щитом врожденной дерзкой наглости, и овладевают нашей честью, плотью и костями вместе со всем нашим достоянием. И пусть этот рассказ помимо прочего убедит тебя в этом. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Громкая молва, распространившаяся уже по всему свету, может послужить потомкам непреложным свидетельством о мирном царствовании победами прославленного короля дона Фернандо, который, по смерти высокого и славного государя и короля дона Альфонса Арагонского, в качестве его наследника и единородного и любимого сына стал властителем нашего Сицилийского королевства; получив в скором времени утверждение от папы, он был затем, как подобает достойнейшему королю, помазан и венчан на царство. Итак, приняв обычную присягу от своих баронов и народа, он вступил в мирное владение всем королевством. Но, как пожелала того завистливая и злая судьба, непостоянная и не прельщающаяся ни тишиной, ни спокойствием, не истек еще второй год его мирной державы, как пламя гибельной и смертоносной войны разгорелось в королевстве. Среди всех этих государственных переворотов и переменных удач такие испытания и притеснения терпел великолепный и славный Неаполь, вернейший из всех итальянских городов, что постоянно можно было видеть неприятеля, доходившего в своих грабежах и набегах до самых его непобедимых ворот.

По этой причине и по многим другим, рассказывать о которых нет необходимости, город этот почти лишился населения; монахи, которых было здесь великое множество, не представляли исключения. Не находя себе обычного обильного пропитания в городе, большая часть этих подвижников, отрекшихся из любви ко Христу от голода, холода и труда и враждующих с нуждою, разбежалась из всех орденов куда каждому показалось лучше и где с большим удобством можно было бездельничать. Тем не менее некоторые остались; и среди других остался один святой монах-неаполитанец, величайший праведник, превосходнейший исповедник и не менее опытный исследователь красот и дарований женских, нежели пороков и отступлений от веры. Хотя я знаю его имя и орден, к которому он ложно себя причислял, однако умолчу о том по уважительной причине и буду называть его просто Партенопейцем. Он не пожелал, подобно другим, оставить город, но предпочел пребывание в нем, дабы иметь более широкое поле для своих дотоле

еще не раскрытых гнусностей. Итак, из пастыря он превратился в волка, но сохранил вид кроткого агнца, и всякий, кто не был знаком с ним ближе, видя его босым, плохо одетым и с набожно склоненной головой, мог подумать, что пред ним второй святой Илларион. Такой внешностью добился он известности и внушил удивительное к себе почтение. И не только разных частных лиц, но даже синьору королеву удалось ему ввести в обман — отчасти тем, что он прикидывался неукротимым арагонцем, отчасти многими другими ложными измышлениями, вследствие чего ни один тайный совет не обходился без него. Продолжая в том же подлом роде и не будучи себе врагом, он прикарманил не одну сотню флоринов.

Раз в сопровождении другого монаха — венгерца, не менее гнусного плута, проходил он по Шильятскому склону; здесь приметил он одну молоденькую сицильянку поразительной красоты, которая жила против воли в доме разврата. Преподобный отец, хоть он и возвращался с набегов, доставивших ему такую добычу, что он мог бы дружески поделиться ею с товарищем, заметил, однако, и рассмотрел удивительные прелести девушки, продававшиеся по столь ничтожной цене, и не только воспылал к ней страстью, но и пожелал купить зараз весь этот товар; и, приблизившись с набожным видом, он сказал ей:

— Дочь моя, приходи непременно завтра в нашу церковь ради спасения души и для твоего собственного удовлетворения.

Девушка тотчас ответила ему, что охотно придет. Плененный и охваченный любовным пылом, монах вернулся домой и, открыв верному своему другу-венгерцу свою страсть и изложив ему свои желания, стал нетерпеливо ждать следующего утра, чтобы осуществить задуманное. Настало утро, и едва монах взошел на кафедру и начал свою проповедь, как уже заметил, что девушка явилась. И она была так мило одета, что пламя его столь недавно плененного и связанного сердца в тысячу раз еще усилилось.

Когда проповедь кончилась и вокруг него образовалась толпа мужчин и женщин, искавших совета или добивавшихся милости, монах, направивший свои мысли на иное, ответил всем:

— Дети мои, разве вы не слышали слов Христа в сегодняшнем Евангелии, что больше ликования и радости будет в небесных сонмах об обращении одной заблудшей души, чем о девяноста девяти безгрешных и не нуждающихся в покаянии? Вот почему я хочу попытаться заронить хоть искру духовной любви в холодное сердце этой бедной девушки.

И, взяв ее за руку, он отвел ее в исповедальню, где, накрывшись плащом, принялся с добротой расспрашивать о причинах, заставляющих ее служить толпе и быть рабой живодеров, торгующих человеческим телом.

Хотя девушка, видавшая виды, знала толк в людях, все же она не разгадала злостных замыслов его лукавого сердца; и потому она со слезами вкратце рассказала ему о своих несчастиях, на что монах ответил:

— Дочь моя, пусть тот, кому одному открыты все тайны, будет мне свидетелем, с каким великим огорчением выслушал я о твоих невзгодах и как мне тяжело видеть, что ты находишься в таком ужасном положении; и если ты расположена бросить эту жизнь ради честного супружества, то я предлагаю тебе все мои средства, которые не так уж малы, чтобы ты могла жить с полным удобством, и, кроме того, я хочу, чтобы ты теперь же вступила в полное владение душой моей и телом только бы мне увидеть, что ты покинула мрачную темницу, в которой по твоим собственным словам, ты пребываешь против воли. И я уверяю тебя, что твоим милым и прекрасным лицом и твоими более небесными, чем земными прелестями ты меня пленила так, что я теперь принадлежу тебе больше, чем самому себе, и совсем стал твоим. Итак, умоляю тебя, жизнь и радость моя, сжалься надо мной и над самой собой и переселись в дом одной благочестивой и преданной нам вдовы, у которой ты сможешь жить, не давая повода к злым толкам и соблазну; там ты будешь иметь от меня все, что может усладить твою душу, до тех пор, пока творец пошлет нам какого-нибудь доброго и порядочного юношу, которому мы отдадим тебя в жены, как этого желает мое сердце.

Одержимый похотью, священник в страстном порыве выдал себя девушке, мысли которой до сих пор были далеки от таких предметов; будучи неглупой, она убедилась в правде того, что раньше считала вымыслом, а именно что это адское воинство бездельников захватило себе в добычу большую часть христианского мира. Зная цену своему товару и видя, что священник упорно хочет купить его, она решила не только не продешевить, но даже заставить священника переплатить и потому ответила ему так:

— Отец мой, благодарю вас за великую вашу доброту ко мне, но, по правде говоря, я так связана с одним человеком, что не могу сама распорядиться своей судьбой; это изящный и богатый юноша, пользующийся общей любовью в нашем городе, и я уверена, что, потеряв меня, он отдаст тысячу жизней, чтобы только снова овладеть мной, а затем, ради своей чести, изуродует мне лицо; тем не менее время может многое уладить, а теперь подумайте, могу ли я услужить вам, которая так же сильно хочет принадлежать вам, как и вы мне.

Видя, что дело принимает для него хороший оборот и что желания его близки к осуществлению, монах, не думая ни о чем, ответил девушке, имя которой было Маркеза:

— Ты говоришь разумно, дочь моя, да благословит тебя бог!

Но где мы можем свидеться без помехи, принимая во внимание, что и мне тоже следует остерегаться твоего любовника?

На это она ответила:

— Бояться его незачем: он привык соблюдать тайну, так как это приносит ему выгоду, и не приходится опасаться, чтобы он сам, как говорится, стал калечить себе мотыгой ноги; постарайтесь лишь удовлетворить его, а заботы оставьте на мою долю.

Монах сказал ей:

— Если ты так порешила, то и мне это по вкусу; остается сделать вот что: я пошлю к тебе товарища, снабдив его своей рясой, и ты, переодевшись монахом, придешь с ним ко мне; я же постараюсь устроиться так, чтобы ничто не помешало нашему свиданию.

Девушка охотно изъявила свое согласие. Томимый желанием, монах попросил у нее в залог поцелуй; и Маркеза, которой железная решетка исповедальни мешала подставить для поцелуя свой нежный ротик, с самой милой ужимкой просунула свой змеиный язычок, сделав это с намерением еще сильнее разжечь страсть монаха. А после этого сладостного прощания она вернулась домой и, найдя своего любовника, обратилась к нему со следующими словами:

— Милый мой Гриффоне, уходя сегодня утром, я думала, что буду сама поймана, но если ты не будешь глуп, то я поймаю за хвост огромную птицу, и с таким густым пухом, что общипывать его мы будем не один месяц.

И она с самого начала, подробно и по порядку, рассказала ему все до конца. Гриффоне, обрадованный свыше меры, стал ждать с нетерпением, когда наконец венгерское суденышко возьмет на буксир сицилийскую лодку.

Братец волк, тоже крайне обрадованный, решил как можно скорее осуществить свой замысел, и, чтобы другие монахи как-нибудь не помешали, он немедленно отправился к королеве и обратился к ней со следующими словами:

— Ваше священное величество, я хорошо знаю, что людям, подобным мне, не подобает вмешиваться в дела государств человеческих; но, будучи христианином, я, конечно, принужден сообразоваться с волей господина нашего папы, наместника Христова на земле и святейшего пастыря матери нашей церкви; тем не менее я надеюсь, что поступаю хорошо, будучи приверженцем моего государя и вашим, и полагаю, что я должен быть готов, если понадобится, претерпеть за это жесточайшие мучения так, как если бы я страдал за нашу истинную веру. И вот я вынужден сказать, госпожа моя (не в осуждение другим: да не допустит этого бог!), что большинство наших монахов не придерживается столь же справедливых и благоразумных взглядов и мало чего

стоят, вследствие чего какой-нибудь пустяк может стать для них величайшим соблазном. А потому, зная, как сильно приходится мне их остерегаться, я принужден как-нибудь себя обезопасить от них; дело в том, что ко мне ночью приходят преданные мне люди из числа ваших приверженцев: кто с целью сообщить о каких-нибудь подозрительных делах, творящихся в городе, кто — желая указать на тайный способ, каким можно было бы добыть денег для нашего государя и короля, кто, наконец, по какому-нибудь иному из тысячи возможных поводов. А для того чтобы не быть узнанными, один приходит переодевшись монахом, другой — иначе, третий — как-нибудь еще; но наши привратники столь ревностны, что хотят разглядеть всякого приходящего и узнать в подробностях, что привело его к нам; и вследствие этого посетители скорее решаются уйти обратно, чем довериться неизвестному им лицу. Сколько пользы или вреда такое дело могло бы при случае принести государству и господину нашему королю, о том вашему величеству судить нетрудно; а потому мне показалось необходимым обратиться к вам с покорнейшей просьбой: во избежание явно могущей грозить опасности прикажите нашему прелату, чтобы он предоставил мне для государственных надобностей ключ от монастыря и внушил всей братии, чтобы никто не смел соваться и любопытствовать о лицах, приходящих для переговоров со мною, будь то днем или ночью; а кроме того, пусть он отведет мне отдаленную от всех других комнату, где я мог бы тайно в любое время принимать наших сторонников, не причиняя им неудобств.

Королева, питавшая к монаху полное и непоколебимое доверие, выслушав его искусную и на неоспоримых доводах построенную речь, сначала очень его поблагодарила, а затем, призвав одного из самых приближенных своих придворных, послала его немедленно к настоятелю монастыря с приказанием незамедлительно и без каких-либо ограничений исполнить желание брата Партенопейца. Все было тотчас же исполнено; монах получил ключ и немедленно по-княжески обставил свою комнату. Когда же наступила ночь, он послал венгерца привести Маркезу, переряженную монахом. Ждать ему пришлось недолго: в скором времени он увидел искусного охотника, без собак приведшего добычу. Выйдя им навстречу, он страстно поцеловал девушку, заключил ее в свои объятия и, расточая тысячи нежнейших слов, отвел в свою комнату; там, после приличного ужина отпустив монаха-венгерца, ко взаимному удовольствию легли они в постель; и чтобы Маркеза почувствовала, что и монахи умеют заставлять плясать других под звуки кастаньет, то, раньше чем позвонили к заутрени, он уже раз девять, а то и больше заставил нежно пропеть своего взъерепенившегося петуха.

Венгерец, ночевавший рядом, слышал их возню, и так как Медуза не превратила его в камень, то, как бывает с живыми людьми, он испытал восстание плоти. Никогда еще не был он так страстно воспламенен, и ему пришлось поступить так, как делают поварята, которые, не в силах противиться вкусному запаху господского жаркого, но боясь отрезать хотя бы кусочек, вдыхают пары и закусывают их сухим хлебом. Как это делается, всякий о том может догадаться без особых пояснений.

Когда же рассвело, преподобный монах собрался отпустить девушку домой и, желая, чтобы она, уходя, осталась им довольна, подарил ей роскошнейшие драгоценности; открыв свой ларец, доверху набитый деньгами, он, улыбаясь, сказал ей:

— Душа моя, мы не имеем обыкновения прикасаться к деньгам, а потому возьми сама, сколько пожелаешь.

Не дожидаясь вторичного приглашения, девушка протянула нежную ручку и взяла столько, сколько могла захватить; затем, забрав свои пожитки, она, прижавшись к монаху, нежно его поцеловала и вернулась домой в сопровождении брата-венгерца; бросив деньги на колени своему Гриффоне, она рассказала ему, как было дело, и прибавила, что окончательно завлекла монаха и в кратчайший срок надеется обглодать его до самых косточек. Весьма обрадованные, они порешили забрать все, что еще осталось, а потому начатые прогулки стали частенько повторяться. Все участники были довольны этой игрой, хотя и по разным причинам; любовь же монаха с каждым днем увеличивалась, а подарки и издержки не уменьшались; однако содержимое до краев полного ларца сильно убыло за это время, и не только Маркеза, весьма опытная в таких делах, но и слепой без труда узрел бы дно шкатулки. По этой причине девушка, прибегая к разным отговоркам, стала отказывать монаху в своих посещениях.

Брат Партенопеец, находившийся во власти своего необузданного желания, заметил, хотя и поздно, что Маркеза была влюблена не в него, а в его подарки, и стал раскидывать умом, как бы ему пополнить свой ларец. С помощью своего товарища-венгерца он нашел в монастырской церкви большое количество денег, спрятанных там одним изгнанным горожанином; он взял себе около пятисот флоринов, объявив об остальных при дворе, и вернулся к прерванному было занятию. Он стал до того беззастенчив, что вдвоем со своим венгерцем не только ночью, но иногда и днем отправлялись они в бесславный дом Маркезы, вследствие чего молва о позорном их поведении разнеслась в народе и стала притчей во языцех. Наконец чрез посредство одного благородного юноши, должно быть, влюбленного в Маркезу, узнал об этом и сам прелат; он не пожелал допустить, чтобы подобное

исчадие ада пятнало своим присутствием их непорочный орден, и, прослышав однажды вечером о том, что Партенопеец, на этот раз без венгерца, отправился тешиться к своей Маркезе, он в сопровождении монахов и дворян, чтивших его орден, последовал за беспечным монахом к дому его возлюбленной; там они их накрыли, и брат Партенопеец, найденный голым в постели Маркезы, не только поплатился тем, что был жестоко избит, но и подвергся пожизненному заточению, в котором и окончил свои дни.

М А З У Ч Ч О

Если бы суровое и заслуженное наказание, которому был подвергнут наш монах-партенопеец, стало бы поводом, чтобы отвратить других от предосудительных пороков и постоянных злодеяний, это было бы не просто похвально, но и достойно запечатлеться в памяти всех добродетельных людей. Но поскольку из этого следует прямо противоположное, то мне кажется, что и теперь все эти грешники продолжают мирно жить со своей порочностью. Поэтому можно действительно решить, что это извращенное племя обладает природой волков, у которых если случится, что кто-нибудь из волчьей стаи ранен так, что не может следовать за другими, то все набрасываются на него и яростно раздирают его на части, как если бы он был их врагом. Подобным же образом поступают и эти благородные люди, и когда с кем-нибудь из них случается явный скандал, да такой, что они не могут прикрыть его одеяниями своей лжи, непрерывные жестокие удары, бесконечные преследования и даже пожизненное заключение не кажутся им достаточными, чтобы наказать провинившегося. И так поступают они по двум очевиднейшим причинам: во-первых, в качестве примера и устрашения для других, дабы те своей неосторожностью не обнаруживали все эти проделки перед лицом общественного мнения и народной молвы, во-вторых, чтобы преследователи имели больший авторитет и доверие у мирян.

А что это верно, подтверждается вот чем: на этих днях разговаривал я на эту тему с некоторыми из них, и один из тех, с кем я беседовал, обладающий немалым авторитетом и хорошей репутацией, к тому же хорошо мне знакомый, сказал мне такие слова:

— Мой Мазуччо, если бы из-за корабля, терпящего кораблекрушение по пути в Александрию, другие корабли прервали бы свое плавание, то мы никогда не отведали бы даже перечного зернышка; в самом деле, виселица создана для неудачников.

Из этих слов можно заключить, что они считают, будто им разрешено любое, самое страшное преступление, что уже вошло у них в обычай, и они совершают его без малейшего угрызения совести или стыда; и ни страх божий, ни боязнь позорной смерти не могут остановить их, когда они начинают поступать столь неразумно. А в качестве доподлинного подтверждения всего вышесказанного я расскажу в следующей новелле, что говорил ученикам один знаменитый проповедник и большой знаток Священного писания,—

похотливый солдат едва
ли мог бы сказать
больше.

* * *
*



НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один молодой законовед не хочет заниматься наукой, продает книги и тратит деньги на удовольствия. Некий монах, проповедуя, обещает воскресить мертвых; молодой человек с несколькими товарищами идет на проповедь и забавной шуткой думает досадить монаху, но тот ловко изворачивается, дав юноше быстрый и достойный ответ.

Благородному и достойному Франческо Скалесу, королевскому секретарю

П О С В Я Щ Е Н И Е

Я полагаю, нежнейший мой Скалес, что для завязывания нашей дружбы мне подобает положить начало переписке, как это обычно бывает между отсутствующими друзьями. Итак, не желая казаться совсем неблагодарным за оказанные мне почести и изысканные плоды твоей веселой дружбы, я решил не просто обратиться к тебе теперь с дружескими писаниями, к которым обычно прибегают в обществе, но, как близкий друг, написать тебе приятное и заслуживающее внимания послание. Читая его на досуге, ты вспомнишь наши приятные беседы; и хотя чрезмерное общение с монахами ни в коей мере не похвально, ты тем не менее узнаешь, насколько менее вредны разговоры с теми, кто внешним своим видом выражает всегда то, что у него в сердце. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Превосходный город Неаполь по заслугам является столицей нашего Сицилийского королевства; он всегда цвел и будет цвести как воинской доблестью, так и изящной словесностью, славный

благородными своими гражданами. В этом городе несколько лет тому назад жил один ученый законовед, происходивший из почтенного семейства, очень богатый и известный своею порядочностью. Кроме различных природных благ, дарованных ему счастливой судьбою, она наградила его еще единственным сыном, которого звали Джеронимо ди Витаволо. Любовь, питаемая им к сыну, была исключительной, и, желая, чтобы тот не только стал наследником его богатств, но и украсился непреходящими благами добродетели и знания, он решил приохотить сына к ученью, прилагая к этому все свои усилия; но так как по временам ему казалось, что голова его сына не приспособлена к науке, то он не раз горевал и сетовал на то сам с собою и со своими близкими. Наконец, состарившись и почувствовав приближение смерти, он позвал к себе Джеронимо, назначил его наследником всего своего имущества и, приказав ему заняться изучением права, завещал ему также все свои книги, имевшие огромную ценность. Вскоре затем, приведя в порядок свои дела, он покинул бренную жизнь и был почтен пышными похоронами. Джеронимо, оставшись главой и хозяином собственного дома с многими тысячами флоринов в придачу, решил, подобно людям, которым деньги достались без труда, не беречь их любовно и начал роскошно одеваться, беспрестанно шататься с приятелями по городу, волочиться за женщинами и тысячью иных способов без удержу расточать свое состояние. И у него не только прошла всякая охота к ученью, но он до того возненавидел оставленные ему отцом книги (к которым тот относился с глубочайшим почтением), что стал считать их своими злейшими врагами.

Однажды случайно, а может быть, по какой-нибудь надобности забрел он в рабочую комнату своего покойного отца, где стояло, как приличествует подобному месту, множество прекрасных, в строгом порядке расставленных книг; при виде их ему почудилось, что они готовы на него наброситься. Немного успокоившись и овладев собой, он со злобной усмешкой обратился к ним с такой речью:

— Ах, книги, книги, пока жив был мой отец, вы всегда вели со мной войну; то покупая, то украшая вас, он обращал на вас все свое внимание и заботу, а когда я нуждался в флорине или желал получить что-либо из вещей, о которых мечтают юноши, то отец постоянно отказывал мне, говоря, что хочет превратить все свои деньги в книги; мало того, наперекор моим желаниям он хотел заставить меня подружиться с вами. По этому поводу мы не раз обменивались с ним резкими словами, и вы не раз были причиной того, что он готов был совсем выгнать меня из дому. Итак, раз не ваша в том вина, что я не был выгнан, то да не потерпит бог, чтобы я оставил вас на месте; и никому из вашей братии я не

позволю вновь перешагнуть этот порог. Я больше всего боюсь, чтобы вы не превратили меня в дурака, так как вам нетрудно было бы со мною сделать то же, что вы не раз делали с моим отцом, который, слишком любя вас, беседовал часто сам с собой, странно разводя руками и покачивая головой, вследствие чего я часто принимал его за сумасшедшего; а потому соблаговолите разрешить мне немедленно продать вас, чтобы отомстить за полученные обиды, а также чтобы избежать опасности спятить с ума.

Сказав это и сложив книги при помощи слуги в несколько тюков, он отослал их на дом к одному своему другу-законоведу, предоставив ему частью продать их, частью просто выбросить. Получив за книги несколько сот флоринов и присоединив эти деньги к остальным, он продолжал, как прежде, наслаждаться жизнью. Из-за его богатства, а также из-за остроумных его шуток и веселых затей с ним охотно водились самые изящные юноши. Однажды сошелся он со своими приятелями в церкви Сан-Лоренцо, где проповедовал один ученейший священник, объявивший в их присутствии, что на следующее утро он собирается говорить в своей проповеди о страшном суде, когда все умершие родственники присутствующих воскреснут. По этому поводу нашему Джеронимо пришло в голову забавное словцо, и, когда наступило утро, он в сопровождении своих приятелей, в числе которых был один ученый законовед, отправился в церковь и там, усевшись в укромном уголке и в душе своей потешаясь, стал ждать начала проповеди. Наконец пришел проповедник и с величайшим жаром начал говорить о страшном суде, мотая своей обнаженной головой совсем так, как сокол, с которого сняли колпачок; и, не прерывая ни на мгновение свою речь, он постоянно оборачивался в одну сторону, по направлению к некоей вдове, которую любил больше всего на свете.

Когда же он дошел до страшных слов: «*Venite mortui ad judicium*» *, то двое спрятанных им под кафедрой трубачей внезапно издали такой ужасный и резкий звук, что все присутствующие были не только удивлены и поражены, но прямо-таки потрясены и ошеломлены; не говорю уж о некоторых людях, пришедших из Гроссето, которые, поглядывая на могильные плиты, ждали, что вот-вот мертвые взаправду воскреснут. Джеронимо, стоявший со своими приятелями в сторонке, потешался вместе с ними над глупостью этих темных людей, которые плакали и взывали о милости божьей, не догадываясь о причине трубного гласа. Решив, что настало время сказать приготовленную им остроту, он вынул из кошелька фальшивый флорин и, обратившись к стоявшему с ним рядом законоведу, сказал ему:

---

* «Придите, мертвецы, на страшный суд» (*лат.*).

— Я уверен, что среди воскресших в первую очередь окажется мой отец, так как по крайней моей беспечности я не позаботился приставить к нему кого-нибудь; и он сразу захочет узнать от меня, почему я не занимался наукой, и потребует, пожалуй, обратно свои книги или заведет со мной иные тяжбы. Так вот, возьми этот флорин и отвечай ему за меня как мой поверенный; таким образом мы наверно выиграем наше дело.

Когда он кончил свою речь, все стоявшие поблизости и слышавшие его шутку, а также видевшие, с какой ловкостью и изяществом он ее преподнес, стали так громко хохотать, что, казалось, готовы были лопнуть. Проповедник, стоявший далеко от них на возвышении, поворачивался во все стороны, как опытный кормчий, наблюдавший за ветром, и потому ему нетрудно было подметить поведение Джеронимо. По виду его товарищей, смеявшихся в то время, когда все остальные плакали, он решил, что они заметили его ухаживанье, и, как человек ловкий, бывалый, красноречивый и при том нимало не лицемерный, он захотел узнать о причине их смеха, и если бы оказалось, что он не ошибся в своих догадках, быстрым и ловким ответом поправить дело.

Окончив проповедь, он немедленно направился туда, где стоял Джеронимо в толпе своих друзей, и, обратясь сначала ко всем им с приветствием, затем с ласковой улыбкой сказал следующее:

— Благородные синьоры, если вы не сочтете мой вопрос нескромным, прошу вас сказать мне, что побудило вас веселиться в то время, когда остальные плакали?

Джеронимо, заподозрив со стороны священника какую-то хитрость, обычную для этих людей, и не будучи близко знаком с подкладкой его рясы, захотел уколоть священника и с этой целью, заменив одну шутку другой, выступил вперед и сказал:

— Отец мой, мы твердо поверили вашему обещанию и радовались, ожидая воскресения одной прелестной молодой женщины, которая умерла во время последней чумы. Когда она заболела и муж бессердечно бросил ее, послали за мной, любившим ее больше жизни, и я сделал для нее все, чего можно было ожидать от столь сильной любви, приглашая к ней врачей и прибегая ко всем средствам, какие могли ей помочь. Чтобы выразить мне свою благодарность, она объявила в присутствии свидетелей, что считает себя моей, и обещала, что по выздоровлении будет принадлежать не мужу, а мне. Но бедняжка все же умерла и была похоронена в этой церкви; так вот, я и подумал, что муж, хотя и поздно, но все же пожалевший о своей жестокости, услышав о всеобщем воскресении, может быть, придет сюда со своими родственниками, чтобы увести жену домой. Я же, со своей стороны, привел с собой ходатая и хорошо заплатил ему, чтобы он

защищал мои законные права и смело изложил мою тяжбу перед вами, как перед истинным знатоком и лучшим судьей всякой любовной страсти; таким образом, если бы произошло ожидаемое нами, вы бы произнесли открытый и справедливый приговор относительно того, кому она теперь должна принадлежать. Но, увидав, что все это оказалось лишь притчей, как обычно бывает с вашими словами, мы, как вы уже заметили, только весело рассмеялись.

Умнейший монах, выслушав складно рассказанную ему небылицу, хотя и отказался от своих первых подозрений, однако решил, что нельзя оставить такие речи без должного ответа — такого, чтобы все поняли, на каком сале зажарены его мозги; и потому, обратясь к Джеронимо, он сказал так:

— Вы, господа миряне, имеете обыкновение тешиться с вашими женщинами, пока они молоды; когда же они состарятся и непригодны ни к чему больше, как только заговаривать у ребят червей или оказывать помощь роженицам, тогда вы передаете их нам, как на живодерню. Исповедуя их грехи, мы выслушиваем рассказы о том, как наслаждались они в молодости с вами, и нет нам от того никакой прибыли, кроме той, что удваиваются наши нестерпимые страдания; так же и в тех случаях, когда одна из них расстается с жизнью, вы отправляете ее к монахам, и нам приходится, как ни претит нам это, хоронить ее смрадный труп. Так-то вы тешитесь их нежным телом, а мы, побираясь, питаемся их гнилыми костями. Из этого вы можете судить, каким мукам вы подвергаете нас, ничего хорошего не получающих в этом мире, кроме добычи, доставляемой нашей изворотливостью. Но злейшее испытание нашего терпения состоит в том, что вы не хотите оставить нас в покое и покушаетесь на наших монахинь, обладание которыми мы искони провозгласили нашим законным правом. Если бы вы еще ограничивались разбойничьим захватом имущества, не принадлежащего вам по праву! Но нет, вы еще убеждаете их, чтобы, даря вам свои милости, они, как это действительно бывает, лишали их нас. И если кто может представить тому неопровержимое доказательство, так это именно я, ибо за время пребывания моего в этом городе я, как лицо, понесшее немалый от этого ущерб, хорошо узнал, как обстоит дело. И если бы некоторого рода животные, плохо перекрасившиеся под цвет нашей шкуры, животные, которым вы, по неразумию вашему, слишком доверяете потому лишь, что они именуют себя *блюстителями,*— если бы не то, что они, объявив крестовый поход против вашей чести и вашего достояния, не мстили из любви к монашеству за эти обиды, то нашему монашескому сословию пришлось бы плохо. Не довольствуясь тем, о чем я рассказал, вы еще объявляете притязания на то, что уже мертво и истлело, так

как не желаете уклониться от пути, на который вступили. Тем не менее, если кто-нибудь из вас хочет окончательно убедиться в том, что я знаток в любовных тяжбах и лучший судья в делах страсти, то приведите ко мне хорошенькую женщину, резвую и здоровую; взяв ее, как подобает, на поруки и произведя должное расследование, я надеюсь вынести справедливый приговор, и притом такого рода, что молодая женщина будет вполне им удовлетворена. И пусть тогда обе тяжущиеся стороны подают заявление о пересмотре дела: заявления эти будут отвергнуты. Мир вам, и господь да пребудет с вами!

Джеронимо и его товарищи были не только удивлены, но и смущены достойным и поучительным ответом монаха, и все сошлись на том, что среди прочих бездельников он — наименее скверный, а потому заслуживает в известной мере похвалы. Что же касается моего скромного суждения, то я советую без разбора гнать их всех подальше от своего дома.

М А З У Ч Ч О

Нет сомнения, что найдутся ныне и такие, кто упрекнет меня, утверждая, что вышеописанный проповедник по делам своим не только что поношения, а и похвалы достоин. Я же на это с легкостью возражу и в подтверждение словам своим, и в назидание потомкам, да и в собственную защиту сошлюсь на велемудрого и благочестивого Роберто да Лечче, какового по сущей справедливости за второго святого Павла почитают. Так вот, сей благочестивый муж за верное полагает, что меж монахами, священниками и иным церковным людом едва ли порядочно сыщется тех, кто закон божий и учение святых отцов вседневно наблюдает, а ежели и наблюдает, то в малом, а великое оставляет в преступном небрежении, что учению святого ангельского Франциска прямо противно. Впадая в любострастие с презрением стыда и благопристойности, пронырливые пустоплясы затем, чтоб простому люду пыль в глаза пустить, носят деревянные башмаки грубой выделки, каковых и сам святой Франциск не нашивал, прикрываются рубищем, а опираются на простую дубину, и все это только для того, чтобы доверчивым простофилям глаза от бесчинств своих и беззаконий верней отвести.

Сами же, преисполненные всеми знаемыми в свете пороками и потакающие всем своим желаниям, беспрестанно чинят наглости, проказы и блудодеяния, противные прелатов наставлениям. Предав себя беспорядочным своим хотениям и уместив внутри сердца своего отнюдь не закон божий, но охулительное сребролюбие и роскошь, проповедники слова божьего возвращаются

с проповеди груженные всевозможным добром и достатком, что есть верный знак истребления всех благих нравов и презрения божественных и человеческих должностей, в чем сии презренные слуги господни пребывают. А если и соблюдают они какие узаконения, то разве что те, которые фальшивые деньги брать возбраняют, а потому и копят только серебро надлежащей пробы, каковое занятие их вседневное составляет упражнение. В приходах своих пускают они ложные слухи, будто достатки свои от самого папы римского получили, тогда как получают их от единого своего пронырства и лихоимства. Горе тому, кого переменчивая судьба со злонравными сребролюбцами сведет! Сравнительно с ними другие монахи, хотя и захватчивости не лишенные, но не такие пронырливые и предприимчивые, могут по сущей совести внушать любовь, уважение и всяческое благоволение сравнительно с теми, которые объяты пороками, нравоучениям внимать не хотят, за что во веки веков должны среди прочих людей почитаться разбойниками, лихоимцами и злонравными невеждами. А затем, что о ныне живущих мне толковать несносно, в девятой моей новелле поведаю вам историю одного священника, который в старое время из своей кумы сотворил сообщницу распутных своих забав. Предерзко полагаю, что благосклонный читатель почерпнет душевное услаждение от знакомства с этой историей.



НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Священник сошелся со своей кумой; ревнивый муж мешает их свиданиям; молодка прикидывается одержимой, и муж отправлен любовниками в паломничество; священник же, не возбуждая подозрений, продолжает тешиться с кумой.

Благородному мессеру Драгонетто Бонифаччо

П О С В Я Щ Е Н И Е

Помнится, высокочтимый государь мой, немало времени проводили мы в рассуждениях о том, сколь мало можно иметь доверия к монахам, священникам и прочей братии. В подтверждение чего предлагаю вашему, равно как и благосклонных читателей вниманию повесть о том, как монахи обходят воспрещение входить в сношение с женским полом. Монахи с помощью всяких хитростей и разговоров торжествуют над своей добычей, входя в доверие к молодым особам, и при этом еще и оскверняют таинство святого крещения, что составляет наиглавнейшую часть нашей святой христианской веры. Тем самым они и Христа, господа нашего, и святого Иоанна оскверняют и предают на поругание, а честных людей обманывают и обирают. Посему молю всевышнего, чтобы он вкоренил в умы людские то разумение, что они суть наипервейшие закона божьего нарушители, как ты, высокородный господин мой, наилучшим образом уразумел.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Пьетра-пульчина — местечко, расположенное в Беневентской долине и обитаемое грубыми людьми, способными разве что к занятию скотоводством, но отнюдь не к торговле или другим

более выгодным промыслам. В наше дни туда прибыл один молодой, недурной собою священник. Умея немного читать, он с помощью мадонны Санта Кроче, единственной заступницы невежд, был назначен главным священником названного местечка; и, несмотря на то что был он скорее лесным бандитом, чем пастырем душ человеческих, он все же приступил, как умел, к отправлению церковных треб, и не только в самом скором времени покумился с большинством мужчин и женщин названного местечка, но в положенное время или когда была особая в том нужда приобщал каждого таинствам духовным. Он был из тех, что не постесняются при случае запихнуть куда следует святого Иоанна, и, часто заглядываясь на свою куму, молодую женщину редкой красоты, которую звали Лизеттой, он кончил тем, что страстно в нее влюбился. Была эта молодка женой одного парня, по прозванию Венецианец, который служил во время последней войны в пехоте, а затем вернулся на родину, чтобы пожать плоды, которые обычно мирное время дарует солдату; ковыряя землю мотыгой и плугом, он честно, в поте лица своего зарабатывал пропитание себе и своей жене.

Молодая женщина заметила, что в нее влюбился кум, которого она считала, благодаря новому его сану, первым человеком на земле, и, сочтя это величайшим для себя счастьем и часто с гордостью о том помышляя, она была готова вполне удовлетворить его желания; так бы оно и случилось, если бы только не муж, малый не промах, который так ревновал свою молодку, что, отправляясь в поле на обычную работу, постоянно брал ее с собой. Но однажды случилось, что молодка, плохо себя чувствовавшая, должна была остаться дома, и муж отправился один со своими волами. Проведав об этом, наш священник решил изведать любовь своей кумы и, подойдя к ее дому, промолвил:

— Добрый день, кума!

На его голос она с радостной улыбкой выглянула из окна и, как следует ответив на приветствие, спросила, куда он направляется в такой ранний час. Ухмыляясь, священник ответил ей:

— Я пришел нарочно, когда кума нет, а ты дома, попросить у тебя кобылу, чтобы доехать до виноградника. Ведь он такой скряга, что не то что прокатиться на ней, а даже посмотреть на нее не позволит.

Лизетта, будучи женщиной неглупой, отлично поняла, о какой кобыле идет речь, и потому с улыбкой ответила ему:

— Милый кум, вы задумали это сегодня неудачно, так как пришли в такое время, когда я при всем моем желании сделать этого не могу. У кобылы до того стерта спина, что нельзя ее вывести из конюшни, так что даже мой муж, решивший было на

рассвете прокатиться верхом, должен был по этой причине отказаться от своего намерения.

Священник, хорошо уразумев природу лошадиной болезни, сказал:

— Это нам только на пользу, и все выходит очень кстати, так как я собираюсь дать кобыле столько овса, что она от этого поправится, и буду так умело ею править, что, уверен, другой раз ты одолжишь мне ее с большой охотой.

— Ах,— сказала молодка,— какие вы все самонадеянные хвастуны! Мне не приходилось еще видать больной кобылы, которая бы от этого хоть чуточку поправилась.

— Пустяки! — ответил он.— Помолись богу, чтобы он помог мне, и действие лекарства покажет, насколько оно хорошо.

На это молодка сказала:

— Уходи себе с богом, кум, а дня через четыре или пять, надеюсь, можно будет ее оседлать; тогда мы и попробуем.

На этом они расстались; и по прошествии указанного срока кобыла настолько оправилась, что могла вынести самую тяжелую работу. Поэтому молодая женщина, желавшая исполнить свое обещание, однажды осталась под вымышленным предлогом дома, когда Венецианец отправился на свою обычную работу. Узнав об этом, священник не мешкая направился к дому молодки и, войдя туда никем не замеченный, нашел кобылу в полном здравии. Без лишних слов, подтянув поудобнее стремена, он вскочил на нее и пришпорил вовсю; и так, не отымая шпор от ее боков, он в кратчайшее время проскакал две с половиной мили, и если бы животное не спотыкалось под ним от быстрого бега, то он без труда, как намеревался, одолел бы и третью милю; а чтобы дело не расходилось со словами, он через каждую милю кормил кобылу овсом. И так к величайшему своему удовольствию проездили они целый день, сделав уж не знаю в точности сколько там миль. Когда же наконец приблизился час, когда Венецианец должен был возвратиться домой, священник, вежливо распростившись, оставил кобылу в ее стойле почти загнанной, но все же готовой скакать дальше. Случилось затем, что муж молодки, потому ли, что ревновал ее без причины, или потому, что и впрямь что-то подметил, запретил ей впредь, если только не хочет она смерти, хотя бы словечком перемолвиться со священником. Молодка хорошо помнила, как обильно кормил кобылу овсом ее кум — совсем не так, как муж, от которого едва приходилось ждать по небольшой мерке в неделю; и потому она чуть не умерла от огорчения. Она дала знать обо всем священнику, который тоже крайне пожалел об этом, как никогда. После долгих переговоров, которые велись ими через верную посредницу, они остановились на выдумке более забавной, чем опасной.

И, чтобы, не откладывая, осуществить задуманное, как-то раз воскресным утром, выходя из церкви, наша Лизетта прикинулась перед всем честным народом одержимой и начала корчиться, ломая руки, кривя рот, закатывая глаза и вопя так, что все присутствовавшие разбежались в страхе, словно молодая женщина и впрямь была одержимой. Муж, любивший ее больше жизни, при виде такого неожиданного несчастья готов был умереть от тоски и горько плакал. Огорчение пересилило его ревность, и, когда жену отнесли домой, он тотчас же послал за священником и стал слезно молить его, чтобы он заклял духа и изгнал из нее святой молитвой. Священник степенно подошел и, начав свое заклинание по положенному обряду, спросил духа, кто он; молодка, отвечая так, как между ними было условлено, сказала:

— Я — дух отца этой бедной молодой женщины; я обречен, терпя муки, скитаться десять лет.

Венецианец, услышав, что это его тесть, подошел и сказал:

— Прошу тебя, во имя божье выйди из своей дочери и не мучь ее больше.

Дух в ответ ему сказал:

— Через несколько дней я выйду отсюда, но предупреждаю, что затем вселюсь в тебя и останусь в тебе во искупление моих грехов в продолжение всего указанного мною времени. И это тебе за то, что ты радовался моей смерти.

Несчастный Венецианец при этой ужасной вести забыл о страданиях жены и, объятый страхом перед предстоявшей ему бедой, сказал:

— Ах я горемычный! Неужели же нельзя ничем здесь помочь и добиться милостыней или другими добрыми делами отмены этого приговора?

— Можно,— ответил дух,— если ты только захочешь.

— Как тут не захотеть? — ответил Венецианец.— Я готов продать для этого все, даже моего осла.

Тогда дух сказал:

— Тебе следует отправиться на сорок дней в паломничество и посетить сорок церквей, в каждой из которых ты закажешь заупокойную мессу во отпущение моих грехов; и попроси твоего кума-священника, к которому ты несправедливо приревновал свою жену, чтобы он тем временем отслужил здесь такое же число месс и ежедневно читал ей на ухо церковные часы, ибо он человек добродетельный и живущий лишь духом, а потому его молитвы особенно угодны богу; и кроме того, выказывай ему впредь полнейшее доверие и почтение; и я не только уповаю молитвами его снискать себе прощение, но и полагаю, что бог благодаря им приумножит твой достаток.

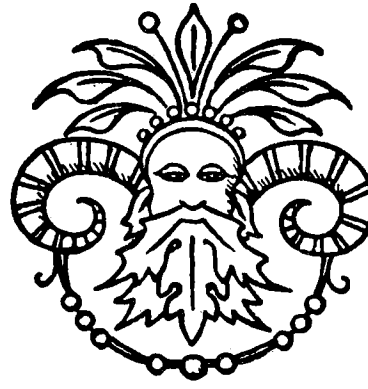
Венецианец, услышав, что есть средство против бед, неминуемо, казалось, грозивших ему, ответил, что он немедля сделает все это; и, обратившись к своему святому куму, он тут же попросил его исполнить все сказанное, предложив для уплаты треб продать своего великолепного борова. Вскоре затем он отправился в путь; священник же, глаза которого притворно плакали, между тем как сердце смеялось, сразу приступил к исполнению возложенных на него обязанностей и вступил снова во владение женой Венецианца и ее небольшим имуществом; и можно считать несомненным, что, пока муж находился в святом своем паломничестве, они, с целью изгнать из больного тела одну страждущую душу, к великому своему удовольствию вселяли в него не одну сотню блаженных. К тому времени, когда были закончены неначатые обедни, Венецианец вернулся из паломничества, Лизетта избавилась от страданий, а душа ее отца очистилась от грехов. Венецианец чувствовал себя теперь настолько обязанным своему святому куму за все его благодеяния, что никогда уже больше не ревновал к нему своей красавицы жены. Она же в течение своей болезни, как это бывает с одержимыми, разболтала все тайны мужчин и женщин, причинивших ей какие-либо неприятности, что ей было нетрудно сделать, так как, по подлому обыкновению своего гнусного сословия, священник предоставил в ее распоряжение все, что слышал от них на исповеди.

М А З У Ч Ч О

Из рассказанной новеллы о том, как конь на третьей миле споткнулся, из чего худой всадник никакого поучения не вывел, любезный читатель, без сомнения, получил незлобивое увеселение. Между тем дурные страсти и достойное хулы поведение не только сельского архипастыря, но и всех иных монахов, священников и служителей церковных должно предать осуждению и осмеянию. Сии наставники совести бессовестно таинство святого крещения предают поруганию, а тайну святой исповеди разглашению, что составляет лишь малую часть их злонравных бесчинств. Когда же какой из них другому в таком бездельстве и беззаконии признается, то тот ему наложит епитимью — прочитать единожды «Отче наш», точно как дело не о преступлении закона божьего идет, а о малом прегрешении, вроде как плюнуть в церкви. Когда ж случится им мирянина в лапы зацапать, то тут каждое лыко в строку, тут бедолагу без промедления еретиком ославят и наказанию надлежащему предадут. А что это есть сущая правда, в том читатель благонадежное найдет уверение

в десятой новелле, где повествуется об одном старом исповеднике, который вовсе не в глуши сельской, а в самом святом граде Риме бесчинства свои чинил. Ради удовольствования своего сребролюбия он под защитой самого святого Петра доверчивым простакам царствие божие по сходной цене сбывал, точно царствие это — его собственность, в чем
от очевидных свидетелей
благонадежное имею
уверение.

* * *
*





НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Брат Антонио из Сан-Марчёлло, исповедуя, торгует царством небесным и скопляет таким способом уйму денег; двое феррарцев с помощью ловкого обмана продают ему поддельную драгоценность; узнав, что это подделка, он приходит в отчаяние и умирает от огорчения.

Благородному и родовитому мессеру Франческо Арчелла

П О С В Я Щ Е Н И Е

Достойнейший мой Арчелла, если мы, смертные, захотим серьезно подумать о том, сколь возвышенным и огромным было милосердие и сколь обильной благодать великого бога по отношению к роду человеческому, перед нами отчетливо откроется, что с самого начала нашего создания он не только сотворил нас по образу и подобию своему, но и соблаговолил даровать нам власть над морем и сушей, горами и равнинами и над всеми видами неразумных тварей, нам подчиняющихся и служащих нашему пропитанию. И хотя наши прародители из-за своих дерзких наклонностей устремлялись к неизбежной и вечной гибели, и для себя самих и для всех тех, кто за ними последует, однако, проявляя в каждом своем действии огромную снисходительность и величайшую любовь к нам, он соблаговолил для нашего спасения послать своего единородного сына на тягчайшие страдания и смерть на крестном древе, незамедлительно отверзшую запертые врата рая. И сверх того, неустанно продолжая являть нам истинную нежность своей милующей любви, сын божий, захотев вернуться к отцу, откуда он пришел к нам, оставил нам своего достойнейшего наместника, славного первосвященника святого Петра, наделив его величайшей вла-

стью, а вслед за ним и весь священнический чин в качестве своих заместителей, которые могут и хотят даровать нам при нашем желании сам райский град. Но с еще большим восхищением подобает воспринимать бесконечное терпение, с каким бог-творец переносит существование на земле некоторых из вышеупомянутых заместителей, которые, исповедуя данной им властью, продают рай как свою собственность тем, кто полагает, что его можно купить; и в соответствии с возможностями покупателя и количеством полученных ими денег они даруют более или менее высокое место в раю, обделяя тем самым великого бога, и при этом не делают различия между убийцей или порочнейшим преступником и человеком скромным, чья жизнь украшена добродетелями и похвальной размеренностью, лишь бы их алчные руки были умащены деньгами. И хотя я решил не оскорблять их более уколами моего пера, я все-таки приведу здесь многочисленные и разнообразные старые и заслуживающие доверия примеры, которые вызовут у тебя, да и у многих других величайшее изумление, что божественная справедливость не испепелила их всех разом и не отправила их в самую глубь преисподней. Однако далее я покажу тебе, что проделал ради получения денег один старый монах, который продавал рай бесчисленному множеству невинных христиан и отворял для всех его двери; когда же он сам стал умирать, двери эти по заслугам захлопнулись у него перед носом. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Во времена Евгения IV, достойнейшего из князей церкви Христовой, был в Риме преклонного возраста монах, которого считали правоверным католиком и человеком добродетельной и святой жизни. Звали его брат Антонио из Сан-Марчелло, и принадлежал он к ордену слуг господних. Много лет он состоял в числе исповедников храма святого Петра, и, исполняя эту должность, он не поступал так, как это в обычае у некоторых, именно не приставал к людям с ножом к горлу, но привлекал их ласковым обхождением и приятными манерами; он убеждал каждого идти к нему на исповедь, доказывая, что, подобно воде, гасящей раскаленное железо, святая милостыня с помощью правдивой исповеди очищает грехи и в этой жизни, и в будущей. И приди к нему какой угодно злодей, совершивший все преступления и непростимые грехи, на какие только способна душа человеческая, если только рука грешника зажимала что-либо иное, а не просто воздух, он единым махом способен был посадить его рядом со святым Иоанном Крестителем. Так-то он

в течение долгих лет зарабатывал уйму денег и считался всеми чуть ли не святым; и не только большинство иностранцев, но и итальянцы ни за что не соглашались исповедоваться у другого священника, ежедневно наполняя то бóльшим, то меньшим количеством денег его мошну. Он накопил таким образом много тысяч флоринов, делая вид, что тратит их на постройки, производимые в его монастыре; однако на самом деле так малы и редки были его траты, что по сравнению с огромным его доходом это было все равно, как если бы из Тибра зачерпнуть стакан воды.

Около этого времени прибыли в Рим двое молодых феррарцев, одного из которых звали Лодовико, а другого Блазио. Как это в обычае у людей их ремесла, они с помощью фальшивых монет, поддельных драгоценностей и разных других мошеннических штук надували всех, с кем имели дело, и таким-то образом странствовали по свету. Они прослышали о великом богатстве брата Антонио и заметили также, что он скупее всех других стариков монахов: ведь в должности исповедника он оставался не по какой другой причине, а только из закоренелой своей жадности; и исповедальне его, в которой он постоянно торговал местами на небесах, вполне подошло бы название конторы таможенных сборов. Они подметили также, что этот славный монах постоянно имел сношения и вел какие-то дела с менялами, которые, владея разными языками, вечно околачиваются около храма святого Петра, предлагая свои услуги по размену денег всяким чужеземным паломникам. Однако эти люди не только меняли монаху попадавшие к нему в руки иностранные монеты на итальянские, но и помогали продавать подносимые ему драгоценности. Разузнав все подробности относительно дел этого монаха, наши феррарцы решили присоединить его к числу людей, одураченных ими. Для этого Блазио, хорошо говоривший по-испански, чтобы выдать себя за испанского менялу, повесил себе на шею лоток и, как это делают другие, расположился с утра перед собором святого Петра; и всякий раз, когда брат Антонио входил или выходил, он снимал перед ним шляпу, приветствуя его веселой улыбкой.

Так продолжалось несколько дней. И однажды монах, пожелав познакомиться с ним поближе, ласково подозвал его и спросил, как его зовут и откуда он родом. Блазио, весьма обрадовавшись тому, что рыбка, как видно, клюнула, вежливо ответил так:

— С вашего разрешения, мессер, меня зовут Диэго из Медины, и нахожусь я здесь не столько для размена денег, сколько для того, чтобы купить какой-нибудь красивый драгоценный камень в оправе или без нее, если такой мне попадется. С божьей

помощью я большой в них знаток, потому что я долго жил в Шотландии, где ознакомился с разными тайнами этого ремесла. Во всяком случае, я весь к вашим услугам, отец мой, и, видя в ваших руках испанские монеты, я готов служить вам за самый ничтожный барыш как из почтения к вашему сану, так и ради того удовольствия, которое доставляет мне это новое, крайне лестное для меня знакомство с вами.

Монах, заключивший из ловкой речи шарлатана, что тот — большой знаток в драгоценных камнях, был немало этим обрадован и счел за большое счастье приобрести такого друга, а потому с приятной улыбкой ответил ему:

— Послушай, Диэго, ты, конечно, знаешь, что всякая истинная любовь должна быть взаимной. Так вот, приняв во внимание, что я обладаю особой властью, и, может быть, большей, чем остальные исповедники этого храма, не поленись, если встретишь кого-нибудь из своих земляков или какого другого иностранца, послать его ко мне, и из любви к тебе я отнесусь к нему с доверием. И это будет для меня основанием оказать и тебе какую-нибудь услугу.

Итак, обменявшись изъявлениями благодарности и решив помогать друг другу, как отец сыну, каждый из них вернулся к исполнению своих обязанностей. Лодовико, нарядившись, как у него было условлено с Блазио, провансальским матросом, бежавшим с галеры, расхаживал по храму святого Петра, прося подаяния; и так как он был искусным плутом, то, получая милостыню от каждого и не упуская в то же время своего настоящего дела, он набрал изрядно деньжат; бродя по церкви, он не сводил глаз с вымпела, и, улучив минуту, когда брат Антонио не был занят исповедью, он медленным шагом смиренно приблизился к нему и попросил его выслушать. Кошель монаха был пригоден для всяких денег, а потому святой отец не пренебрег и этим человеком, которого он по виду принял за бедняка. Лодовико стал на колени, потом поднялся и, осенив себя крестным знамением, начал так:

— Отец мой, хоть и велики грехи мои, я пришел, однако, сюда не столько для исповеди, сколько ради того, чтобы открыть вам величайшую тайну, и именно вам, а не кому-либо другому, потому что в вас, как мне кажется, я вижу величайшую доброту и преданность служению богу; и я не знаю, что за дух побуждает и принуждает меня открыться исключительно вам — мне ли на счастье, вам ли на пользу; и потому прошу вас и умоляю, ради истинного бога и во имя святейшего таинства исповеди, соблаговолите соблюсти все это в тайне, ибо это, как вы увидите, необходимо.

Брат Антонио, заключивший из таких слов, что можно будет

извлечь какую-то выгоду из этого человека, быстро повернулся к нему и, внимательно осмотрев его, добродушно ответил:

— Сын мой, если ты хочешь мне довериться, то нет препятствий к выполнению велений твоего духа; но я должен тебе еще особо напомнить, что ты можешь свободно открыть мне все свои тайны без малейшего опасения, так как следует тебе знать, что ты их поведаешь не мне, а богу и что самая позорная смерть (если бы не то, что за ней последует вечное осуждение) была бы недостаточным наказанием для священнослужителя, разоблачившего хотя бы малейший пустяк, доверенный ему на исповеди.

Лодовико, который был большим ловкачом, сделал вид, что прослезился, и так ответил монаху:

— Мессер, я верю тому, что вы говорите, но все же продолжаю бояться, так как дело это очень страшное и грозит мне большими неприятностями и даже опасностью для моей жизни.

А жадный монах, со своей стороны силясь разгадать, в чем дело, не переставал убеждать его самыми вразумительными доводами, чтобы тот вполне ему доверился. Долго промучив монаха разными хитрыми проволочками и убедившись, что любопытство его разгорелось до крайности, Лодовико начал наконец с застенчивым видом рассказывать, как он был в неволе на каталонской галере и как к нему попал в руки карбункул, которому цены нет. Он-де украл его ночью у одного своего товарища по галере, грека, умершего от заразной болезни; Лодовико один знал, что эта драгоценность была зашита у грека на груди; а грек похитил карбункул вместе с другими драгоценными предметами, когда, прибегнув к хитрейшей уловке, сообща с одним немцем ограбил сокровищницу собора святого Марка; и вот на беду свою попали они все на эту злосчастную галеру, а когда она потерпела крушение в Мессинском заливе, Лодовико со многими другими бежал с нее и добрался до Рима.

Закончив свое складное вранье, Лодовико, роняя слезы, прибавил:

— Отец мой, я хорошо понимаю, что если буду держать его при себе в продолжение такого долгого пути, как отсюда до моего дома, то могу попасть из-за него на виселицу; а потому я готов сбыть его по значительно более низкой цене, чем его настоящая стоимость. Как видите, сам бог направил меня прямо к вам, пожелав, наверное, чтобы в награду за все творимое вами добро, о котором я столько наслышался, это несравненное сокровище лучше досталось вам, чем кому-нибудь другому. Ввиду всего, что я рассказал вам, умоляю вас взяться за дело так, чтобы не вышло мне беды. Я покажу вам этот драгоценный камень, и, если он вам подойдет, вы мне дадите столько, чтобы, возвратившись домой, я мог выдать замуж моих трех дочерей, которые,

как я узнал сегодня, живы, но впали в крайнюю нищету. Ничего иного за свое сокровище я от вас не потребую.

Брат Антонио, выслушав заключение его складной басни, не только поверил ему, но так обрадовался, что, казалось, готов был лопнуть от восторга. Пустив в ход все свое красноречие, он стал уверять Лодовико, что сохранит все в тайне, а затем попросил его показать драгоценный камень. Лодовико, продолжая побаиваться, уступил наконец настояниям монаха и, почти дрожа от страха, вытащил из-за пазухи кусок хрусталя с подложенной красной фольгой, так искусно вделанный в золотую оправу, что он казался настоящим карбункулом изумительной величины и красоты; и так хорошо он был завернут в шелковую тафту и искусно уложен, что поистине никто, кроме настоящего мастера, не мог бы узнать подделку. Положив камень на ладонь и прикрыв его другой рукой, Лодовико, озираясь по сторонам, показал его, наконец, жадному волку. Увидев камень, монах пришел в восторг, так как стоимость карбункула показалась ему еще большей, чем он предполагал. Но тут ему пришло на ум сначала посоветоваться со своим приятелем-испанцем, и, обратившись к Лодовико, он сказал ему:

— Камень кажется мне действительно очень хорошим; но все же возможно, что твой товарищ тебя обманул; и чтобы рассеять сомнения, если ты ничего не имеешь против, я тайно покажу его одному знатоку, моему хорошему приятелю. И если камень таков, каким он выглядит, я дам тебе не только просимое тобою, но все, что будет мне по средствам.

На это Лодовико сказал:

— Не надо, не делайте этого; ведь меня могут осудить как вора.

Монах ответил:

— Право же, не бойся; я тебе обещаю, что не выйду из этой церкви, а только подойду к главным воротам, где находится один испанец, большой знаток драгоценных камней, очень порядочный человек и мой духовный сын; я покажу ему камень с большими предосторожностями и тотчас же возвращу его тебе.

В ответ на это Лодовико сказал:

— Увы мне, боюсь я, как бы не стать вам сегодня виновником моей смерти; если бы было возможно, то я бы не согласился. Но во всяком случае прошу вас хорошенько подумать: почему это вы так доверяетесь испанцам? Ведь они всегда были людьми ненадежными.

Монах ответил ему:

— Предоставь заботу об этом мне. Если бы он был самым плохим человеком на свете, то и тогда бы он меня не обманул, так как он питает ко мне не меньшую любовь, чем к себе самому.

И, покинув Лодовико, монах отправился туда, где с большим нетерпением поджидал его Диэго. Последний, завидев брата Антонио, приветствовал его, как полагается, а монах, ответив на приветствие, отвел феррарца в сторону и, показав тайком свою великую драгоценность, попросил его, ради любви к нему, сказать, сколько она на самом деле стоит. Посмотрев на камень, Диэго сначала выказал изумление, а затем с улыбкой сказал:

— Мессер, вам угодно надо мной смеяться? Ведь это карбункул самого папы!

Монах радостно ответил:

— Не заботьтесь о том, кому он принадлежит; скажите мне одно: сколько, по-вашему, стоит этот камень?

Феррарец, продолжая улыбаться, сказал:

— Да зачем это? Вы и сами знаете это лучше меня. Но, должно быть, вы хотите испытать мои познания, и потому, раз вам этого хочется, извольте, я скажу: только один папа или Венецианская республика могли бы его купить за настоящую цену.

На это монах ответил:

— Если ты дорожишь своей душой, скажи мне по правде, какая ему цена.

— Увы! — сказал Диэго.— Хотя нынче драгоценные камни и очень упали в цене, я при всей моей бедности предпочел бы этот карбункул тридцати тысячам дукатов.

И, снова посмотрев на камень, он поцеловал его и прибавил:

— Да будет благословен край, произведший тебя!

Затем, отдавая камень монаху, он спросил его:

— Скажите по правде, ведь он принадлежит папе?

— Да, конечно,— ответил монах,— однако нельзя его никому показывать, так как его святейшество желает, чтобы камень увидели только на его митре, и я иду для того, чтобы его туда вставили.

С этими словами монах распрощался с менялой, с радостью в душе вернулся к Лодовико и сказал ему:

— Сын мой, камень очень хорош, но все же не такого высокого качества, как ты думал; я все-таки куплю его, чтобы вставить в одно из распятий нашей церкви. Сколько бы ты желал получить за него?

Тот ответил:

— Не говорите так, ибо я хорошо знаю, что это за вещь; и если бы я мог сохранить ее при себе, не подвергая свою жизнь опасности, то, конечно, я бы крайне разбогател; но я предпочитаю спокойно отделаться от нее здесь, чем продавать ее где-нибудь в другом месте, подвергая себя опасности; и для того чтобы вы мне помогли в моей нужде, я отдаюсь в ваши руки;

поступите же так, как велит бог и ваша совесть, раз уже вы предназначаете этот камень для вашей церкви.

Монах сказал ему:

— Будь благословен, сын мой! Но, принимая во внимание, что мы, бедные монахи, не имеем других доходов, кроме милостыни, получаемой от благочестивых людей, да и ты тоже беден, мы не должны обижать друг друга; и чтобы показать тебе пример, я дам тебе сейчас двести дукатов, и, когда тебе случится затем снова быть здесь, я приобщу тебя к милостям божьим, посланным нам за это время.

Лодовико снова заплакал и сказал:

— Мессер, вы человек божий, а не стыдитесь назначать такую ничтожную цену! Да не допустит бог, чтобы я дал такой промах!

На это монах ответил:

— Не волнуйся, милый человек, и не плачь без нужды; скажи мне, сколько бы ты хотел получить?

— Сколько бы я хотел? — сказал Лодовико.— Я полагаю, что сделаю большее пожертвование для вашей церкви, чем те, кто ее основали, заложив первый ее камень, если продам вам эту драгоценность за тысячу дукатов.

Брат Антонио, в котором боролись злейшая скупость и желание получить редкостную драгоценность, начал подтягивать парус вверх, в то время как Лодовико тянул свой конец вниз, пока наконец после долгого спора они не сошлись на середине, то есть на пяти сотнях дукатов. И, направившись вместе в собор святого Марка, они вошли в келью. Здесь, спрятав рубин в свою шкатулку, монах отсчитал Лодовико пятьсот дукатов чистым золотом; тот, получив деньги и зашив их с помощью монаха в свое платье, распростился с ним и, напутствуемый его благословением, быстрее ветра направился к собору святого Петра. Там он дал знак поджидавшему его с тревогой товарищу, и немного погодя они сошлись в условленном месте, а затем распустили по ветру паруса — и лови их, брат Антонио, где знаешь! Монах, крайне довольный своей покупкой и полагавший, что он стал богачом, задумал при посредстве одного ювелира, своего друга и кума, перепродать драгоценный камень самому господу богу; позвав ювелира к себе и с большими предосторожностями показав ему редчайший камень, он спросил его:

— Что скажете, кум? Неплохое приобретение для монаха?

Кум, посмотрев на камень, рассмеялся; увидев это, монах, продолжая улыбаться, спросил, над чем тот смеется, на что кум ответил:

— Я смеюсь над нескончаемыми и разнообразными плутнями, к которым прибегают мошенники, чтобы надувать

неосторожных людей; могу вам поручиться, что мало кто признал бы этот камень поддельным.

— Как так? — вскричал монах.— Разве он не настоящий? Какая ему цена? Рассмотрите его как следует, ради бога!

Но кум ответил:

— Я его уже хорошо рассмотрел и уверяю вас, что эта вещь стоит ровно столько, сколько стоит золото оправы; а цена ему — меньше десяти дукатов; а чтобы вы сами могли судить, я покажу вам, в чем дело.

И, взяв ножик, он ловко вынул камень из оправы, а отодрав фольгу, показал монаху прозрачнейший хрусталь, который в солнечных лучах загорелся, как огонь. Монаху, узревшему обман, показалось, что небо обрушилось ему на голову и земля уходит из-под ног; в дикой ярости и безмерном отчаянии он схватился за голову и стал раздирать себе лицо старческими ногтями. Кум, дивясь этому, спросил:

— Что с вами, кум?

— Увы, сын мой! — отвечал монах.— Смерть моя! Ведь я заплатил за него пятьсот золотых флоринов; но, ради бога, проводите меня до собора святого Петра, где находится один разбойник, испанский меняла, посоветовавший мне купить этот камень как настоящий. Конечно, он сговорился с продавцом.

Кум потешался над всем этим, но все же захотел услужить монаху, и, сев на лошадей, они весь день искали прошлогоднего снега; не найдя же его, благочестивый брат вернулся домой скорбный и печальный. Там он слег и, плача, ударяя себя в грудь и колотясь головой об стену, вызвал этим у себя такую горячку, что, не вспомнив даже о святых таинствах, в скором времени распростился с этой жизнью. Таким образом, те большие богатства, которые он приобрел от продажи небесного отечества, стали для него (и поделом!) причиной вечного оттуда изгнания, и в последний свой путь он не мог захватить даже столько, чтобы ему хватило заплатить великому перевозчику Харону за переправу на противоположный берег в город Дите. От подобной переправы избави, господи, меня и всех верных христиан! Аминь.

М А З У Ч Ч О

Так многочисленны скрытые издевательства и коварные обманы, к которым прибегают монахи в их сношениях с несчастными мирянами, что не приходится удивляться, если и сами они в свой черед попадают впросак благодаря ухищрениям ловких людей; а так как они не привыкли, чтобы их обманывали, и самонадеянно полагают, что никто не сумеет их провести, то, когда

кому-нибудь из непосвященных мирян удается их надуть, они приходят в отчаяние, приводящее их к смерти, как это изображено в предыдущей новелле. Но, твердо решив впредь не писать более об этом зловредном и гнусном отродье, хотя написанного мною о нем далеко еще не достаточно, я, чтобы раздосадовать их еще больше, на будущее время налагаю сам на себя запрет молчания, оставляя нераскрытыми бесчисленные их тайны, которые известны только очень немногим мирянам. Я не дам себя увлечь, сколько бы ни тянуло меня мое перо, и не буду рассказывать о дикой, смертельной вражде и о гнуснейшей зависти, которые наблюдаются не только между различными орденами, но и в пределах какого-нибудь одного монастыря, очень похожие на распри между придворными великих государей; но что еще хуже, так это то, что они вовлекают неразумных мирян в свои раздоры, так что те и дома и на улице публично о том спорят, становясь на сторону то францисканцев, то доминиканцев. Умолчу также о тысяче других глупостей. Однако, оставив их в покое и предоставив им без помехи владеть тем, чем они пользовались в течение стольких столетий, продолжим наше приятное путешествие, направившись в другие края; а кто пожелает и впредь продолжать с ними водиться, пусть делают это на свой страх и ответственность.

Я же должен ясно и открыто заявить, что всюду, где я изображал поведение монахов,— будь то в десяти предыдущих новеллах или в каком-либо другом месте — я делал это без всякого намерения чернить тех из них, которые неукоснительно исполняют достойные и святые правила; хотя такие монахи встречаются редко и потому судить о них трудно, тем не менее они — несомненные светочи и устои нашей христианской веры. И человек, здраво рассуждающий, не должен особенно удивляться тому, что среди несметной толпы монахов есть бесчисленное множество порочных негодяев: ведь и сонмы ангелов всемогущий и великий бог сотворил добрыми и совершенными, однако же среди лучших из них нашлось немало злых, которые и были низвергнуты божественным правосудием с неба в самые глубины бездны; и то же самое относится к Христу, истинному спасителю нашему, принявшему человеческую плоть во искупление грехов наших прародителей, ибо и в малом избранном им стаде нашелся бессовестный Иуда, продавший его коварным иудеям. Однако ни грех ангелов, ни грех Иуды не могли никоим образом запятнать добродетель устоявших. Отсюда мы должны заключить, что безмерные пороки плохих монахов не могут очернить добродетель и совершенство добрых и вмениться им в вину; скорее наоборот: чем более тяжки преступления злых, тем более ярким светом будет отмечена непорочность добрых; и подобно тому

как рядом с черным вороном белоснежный голубь становится еще белее, точно так же и возмутительные поступки и явное поругание вечного бога, чинимое этим зловредным отродьем, лишь являются постоянным утверждением славной жизни добродетельных; но так как трудно, пожалуй, с уверенностью отличить ныне добрых от злых, ибо последние, как было о том сказано, превратившись из пастыря в волка, кутаются в шкуры кротких агнцев, то я, прежде чем закончить свои обличения, замечу еще, что для тех, кто хочет жить, не подвергая себя соблазну и позору, было бы удобнее и полезнее, если бы их духовные начальники, которые лучше всего знают свою же монету, выбили на них какое-нибудь новое и особенное клеймо и чтобы всякий, как при первом взгляде на отмеченных знаком евреев, мог обнаружить обман. Но так как такое предложение нужно внести на рассмотрение главных монашеских капитулов, а я занят другими делами, то оставлю уж мир таким, каким его нашел. И, положив радостный конец
этой первой части, с помощью творца
и к удовольствию слушателей
перейду ко второй.



Здесь кончается первая часть и начинается, в добрый час, вторая часть Новеллино, содержащая десять других новелл, в которых повествуется о зле и позоре, причиняемых ревностью, и о других забавных случаях, никому не обидных, как это будет видно ниже.

П Р О Л О Г

После того, как не без телесного утомления и немалого духовного напряжения я вывел свою ладью из бушующих морей и избавился от яростных ветров, веявших в этих отвратительных и ужасных повествованиях, с божьей помощью достигнув желанной гавани спасения, в которой дал отдых усталым костям и изнуренным членам своим; после того, как я починил разорванный парус мой и наладил прочие морские снасти, видя, что погода переменилась и утихшее море предлагает мне вместе со свежим и ласковым зефиром спокойные борозды своих волн и что сверх того все планеты и ясное небо дружественны и благосклонны ко мне, я решил и полагаю отныне своим долгом, распустив среди этого благодатного покоя паруса, направить свою ладью в иные, веселые и отрадные края и, прибыв в милую и приятную страну, развеселить слушателей, чтобы иными забавными и любезными рассказами заслужить их благодарность. Памятуя о них и первым делом о моей ясной Звезде, с помощью которой я надеюсь достроить свое здание, я расскажу десять новых новелл, которые составят вторую часть моего *Новеллино*. В них будет рассказано несколько забавных случаев, никому не обидных. Мешая старое с новым, я буду соединять их в должном порядке. И прежде всего, не без причины, я начну с рассказа о гнусном недуге ревности и ее вредоносном действии, как это изображается в следующей веселой новелле, посвященной мною дону Федериго Арагонскому.



НОВЕЛЛА ОДИННАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Джоанни Торнезе из ревности водит с собой жену, переодетую мужчиной; влюбленный в нее рыцарь, прибегнув к тонкой хитрости, плотски познает ее в присутствии приятеля ее мужа; муж в бешенстве отводит жену домой; дело разъясняется, и, после того как Джоанни умирает с горя, жена его вновь выходит замуж и наслаждается жизнью.

Славнейшему принцу дону Федериго Арагонскому, второму сыну короля

П О С В Я Щ Е Н И Е

 отя, прекраснейший государь, многие поэты описывают ревность как любовную страсть, возбуждаемую нежным, сладостным и всеохватным пламенем любви, однако, из-за плачевных результатов, которые она постоянно, как мы видим, приносит, болезнь эту почитают непереносимым мучением, сопровождаемым величайшими страданиями души и тела; поэтому-то столь тверды и терпки на вкус плоды, которые приносит это ядовитое растение, а его горечь столь резка и сильна, что никогда бы не нашелся или нашелся бы очень редко такой человек, пораженный этим недугом, который бы считал, что ему удалось избежать буйных водоворотов Харибды и не погибнуть в клокочущем зеве Сциллы. Поэтому в следующей новелле ты услышишь о новом виде ревности и о странной предусмотрительности одного безумного ревнивца, который, полагая, что его жене следует остерегаться не только ухаживаний любовников, но и попросту того, чтобы кто-либо увидел ее в женском наряде, сам стал причиной того, что однажды, почти на его глазах, плотски познал ее один рыцарь.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Переходя к предмету обещанного повествования, скажу, что во времена славнейшего моего государя, герцога Филиппо-Мария Висконти, проживал в Милане изящный и благородный рыцарь по имени мессер Амброзио дель Андриани, молодой, богатый, красивый и в приличиях изощренный. Вследствие возвышенности своего благородного ума он пожелал увидеть порядки и деяния христианских князей и посетил многие страны в пределах и за пределами Италии. Услышав наконец о пышной и великолепной жизни, которая установилась в Неаполе благодаря вечной памяти деду твоему королю Альфонсу, молодой рыцарь решил удовлетворить свое желание и посмотреть на нее; и потому, положив в кошелек тысячу флоринов и обзаведясь лошадьми, слугами и приличными его званию одеждами, он отправился в Неаполь. Осмотрев различные части города, достойные своей славы, а также поразительные его окрестности, рыцарь решил про себя, что действительность ни в чем не опровергла дошедшей до него молвы. По этой причине, а также ради приведшей его сюда цели он решил, не торопясь и наслаждаясь, остаться в Неаполе, пока хватит ему взятых с собой денег. Он близко сошелся с несколькими благородными капуанцами, и те водили его по празднествам, по церквам и турнирам, где женщины собирались толпами. Присмотревшись к ним, наш рыцарь заметил однажды своим друзьям, что неаполитанские женщины, по его мнению, более обладают женской грацией и прелестью, чем телесной красотой.

При этом разговоре присутствовал один из его самых близких друзей, юноша по имени Томмазо Караччоло, который, подтвердив правильность этого замечания, прибавил однако:

— Если бы судьба позволила тебе увидать одну молодую женщину из Нолы, жену сапожника Джоанни Торнезе, то не сомневаюсь, что, подобно всем другим, ты все же признал бы ее самой красивой женщиной из виденных тобою в Италии. Но это представляется мне почти невозможным, так как муж держит ее взаперти. И поступает он так по причине своей неслыханной ревности, а также потому, что опасается синьора герцога Калабрийского, который, якобы прослышав о такой красоте, хочет испытать ее на деле; вот почему никому, даже из самых близких, никогда не случается не только видеть ее, но даже помышлять об этом; и если правда то, что утверждала одна из ее соседок, находящаяся у меня в услужении (не знаю, верить ли этому), то вы услышите нечто необычайное. Чтобы не оставлять жену одну дома, Джоанни всюду, куда только сам идет, берет ее с собой переодетою мужчиной; таким образом он избегает подозрений

и живет в свое удовольствие, как никто из нашего народа. Но если ты хочешь, пойдем туда и попытаемся ее увидеть.

И, не тратя лишних слов, они сразу же направились к лавке сапожника; подойдя к ней, Томмазо сказал:

— Хозяин, нет ли у вас пары хороших сапог для мессера Амброзио?

На это тот отвечал:

— Конечно, есть для вашей милости.

И, пригласив рыцаря войти и усадив его, он стал примерять ему сапоги. Томмазо же, желая выиграть время, обратился к ним и сказал:

— Ну а я зайду здесь поблизости по одному делу, пока вы будете выбирать сапоги.

И, удалившись под этим предлогом, он оставил хозяина, начавшего обувать рыцаря. Сапожник, как это всегда делается, наклонил голову, а мессер Амброзио, поверх его головы, стал поглядывать во все стороны, занятый одной только мыслью — не увидит ли он где-нибудь красавицу; и наконец, когда он устремил взор на маленькую подъемную дверцу, ведущую в подвал, ему посчастливилось заметить женщину, которая стояла внизу и глядела на него. Увидев ее и рассмотрев очаровательную, неподражаемую прелесть ее лица, он пришел к заключению, что красота ее еще более совершенна, чем говорил ему Томмазо. Пока хозяин долго возился, стараясь его как следует обуть, он имел возможность не только хорошенько разглядеть молодую женщину, но и выразить ей, при помощи нежных и любовных знаков, как сильно воспылал он к ней страстью. Молодая женщина, будучи неглупой, понимала, что вследствие чрезвычайной бдительности мужа ей никак невозможно удовлетворить блестящего рыцаря, и, хотя ей было весьма приятно, что она ему понравилась, она решила ничем не проявлять своей благосклонности и не выражать согласия. Когда наконец обуванье кончилось и рыцарь заплатил хозяину двойную цену, он сказал ему с веселым лицом:

— По правде сказать, я еще никогда не носил сапог, которые были бы мне так по ноге. Делайте мне каждый день еще по паре, и я вам буду всегда платить столько же.

Обрадовавшись такой удаче и считая большим счастьем, что в его лавку зашел такой любезный и щедрый рыцарь, хозяин, в надежде поживиться на его счет, ответил:

— Да благословит вас бог, а я обещаю, что всегда буду служить вам, как только смогу лучше.

Встретившись затем со своим Томмазо, ликующий мессер Амброзио в точности рассказал ему о том, насколько с самого начала была к нему благосклонна судьба. Он заявил, что лицо

молодой женщины так прекрасно, что ему никогда еще не приходилось видеть ничего подобного; однако полного суждения высказать он не может, пока не увидит остального. Он просил также приятеля, чтобы тот в этом деле не поскупился на мудрые советы. Хотя Томмазо не питал никаких надежд, все же, будучи истинным другом и желая услужить мессеру Амброзио, он навострил свой ум, и тут же на месте, не уклоняясь от обсуждаемого вопроса, они перебрали все пути и способы, какие только могли прийти в голову пылкому любовнику; наконец, остановившись на одном решении, они согласились выждать, пока время и место позволят им его осуществить. И так как рыцарь продолжал ежедневно покупать сапоги по условленной цене, то сапожник, чтобы приманить его окончательно, начал ухаживать за ним и даже несколько раз за перегородкой своей лавки угощал его по утрам легким завтраком, что доставляло рыцарю немалое удовольствие; и так продолжалась их дружба.

В день святой Екатерины, когда народ, собираясь кучками, отправляется в Формелло, рыцарь, прогуливаясь перед королевским замком, неподалеку от которого он проживал, решил посмотреть, не отправится ли на праздник и Джоанни Торнезе вместе со своей женой. Прождав немного, он завидел издали Джоанни, направлявшегося в его сторону под руку с молодым студентом, и тотчас же понял, что его предположения оправдались. Но когда к сапожнику по дороге пристал один из его близких друзей и кумовьев, спросивший его, кто этот юноша, то Джоанни ответил ему, как отвечал уже многим другим, что это его свояк, родом из Нолы, студент-медик, приехавший сюда, чтобы повидать свою сестру. Разговаривая таким образом, они подошли к тому месту, где прогуливался рыцарь, и, сняв шляпы, поздоровались с ним. На их приветствие рыцарь ответил таким же образом. Он посмотрел в упор на студента и, с уверенностью признав в нем ту, которую ждал с таким нетерпением, спросил их, весело улыбаясь, куда они идут. Те ответили, что держат путь к церкви святой Екатерины. Мессер Амброзио, словно желая прогуляться, пошел с ними рядом и по дороге сказал:

— Я тоже собирался пойти туда и, будучи совсем один, поджидал здесь слугу или какого-нибудь человека, знающего дорогу, чтобы он проводил меня; но так как никто не явился, то я пойду с вами.

На том они и порешили, и когда прибыли туда, где происходило празднество, то рыцарю, благодаря тому, что там была большая толпа, удалось не раз пожать руку новичку студенту и показать ему этим, что он признал его. Молодая женщина, хорошо понимавшая, в чем дело, отвечала ему тем же, и рыцарь, начавший надеяться на удачу, испытал от этого

крайнее удовлетворение. Еще с утра он заблаговременно предупредил своего хозяина, что́ тот должен был отвечать и делать для содействия его замыслам, а также наказал своим слугам, чтобы они не появлялись до самого вечера. Дождавшись вместе со своими спутниками конца праздника, рыцарь вернулся с ними домой; и, подходя уже к своей гостинице, он взял Джоанни за руку и заговорил так:

— Дорогой хозяин, вы столько раз меня угощали и оказывали мне почет в вашем доме, что я считаю вполне уместным, хоть я и иностранец, чтобы вы с вашим приятелем остались сегодня поужинать со мной.

Джоанни, который, как сказано, был крайне ревнив и боялся не то что людей, а даже птиц, подумал, что водить жену ужинать по гостиницам — дело опасное и что тут не поможет и переодевание. Он несколько раз отнекивался и отказывался от приглашения, но, не смея огорчить друга и подбодряемый милым кумом, который пришпоривал его своими уговорами, побуждая принять приглашение, он решил не отказываться долее. Когда они поднялись на балкон, где стоял роскошно накрытый стол, рыцарь тотчас же позвал хозяина и, спросив, куда девались его слуги, услышал в ответ, что они пошли на рынок покупать овес и солому. Притворившись раздраженным, рыцарь сказал:

— Если бы даже их всех повесили, мы все же добьемся своего; позаботьтесь, чтобы нас хорошенько накормили.

На что хозяин, как ему было заранее приказано, ответил:

— Мессер, у нас нет ничего готового из тонких блюд, желательных для вас.

— Как так нет? — вскричал рыцарь.— Бездельник, негодяй, я сейчас выколю тебе глаза! Я истратил здесь более двухсот флоринов, и теперь, когда я привел с собой моих друзей, оказавших мне тысячи любезностей, ты не посовестился сказать мне, что у тебя ничего нет?

Хозяин притворился, что оробел, и ответил:

— Не волнуйтесь, мессер; будь здесь даже сам король, ваши желания все же были бы исполнены.

Обернувшись к нему, рыцарь гневно промолвил:

— Теперь ступай, скотина, и зажарь мне самых лучших каплунов.

Хозяин, торопясь выполнить приказание, удалился, а рыцарь все еще продолжал бушевать, меж тем как гости кротко успокаивали его, заверяя в своей преданности ему в качестве самых верных его слуг. Поблагодарив их, рыцарь добавил:

— Кроме того что я желаю хозяину разориться, я хотел бы еще, когда слуги вернутся, повесить одного из них за то, что они, как вы видите, оставили меня совсем одного.

Джоанни, не подозревавший ловушки, желая смягчить рыцаря и выказав ему свою готовность услужить, сказал:

— Нет ли у вас какого-нибудь желания? Еще раз повторяем, что мы — ваши покорные слуги.

На это рыцарь ответил:

— Вы для меня — родные братья; но мне хотелось бы раздобыть немножко горчицы, без которой я не смогу сегодня есть жаркое; один из моих слуг знает, где можно купить отличную, хорошо приготовленную горчицу; кажется, это на старом рынке; и вот, так как мне некого послать за ней, я, понятно, сержусь.

Джоанни уже раскаялся в сделанном им предложении, так как он не мог на столь долгое время оставить жену, не испытывая сердечных мук; он решил поэтому промолчать и не предлагать больше своих услуг. Видя это, рыцарь обратился к нему и сказал:

— Ах, милый хозяин, если вам не слишком трудно, возьмите на себя труд и сходите за горчицей; а тем временем подоспеет и ужин.

Несчастный Джоанни был весьма мало этим обрадован, однако, полагая, что будет очень невежливо, если он откажет рыцарю в столь незначительной услуге, и не находя приличного предлога, чтобы увести с собой жену, он подумал, что, быть может, хоть кум его спасет. Подойдя к нему, он шепнул, чтобы тот присмотрел за студентом, а затем, взяв мисочку, отправился за горчицей.

Когда сапожник ушел, рыцарь, обратившись к студенту, сказал:

— Вот досада, я забыл самое главное.

— Чего же вам недостает? — спросил тот.

Рыцарь сказал ему:

— Мне бы хотелось несколько апельсинов, и, как на грех, я забыл сказать об этом Джоанни.

На это кум сапожника, ни в чем не усумнясь, ответил:

— Давайте я мигом принесу их вам; у меня в кладовой есть отличные апельсины, только вчера полученные мною из Салерно.

И он тотчас же отправился за ними. А мессер Амброзио, оставшись, как он рассчитывал, наедине с молодой женщиной, решил, что не следует терять времени даром, и потому, взяв ее за руку, сказал:

— А тебе, мессер медик, я изложу тем временем по секрету мою сердечную болезнь.

Он увлек ее в комнату, и, подведя к постели, невзирая на ее слабое сопротивление, обычное даже со стороны тех женщин, которые сами жаждут уступить, он на быстрых крыльях совершил весьма удачный полет. Только он его окончил, как возвратился с апельсинами кум; найдя комнату запертой, он крайне тому удивился и, приложив глаза к щели, увидел рыцаря,

который, после того что сделал, заключил молодую женщину в объятия, осыпая ее сладкими поцелуями. Это пришлось куму не по вкусу, и он с возмущенным лицом отошел от двери, решив, что вверенный его охране студент послужил для удовлетворения похоти рыцаря, одержимого постыдным пороком. Он спустился вниз к выходу как раз в то мгновение, когда подошел возвратившийся Джоанни. Не видя с кумом жены, сапожник был этим поражен и, не владея собой, тотчас же спросил, где его свояк-студент.

Кум ему ответил:

— Лучше мне было откусить себе язык, когда я советовал тебе остаться здесь на ужин! Я потерял всякую веру в этого рыцаря, твоего милого приятеля; вместо человека, украшенного всеми добродетелями, он оказался величайшим развратником.

— Беда мне! воскликнул Джоанни.— А что же здесь произошло?

— Да покарает его господь! — ответил кум.— Прибегнув к той же самой хитрости, как и для того, чтобы удалить тебя, он послал меня за этими апельсинами; когда же я возвратился, я увидел, что рыцарь с твоим свояком заперся в комнате, и разглядел через щелку двери, что он поступил с ним не иначе как если бы тот был красивой и прелестной женщиной.

Услышав эту наихудшую для себя весть, Джоанни обмер на месте; потеряв голову и не владея собой, он поднялся наверх и увидел рыцаря, который сидел за столом и как ни в чем не бывало разговаривал со студентом. Тогда, вне себя от ярости и отчаяния, он заплакал и надорванным голосом произнес:

— Поистине, мессер, с вашей стороны это была чисто миланская вежливость. Но раз уж вы отведали мяса, не дождавшись горчицы, то теперь вам придется есть одну горчицу, а этого мясного блюда вы уж никогда больше не попробуете.

И, швырнув мисочку на стол, он схватил жену за руку и со злостью крикнул:

— Ну, вставай, черт побери! Идем домой! Нам не евши пришлось расплатиться, а я еще, на грех, доставал вам горчицу!

И, грубо понукая жену, он быстро потащил ее за собой.

А кум, не догадывавшийся о тайной причине его огорчения, спускаясь с ним по лестнице, принялся укорять сапожника за то, что он ради какого-то мальчишки осрамил столь высокую особу.

— Что за беда? — сказал он ему.— Или ты боишься, что он забеременеет? Уж раз дело сделано, не к чему было заводить ссору, рискуя потерять такого друга из-за пустяковой неприятности.

Джоанни, быстро шагая, думал только о том, как бы поскорее отвести жену домой; и тайное бешенство его было так велико, что мешало ему ответить куму. А тот все твердил свои попреки, советуя как-нибудь загладить его промах, вызванный столь ничтожной обидой. Наконец Джоанни потерял терпение и, весь трясясь от гнева, сказал:

— Ох уж, кум, заставишь ты меня сегодня произнести хулу на бога и на всех его присных в раю! Разве ты не видишь, что это моя жена?

— Да возможно ли это? — спросил тот.— К чему же ты водишь ее с собой в таком виде?

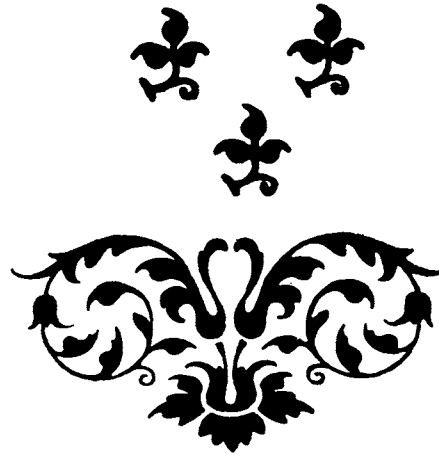
И когда сапожник, плача, поведал ему причину, то мудрый кум, сначала сильно разбранив его, прибавил:

— Милый мой Джоанни, ты поступил очень глупо и за неразумие свое подвергся заслуженному наказанию; ты хотел удрать со сковородки, но попал на угли. Ах, бедняжка, почему ты не подумал о том, как испорчен и развращен теперь свет; ведь гораздо труднее теперь уберечь мальчишку, чем женщину. А особенно трудно охранять ту, которая для любовников — все равно что призывной свисток для соколов. Я уже утром удивлялся тому, как ее тысячу раз не вырвали у нас из рук. Но раз уж так случилось и раз сетовать тебе приходится только на самого себя, то примирись уже как-нибудь со своей невзгодой, а вперед будь умнее и осторожнее; и если бог дал тебе в жены женщину, то не превращай ее в мужчину; я не говорю, что не надо ее оберегать, так как вообще следует присматривать за красивыми и молодыми женами; но делать это следует иначе, не таким неслыханным и небывалым образом; но в конце концов, здесь ничем не поможешь, и если уж жене захочется провести мужа, то никакая человеческая сила этому не помешает. Помни о том, что ты не первый и не последний, кому приходится это терпеть. Бери пример с людей мудрых: они тоже частенько попадают в эти силки, но, не желая прибавлять к горю вечного позора, они по мере возможности благоразумно скрывают это.

И, стараясь успокоить сапожника этим и многими другими утешениями и рассуждениями, он проводил его до дому и распростился с ним; а затем, не желая тоже попасть в число одураченных, он поспешно возвратился в гостиницу и, найдя там рыцаря вместе с его милейшим Томмазо, присоединился к их обществу; и все они вместе приятно провели время, вспоминая о ловкой проделке и наслаждаясь хорошим ужином. Джоанни долго оплакивал свое горе, пока наконец не умер с тоски, и тогда его жена с легким сердцем вторично вышла замуж. Она нисколько не изменилась и, сохранив всю свою красоту, наслаждалась своей цветущей молодостью.

М А З У Ч Ч О

Эта шутка Джоанни Торнезе с переодеванием жены из женской в мужскую одежду побуждает меня к начатому в таком духе повествованию добавить рассказ о еще одном изобретательном обмане, содеянном одним жителем Салерно по отношению к хозяину постоялого двора, очень ревновавшему свою жену; и как в вышерассказанном случае, любовник переоделся из мужчины в женщину; поскольку у него не было иного способа выполнить свое намерение и удовлетворить свое вожделение, он пустил в ход всю свою удивительную находчивость и добился того, что сам муж уложил его в кровать со своей столь строго охраняемой женой, где он не встретил никакой кручины, которая могла бы довести его до смерти, как это случилось с несчастным Джоанни, потерявшим из-за срама и саму жизнь.





НОВЕЛЛА ДВЕНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один молодой человек влюбляется в жену хозяина гостиницы; переодевшись знатной вдовой, он ночью в сопровождении своей свиты является на постоялый двор; введенный в заблуждение, хозяин укладывает спать мнимую вдову вместе со своей женой, которая, оказав сначала легкое сопротивление, отдается затем своему возлюбленному; ничего не подозревающий хозяин получает двойную плату.

Превосходнейшему синьору Инико д'Авалос, достойнейшему графу и камергеру

П О С В Я Щ Е Н И Е



Убеждаюсь я, превосходнейший и доблестнейший синьор мой, в том, что все философствующие исследователи высшего смысла движения небес и порядка планет, а также хорошо разбирающиеся и все понимающие, благодаря всяческим доказательствам и рассуждениям в любом предмете, произведенном природой, каждый в отдельности и все вместе никогда не обладали столь проницательным умом и тонкой изобретательностью, какими господин Амур в одно мгновение наделял и продолжает наделять большую часть тех страстно влюбленных, которые с честью несут его победное знамя. И если хорошенько поразмыслить, то не меньшее удивление вызывают столь поразительные и непредсказуемые хитрости злонамеренных женщин, кои они употребляют, дабы обмануть своих ревнивых мужей; и из этого можно сделать вывод, что там, где соединяются ловкость изобретательного любовника и испорченность на все готовой женщины, любые ухищрения и опытность будут бессильны, и ты, мой осторожнейший синьор, прекрасно это понимаешь и можешь поведать об этом всему роду человеческому в качестве самого достоверного положения.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В те годы, когда наш город Салерно находился во власти славного папы Мартина V, в нем велись большие торговые дела, и бесконечное число товаров постоянно стекалось сюда из разных стран; потому приезжали сюда и поселялись здесь во множестве иностранные ремесленники целыми артелями, и в числе других прибыл в Салерно с целью открыть тут гостиницу один добрый человек из Амальфи, по имени Трифоне; заняв весь постоялый двор на улице Седжо дель Кампо, он нанял еще другой дом вблизи Новых Ворот, стоящий в приличнейшем месте и выходящий в тупик, так что никто без уважительного предлога не мог здесь прохаживаться. После того как он поселил в этом доме жену с домочадцами, случилось, что в молодую женщину влюбился один из городских дворян, происходивший из очень почтенного рода, имя которого я по веским соображениям решил не называть. Пылко влюбленный, он, в силу особенностей местоположения, не находил способа, каким бы мог добиться желаемого, и вследствие бдительной охраны крайне ревнивого мужа не осмеливался вступить в заговор с красавицей; по этой причине он решил прибегнуть к посреднице и воспользоваться хитростью одной знакомой ему женщины, которая, продавая разные женские вещицы, бродила по всему городу. Однажды он открыл ей свое желание и, надавав широких обещаний, сказал, что̀ ей надо было сделать; женщина, крайне довольная тем, что он прибегнул к ее услугам, тотчас же отправилась в путь; побродив по разным частям города, она добралась наконец до того места, где жила красотка. Она стала предлагать ей то ту, то другую из своих вещиц, а затем подошла к двери, у которой та стояла, и, убедившись, что никто больше ее не слышит, сказала молодой женщине:

— Вот ты, красавица, не покупаешь моих хорошеньких вещиц, а про себя я знаю, что если бы я была такой молодой да хорошенькой, как ты, так каждый день покупала бы новые вещи и к тому, что сделала природа, присоединила бы искусство, так что никто бы не мог со мной сравниться.

— Ах,— сказала молодая женщина,— ты смеешься надо мной!

На это старуха отвечала:

— Клянусь господом, я говорю истину и могу тебе сообщить, что по всему краю разнеслась молва о тебе: все утверждают, что ты самая красивая женщина во всем королевстве; правда, в одном месте повстречались мне благородные дамы, которые лишь из зависти и не имея к тому разумного основания, а желая лишь поставить на первое место свои собственные прелести, презрите-

льно отзывались о твоих; они говорили, что твоя кровь не благородная, и другие подобные вещи, какие обыкновенно говорятся в таких случаях, так как, право же, глаза у них готовы лопнуть, если одна из нас оказывается действительно красива. Однако один молодой человек знатного рода — не знаю, знаком ли он тебе,— дал им ответ, какого они заслуживали, и в заключение сказал им, что ни одна из них недостаточно хороша, чтобы разуть твои ноги.

Молодая женщина ответила:

— Да сохранит господь его и его дом! И если можно, я хотела бы узнать, кто эти благородные дамы и кто тот благородный юноша, который за меня вступился.

Старуха, искусно выводившая основу своей ткани, ответила:

— О дамах я сейчас умолчу, чтобы не говорить зла о других, но кто был этот юноша, скажу охотно.

И, не дожидаясь ответа, она назвала его имя, а затем прибавила:

— О том, что он сказал еще кроме этого, я не стану тебе рассказывать, пока ты не поклянешься мне, что сохранишь это в тайне.

Молодая женщина, как водится, захотела узнать все и обещала, что никому этого не откроет. Тогда старуха с большим искусством начала так свою речь:

— Дочка моя, я бы не посоветовала тебе ничего такого, что не послужило бы на пользу твоему доброму имени; а все же не следует обращать внимание на людские толки. Он говорит мне, что любит тебя больше себя самого и так тобой очарован, что, как он клялся мне, он не только потерял сон, но и не может ничего есть и тает, как зажженная свеча. И хотя я тебе сказала, и еще раз повторю, что ты должна соблюдать свою честь и доброе имя, так как у нас нет большего богатства в этом мире, однако не умолчу и поведаю тебе, что, по-моему, было бы самым великим грехом, какой только можно совершить на земле, если бы ты допустила, чтобы этот превосходный юноша умер в такой беде, а особенно если принять во внимание, какого он похвального и приятного нрава: он вежлив, щедр и честен; и он хотел дать мне хорошенькое колечко, которое я должна была передать тебе от его имени. Не зная, как ты к этому отнесешься, я не захотела на этот раз взять его; но я уверена в том, что если бы ты знала, чего он от тебя желает, то легко и без ущерба для твоей чести могла бы его удовлетворить. Он говорит, что ничего другого не хочет, как только знать, что его любовь тебе не противна и чтобы в награду за нее ты бы также питала к нему некоторую нежность и, когда ему случится послать тебе какой-нибудь подарок, удостоила бы его принять и носила бы ради его

любви. Все это, дочка моя, кажется мне делом вовсе не трудным, и ты, и всякая другая должны были бы поступать так, чтобы не прожить жизнь, не сорвав по крайней мере цветов юности, раз уж честность ваша запрещает вам вкушать ее сладкие плоды.

Молодая женщина выслушала все эти ласковые речи мудрой посланницы, заранее опровергнувшей все возражения, и, несмотря на то что по природе своей она была самого честного нрава, она все же почувствовала себя как бы обязанной полюбить своего поклонника со всей верностью, решив, однако, ни в чем не преступать границ, положенных ее врожденной честностью. Обратившись к старухе, она сказала:

— Теперь ступайте, мадонна, вернитесь к этому юноше и скажите ему, что из любви к его достоинствам я охотно соглашаюсь считать его моим единственным поклонником; но пусть он не ждет от меня ничего большего; и скажите ему, чтобы он соблюдал полную тайну и не впал бы в грех, свойственный большинству юношей, которые в кругу друзей хвастаются не только своими действительными поступками, но и тем, чего и в глаза не видали; объясните ему, что для меня было бы хуже смерти, если бы мой муж узнал о наших отношениях, так как он ревностью превосходит всякого другого ревнивца.

Старуха решила, что уже первым своим нападением она добилась немалого. Считая дело хорошо налаженным, она ответила так:

— Дочка моя, ты говоришь разумно, но да будет тебе известно, что помимо других замечательных достоинств он отличается большой скромностью; и — это так же верно, как то, что я молю бога о добром конце,— когда он открыл мне свои дела, то, несмотря на данное мною обещание все сохранить в тайне и стократные клятвы, к которым он меня принудил, он все же дрожал, как щенок, и цвет лица его менялся тысячу раз; а потому пусть твое последнее соображение не удерживает тебя от любви к нему; и несомненно, наступит время, когда ты сама будешь гордиться тем, что тебе служит самый красивый, самый скромный и всеми достоинствами наделенный дворянин, подобного которому нет ни у одной женщины на свете. И хотя, разрешив ему любить тебя, ты сделала немало, однако не премину тебе напомнить, что не следует тебе так безжалостно губить твою цветущую молодость, и если судьба и твои родители были причиной, что у тебя такой дурной и незавидный муж, то не будь по крайней мере сама себе врагом, но научись пользоваться жизнью, так как нет большей печали, чем каяться в старости.

А потом она еще прибавила в виде шутки:

— Знаешь ли, что я скажу ему от твоего имени? Что его будет вина, если он не сумеет найти способа свидеться с тобой.

На эти слова молодая женщина с негодованием ответила:

— Клянусь тебе, ты не посмеешь сказать ему этого. Довольно будет с него, если ты скажешь ему то, что я поручила тебе передать.

Старуха ответила:

— Прошу тебя, не сердись и не удивляйся моей настойчивости. Клянусь тебе этим крестом, что если я не принесу ему доброй вести, то он убьет себя; как только могу, прошу тебя быть к нему милостивой и, чтобы он поверил благоприятному ответу, который ты мне дала, сделай так, чтобы завтра он мог тебя увидеть в церкви святого Августина; и когда он, погладив себя по носу, тем самым скажет: «Вверяю себя твоей милости», то ты, отстранив от лица прядь своих волос, этим ему ответишь: «А я — твоей». И благодаря этим свиданиям незаметно пройдет время, пока наконец счастье не укажет вам лучшего пути к радости.

Молодая женщина на это ответила:

— Я не буду с ним сурова; кланяйтесь ему много раз от меня и скажите, чтобы он приходил пораньше, так как я не могу долго оставаться в церкви.

На том старуха и ушла. А молодая женщина, оставшись одна, почувствовала, что в сердце ее зашевелилось что-то новое: в нем, благодаря искусным речам старухи, поселился червь, неустанно его грызший. Старуха, тотчас разыскав влюбленного, подробно ему все рассказала, сообщив также о принятом решении. Юноша, крайне обрадованный этим известием, встал рано поутру и, отправившись в назначенное место, нашел там молодую женщину, которая принарядилась, чтобы быть еще красивее, чем создала ее природа, и не только был встречен ею с необычайной приветливостью, но и получил обещанный ответ в виде условного знака, что преисполнило его величайшей радостью. Вскоре затем молодая женщина ушла, а юноша, возвратясь домой, стал размышлять, как бы ему добиться возможности сорвать плод любви. Блуждая мысленно по самым различным путям, к тому ведущим, он остановился наконец на следующем: он во что бы то ни стало решил пробраться в дом возлюбленной и добиться ее согласия на то, к чему он только и стремился, предвкушая это в своих мечтах. Он сговорился с несколькими дворянами из Капуанского замка, приехавшими сюда, чтобы повеселиться в доме архиепископа, которому они приходились сродни, и однажды вечером распорядился послать в условленное место лошадей и мулов в достаточном для них количестве. Там наш юноша переоделся благородной вдовой, облекшись в женский дорожный наряд, такой же, как и у двух девочек-подростков, взятых им с собой, после чего, навьючив лошадей, все они с наступлением сумерек двинулись по дороге, ведущей в город.

Доехав до Седжо дель Кампо, они увидели у ворот гостиницы хозяина, который, как всегда водится, вышел им навстречу и сказал:

— Синьоры, не пожелаете ли вы у меня остановиться?

На это один из них ответил:

— Конечно. Но только хорошие ли у вас стойла и постели?

— Да, мессер,— сказал хозяин,— заходите, а я уж вам услужу.

Тогда тот, отведя хозяина в сторону, сказал ему:

— Послушай, хозяин, твоя добрая слава привлекла нас сюда; однако мы хотим сначала увериться на твой счет и убедиться, можешь ли ты доставить нам то, что требуется. Знай же, что с нами едет дочь графа Синопольского, которая недавно овдовела, потеряв своего мужа, мессера Горелло Караччоло, чем она, как ты видишь, крайне опечалена; мы должны проводить ее обратно к отцу, и приличия ради, если только это можно устроить, мы бы не хотели, чтобы ей пришлось ночевать сегодня в гостинице. Итак, мы очень просим тебя найти какую-нибудь честную женщину, у которой она могла бы остановиться на эту ночь вместе со своими двумя служанками, а мы заплатим за это вдвойне.

На это хозяин ответил:

— Синьор мой, в этих местах я не знаю подходящего для вас лица; но я готов предоставить вам то, что имею сам. Домик мой расположен неподалеку отсюда, и там живет моя молодая жена; так что, если вам угодно, ваша дама может остановиться у нее, а заплатите вы мне за это по вашему усмотрению.

Синьор, обернувшись к даме, сказал:

— Видите ли, мадонна Франческа, мне кажется, что вам будет гораздо удобнее остановиться в доме этого достойного человека и быть в женском обществе, чем здесь, вместе с нами.

Та тихим голосом ответила, что согласна, и хозяин, оставив с ними слугу, чтобы он показал им дорогу, сам быстро побежал домой и приказал жене поскорее приготовить комнату, чтобы приютить на эту ночь одну молодую вдовствующую графиню. Жена, не подозревая обмана, простодушно ответила:

Ты знаешь, муженек, каков наш дом; однако я сделаю все, что смогу.

— В добрый час,— ответил хозяин,— да приготовь ей теплой душистой воды: она, наверное, в этом нуждается, так как вся забрызгана грязью.

Тем временем прибыла дама в сопровождении двух благородных рыцарей. Они помогли ей сойти с лошади, а затем, взяв под

руки, отвели ее в комнату вместе с обеими служанками. Войдя туда, она сделала вид, что хочет раздеться, и отпустила своих спутников; тогда хозяин, увидев, что ему тоже неудобно дольше оставаться, обратился к жене и сказал ей:

— Постарайся хорошенько услужить этой даме и приготовь ей самый лучший ужин и мягкую постель; запритесь хорошенько изнутри, а я пойду в гостиницу, чтобы позаботиться об ее спутниках и других приезжих, которые там меня ждут.

Распорядившись таким образом и для верности заперев дверь снаружи, он отдал ключ одному из спутников дамы, а сам вместе с остальными вернулся в гостиницу. Молодая женщина, оставшись с влюбленным юношей и взаправду приняв его за даму, пожелала помочь ему раздеться; и, горя нетерпением узнать, красива ли дама, она сняла с нее головной убор, закрывавший лицо. Пристально посмотрев на ее лицо, она вдруг обнаружила в нем поразительное сходство со своим возлюбленным; испугавшись и застыдившись, она тотчас отскочила в сторону и уже не решалась больше подойти к нему. Он же, видя ее тревогу и опасаясь какого-нибудь опрометчивого движения, на какое часто бывают способны молодые женщины, решил, что пора уже раскрыть обман; и, взяв свою красотку за руку и заключив ее в свои объятия, он обратился к ней со следующими словами:

— Сладчайшая жизнь моя, я — твой верный и постоянный возлюбленный, и пробрался сюда я таким путем потому, что, с одной стороны, безмерная ревность твоего мужа, а с другой — опасность, грозящая твоей чести, помешали мне избрать иной путь; а этот путь был мне указан и открыт владыкой Амуром, внушившим мне великую надежду; и раз уж он привел меня в твои нежные объятия, то, умоляю тебя, будь благоразумна и уступи моим страстным дерзаниям ради нашей общей чести и радости. С полным спокойствием, ничего не опасаясь, награди своим вниманием твоего единственного и усерднейшего слугу, чтобы сорвать и разделить с ним поровну сладчайшие и нежнейшие плоды нашей юности; ибо благоразумнейшая женщина поступила бы именно так.

Молодая женщина была крайне возмущена и несколько раз напрасно напрягала все свои силы, чтобы вырваться из его рук; однако она сообразила, что ее крики могут стать для нее причиной вечного позора, и к тому же юноша ей и раньше очень нравился. Итак, поразмыслив немного, она пришла к решению не отказывать ему в том, в чем, пожалуй, не отказала бы и раньше, если бы только это было в ее власти; и, обратясь к нему, она сказала:

— Раз уж неразумие моего мужа привело вас сюда, то я не стану прогонять вас, так как это грозило бы мне вечным

позором; меня отдали вам в руки, и поэтому мне не остается ничего иного, как только просить во имя бога и во имя порядочности, которую вам предписывает благородное ваше происхождение, чтобы, получив удовлетворение вашего желания, вы подумали о моей чести.

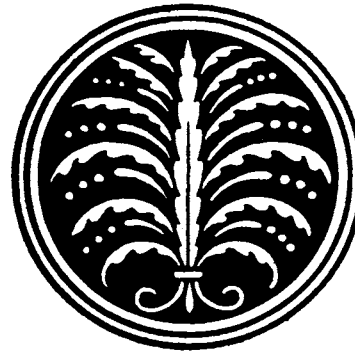
Влюбленный, крайне обрадованный этими словами, крепко поцеловал ее и заявил, что ей нечего опасаться, так как для защиты ее чести и доброго имени он готов, если понадобится, дать изрубить себя на куски. И после того как он смягчил ее этими и другими весьма сладостными и вкрадчивыми речами, они тут же на месте отведали первого плода своей любви; затем, слегка закусив, они легли в постель и, охваченные одинаковым желанием, провели всю ночь в любовных утехах, не забыв напоследок сговориться о том, как впредь удовлетворять свои желания более безопасным образом. На заре спутники необыкновенной графини, снарядившись в дорогу, явились за своей госпожой, и, так как она была готова к отъезду, они усадили ее на лошадь и пустились в путь, щедро расплатившись с хозяином. И хотя они направлялись в Калабрию, они в тот же вечер с радостью и торжеством доехали до дому. Любовник, хорошо наградивший ловкую сводню, долгое время наслаждался любовью молодой женщины. Пусть же Амур, исполнив твое сильнейшее желание, доблестный синьор мой, приведет и тебя к столь же счастливой цели.

М А З У Ч Ч О

Шутку, которую сыграли с хозяином постоялого двора из Амальфи, можно назвать выдающейся и безупречной, и проделала ее с отменной вежливостью отъявленная грубость; и я не сомневаюсь, что найдется немало женщин, которые говорят мало и торжественным тоном, дабы казаться очень умными, и они скажут, что, окажись они в таком точно положении, как упомянутая нами девушка, они скорее бы умерли, чем хоть в чем-то уступили желаниям любовника. Поэтому я просто не знаю, что мне следует им теперь ответить, разве что молить бога, чтобы он благоволил не доводить их до того, чтобы они были вынуждены поступить так, как им более всего на свете хочется. Однако их сообразительность и предусмотрительность таковы, что мало кто из них доходит до подобных крайностей и риска; напротив, они сами достигают желаемого результата не без помощи любовника, о чем мы поговорим более подробно в другом месте. Но что можно сказать об удивительном искусстве и изобретательном мастерстве, с помощью которых посланница добилась

расположения возлюбленной и тем осчастливила любовника? Вне всякого сомнения, сказать тут можно многое. Но поскольку сегодня искусство сводничества стало вещью общеизвестной, так что не только старики, но, похоже, чуть ли не мальчики даже во сне умеют этим искусством превосходно пользоваться, то мне остается только замолчать и больше об этом не говорить. Продвигаясь дальше, я расскажу о другом огромнейшем обмане, на этот раз совершенном неким юношей из Салерно по отношению к судье из Марки; и это была столь веселая и превосходная шутка, что я сам, описывая ее, никак не могу удержаться от смеха; и все жители, сколько их ни на есть в нашем городе, могут подтвердить достоверность этой истории.

* * *
*



НОВЕЛЛА ТРИНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Пандольфо д'Аскари приезжает в качестве стратика в Салерно; он женится, но не способен удовлетворить свою жену; один юноша влюбляется в нее, заказывает изображение мужского пола и вместо меча носит его на боку; городская стража приводит его к стратику, и в присутствии его жены это оружие обнажается; стратик в гневе изгоняет юношу; весть об этом разглашается, и стратик умирает от огорчения, а его жена сходится с любовником.

Превосходному синьору Бернабо Сансеверино, графу Лаурия

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если я до сих пор медлил написать тебе, превосходный и доблестнейший мой синьор, то лишь потому, что те сюжеты, которые я излагал прежде, не только не доставили бы тебе удовольствия, но, думаю, вызвали бы в твоей душе лишь скуку и досаду. И вот во избежание такой незадачи я нашел в конце концов такой стиль повествования, благодаря которому, я не сомневаюсь, твое врожденное человеколюбие, твоя приязнь и снисходительность по отношению ко мне останутся прежними. Ты прочитаешь о шутке, причинившей величайший ущерб одному нашему судье, ревнивому больше, чем кто бы то ни было, и прекрасно поймешь, сколь опасно и неразумно, будучи плохо вооруженным и с малыми силами, вступать в сражение с ядовитой змеей, которая устоит в самой большой свалке. Конечно, неприступные крепости не взять тем, кто не запасся порохом и каменьями. И хотя совет этот к тебе не относится, ибо, что касается всевозможного вооружения, тут ты превосходно экипирован, и тем не менее тебе не будет неприятным получить тому

подтверждение, дабы в будущем знать, как следует действовать, чтобы из-за превратности судьбы с тобой не приключилось того же, что произошло с этим самым судьей.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В обычае нашего князя Орсини было присылать нам стратиков, избирая их из такой породы существ, которой больше подошло бы пасти овец, чем управлять городом. В числе других был им прислан некий уроженец Марки по имени Пандольфо д'Аскари, который не только был скуп, как это в обычае у его земляков, но и был никуда не годным человеком. Он привез с собой беспорядочную толпу плохо вооруженных слуг и новую породу людей, носящих маски; одним из самых почтенных и известных среди них был некий присланный на кормежку седой асессор, которому, хотя и был он в преклонных летах, скорее было место за ткацким станком, ибо он был более сведущ в прокладке основы или набивании утка, чем в законах, о которых он имел крайне слабое понятие. Наш стратик приступил к исполнению своих обязанностей весьма бойко; как водится, он издал постановление о том, что воспрещается носить оружие и выходить ночью на улицу, и отдал много других распоряжений. На деле оказалось, однако, что он и его люди не только, как я уже сказал, были плохо снабжены оружием против мужчин, но что и тем, которое требуется для служения дамам, как это всем вскоре стало известно, они были вооружены плохо; и вдобавок еще собственное оружие стратика немало пострадало от некой болезни, и лекари так его обработали, что оно почти никуда уже не годилось. Когда же стратик вылечился, то, несмотря на то что он был стар и неспособен к брачной жизни, это его не остановило, и он задумал непременно жениться. Именно ему случилось влюбиться в одну молодую генуэзку из весьма знатного рода и в высшей степени красивую, только что бежавшую из монастыря, куда по бедности ее отдал отец. Настоятель и монастырская братия прилагали все свои старания к тому, чтобы не утратить достойной добычи, однако видя, что девушка скорее согласится умереть, чем вернуться в монастырь хотя бы на время, и убедившись в бесполезности своих усилий, они, сменив досаду великим гневом и не располагая другим средством покарать девушку, торжественно отлучили ее от церкви. Влюбившись в нее, стратик не подумал ни о своей немощи, ни о молодости девушки, ни о том, что она была монахиней (обстоятельство, которое особенно следовало бы учесть), и по совету некоторых лиц,

которыми он пользовался в качестве посредников, решился на опасный шаг и взял эту бедную бесприданницу в жены.

С большой торжественностью ее отвели в его дом и нарядили там, как подобает благородной даме; и хотя, как это бывает со стариками, стратик испытывал такой подъем духа, что, казалось, мог совершить чудеса, однако ночью силы настолько его покинули, что, вместо великих подвигов, он мог только кусать и целовать свою жену; и хотя он старался оправдать себя, выдумывая всякие вздорные объяснения, однако молодая женщина, будучи достаточно в этих делах осведомленной, поняла, какая печальная жизнь ей предстоит. В то время как она вела такое плачевное существование, в нее влюбился один ученый законовед, живший в нашем городе, молодой, красивый, во всех отношениях достойный и из очень почтенного семейства. Перебрав напрасно всевозможные способы для того, чтобы завоевать сердце дамы, и не добившись ничего вследствие необычайной подозрительности ревнивейшего супруга, он решил дать себе передышку и предоставить дело счастливому случаю.

Остановившись на этом решении, он сговорился с одним молодым парнем из нашего города, и ему пришла в голову замечательная шутка, которую он решил сыграть с нашим стратиком, чтобы в присутствии мужа дать понять молодой женщине, каким оружием он обладает для оказания ей помощи в ее крайней нужде. Он видел постоянно, как палатные сбиры, совершая обход, забирали оружие у всех, кто его носил, и отводили виновных как пленников к стратику, который всегда сидел у себя в комнате вместе с красавицей женой. Учтя все это, молодой человек послал парня с тайным поручением к одному мастеру-столяру, чтобы тот изготовил в лучшем виде подобие мужского пола, размерами больше натуры, а затем раскрасил и придал ему полную видимость живого, а также приделал к нему рукоятку меча и вложил в длинные ножны. Когда все это было сделано, парень привесил себе этот меч сбоку и отправился вместе с приятелями разгуливать перед дворцовой стражей. Алчные и жаждущие добычи сбиры тотчас же приметили его и задержали, сказав:

— Отдай нам свое оружие и отправляйся с нами к стратику, чтобы уплатить пеню за нарушение его приказа.

Парень с веселым видом ответил, что своего оружия он им не отдаст, но что к стратику он пойдет охотно, чтобы объяснить ему, почему он носит этот меч. Сбиры окружили его со всех сторон и стремительно потащили во дворец. Войдя всей гурьбой в комнату стратика, они застали его играющим с женой в шахматы в присутствии седого старика судьи.

Услышав шум, стратик поднял голову и, увидев вооружен-

ного юношу, тотчас же бросил игру, в которой и играть-то ему было почти нечем, и, рассчитывая хорошенько поживиться, встал и заговорил так:

— Что тебе дало смелость, дерзостный юноша, носить воспрещенное оружие, когда никто в этом городе, как бы знатен он ни был, не решается этого делать?

Парень, приятно улыбаясь, ответил:

— Мессер, это не вредоносное оружие, а предмет, который я ношу согласно благочестивому обету.

Думая, что парень над ним издевается, стратик, придя в бешенство, схватил его одной рукой за грудь, а другой взялся за рукоять поддельного меча, изо всех сил стараясь извлечь его из ножен. Но парень, крепко держа свой меч, воскликнул:

— Мессер, не обижайте меня! Это не оружие. Отпустите меня сейчас же, или я обращусь к синдику!

Стратик, все более разъяряясь, твердо решил овладеть мечом, и, призвав на помощь своих людей, он наконец извлек его из ножен. Когда все, в том числе и молодая женщина, увидели этого зверя, на котором, как это бывает, когда он распален, можно было пересчитать все жилки, они расхохотались так, как никогда еще не смеялись во всю свою жизнь. Стратик, сильно разгневанный тем, что нашел совсем не то, что искал, сразу понял, в чем дело. Он так растерялся, что, крепко зажав в руке эту необыкновенную хоругвь, не знал, что с нею делать. Решив жестоко наказать парня за это поддельное оружие, он, обратясь к судье, сказал ему:

— Capra, quid videtur vobis? *

Баран ответил на собачьем языке:

— Мессер, человек этот поистине заслуживает жестокого и сурового наказания, но de jure longobardo ** мы ничего не можем с ним сделать.

Поздно убедившись в том, что его асессор был глупейшей скотиной, стратик решил самолично и во всех подробностях расследовать причину поведения парня и, обратясь к нему, сказал:

— Клянусь богом, ты не уйдешь отсюда, не рассказав мне волей или неволей все относящееся к этому делу.

Увидя, что добрая судьба благоприятствует ему, помогая шаг за шагом осуществить задуманное, парень немедленно сказал ему в ответ:

— Мессер, раз вы хотите все знать, я расскажу вам это с разрешения присутствующей здесь дамы. Не так давно у одного

---

* Судья, что вы думаете по этому поводу? (*лат.*)

** По ломбардскому закону (*лат.*).

здешнего ученого законоведа был поражен болезнью его мужской орган, причем ни одно из средств, предписанных врачами, не оказывало никакого действия; отчаявшись наконец в лекарствах, он прибегнул к тому средству, к которому следует обращаться всем верующим христианам, а именно: он принес обет нашим святым и чудотворцам, мученикам Киру и Иоанну, вешать раз в год на раку, содержащую их святые мощи, по восковому слепку больной части своего тела размером не больше и не меньше ее настоящей величины, и чудотворною силой этих святых он стал еще здоровее, чем был раньше. Когда же он пожелал привести в исполнение данный им обет, то не нашел в этом городе ни одного мастера, который захотел бы или смог сделать такой слепок. Пришлось заказать резчику изготовить подобие настоящей его части тела; и он поручил мне и просил меня доставить его в Неаполь и там заказать одному превосходному мастеру, моему большому приятелю, чтобы он сделал с него восковой слепок; я же подумал, что будет нескромным, если повезу этот предмет открыто, а потому превратил его, как видите, в меч. Вот в чем заключается все мое преступление, и если я заслужил за него наказание, то во имя божие я готов принять его.

Дама, тем временем рассмотревшая меч и поверившая, что все рассказанное парнем о ее поклоннике чистейшая правда, перестала смеяться и принялась глубоко вздыхать, видя, что это оружие сильно отличается от обычного ее стрекала. Затем она промолвила с гневом:

Мессер, бросьте, пожалуйста, эту гадость. Отпустите этого человека с богом и вернемся к нашей игре.

Старик, бесясь на то, что по закону он не мог наказать парня, который каждым своим словом наносил ему новое оскорбление, со злобой швырнул на землю безвредное оружие и, обратясь к парню, сказал:

Уходи с глаз моих, разбойник и висельник! Таково уж ваше гнусное и зловредное отродье! Но я заслужил и это, и еще худшее. Ведь советовали же мне не приезжать сюда, говоря, что салернитанцы способны надуть самого дьявола! Так нет же, мне захотелось испытать это на себе. Но, клянусь честью, вы меня больше не обманете, так как я уеду в другое место. Проваливай к дьяволу и в течение двух часов освободи этот город от своего присутствия, а не то я дам приказ схватить тебя, как мятежника.

Видя, что дело ограничилось одной бранью и что ему удалось отлично услужить своему другу, парень, крайне этим довольный, поднял с полу свое оружие и, поблагодарив своих судей, покинул их. Затем он обошел весь город, будто жалуясь на постигшее его изгнание, и всюду рассказывал о происшедшем, возбуждая силь-

нейший смех и веселье слушателей. После этого он отправился в Нолу к названному нами князю и в присутствии его придворных и других лиц, держа свое оружие в руках, рассказал подробно о стратике из Марки и о причинах, вызвавших все это происшествие. Князь долго смеялся по этому поводу, и рассказ так ему понравился, что он заставил парня повторить его еще два раза при всем народе. Таким-то образом парень получил от князя разрешение вернуться на родину, и он не только возвратился в свой город, но, пользуясь милостивым отношением к нему князя, постоянно носил оружие, что делали и все его товарищи; и никто из сбиров не осмеливался отнимать его у них, так как все они боялись повторения старой шутки.

А стратик, увидев, что стал притчей во языцех, жестоко раскаялся как в том, что приехал в Салерно, так и в том, что женился на молодой женщине. По этой причине, а может быть, побуждаемый чрезмерной своей ревностью он, не дождавшись истечения срока своей службы, испросил в виде милости, чтобы его перевели в Сарно. Там от прежних невзгод, от новых тягот или вследствие какой-нибудь другой причины он вскоре заболел и умер. Жена его, не очень этим огорченная, оставшись бездетной и обладая значительным богатством, вернулась в отцовский дом. Помня о долгой и пылкой любви законоведа и об изображении птицы, живой подлинник которой находился у него в клетке, она, видя себя свободной и будучи своей собственной госпожой, с разумными предосторожностями сблизилась с молодым человеком, отнюдь не собираясь вторично выходить замуж. Итак, к великому своему удовольствию до конца дней своих они оба в равной мере старались возместить потерянное время.

М А З У Ч Ч О

Вспоминаю, что я много раз слышал, что обеты даются на этом свете в несчастии, и если почему-либо не могут быть выполнены, то с позволения папы они должны быть заменены на нечто другое. Поэтому я убежден, что знавший об этом доктор-законовед, ввиду того что из-за запрета судьи он не мог написать свой обет на восковом слепке, чтобы раз в году прикреплять его перед святыми мощами, он получил разрешение заменить его на благочестивое дело и сменить слепок на живую осязаемую плоть и пускать ее в ход не только раз в год, а бесчисленное количество раз в месяц, совершая это в святом храме Иосафатской долины, может быть, для того, чтобы иметь свидетельство тому в день Страшного суда. Но, оставляя в стороне все эти веселые рассуждения, скажу, что действительно несчастным может считать себя

тот, кто терзаем двумя упомянутыми низкими недугами, скупостью и ревностью, ибо, помимо того что его постоянно язвит внутри острое жало, лишая всякой радости, он очень часто терпит урон как раз из-за тех опасностей, которых он больше всего страшится и старается избежать; и этому не приходится удивляться, поскольку все тонкие уловки и изобретения грабителей используются как раз для того, чтобы осторожно обокрасть того, кто особенно осторожен. А в подтверждение правдивости моих слов помимо трех уже рассказанных новелл я продолжу рассуждения на эту тему и представлю далее как еще одно непреложное свидетельство своей правоты рассказ о том, что случилось с одним богатым стариком, очень скупым и невероятно ревнивым, который в одночасье оказался лишенным чести, имущества и радости и из-за своей ревности был, словно рыба, пойман на крючок с приманкою.





НОВЕЛЛА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один рыцарь-мессинец влюбляется в молодую неаполитанку; узнав, что отец ее крайне скуп, он, сблизившись с ним, дает ему возможность нажиться, затем, сделав вид, что хочет вернуться на родину, дает купцу в залог рабыню, хорошо осведомленную о намерениях рыцаря; та подговаривает дочку купца, и они вместе захватывают его имущество и убегают с влюбленным; рыцарь женится на девушке, и, вернувшись в Неаполь, они наслаждаются любовью.

Превосходнейшему мессеру Джакобо Солимена, салернскому врачу

П О С В Я Щ Е Н И Е

Насколько распространилась по всему миру ревнивая и хищная алчность вместе со всеми сопутствующими ей отвратительными пороками и как она терзает и захватывает в плен волю тех, в кого она вцепилась когтями, ты, новый Эскулап, можешь представить себе без большого труда с помощью твоего проворного воображения. А также, поскольку я ранее недостаточно касался последствий ревности, то, продвигаясь дальше, кажется мне необходимым сказать, что эта страсть не всегда бывает вызвана чрезмерной любовью, в большинстве же случаев несомненно проистекает из-за величайшего малодушия, ибо большинство ревнивцев или стары, или уродливы, или бессильны, или же действительно столь малодушны, что искренне полагают, будто любой появившийся человек сможет лучше и в большей степени, нежели они сами, удовлетворить жену. А поскольку я знал тебя с юных лет как одного из самых великодушных и щедрых людей и как замечательного врача, способного исцелить любой недуг, то я решил, посылая тебе следующую новеллу, просить тебя

поделиться с твоим Мазуччо всеми ведомыми тебе сведениями о целебных средствах, помогающих от одной и от другой страсти, чтобы я, наставленный тобою, смог с полным правом донести до потомков твою удивительную науку.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Мессер Томазо Мариконда, мой дед и твой свояк, как тебе небезызвестно, был весьма достойным и видным рыцарем и в свое время пользовался в нашем городе немалой славой и уважением; когда же он достиг преклонного возраста, то ему, по стариковскому обыкновению, доставляло большое удовольствие рассказывать без конца весьма достойные внимания истории, которые он излагал с большим красноречием, передавая подробности, свидетельствовавшие об изумительной его памяти. Среди других слышанных мною в детстве рассказов его, за достоверность которых он ручался, помню я один случай, относящийся к тому времени, когда в королевстве нашем после смерти Карла III возникла великая и длительная война, вызванная притеснениями со стороны Анжуйского дома. В ту пору проживал в Неаполе один рыцарь родом из Мессины, по имени Гиффредо Саккано, который был верным сторонником дома Дураццо. Однажды, разъезжая по обыкновению своему верхом по городу, он заметил в окошке очень красивую девушку, дочь старого торговца, имени которого я не могу припомнить. И эта девушка так ему понравилась, что он тут же страстно в нее влюбился. По-видимому, добрая судьба пожелала устроить их обоюдное счастье, и хотя Кармозина (так звали девушку, полюбившуюся рыцарю) не знала до сих пор, что такое любовь, и почти не встречалась с мужчинами, случилась вещь почти небывалая: в одно и то же мгновение одинаковое пламя запылало с равной силой в двух сердцах, так что расстаться казалось обоим немыслимым; однако через некоторое время, побуждаемые чувством приличия и страха, они распростились, оба глубоко и в равной степени огорченные.

Мессер Гиффредо, убедившись в том, что любовь одним нежданным ударом поразила их обоих и что только внешние преграды мешали осуществить им согласные желания, по обыкновению влюбленных все свои старания направил на то, чтобы узнать, кто такая и чья дочь эта молодая девушка. Разведав в скором времени, кто ее отец, рыцарь узнал также, что он не только стар, но и необычайно ревнив и скуп до такой степени, что, боясь, как бы кто-нибудь не посватался к его дочери, держит ее постоянно взаперти и обращается с ней хуже, чем с последней служанкой. Разузнав обо всем этом в подробностях, рыцарь,

желая иметь какой-нибудь предлог для посещения этой части города и возможность видеть если не самую девушку, то хотя бы стены ее дома, начал притворяться влюбленным то в одну, то в другую из ее соседок. Вследствие этого все о нем судили не иначе как о большом ветренике, и его тонкая хитрость возбуждала лишь насмешки всяких глупцов. Мало о том заботясь, он, следуя своему замыслу, близко сошелся с отцом девушки, который был купцом. Достиг он этого тем, что часто и без всякой надобности покупал его товары по очень дорогой цене и сверх того, чтобы лучше приручить старика, почти ежедневно приводил к нему в лавку других придворных, позволяя ему таким образом постоянно загребать денёжки; и так как купец получал большой барыш от рыцаря и его приятелей, то он так с ним сдружился, что все этому прямо дивились. Рыцарь же, помышлявший о том, как бы ему приступить к окончательному выполнению своего замысла, заперся однажды с купцом в его лавке и обратился к нему со следующими словами:

— В делах моих понадобились мне совет и помощь, и, кроме вас, я не знаю никого, к кому бы мог обратиться. Вас же за доброту ко мне я люблю и почитаю, как отца. Вот почему я не боюсь открыть вам все мои тайны. Итак, знайте, что уже много лет прошло с тех пор, как, покинув моего отца, я проживаю здесь, и до сих пор не доводилось мне отсюда выбраться, так как меня удерживала любовь к королю и необходимость быть на месте, вызванная военным временем. Но вот уже с некоторых пор мой отец не перестает посылать мне письма и гонцов, убеждая приехать к нему, так как он хотел бы посмотреть на меня прежде, чем окончатся годы его старости. Сыновнее почтение не позволяет мне противиться просьбам отца, и я решил поехать к нему; но пробуду я там очень недолго и затем сразу же вернусь на службу к моему государю и королю. Не имея, однако, никого, кому бы я мог довериться больше, чем вам, я хочу дать вам на сохранение до моего возвращения некоторые из моих вещей; но больше всего этого заботит меня мысль об одной моей рабыне, так как она очень хорошая служанка, и мне тяжело было бы продать ее. Однако в то же время я имею крайнюю нужду в тридцати дукатах, и так как честь не позволяет мне просить у друзей даже эту безделицу, то, ища выхода из своего затруднительного положения, я решил обратиться к вам и побеспокоить вас просьбой одолжить мне эти деньги. В виде залога я оставлю вам мою рабыню; и если за это время вы до моего возвращения найдете случай продать ее за те шестьдесят дукатов, которые она мне стоила, то поступайте так, как если бы она принадлежала вам.

Старик, жадность которого была сильнее его рассудка, думая

только о барыше от этой услуги и не предполагая с другой стороны возможность обмана, не стал долго раздумывать и ответил рыцарю:

— Моя любовь к вам, мессер Гиффредо, такова, что ни на одну вашу просьбу я не мог бы ответить отказом, если бы только в моей власти было ее исполнить. Итак, я с охотой готов услужить вам деньгами, в которых вы нуждаетесь, а рабыню я буду держать у себя, чтобы вам не пришлось ее продавать; когда же вы вернетесь для уплаты, то, если она окажется для меня подходящей, я рассчитаюсь с вами так, как если бы вы были моим родным сыном.

Крайне обрадованный полученным ответом, рыцарь сказал ему:

— Я не ожидал от вас другого и не знаю, как благодарить вас. Но если бог мне поможет, то я, совместив наши интересы, отплачу вам так, что вы оцените плоды нашей взаимной дружбы.

Заключив этими словами свою речь, рыцарь сел на лошадь и по своему обыкновению направил путь мимо дома возлюбленной. Случайно или, быть может, такова была воля судьбы, заботившейся об их общем счастье, рыцарю удалось увидеть молодую девушку, которая показалась сначала в окне, а потом, отойдя немного, словно застыдившись, послала ему ласковый и полный кроткой нежности взгляд. Тогда рыцарь осмотрелся кругом, и, увидя, что никого поблизости нет, он, не имея времени на произнесение более длинных речей, сказал ей только:

— Утешься, Кармозина, я нашел средство извлечь тебя из тюрьмы,— и поехал себе с богом.

Девушка, хорошо понявшая слова возлюбленного, была ими немало обрадована, и хотя в мыслях у нее не умещалось, что из этого может выйти что-нибудь хорошее, однако в ней пробудилась сладкая надежда: Кармозина надеялась на что-то, а на что — сама того не знала. Рыцарь же, вернувшись домой, позвал рабыню и сказал ей:

— Милая Анна, мы уже переговорили и условились с тобой обо всем; и все-таки я повторю тебе еще раз: сделай свое дело с толком.

Хотя рабыня была и очень ловка и изворотлива, он все же несколько раз повторил ей намеченный план действий. Затем через несколько дней, приведя в порядок все свои дела, рыцарь пришел опять к старому купцу и сказал ему следующее:

— Как печалит меня мысль о продолжительной разлуке с вами, видит тот, кому ведомы все наши тайны! Однако я должен выехать сегодня в ночь, так как для путешествия моего все уже готово; и вот я пришел проститься с вами, взять у вас деньги, о которых просил, а также сказать вам, чтобы вы послали кого-нибудь для известного вам дела.

Старик, только и моливший бога об этом и уже начавший было опасаться, как бы рыцарь не раскаялся в своем решении, чрезвычайно обрадовался такому известию и, тотчас же отсчитав рыцарю тридцать дукатов, послал за рабыней, которая отправилась в дом нового хозяина с кое-какими пожитками рыцаря.

Когда же настал вечер, рыцарь в сопровождении купца и других друзей направился к морскому берегу и там, обнявшись с провожавшими его и сказав им последнее прости, сел на корабль, отплывавший в Мессину. Но едва корабль немного отошел от гавани, как рыцарь, заранее сговорившись о том с хозяином, велел посадить себя на небольшую лодку и отвезти в Прочиду, где он остановился в доме одного из своих друзей и пробыл там два дня. Когда подошел срок, о котором рыцарь условился с рабыней и с некоторыми из своих приятелей-сицилийцев, смелых в деле и готовых пойти на самую большую опасность, он отправился в Неаполь и, тайком пробравшись в город, спрятался вместе с товарищами в одном доме, находившемся рядом с домом купца и оставшемся в этом году без жильцов вследствие невзгод, причиненных войною. Там переждали они спокойно до следующего дня. Смышленая рабыня, придя в дом купца, была принята Кармозиной с большой радостью, и так как девушка знала, кому принадлежит рабыня, то она очень скоро с ней близко сошлась. Краткость времени заставляла рабыню спешить; пустив в ход всю свою ловкость и красноречие, она открыла девушке истинную причину своего прибытия в их дом и все то, о чем она сговорилась с рыцарем. Шаг за шагом выставляла она все новые доводы, уговаривая девушку решиться на это предприятие и мужественно действовать заодно с рыцарем, чтобы им обоим добиться возможности в полном спокойствии насладиться счастьем. Девушка, которая имела достаточно оснований хорошо относиться к рыцарю, не заставила рабыню терять много лишних слов и сказала, что по первому же знаку готова исполнить все приказания владыки своего сердца, любимого ею не меньше собственной жизни. На это рабыня ответила ей:

— Дочь моя, если ты собираешься взять с собой какие-нибудь вещи, то уложи их, так как все должно произойти сегодня ночью. И знай, что мой хозяин вместе со своим рабом и товарищами находятся, как я в этом убедилась по данному ими знаку, в соседнем доме, в который нам нетрудно попасть с нашего двора.

Узнав, что до бегства ей осталось ждать так недолго, девушка сотню раз поцеловала рабыню и ответила, что своего она брать ничего не будет, но зато хочет захватить вещи своего скупого

отца и возьмет гораздо больше, чем сколько он счел бы достаточным для ее приданого.

Остановившись на этом решении, они дождались полуночи и, когда старик и все другие в доме заснули, открыли один из его сундуков и забрали оттуда драгоценностей и денег больше чем на пятьсот дукатов; крадучись, они прошли через двор и пробрались туда, где находился рыцарь. С великой радостью он заключил в объятия девушку и горячо поцеловал ее, но этим только и ограничился, так как большего не допускало их ненадежное убежище; затем они все вместе вышли на улицу и направились к морю. Проскользнув незаметно через проход, находящийся за мясным рынком, они вышли из города и нашли свой баркас не только оснащенным и готовым к быстрому плаванию, но, казалось, способным к полету. Все уселись, спустили весла на воду, и через несколько часов они были уже в Искии. Когда рыцарь со своими спутниками явился к правителю этой местности, одному из лучших своих друзей, которого он заранее предупредил о своих намерениях, то все они были приняты с большим радушием и почетом. И так как рыцарь считал, что теперь он уже находится в безопасности, то они здесь вкусили первый нежный плод своей взаимной любви, одинаково радуясь своей добыче.

Вы легко можете себе представить горе, слезы и гнев старого отца, когда, с наступлением светлого дня, он не нашел ни своей дочери, ни оставленной ему в залог рабыни и недосчитался своих драгоценностей и денег, что доставило ему не меньшее огорчение; нет ничего удивительного и в том, что в своей ярости он не раз готов был повеситься; удрученный своими потерями и стыдом, он заперся у себя в доме и не переставал плакать. Влюбленная же пара пребывала в радости на Искии, и от постоянного их общения молодая женщина забеременела; рыцарь, крайне этим обрадованный, пожелал совершить благородное и доброе дело: удовлетворяя одновременно требованиям божеским и человеческим и вместе с тем исполняя свое собственное желание, он послал, прибегнув к посредничеству правителя Искии, за отцом и родственниками Кармозины. Когда те приехали и после некоторых переговоров заключили с ним условие, рыцарь, с милостивого разрешения короля, к общему удовольствию и радости всех неаполитанцев, сделал Кармозину своей законной женой. Перейдя от воровских любовных утех на путь брачной жизни, они возвратились в Неаполь и до конца жизни наслаждались счастьем; таким-то образом уладились дела ревнивого, скупого и неразумного старика после всех пережитых им огорчений.

М А З У Ч Ч О

Не сомневаюсь, что счастливый конец рассказанной новеллы послужит для многих поводом для одобрения и для того, чтобы в бесчисленных похвалах воздать должное сообразительности девушки, которая, видя, как плохо с ней обходятся и почитают хуже служанки, сама раздобыла себе столь достойного возлюбленного и, взяв себе из имущества скупейшего отца более, чем ей полагалось в качестве наследства, в конце концов с честью и радостью стала женою своего избранника. Но все это следует приписать не столько ей, сколько Амуру, который пробудил ее дремлющий ум и заставил ее с большой проворностью следовать тому, чему он сам ее учил; однако не буду восхвалять это и не посоветую никакой даме дать себя увлечь обещаниями возлюбленного, какими бы заманчивыми они ни были; и хотя с нашей Кармозиной все обошлось благополучно, однако не у всех мужчин душа наделена теми же качествами и обращена к ближнему; и то, что молодой человек поступил именно так по врожденной своей доброте и свойственной ему добродетели, другие, может быть, сочли бы порочным и дурным; ведь в сходных обстоятельствах они справедливо посчитали бы, что они учинили величайшее испытание, когда похитили у своих возлюбленных цвет их девственности и при этом обокрали их и затем бросили их осмеянными. И пусть бы каждая из них была уверена, что все произойдет в соответствии с ее намерениями, я счел бы более благоразумным поступить противоположным образом, ибо намного лучше вовсе не подвергаться смертельной опасности, нежели испытывать себя в борьбе с нею. И кроме того, я убежден, что никто не станет отрицать, будто чрезмерная ревность вместе с врожденной скупостью старого купца послужили причиной шутки, нанесшей ему такой большой урон. И даже если за шуткой, что с ним сыграли, воспоследовало благополучное завершение этой истории, то произошло это совсем не потому, что достойным всяческого порицания порокам не удалось принести своих ядовитых плодов, столь обильных и ужасных, что я с содроганием прерываю о них разговор. И поскольку в следующей новелле мне предстоит говорить о вещах довольно отличных от ревности и даже ей противоположных, я оставляю на некоторое время рассуждения об этом низком недуге, но не буду покидать госпожу Скупость и расскажу об омерзительной проделке одного скупого ревнивца, что поможет понять, насколько этот порок подчиняет себе разум и завладевает всеми способностями, радостью и честью.



НОВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один кардинал любит замужнюю женщину; он соблазняет мужа деньгами, и тот приводит жену в комнату кардинала; на следующее утро он приходит за ней обратно, но жене понравилось ее новое положение, и она не хочет возвращаться домой; долгие уговоры мужа ни к чему не приводят; в конце концов он берет обещанные ему деньги и отправляется в добровольное изгнание, а жена его приятно проводит время с кардиналом.

Достойнейшему мессеру Антонио Панормита из Болоньи

П О С В Я Щ Е Н И Е

При одной лишь мысли о желании писать тебе, знаменитому и прославленному поэту, светочу и славе нашей италийской нации, я чувствую, что мой ум и мой язык, моя рука и мое перо оказались так запутаны и перепутаны, что никто из них не может обратиться к своему привычному делу. Однако мне пришло на память, что тебе доставляют немалое удовольствие (я сам это видел) глуповатые рассуждения и грубая речь простого народа и ради них ты откладываешь в сторону достойные и изысканные сочинения, как если бы какой бы то ни было высокий риторический стиль не только не вызывал твоего, о новый Аполлон, восхищения, но и не доставлял тебе хотя бы самого малого удовольствия. И вот все это придало мне отваги и помогло поднять оружие, валявшееся на земле, и посвятить все-таки тебе нижеследующую новеллу. В ней ты узнаешь о странном договоре, вернее, о необычной сделке, заключенной между одним мантуанцем, настоящим олухом, и новоявленным фарисеем, который, вероятно полагая, что

он должен стать наследником славнейшего нашего апостола Петра, и вознамерившись не уступать пасторской власти представителям чужих наций, сохранив ее в пределах своего рода, умудрился произвести на свет ребенка. И подобно тому как они самовластно определили себе носить красные мантии и головные уборы в память об алой крови Христа, пролитой им на кресте, точно так же они истолковывают и слова бога «плодитесь и размножайтесь» как разрешение им иметь детей. Но коль скоро мой сокол не позволяет себе летать столь высоко, я замолкаю и прекращаю порицать их за их жизнь и обычаи и сразу перехожу к обещанной тебе истории.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Думаю, что уже всей вселенной известно о святом и великом соборе, назначенном и созванном блаженным папой Пием II в городе Мантуе для устройства всеобщего похода против турецкого султана. Отправившись туда с полным составом своих кардиналов, он поджидал там съезда князей и властителей христианских, дабы дать указания относительно всех необходимых приготовлений, требуемых столь высоким предприятием. В числе других находился там один кардинал, о котором, не называя его имени, скажу только, что хотя он и занимал при апостольском дворе самые высокие должности, однако не вышел еще из цветущего возраста, будучи притом одарен от природы весьма привлекательной наружностью. Не буду останавливаться на описании его пышных одеяний, на сбруе его превосходных коней, на его достойных слугах и приближенных, на роскоши и великолепии его царского житья. Но что сказать мне о его великодушном нраве? В противоположность другим священникам он был щедр на милости и восхищался и благоговел перед всем достойным и прекрасным, вследствие чего его считали самым изящным и любезным синьором, какого только можно найти во всем христианском мире. Он поселился во дворце одного из видных граждан. Поблизости проживало много красивых женщин, среди которых одна, несомненно, превосходила своею прелестью всех остальных красавиц этого города. Синьор кардинал видел ее не раз, и она необыкновенно ему понравилась. Как бывалый охотник, весьма падкий на такого рода добычу, он решил ни перед чем не останавливаться, лишь бы добиться в этом славном предприятии желанной победы. Благодаря тому что дом молодой женщины находился очень близко от его дома и окна их были расположены прямо друг против друга, он, имея, таким образом, полную возможность смотреть сколько вздумается на

свою красавицу, начал свое искусное ухаживанье. Но, увидя, что она превосходит своей честностью остальных женщин и что, несмотря на все примененные им тончайшие и разнообразные приемы, ему невозможно добиться от нее хотя бы одного благосклонного взгляда, он осадил немного назад свои преждевременные надежды.

Однако яростное жало любви побуждало его к действию. Зная, что без тяжких трудов не обходится ни один славный подвиг, а легко дающаяся победа не имеет большой цены и вскоре сменяется скукой, он обдумывал всевозможнейшие способы, пока наконец не остановился на следующем. Он решил попробовать, не удастся ли ему поймать мужа красавицы на золотой крючок, так как знал, что тот очень беден и крайне скуп. Он немедленно послал за ним. Тот сразу же пришел и был проведен в комнату кардинала, который, приняв его любезно и запросто и усадив рядом с собой, обратился к нему со следующей речью:

— Любезный мой, я знаю, что ты человек рассудительный, и потому, полагаю, мне нет нужды в долгих речах: ты и без них прекрасно поймешь, что мое предложение может дать тебе прочное спокойствие и избавить тебя сейчас и в будущем от всяких хлопот и забот. Так вот, поразительная красота твоей честнейшей жены так пленила меня, что я не владею собой и не могу найти покоя. И хотя я ясно сознаю невозможность какими-либо доводами и рассуждениями оправдать то, что я за такой услугой обращаюсь к тебе, ее мужу, однако, решив, что по соображениям чести и супружеской любви никто другой не выполнил бы этого с таким же успехом и не стал бы соблюдать большей тайны, я воспользовался этим выходом и вместо какого-нибудь иного посредника предпочел ввести в дело тебя. И я обращаюсь к тебе с просьбой: соблаговоли принести мне этот столь желанный мною дар как ради моего удовлетворения, так и для твоей пользы и выгоды. И хотя столь высокий предмет нельзя купить, ты увидишь, однако, что услуга твоя все же не будет мне подарком и я хорошо заплачу за нее, так как хочу, чтобы с первого же дня вы сразу вступили во владение: она — мною, а ты — всем моим имуществом. И если ты на это согласен, то скажи мне об этом сейчас же без проволочек, и ты немедленно убедишься на деле, что я хочу тебе добра и желаю тебя обеспечить.

Человек этот, как я уже сказал, был беден и чрезвычайно жаден. Выслушав крайне выгодное предложение, исходившее от человека, известного ему в качестве большого богача и притом еще очень щедрого, и видя поэтому, что дело принесет ему немалый барыш, он учел также рассудительность кардинала, который крайне скрытно повел бы свои шашни. Всех этих сооб-

ражений оказалось достаточно, чтобы ослепить его, и он решил пожертвовать своей супружеской любовью, презреть доброе мнение людей и поразить столь гнусным оружием себя самого и свое вечное спокойствие. Не размышляя долее, он в кратких словах дал такой ответ:

— Монсиньор, я готов служить вам в том, чего вы от меня требуете; ваше дело — приказывать, мое — повиноваться; постараюсь исполнить все ваши желания и удовлетворить вас.

И после того как кардинал с радостным лицом горячо поблагодарил его за согласие, он удалился. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик, он в ближайший же вечер издали завел об этом беседу с женой и, все время прикрываясь как щитом указанием на скудость их достатка, он в заключение сказал, что самый бесчестный поступок, если совершить его осторожно, можно считать как бы несодеянным. Жена его, которая была женщиной в высшей степени честной, не только сочла сказанное ей мужем крайне для себя оскорбительным и докучным, но и воспылала великим гневом и, выругав его самыми бранными словами, объявила, что если он заговорит с ней или хотя бы сам подумает об этом, то она немедленно уйдет к своим братьям. Муж не придал значения ее резкому ответу и, выждав несколько дней, однажды, мило беседуя с женой, в подходящую, как ему казалось, минуту снова заговорил о своем прежнем предложении. Выказав себя суровой, как никогда, она тотчас же ушла к своим братьям и с горечью рассказала им о поведении своего подлого мужа. Выслушав ее, братья сильно прогневались и, немедленно призвав к себе зятя, рассказали то, что им довелось про него узнать, и стали грозить ему и бранить его за намерение совершить поступок, направленный против их чести. Но он, заранее обдумав свой ответ, отнюдь не смутился, а, напротив, почти со смехом сказал им:

— Поистине, братья мои, вы могли бы спросить меня более вежливо, и я рассеял бы все ваши подозрения. Но от близких людей приходится многое переносить, а потому я открою вам правду о том, что рассказала ваша сестра и моя жена. Так вот, узнайте следующее. Я заподозрил, что кардинал, проживающий по соседству от нас, страстно влюбился в мою жену и что он вступил в тайное соглашение с некоторыми из жильцов нашего дома; жена же моя молода и красива, и хотя я считаю ее честнейшей женщиной, но все же, опасаясь женского легкомыслия, я задумал произвести решительный опыт, чтобы, в случае, если увижу ее такой, какой она оказалась на деле, отбросить всякие подозрения и теперь и в будущем; в противном же случае мы бы с вами вместе решили, как следует поступить с ней. Как видите, с божьей помощью я испытал ее добродетель и вполне

в ней убедился; теперь всякие подозрения, и прежние и новые, меня оставили, и отныне я буду уважать ее еще больше.

Братья выслушали это объяснение, и оно показалось им правдоподобным; и, поверив, что он действительно поступил так с указанной целью, они весьма похвалили его за столь благоразумный поступок и после долгих переговоров помирили зятя с женой. Она возвратилась домой, полагая, что муж ее уже не будет больше заговаривать об этом деле. Когда кардинал узнал обо всем этом, его пламенные надежды значительно охладились; однако, побуждаемый своим страстным желанием, он еще более рьяно продолжал свое ухаживание и с помощью знаков, а подчас и слов предлагал молодой женщине без всяких ограничений все, что было в его власти, уверяя ее, что он из-за нее тает, как лед на солнце. Созданная природой из того же металла, что и остальные представительницы женского пола, наша красавица, несмотря на свою испытанную добродетель и честность, поддалась неотступному давлению и, ничем этого не обнаруживая кардиналу, стала им увлекаться. Беседуя с мужем, она отзывалась с величайшим одобрением об изящных манерах и похвальных обычаях этого синьора. Это ободрило опечаленного мужа и послужило ему поводом вновь завести прежний разговор. Улучив подходящее время, когда жена его была в хорошем расположении духа, он сказал ей:

— Милая Джакомина, как ты сама можешь это подтвердить, я нежно и верно любил тебя и люблю за все твои совершенства; если же я обратился к тебе однажды с памятной тебе просьбой, то я не хочу, чтобы ты усмотрела в этом недостаток моего уважения к тебе; нет, две важные причины побудили меня к такому шагу: во-первых, крайняя нужда, ставшая нашим уделом по милости злой судьбы и без всякой вины с нашей стороны, так что я не видел никакого другого способа просуществовать; а во-вторых, и это преисполняет меня не меньшей горечью, мысль о празднике, который в скором времени наша владетельная маркиза намеревается дать всем собравшимся князьям и своим соседям и на котором, как бы мне этого ни хотелось, ты все же не сможешь появиться, так как не имеешь платья, достойного твоей изящной наружности и красоты. Мысль обо всем этом так сильно действует на меня, что, поддавшись ей, я не только вступил на известный тебе путь, но, право же, готов обречь себя на вечные муки и на самую лютую смерть. Но поскольку от этого самого дела нас отвращает лишь боязнь позора, то повторю тебе то, что уже сказал в прошлый раз: поступок, совершенный с осмотрительностью, не может принести ни вреда, ни позора. И если ты хочешь убедиться в правдивости моих слов, обрати внимание на то, что этот синьор, хотя его и снедает любовный недуг, крайне

бережно относясь к своей и нашей чести, не пожелал довериться ни одному человеку, за исключением меня одного как лица, которое более кого-либо другого склонно соблюдать тайну. И вот, не видя, что́ ты еще можешь возразить на это, в заключение скажу: поступай так, как угодно твоей душе, и я удовлетворюсь этим; но должен предупредить тебя, что когда нас одолеет жестокая нищета, то жаловаться нам придется уже не на нашу злую судьбу, а только на тебя самое.

Молодая женщина, беспрерывно подстрекаемая своим гнусным мужем, который прибегал к вымышленным предлогам, чтобы увлечь ее в бездну, знала вместе с тем, что ее превыше всего любит такой милый, богатый, красивый и щедрый синьор. По этой, а также по многим другим причинам она решила разбить цепи добродетели и достичь того, что навсегда бы ее удовлетворило, а вместе с тем доставило бы ее мужу огорчение, к которому он сам стремился. Увидев, что тот замолчал, она ответила ему таким образом:

— Муж мой, если уж братьям угодно было не только в первый раз отдать меня тебе в жены, но еще и вторично, против моей воли, снова отослать сюда, откуда я ушла по законной причине, и раз уж я здесь, то мне приходится не иначе располагать собой и вести себя, чем это делают все добрые жены, всегда угождающие мужьям и во всем повинующиеся им, как своим начальникам. Итак, ясно видя тебя окончательно склонившимся к тому, чтобы чужая рука осквернила меня, я со спокойной душой поступлю согласно твоему желанию и исполню то, к чему ты меня так долго склонял. Однако все же советую тебе зрело поразмыслить об этом деле, чтобы тебе не пришлось каяться в твоем поведении тогда, когда раскаяние уже будет запоздалым.

Муж, крайне обрадованный столь неожиданным ответом, решил, что слова его принесли должный плод, и сказал ей:

— Женушка моя, кто зрело обдумал дело, тому каяться в нем не приходится; впрочем, предоставь заботу об этом мне.

Покинув жену, он пошел к кардиналу и, приветствовав его, сказал с радостным лицом:

— Синьор мой, дело слажено на эту ночь, хотя, по правде сказать, мне стоило большого труда добиться, чтобы она дала свое согласие. Однако я пообещал ей за первый приход к вам триста дукатов, которые она хочет истратить на свой наряд для предстоящего празднества. Итак, теперь уже от вас зависит сделать так, чтобы она осталась довольна.

Влюбленный кардинал, человек бывалый и умный, сразу же понял, что муж его красавицы именно такой дрянной человек, как ему хотелось, и с большой охотой выразил согласие дать не только триста дукатов, которые были для него безделицей, но

и все, чем он только располагал; и после множества любезных слов они условились, когда и каким образом приведут эту даму в дом кардинала. Когда же муж вернулся домой и рассказал жене о том, на чем они порешили с кардиналом, то не мог добиться от нее иного ответа, как только:

— Муж мой, муж мой, подумай хорошенько и пойми, что ты делаешь!

И когда уже наступил назначенный срок и пора было идти к кардиналу, она все еще колола его теми же словами и не переставала даже во время пути повторять ему:

— Боюсь, муженек, что тебе придется раскаяться.

Но он, думая только о трехстах дукатах, так легко ему доставшихся, не обратил на ее слова никакого внимания — до того жадность помрачила его ум. Итак, он отвел жену к кардиналу.

Молодая женщина, придя в его комнату, очутилась в объятиях влюбленного синьора, который не только осыпал ее поцелуями, но и стал расточать ей нежнейшие ласки, свидетельствовавшие о неподдельном чувстве; и прежде еще, чем они приступили к срыванию сладких плодов любви, она окончательно утвердилась в уже принятом ею решении — скорее умереть, чем возвратиться к своему дорогому мужу. Кардинал, вежливо простившийся с мужем, который должен был рано утром прийти за женой, лег вместе с молодой женщиной на сладостное и роскошное ложе; они вкусили высшую усладу любви и, покоренные одним и тем же желанием, всю ночь блуждали по отрадным садам богини Венеры. Молодая женщина, которой еще не перепадали столь лакомые кусочки, поразмыслив, нашла, что в этом и заключается самое высшее блаженство; не желая лишиться его, она обратилась к синьору с разумной и искусной речью и к взаимному их удовольствию открыла ему свое желание и окончательно принятое ею решение, прибавив в заключение, что если кардиналу не доставит удовольствия удержать ее у себя, то пусть он считает ее погибшей, так как для мужа она все равно утрачена навсегда. Никогда еще звук человеческой речи, а тем более смысл слов не был так сладостен кардиналу, который, выслушав молодую женщину, прежде чем дать удовлетворительный ответ, бесчисленными нежными поцелуями успокоил ее относительно своих намерений, после чего сказал:

— Душа моя милая, ничего иного не могу тебе сказать, кроме следующего: раз я отдал тебе свою душу, а ты мне свое прекрасное и нежное тело, то располагай и твоим, и моим, и всем, что у нас есть, по своему усмотрению и желанию; я же буду всем доволен.

Он вновь поцеловал свою красавицу и, так как уже рассвело, велел помочь ей одеться и проводить в другую комнату. А узнав,

что муж пришел еще до зари, чтобы отвести жену домой, он приказал одному из слуг позвать его к себе. Когда муж вошел и увидел жену, он с улыбкой пожелал ей доброго утра, а затем, подойдя к ней поближе, сказал тихонько следующее:

— Милая моя Джакомина, будь уверена, я очень раскаиваюсь, что привел тебя сюда, и никогда еще не испытывал таких мук, как в эту ночь; я все думал о тебе и не мог найти себе покоя.

Молодая женщина, заранее приготовившая свой ответ, сказала ему:

— Я тоже, муженек, раскаиваюсь, но только в том, что не дала сразу же свое согласие, когда ты в первый раз предложил мне отправиться сюда, так как за всю жизнь мне уже не вернуть столько сладостных ночей; и, сказать по правде, если ты плохо спал, то я прекраснейшим образом бодрствовала, так как мой синьор расточал мне столько ласк в течение этой ночи, сколько не случилось мне получить от тебя за все время, когда я была твоею. Я вижу, как жестока была ко мне судьба, ибо я убедилась, что доброта синьора, которую ты мне так расхваливал, еще в тысячу раз больше; и, когда я напоследок открыла ему явившееся у меня желанье — остаться у него, он отдал мне ключи от всех своих сокровищ. Возьми же, если желаешь, плату за проданную тобою честь всей нашей родни; и я хочу, чтобы вместе с этим ты перестал думать обо мне и моих делах, ибо знай, я скорее согласна подвергнуться четвертованию, чем возвратиться к тебе.

Огорченному мужу показалось, что небо обрушилось ему на голову; он спросил лишь:

— Красотка моя Джакомина, смеешься ты надо мной или говоришь правду?

Она ответила:

— Да, я смеюсь над тобой и имею на это право. Но ты, может быть, думаешь, что я хочу испытать твою любовь подобно тому, как ты испытывал своим предложением мою верность? (Ведь ты так изобразил дело моим братьям!) Однако я хочу, чтобы, однажды проверив мою верность, ты бы тем и удовольствовался навсегда и уже более не подвергал меня новым испытаниям. Припомни, сколько раз я говорила тебе: «Муж мой, подумай, что ты делаешь», на что ты отвечал мне просьбой предоставить заботу об этом тебе. Так я и поступила и собираюсь поступать впредь: пусть забота об этом будет твоею и ничьей больше. Если сможешь, то найди средство поправить дело; я же, радостная и беззаботная, буду находить все новую отраду в нежных объятиях моего синьора.

И, открыв окованный железом сундук и вынув оттуда мешочек, в котором находились триста дукатов, предварительно отсчитанные ею, она сказала мужу:

— Прими плату за свою жену, которой ты не очень дорожил, и больше тебе здесь делать нечего.

И, уйдя в другую комнату, она промолвила:

— Прощай, муженек, и в другой раз лучше обдумывай свои поступки.

Она заперла за собою дверь, и ей не пришлось увидеть его вновь во всю свою жизнь. Жалкий муж, не видя способа исправить свою неудачную сделку, чтобы потерять возможно меньше, забрал триста дукатов и, обливаясь слезами и тяжело вздыхая, вернулся домой. Боясь в равной мере гнева зятьев и позора, выпавшего на его долю, он вскоре сбежал из города. А о том, что сталось с молодой женщиной и как отлично прожила она остальную свою жизнь, об этом сами можете легко догадаться.

М А З У Ч Ч О

Дерзкой самонадеянностью было бы хоть как-то порицать молодую мантуанку за то, что она использовала все возможное для наказания злого мужа и ради своего вечного утешения, а также за то, что она не захотела распроститься с теми многочисленными благами, которые нежданно-негаданно и даже вопреки ее воле она обрела и которые, может быть, были изначально предназначены ей ее счастливой судьбой. А кроме того, не до́лжно испытывать сострадания к обманутому, ведь он добровольно заплатил за этот обман. И также никто не может осуждать по заслугам кардинала, который не закрыл дверь перед благосклонной фортуной, сполна вручившей ему единственное, что он так желал; более того, я полагаю, что нам следовало бы его похвалить, ибо, удовлетворив свое желание, он не проявил скупости и не лишил доброго человека обещанных денег, как, может быть, сделали бы некоторые другие. Но поскольку я уже достаточно обо всем этом порассуждал и не стоит уже удивляться тому, что люди не могут уберечься от засад, которые они друг другу расставляют, я хочу в другой новелле рассказать, как двое наших салернитанцев тончайшим образом обманули одного святого и как с большой осторожностью они сумели вытянуть много сотен флоринов у сметливого флорентийского люда.



НОВЕЛЛА ШЕСТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Святой Бернардин обманут двумя салернитанцами. Один из них уверяет его, что нашел кошелек с двумя тысячами дукатов, другой же говорит, что потерял его, сообщает приметы кошелька и получает его обратно. Святой призывает флорентийский народ помочь бедности первого из них, собирает много денег и отдает их обманщику, который, сойдясь с приятелем, делит с ним добычу.

Светлейшему и преподобнейшему синьору Джованни Арагонскому

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я вспоминаю, светлейший и преподобнейший мой синьор, что прежде чем дойти до конца моего повествования, я много раз решал сам с собой посвятить тебе, наивысшее благолепие и чудеснейшее зерцало последователей Петра, одну из этих новелл приятного и достойного содержания, а затем присоединить ее к другим и обозначить ее соответствующим номером. И, желая претворить эту мысль в действие, я посылаю тебе настоящую новеллу, не менее достоверную, чем приятную, из которой помимо удовольствия ты узнаешь, что не только миряне, но и святые могут быть в этой жизни многократно преданы и осмеяны кем-либо, кто напустит на себя вид притворной добродетели.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Анджело Пинто, наш земляк-салернитанец, был в свое время, как рассказывают знавшие его старики, отменнейшим мастером обманывать других разными необыкновенными способами, шутником, подобного которому не сыскать во всей Италии. После

того как он долго рыскал как по Италии, так и за ее пределами, всюду совершая свои проделки, он прибыл во Флоренцию в ту пору, когда там проповедовал наш благочестивейший святой Бернардин, за которым бегала толпой почти вся Тоскана вследствие постоянно творимых им явных чудес, а также широкой молвы о его непорочной жизни. И вот однажды среди многочисленных слушателей святого случайно оказался упомянутый Анджело вместе с другим молодым парнем, также салернитанцем, который прозывался Весковоне и был для своих лет довольно способным учеником в мастерстве Анджело Пинто. Они узнали друг друга и, вспомнив о своей общей родине, обменялись всяческими любезностями и многое рассказали друг другу о своих похождениях, после чего Весковоне сказал наконец приятелю:

— Милый Анджело, я остановился здесь для того, чтобы выкинуть хорошую штуку, но не нашел еще никого, кому мог бы довериться и у кого нашлось бы в кармане несколько сот флоринов.

Он открыл Анджело свой замысел, и, так как затея тому очень понравилась, он ответил, что вполне готов помочь ему деньгами и всем своим искусством в выполнении столь замечательной плутни. Без дальних проволочек они раздобыли огромный кошелек с множеством отделений и положили в него пятьсот золотых дукатов, которые оставались у Антонио от значительно большей растраченной им суммы. Они отделили венецианские дукаты от флорентийских и всяких других, разложили их соответственно чекану в разные отделения, подсчитали всю сумму и записали итог для памяти на клочке бумаги, который Весковоне бережно спрятал, чтоб иметь его наготове в случае надобности. После того как они подробно договорились о том, что каждый из них должен был сделать, Анджело на следующий день переоделся паломником и спрятал кошелек у себя на груди; когда же святой Бернардин, окончив проповедь, направился в свою келью, он последовал за ним и бросился к его ногам, умоляя благосклонно выслушать его ради дела, не терпящего отлагательства. Святой добродушно ответил, что готов его выслушать, и тогда Анджело, проливая слезы, заговорил так:

— Отец мой, знайте, что на этих днях я получил в Риме полное отпущение всех моих неотпустимых грехов, и хотя я вернулся в состояние прежней невинности, в котором пребывал при получении святого крещения, однако в воздаяние за мои ужаснейшие злодеяния мне было предписано во искупление моих грехов совершить паломничество к святому Иакову Компостельскому. Я двинулся в путь и вчера утром остановился здесь по дороге, чтобы послушать ваши святые слова; и дьявол, должно быть

разгневанный тем, что я ускользнул из его рук, бросил к моим ногам петлю, в которой я мог бы удавиться, а именно этот кошелек, который я держу в руках и в котором находятся пятьсот дукатов. С помощью этого кошелька он представил моему взору всю мою крайнюю нужду и моих трех плохо одетых, хотя и очень красивых, достигших брачного возраста дочерей, наведя меня на мысль о разных опасностях, угрожающих им вследствие недостатка в средствах; такими и многими другими доводами он стал побуждать меня вернуться домой, чтобы насладиться вместе с моим бедным семейством этим сокровищем, посланным мне Фортуной. Однако, вооружась могучим щитом святого духа, я устоял против этого искушения, рассудив, что самое великое сокровище — ничто в сравнении с нашей душой, которую бог удостоил искупить своей драгоценнейшей кровью. И, придя к вам с таким решением, я умоляю вас господом богом взять у меня эти деньги и завтра во время проповеди объявить о них народу; и я не сомневаюсь, что их владелец найдется и вы отдадите их ему, когда он назовет вам приметы кошелька. И если вы не находите, что я могу взять себе отсюда со спокойной совестью немного денег, чтобы подкрепить себя в пути, я умоляю вас побудить жителей этого города помочь моей бедности тем способом, который покажется наилучшим вашему отеческому чувству.

Достославный святой, выслушав эту речь, украшенную такими цветами благочестия, убедился в том, что деньги, как было сказано, находятся налицо и в полной целости, и, так как Анджело показался ему благообразным старцем, он не только вполне поверил его словам, но и счел неслыханным чудом, что в столь испорченном и развращенном волчьей скупостью мире нашлась такая добрая человеческая душа. И, наградив проявленную Анджело добродетель величайшими похвалами, он сказал ему:

— Сын мой, я могу сказать тебе только то, что если бы даже ты распял Христа, то за одну проявленную тобою добродетель тебе это простилось бы без всякого паломничества. Убеждаю тебя продолжать намеченный тобою путь, и будь уверен, что бог не оставит тебя без воздаяния за твое доброе дело. Я же со своей стороны завтра выполню свой долг, как ты это сам увидишь, и надеюсь, что с милостивой помощью моего создателя ты получишь на этот раз немалую поддержку твоей бедности и сможешь ее принять с более спокойной совестью, чем ту, которую проклятый враг божий уготовил тебе на твою погибель.

Анджело горячо поблагодарил его за милосердие, а еще более за выраженную им готовность разжалобить в его пользу жителей города. И, вручив святому кошелек, наполненный флоринами, он сказал ему:

— Отец мой, укажите мне, как я должен себя вести, ибо

предупреждаю вас — не для того, чтобы похваляться, но чтобы сказать вам правду,— я происхожу из благородной семьи и не хотел бы, чтобы меня увидели выпрашивающим милостыню, если есть возможность устроить это дело иначе.

Святой Бернардин, снова поверивший ему, преисполнился к нему еще большего сочувствия и приказал ему не выходить из кельи его послушника. На следующий день святой, согласно своему обыкновению, взошел на кафедру и, изменив избранную им ранее тему проповеди, произнес:

— *«Fecit mirabilia in vita sua; quis est iste, et laudabimus eum?»* *,— после чего продолжал: — Синьоры граждане, я только что был свидетелем удивительного происшествия, которое больше походит на божье чудо, чем на дело рук человеческих; и потому я счел приличным отступить от намеченной мною темы проповеди и предложить вам тот текст, который вы слышали. А случилось то, что один бедняк отправлялся для искупления своих грехов к святому Иакову, и позавчера утром в большой толпе ему попался под ноги подброшенный, должно быть, дьяволом кошелек с несколькими сотнями флоринов. Будучи человеком крайне бедным и помышляя о своей оставленной семье, которой он с трудом может обеспечить пропитание, и о других бесчисленных своих нуждах, он испытал ряд искушений и душевных битв; но напоследок, укрепленный любовью к Христу, победил и прогнал их крестным знаменьем и, горько плача, пришел ко мне и принес упомянутый мною наполненный флоринами кошелек, который сейчас находится у меня. И я не думаю, чтобы святой Петр или же наш серафический Франциск, единственный презритель земных богатств и подражатель Христу, не желавший иметь никакой собственности, мог сделать в этом случае больше, чем постараться вернуть владельцу найденное сокровище. Насколько же более должны мы восхвалить этого человека, который, будучи связан с миром, весьма беден и обременен дочерьми, но все же настолько благороден, что стыд запрещает ему просить милостыню, проявил здесь такую добродетель! Воистину, мне кажется, что только о нем одном церковь может сегодня воспеть предложенный мною текст, ибо человек этот совершил удивительный поступок.

Затем, возвысив голос, он продолжал:

— Вы же, хищные волки, жадные скряги, блудодеи, запятнанные грязью этого обманчивого мира, вы всякий день стремитесь к лихве, к лживым договорам, к дурным барышам и обманом присваиваете чужое, грабите церкви, завладеваете имуществом слабых, пьете кровь бедняков, не следуете Святому писанию

---

* «Он совершил чудеса в своей жизни. Кто же он? Да восхвалим его» (*лат.*).

и тысячью других подлейших поступков удаляетесь от Христа, слушаясь учения дьявола!

После этого святой старец, разгневанный и воодушевленный своим милосердием, почувствовав себя несколько утомленным своей речью, немного передохнул, а затем, вернувшись к предмету своей проповеди, прибавил:

— Я не могу ни описать пером, ни вымолвить устами все похвалы, которыми можно было бы наградить этого человека. Я приведу вам только одно доказательство его доброты и чистоты. Беседуя со мной, он настоятельно заявил, что не хочет просить законной награды за найденные им деньги, полагая, что не может их принять со спокойной совестью. И потому, дети мои, пусть тот, кто потерял эти деньги, подойдет ко мне и сообщит приметы кошелька и количество находящихся в нем флоринов, а также их достоинство и чекан, ибо все они разложены порознь; и пусть он возьмет себе этот кошелек с богом, не уплатив ни одного сольдо за находку. Я же не перестану увещевать вас последовать учению нашего спасителя Иисуса, который требует от нас, чтобы мы не только воздавали добром за всякое зло, но и не оставляли без награды ни одного доброго дела. Посему, дети мои, мне кажется справедливым, чтобы этот бедный дворянин получил какую-нибудь награду за проявленную им добродетель. И потому я считаю себя обязанным призвать вас помочь его бедности и прошу всех тех из вас, кто осенен победным знаменем Христова креста, бросить сюда, на этот мой плащ, ту милостыню, на которую его подвигнет бог. И пусть всякий непременно положит хотя бы один сольдо; таким образом из даяний многих тысяч людей, которых я вижу здесь, составится сумма, вполне достаточная, чтобы вывести этого человека из затруднения. Призываю вас к этому и заявляю, что это будет гораздо бóльшим добром, чем если вы поможете нуждам больниц или какого-нибудь другого нищего.

Едва святой, закончив свою речь, бросил на землю плащ, как весь народ устремился к нему такой толпой, какой еще никогда не было видано, каждый с приготовленной милостыней в руках. И в течение всего дня послушники святого Бернардина держали его плащ, принимая приносимые даяния. К вечеру уже стало видно, что набралось больше тысячи флоринов. Между тем Весковоне, предварительно переодевшийся генуэзским купцом (а он превосходно владел этим наречием), выступил вперед и, пробившись сквозь густую толпу, испускавшую громкие крики, со слезами на глазах стал у ног святого и обратился к нему с такими словами:

— Владыка, деньги эти принадлежат мне, и я здесь или в любом другом месте могу вам дать точные их приметы, так как они у меня все записаны.

С этими словами он вынул из-за пазухи запись, которую для этого хранил, и передал ее в руки святому. Святой Бернардин ласково сказал ему:

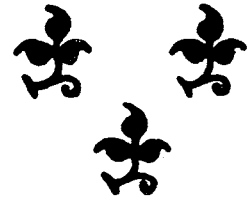
— Сын мой, ты имел больше удачи в том, чтобы разыскать свои деньги, чем сберечь их у себя. Поэтому иди за мной, и мы посмотрим, принадлежат ли они тебе; если же это так, то ты получишь их, не заплатив ни гроша.

И, благословив народ, святой вернулся в свою келью. Здесь они высыпали деньги и установили их полное соответствие записи Весковоне, после чего святой добродушно вручил их ему. Получив деньги, Весковоне быстро направился в дом, где жили слуги Анджело, после чего они все вместе, как было решено заранее, вышли из Флоренции и стали поджидать Анджело в условленном месте. А тот, чтобы довершить свой обман, обратил все полученные им при помощи святого деньги в золото у его почитателей, набожных банкиров, и затем, простившись со святым и провожаемый его напутствиями и благословениями, поспешил туда, где его поджидали спутники. Все они с величайшим торжеством направились в Пизу и, по-товарищески разделив там свою добычу, разошлись в разные стороны. И можно думать, что они так и окончили свои дни, постоянно живя на чужой счет.

М А З У Ч Ч О

Рассказанную шутку можно назвать не менее забавной и умело придуманной, чем полезной и плодотворной, потому что простые люди ловко обманули не только проницательного святого, но почти весь хитрейший флорентийский люд. Не меньше смеха вызовет и другой обман, также учиненный двумя невежественными римлянами, о котором я намереваюсь далее рассказать; и хотя он не столь значителен, однако же тем более заслуживает упоминания, что совершен он был в Болонье, куда все стремятся, дабы набраться уму-разуму, и откуда каждый приносил бы его полные сумки, если бы при выходе из города не раскрывал рта,

как достоверно свидетельствует
о том большинство тех,
кто возвращается
оттуда.





НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один ученый-законовед отсылает домой кубок. Два плута замечают это; один приносит жене законоведа рыбу, чтобы та приготовила ее для мужа, и от его имени просит отдать ему кубок; жена отдает его; законовед, возвратясь домой, узнает, что кубок исчез, и уходит в надежде разыскать его; другой мошенник, явившись в дом законоведа, говорит, что кубок найден и что законовед просит прислать ему рыбу. Он сходится с товарищем, и они оба веселятся по поводу удавшейся проделки и полученной прибыли.

Преподобнейшему монсиньору, достославному кардиналу Неаполитанскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если всегда находятся доводы, преподобнейший Монсиньор, настоятельно побуждающие добровольно давших обещание удовлетворить своих кредиторов, то и я, числящий себя твоим, преподобнейший синьор, должником, пообещав тебе одну из моих новелл, полагаю, что не только доводы эти, но и просто благопристойность побуждают меня выполнить уже сделанное обещание и тем самым освободиться от моего долга. Поэтому из нижеследующего повествования ты узнаешь об одном очень веселом и дерзком обмане, совершенном двумя римскими грабителями по отношению к ученому-законоведу из Болоньи. Он хотя и учил бесчисленных своих студентов торговать своими познаниями, но не сумел научить этому жену, которая ни в первый, ни во второй раз не смогла уберечься от плутней упомянутых римлян.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Мессер Флориано из Кастель Сан-Пьеро был в свое время в Болонье хорошо известным и превосходным законоведом. Однажды утром, выйдя из церкви, он прогуливался с другими юристами по главной городской площади. Зайдя в лавку серебряных дел мастера, у которого он заказал себе красивый и роскошный золоченый кубок, и без дальних слов сведя с хозяином счеты, мессер Флориано расплатился с ним. Осмотревшись затем кругом и не видя нигде слуги, с которым можно было бы отослать кубок домой, он попросил серебряных дел мастера, чтобы тот приказал отнести его своему подмастерью, на что хозяин охотно согласился. В ту пору прибыли в Болонью два уроженца Римской области из округа Треви. Они бродили по Италии, обманывая народ фальшивыми монетами и поддельными игральными костями, ставя людям тысячи иных коварных ловушек, чтобы есть и веселиться на чужой счет. Одного из них звали Льелло де Чекко, а другого — Андреуччо де Валлемонтоне. Находясь случайно на площади в то время, когда мессер Флориано отсылал домой свой кубок, они увидели эту драгоценность и решили попытаться, не удастся ли им захватить ее в свои руки. Они хорошо знали дом законоведа, и, когда увидели, что подмастерье возвращается обратно, Льелло, объяснив товарищу, что тот должен делать, пошел в таверну, купил там огромную морскую миногу и, спрятав ее под плащом, поспешно направился к дому мессера Флориано. Постучавшись в дверь, он спросил хозяйку и, когда его провели к жене хозяина, сказал ей:

— Ваш муж посылает вам эту рыбу, чтобы вы тотчас же приготовили из нее вкусное блюдо, так как он придет домой к обеду с несколькими другими законоведами; а кроме того, он просит вас послать ему обратно кубок, который только что принес вам ученик мастера Орсо, так как ваш муж не сошелся с хозяином в цене и хочет еще раз взвесить кубок.

Простушка без труда ему поверила; она отдала кубок и приказала служанкам поскорее приготовить рыбу. Распорядившись, чтобы все было готово к приему гостей, она стала весело поджидать их прихода. Льелло, получив кубок, направился тотчас же в монастырь Сан-Микеле-ин-Боско, приор которого, тоже уроженец Римской области, дружил с ними и был не меньшим ловкачем, чем он сам. Радушно встреченный приором, Льелло рассказал ему о своей проделке, и оба они, порадовавшись приятной добыче, стали ждать Андреуччо, который остался на площади, чтобы разузнать, какой оборот примет дело.

Когда же наступило обеденное время и мессер Флориано, покинув приятелей, возвратился домой, жена, выйдя ему навстречу и видя, что он один, спросила его:

— Мессер, а где же гости?

Муж, удивленный таким вопросом, ответил:

— О каких гостях ты меня спрашиваешь?

— Ты не знаешь, о каких гостях я говорю? — сказала жена.— Что касается меня, то я приготовила обед на славу.

Мессер Флориано, еще более удивленный, сказал:

— Мне кажется, ты сегодня сошла с ума.

На это жена ответила:

— И не думала я сходить с ума. Ты прислал мне большую миногу, чтобы я ее приготовила, так как ты собирался привести с собой еще нескольких законоведов к обеду, и я сделала все, что ты велел передать мне. Если ты потом передумал, мы от этого ничего не потеряем.

Он сказал:

— Не понимаю, о чем ты говоришь, жена. Пусть господь посылает нам и впредь таких благодетелей, которые приносят нам свое добро, ничего не беря взамен из нашего. Но, наверно, здесь произошла какая-нибудь ошибка.

Жена, так неосторожно отдавшая кубок, убедившись, что муж и вправду ничего не знает, с большим огорчением сказала:

— Мессер, мне это дело представляется иначе, так как человек, принесший мне рыбу, потребовал у меня от твоего имени золоченый кубок, который ты незадолго перед тем прислал мне с учеником Орсо. Он описал мне приметы кубка, и я отдала его.

Когда мессер Флориано понял, что от кубка и след простыл, ему стал ясен обман, и он сказал:

— Ах ты, бессмысленная скотина! Ведь тебя надули!

И, выбежав из дому, он направился на площадь и стал расхаживать по ней, сам не зная, чего, собственно, ищет, и расспрашивая всех встречных, не видали ли они человека, шедшего к его дому с рыбой в руках. Он проделывал тысячу других глупостей, вызывавших лишь общие насмешки, и продолжал свои плодотворные розыски с легкой надеждой, что над ним просто хотели подшутить. Андреуччо с видом честного человека стоял на углу площади. Полагая, что и кубок и товарищ его достигли тихой пристани, он досадовал, однако, на то, что изрядно потратился на покупку миноги, которой ему не пришлось отведать, а потому решил, прибегнув к новому обману, столь же необычному, как первый, получить обратно рыбу. И, выбрав время, когда мессер Флориано особенно надсаждался в своих поисках, он поспешно отправился к его дому и, обратясь к хозяйке, сказал с веселым лицом:

— Мадонна, я приношу вам хорошее известие: ваш муж нашел свой кубок, который был похищен его приятелями ради

шутки. Он прислал меня сюда, чтобы я отнес ему приготовленную вами рыбу, потому что он хочет полакомиться ею вместе с теми господами, которые стащили у него кубок.

Жена законоведа, весьма опечаленная потерей кубка и мыслью о том, что это случилось по ее вине, крайне обрадовалась, услыхав, что кубок нашелся; она быстро схватила два оловянных блюда и надушенную белую скатерть и, хорошенько уложив в них рыбу, вручила ее доброму Андреуччо. Выйдя из дому, тот спрятал все это под плащом и полетел во всю прыть к монастырю Сан-Микеле. Здесь он нашел приора вместе с Льелло, и, шумно радуясь, они полакомились превосходной миногой. Подарив приору блюдо и тайком продав кубок, оба ловкача без промедления покинули город.

А мессер Флориано, которому за весь этот день так и не удалось ничего разузнать по поводу приключившегося с ним, вернулся вечером домой голодный и весьма рассерженный. Выйдя ему навстречу, жена сказала:

— Слава богу, что ты все-таки нашел кубок, хоть и обозвал меня скотиной.

Он же, разозлившись, ответил ей:

— Убирайся с глаз моих, наглая дура, а то тебе несдобровать! Мало тебе, что я потерпел убыток из-за твоей глупости, ты еще хочешь надо мной потешаться!

Жена, совсем смутившись, робко промолвила:

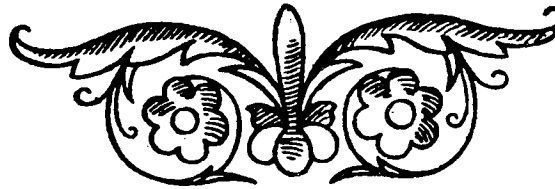
— Мессер, я вовсе не шучу.

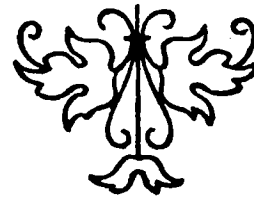
Но когда она рассказала ему о том, как ее вторично одурачили, мессер Флориано так расстроился и так неистовствовал, что чуть было не сошел с ума. Немало времени он потратил на хитрейшие розыски с целью найти обманщиков, но так ничего и не узнал; и долго еще после этого он жил в ссоре и во вражде с женой. А наши римляне, пожав приятные плоды своего обмана, предоставили проведенному ими законоведу тужить о своих потерях.

М А З У Ч Ч О

Нельзя отрицать, что, хотя обманщикам из рассказанной новеллы и удались обе использованные ими уловки, упомянутые плуты отличались большой дерзостью и потому были очень опасны. И хотя обычно говорят, что большой смех приносит большую выгоду, однако иногда и лисы попадают в капкан, чтобы разом расплатиться за все убытки и выплатить все проценты. Поэтому я бы воздал хвалу таким актерам, которые не стали бы рисковать жизнью из-за небольшой прибыли, а, напротив,

брали бы пример с монахов ордена святого Антония, в своих проделках не ставящих на кон ничего, кроме слов, из которых они извлекают такую выгоду, что постоянно возвращаются в свои дома здоровыми, уверенными и по уши всем нагруженными, как о том достоверно свидетельствует следующая новелла.







НОВЕЛЛА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один монашек ордена святого Антония освященными желудями спасает от смерти двух кабанов. Хозяйка дарит ему кусок холста. Приходит муж, сердится на это и пускается вдогонку за монашком, чтобы отобрать у него холст. Тот, завидев его издали, подпаливает холст и возвращает его хозяину. Холст воспламеняется, все присутствующие кричат о чуде, монашка ведут в деревню, и он собирает там много добра.

Сиятельному синьору Антонио де Сансеверино, первенцу светлейшего князя Салернского

П О С В Я Щ Е Н И Е

Прежде чем, сиятельный и доблестный синьор мой, кропая свои сочинения, я воспою с помощью неумелой и слабой моей лиры все добродетели, что пребывают в твоей юной и редкостной душе как в своем законном доме, я хотел бы послать тебе в качестве небольшого залога настоящую веселую новеллу, из которой тебе по крайней мере полезно будет узнать, как по-разбойничьи расхаживают монахи по свету и сколькими необычнейшими уловками они побуждают дураков самих набивать им кишки флоринами, словно фаршем, и почитать их за святых, как ты узнаешь о том в конце рассказа к немалому твоему удовольствию. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Как всякому должно быть известно, жители Сполето и Черрето в качестве монашков ордена святого Антония постоянно бродят по Италии, ища и собирая дары согласно обетам, прине-

сенным ими святому Антонию, и под этим предлогом произносят проповеди и творят мнимые чудеса; и с помощью всяких ловких надувательств, на какие они только способны, они плотно набивают себе карманы деньгами и другим добром, после чего возвращаются домой бездельничать. Таких монахов ежедневно появляется в нашем королевстве больше, чем в какой-либо другой области Италии; особенно же часто они направляют свой путь в Калабрию и Апулию, где находят много подаяния и мало ума в головах. Таким-то образом, в январе месяце прошлого года прибыл в Черриньолу один из этих черретанских монашков; за ним следовал осел, нагруженный котомками, и пеший мальчик-прислужник, собиравший подаяние и заставлявший коня склонять колени в знак почтения к мессеру барону святому Антонию, как они это любят делать. Въехав в деревню, монашек увидел около дома одного очень богатого хозяина двух огромных кабанов; так как хозяина не было дома, то хозяйка подала монашку милостыню с бóльшим усердием, нежели другие, вследствие чего тот решил, что ему удастся здесь поживиться. Прикинувшись преисполненным любви к ближним, он обернулся к своему слуге и тихим голосом, но все же так, чтобы женщина слышала его, сказал:

— Какая жалость, что такие прекрасные кабаны должны вскоре внезапно околеть!

Услышав эти слова, женщина насторожилась и сказала:

— Мессер, что вы говорите о моих кабанах?

Монашек ответил:

— Я говорю только, что большая ошибка природы — допустить, чтобы эти кабаны через несколько часов околели, не принеся никакого барыша.

Весть эта поразила женщину в самое сердце, и она сказала:

— Умоляю тебя, божий человек, открой мне причину этой напасти и скажи, нет ли способа предотвратить ее!

На это монашек ответил:

— Добрая женщина, я могу тебе только сообщить, что существует один верный признак, которого ни один живой человек не может рассмотреть, кроме нас, монахов, обладающих благодатью нашего барона, мессера святого Антония. И помочь этому можно было бы только в том случае, если бы у меня был здесь хоть один из наших освященных желудей.

Женщина сказала:

— Посмотрите, ради бога, не найдется ли у вас хоть одного из них, потому что я хорошо заплачу вам.

Монашек обернулся к своему слуге, который был хорошо обучен этому искусству, и сказал:

— Мартино, посмотри, не осталось ли в наших котомках желудей.

Слуга ответил:

— Мессер, осталось только два, что я приберег для нашего осла, который так часто заболевает.

Тогда монах сказал:

— Пожертвуем их этой женщине, чтобы не погибли эти прекрасные кабаны. Ведь она не будет неблагодарной и не оставит без попечения нашу больницу, но даст нам немного холста на простыни для наших больных.

Женщина воскликнула:

— Заклинаю вас святым крестом господним, спасите моих кабанов от такой злой участи, и я подарю вам кусок нового тонкого холста, из которого вы сошьете не одну, а целых две пары простынь для вашей больницы!

Монашек тотчас же приказал Мартино подать ему упомянутые желуди, велел принести сосуд с водой, положил в него порядочно отрубей и, смешав с ними освященные желуди, поставил их перед кабанами, которые, будучи голодными, тотчас же сожрали все дочиста. Тогда монашек, обернувшись к женщине, сказал:

— Теперь вы можете считать своих животных спасенными от угрожавшей им жестокой смерти. Будьте же добры помнить об оказанном мною вам благодеянии и отпустите меня поскорее, ибо я тотчас же собираюсь отправляться с богом восвояси.

А спешка эта была вызвана опасением монаха, чтобы тем временем не вернулся муж и не ускользнула добыча, на которую он рассчитывал. На это женщина любезно дала ему обещанный кусок холста, получив который монашек тотчас же сел на лошадь и, выехав из деревни, направился по дороге Трех Святителей, чтобы затем поехать в Манфредонию, где он каждый год находил хорошее пастбище.

Вскоре после отъезда монашка вернулся домой с поля хозяин. Выйдя ему навстречу, жена с веселым лицом сообщила ему новость о том, как его кабаны были спасены от внезапной смерти с помощью освященных желудей святого Антония, а также о холсте, который она пожертвовала больнице для бедных, чтобы вознаградить монаха за столь великое благодеяние. Муж, с удовольствием выслушавший весть о том, как его кабаны были спасены от большой опасности, был весьма опечален, узнав, что его холст переменил владельца; и, если бы он не спешил вернуть его обратно, он бы хорошенько отлупил жену по спине дубовой палкой. Но так как дело не терпело промедления, то он только спросил у жены, давно ли уехал монашек и по какой дороге он направился. На это жена ответила ему, что это случилось менее четверти часа тому назад и что монашек поехал по направлению к Трем Святителям. Тогда этот славный человек взял с собой

шесть вооруженных молодых людей, и все они с величайшей поспешностью пустились по следам монашка. Не успели они пройти и мили, как издали увидели его и начали свистать и громким голосом приказывать ему остановиться, в то же время не переставая за ним гнаться. Обернувшись на крики и увидав, что все эти люди с гиканьем мчатся за ним, монашек сразу понял, в чем дело, и решил пустить в ход свои обычные штуки. Он тотчас же велел Мартино дать ему холст, положил его впереди седла и, повернувшись спиной к своим врагам, взял огниво, ловко высек огонь, поджег им кусок трута и, когда преследователи были уже совсем близко, сунул зажженный трут в складки холста. Затем он обернулся к своим врагам и сказал им:

— Что вам угодно, добрые люди?

Хозяин кабанов выступил вперед и сказал:

— Подлый трус и мошенник, мне очень хочется проткнуть тебя этой пикой за то, что ты не постыдился войти в мой дом и обманным способом похитить у моей жены холст, чтобы тебя собаки загрызли!

Монашек, не говоря ни слова, бросил ему холст на руки и сказал:

— Бог да простит тебя, добрый человек! Я не похищал этого холста у твоей жены; она сама по доброй воле принесла его в дар беднякам нашей больницы. Но бери свой холст, во имя бога! Я же полагаюсь на нашего мессера барона святого Антония, который в скором времени явит тебе очевидное чудо, спалив огнем не только этот холст, но и все твое остальное имущество.

Получив обратно свой холст, крестьянин не обратил никакого внимания на ругню и проклятия монашка и повернул обратно домой. Но не успел он проехать даже расстояние, на которое можно бросить рукой камень, как услышал запах горелого и увидел дымящийся холст; и то же самое увидели и услышали все его спутники. С величайшим страхом, какой он когда-либо испытывал, он бросил холст на землю и, раскрыв его, увидел, что он весь охвачен пламенем. Пораженный ужасом и опасаясь худшего, он призвал монашка, заклиная его любовью божией вернуться обратно и помолиться своему чудотворцу святому Антонию, дабы тот снял с него суровый приговор, который так быстро осуществился. Монашек, не желая сжигать холст до конца, не стал дожидаться долгих уговоров и быстро вернулся обратно; приказав Мартино потушить вспыхнувшее пламя, он тотчас же бросился на землю и, притворно заплакав, сделал вид, что усердно молится. Исполнив это и успокоив хозяина насчет других последствий совершенного им проступка, он вернулся вместе с ним в деревню. Здесь, услышав новость о совершившемся чуде, весь народ, мужчины, женщины и даже дети, взывая о милосердии,

вышли ему навстречу, и он въехал в деревню с не меньшей славой, чем Христос, вступивший в Иерусалим. Ему поднесли столько подарков и приношений, что десять ослов не могли бы их свезти, и он, обратив большинство этих вещей в звонкую монету, богатый и радостный, уехал, чтобы уже больше не возвращаться туда для наполнения своей котомки.

М А З У Ч Ч О

Многочисленны и разнообразны способы, с помощью которых смертные пытаются заполучить большую добычу, не очень-то себя физически утруждая, как это доподлинно показали три рассказанные новеллы; и можно с уверенностью сказать, что уловки эти были в самом деле забавными и применялись с большой хитростью и изощренными приемами. Но тот способ, о котором я намереваюсь рассказать далее, будет не менее веселым, чем другие, и тем более достоин смеха, что те, кто его применили, получили прибыль без всякой ловкости и мастерства, не очень утруждая себя или вовсе без всякого труда.



НОВЕЛЛА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Два каванца направляются в Неаполь; один из них, выбившись из сил, остается в Торре-дель-Греко, другой в поздний час прибывает в Понте-Ричардо и здесь ночует. Некий амальфиец выходит отсюда ночью; он пугается, видя повешенных, и обращается к одному из них с речью. Каванец, думая, что его зовет товарищ, спешит к нему. Амальфиец бежит и, видя, что его преследуют, бросает свой мешок. Каванец подбирает мешок, сходится с приятелем и возвращается домой.

Доблестному и великолепному мессеру Бернардо де Роджери

П О С В Я Щ Е Н И Е

Желая вспомнить в моем повествовании наиболее достойнейших друзей моих и запечатлеть их имена в моем сочинении и тем самым сохранить о них память и будучи побуждаем подобным долгом, должен я, прежде чем двигаться вперед, вспомнить о столь совершенном и редкостном друге и посвятить тебе эту новеллу столь веселого содержания, от которой ты получишь удовольствие, а кроме того, в самом начале ее узнаешь кое-что о происхождении почти что наших сограждан, жителей Кавы, с тем чтобы ты, в настоящее время их осторожнейший подеста и правитель, мог вынести достоверное суждение о том, должны ли были современные жители отклоняться от пути древних.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Кава, весьма древний и вернейший город, в недавнее время отчасти возведенный в дворянство, как известно, всегда изобиловал отличными мастерами — каменщиками и ткачами. И это искусство или мастерство их так пошло на пользу горожанам и они настолько обогатились деньгами и прочим движимым и недвижимым имуществом, что во всем нашем королевстве только и было разговора, что о богатстве каванцев. И если бы дети пошли по пути отцов и по следам предков, то не впали бы в ту крайнюю и необычайную бедность, в которой ныне живут. Но, видимо, они презрели богатства, приобретенные таким утомительным ремеслом, и, ни во что не ставя преходящие дары Фортуны, в поисках доблести и благородства как благ неизменных и пребывающих, захотели стать они новыми законоведами, врачами, нотариусами, а иные — воинами или рыцарями, так что в тех же самых домах, в которых прежде не найти было ничего, кроме ткацких станков или орудий каменщиков, теперь взамен того можно видеть по всем углам стремена, шпоры и золоченые пояса. По какой из двух указанных дорог следовало им идти и какой следовало избегать, о том предоставляю судить не только тебе, но и всякому, кто в часы досуга прочтет эту новеллу, которая поможет ему прийти к правильному выводу.

Продолжая свое повествование, скажу, что в те времена, когда знаменитый зодчий Онофрио де Джордано начал свои удивительные сооружения в Новом замке, большинство мастеров и подмастерьев Кавы отправилось в Неаполь для работ на этой постройке. В числе их было и двое парней из поселка Приато. Раз в воскресный день они отправились в Неаполь вместе с одним из мастеров, привлекаемые еще в большей мере желаньем увидеть город, в котором им еще не приходилось бывать, нежели соблазном заработка. Шли они с другими каменщиками из Кавы, толпа которых растянулась по дороге, и случилось, что, непривычные к долгим переходам, порядком поотстали; не зная дороги и бредя по следам товарищей, они так устали, что лишь к ночи добрались до Торре-дель-Греко, где один из них, уставший больше остальных, предложил заночевать. Другой же, набравшись бодрости и полагая, вероятно, что ему удастся нагнать товарищей, стал ускорять свой шаг, но это оказалось напрасно, и на полпути между Торре-дель-Греко и Неаполем его настигла темная ночь. Очень раскаиваясь в том, что бросил товарища, он все же продолжал трусить рысцой, не зная сам куда держать путь, и пришел наконец в Понте-Ричардо. Увидя стены и ворота города, он подумал, что найдет здесь приют. Одолеваемый усталостью

и желая укрыться от моросившего дождя, он подошел к городским воротам. Он долго стучал в них камнем, но никто ему не отвечал. Вынужденный быть терпеливым, парень сел на землю, прислонил голову к воротам и, решив обождать здесь товарища до утра, забылся легким сном.

Случайно в этот самый день из Амальфи вышел в путь один бедняк портной, взваливший себе на спину мешок, набитый кафтанами, которые он собирался на следующее утро продать на рынке в Неаполе. Ночь и усталость также настигли его вблизи Торре-дель-Греко, и он остановился там, решив рано утром прийти на место, чтобы вовремя сбыть свой дешевый товар. Едва успела пройти полночь, как он уже проснулся. Обманутый луною и полагая, что близок рассвет, он двинулся дальше в путь. Так шел он, не замечая наступления дня, пока не достиг прибрежных песков. Здесь, пройдя Орти, заслышал он звон, призывавший монахов к заутрене. Из этого портной заключил, что ночь далеко еще не прошла, и тут вспомнились ему повешенные в Понте-Ричардо.

А так как он был родом из Амальфи, жители которого по природе смирны и не обладают мужеством, то им овладел сильный страх, и, подвигаясь медленным шагом, бедняк не решался пройти мимо этого места, в то же время боясь повернуть обратно. Разум его был затуманен страхом, и при каждом шаге ему мерещилось, что один из повешенных приближается к нему. Когда же он подошел к месту, вызывавшему в нем такой ужас, и несмотря на то, что находился против виселиц, не заметил, чтобы кто-нибудь из повешенных шевелился, он решил, что главная опасность миновала. Пожелав тогда подбодрить себя, он сказал:

— Эй, ты, повешенный, не хочешь ли отправиться в Неаполь?

Каменщик-каванец, недавно прилегший и спавший легким сном, уловил сперва звук шагов и подумал, что это его товарищ; когда же он услышал, что его приглашают идти в Неаполь, то убедился в этом окончательно и тотчас же ответил:

— Ладно, иду сейчас.

Когда амальфиец услышал этот ответ, он решил, что с ним заговорил повешенный, и от этого был до того поражен страхом, что чуть не упал на месте замертво.

Однако, придя немного в себя и видя, что заговоривший подходит к нему, он решил, что медлить не приходится, и, бросив свой мешок, пустился бежать во всю прыть по направлению к Маддалене, беспрерывно призывая жалобно Христа. Каменщик-каванец, заслыша крик и видя столь поспешное бегство, подумал, что на товарища кто-нибудь напал; он побежал за ним вслед, крича:

— Вот я бегу к тебе! Подожди меня, не бойся!

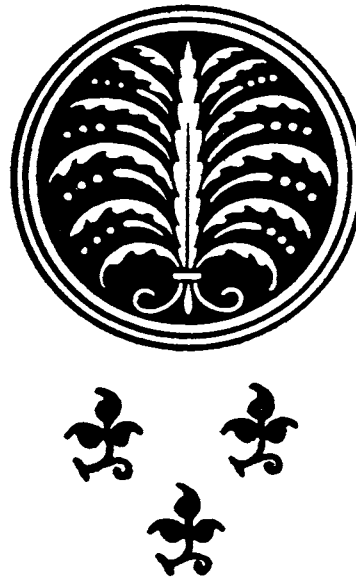
Слова эти были для убегавшего лишь причиной нового страха. И тут гнавшийся каменщик вдруг наткнулся на мешок, брошенный портным. Подняв этот мешок, с виду наполненный чем-то ценным, и припомнив, что у его товарища такого мешка не было, он понял, что убегавший — не тот, за кого он его принял. Не заботясь ни о чем, каменщик вернулся со своей находкой на то неудобное место, где проводил ночь, и, присев там, стал дожидаться, чтобы с наступлением дня товарищ или кто-нибудь другой проводил его до Неаполя.

А портной-амальфиец, крича и стеная от ужаса, добежал до таверны, что у моста, где встреченные им таможенные спросили о причине его криков. В ответ им он заявил, что ясно видел, как повешенный сорвался с виселицы и потом гнался за ним до самой реки. Ему без труда поверили, и таможенные, испугавшиеся не менее его самого, впустили его к себе; после этого, заперев двери на засов и беспрерывно крестясь, они не выходили из дому до самого рассвета. Когда второй каменщик-каванец вместе с другими своими земляками с наступлением дня добрались до Понте-Ричардо, его товарищ, услышав его голос, вышел к ним навстречу и рассказал о своем приключении. Вновь пришедший, будучи хорошо знаком с этой местностью, сразу сообразил, как все это могло произойти; и, чтобы не потерять добычи, они решили возвратиться по дороге, идущей на Сомму. Так они и сделали и, поделившись доставшимся им добром, вскоре затем возвратились в Неаполь. Весть о случившемся через несколько дней распространилась по всей стране, и повсюду рассказывали как несомненную истину, что повешенные ночью гоняются за одинокими путниками, проходящими мимо Понте-Ричардо, и сочиняли по этому поводу разные басни, вследствие чего не было в тех краях крестьянина, который, проезжая через это место до наступления дня, не осенил бы крестным знамением себя и животное, на котором ехал; да и другие люди проезжали по этой опасной дороге с большой осторожностью.

М А З У Ч Ч О

Самым разнообразным и необычным бывает страх, который мертвые имеют обыкновение внушать живым, как это видно из ежедневного нескончаемого нашего опыта; случается иногда, что, когда кто-нибудь идет ночью и бывает охвачен таким чрезмерным страхом, что начинает видеть все таким образом, что одну вещь принимает за другую, он потом сочиняет об этом самые необычайные, чудесные и совершенно неслыханные сказки, о чем

отчасти было рассказано в прошлой новелле. Она напомнила мне и побудила описать далее другой вид страха, полностью отличающийся от уже описанного, и рассказать, как некто, будучи очень напуганным, но пришпориваемый горячим пламенем любви, добровольно пошел навстречу тому, что внушало ему такой страх, в результате чего последовало много замечательных и забавнейших вещей, о которых и сообщит следующий рассказ.





НОВЕЛЛА ДВАДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Джакомо Пинто любит одну вдову. Мессер Анджело обещает, что при помощи чернокнижия даст ему возможность овладеть ею. Он ведет его в одно место, уверяя, что там будет говорить с ним сам дьявол; тот верит этому, бросает дьяволу несколько животных и в страхе убегает. Случай разглашается; Джакомо поступает на военную службу и там образумливается и обогащается.

Почтенному Джоан-Франческо Караччоло

П О С В Я Щ Е Н И Е

Зная всю глубину твоего ума, доблестнейший Джоан-Франческо, я совершенно убежден, что ты легко сможешь понять, сколь трудно познать могущество великого господина Амура и как часто под его влиянием безумцы становятся мудрыми, а рассудительные безрассудными, отважные трусами, а робкие смелыми; кроме того, почти как вершитель всеобщих судеб, он низводит богатых до крайней нищеты, а бедным иногда возвращает благоприобретенное когда-то достояние. А поскольку я полагаю, что нет нужды приводить тебе, следовавшему с юных лет за всемогущественным Амуром, новые подтверждения его власти и рассказывать, как часто многие проницательные и осторожные мужи и дамы, подогреваемые его горячим пламенем, собственными руками предавали себя суровой и жестокой смерти, то в настоящей новелле я покажу тебе лишь еще одно проявление его власти над одним нашим благородным горожанином, не слишком мудрым и не слишком смелым, который, будучи пронзен любовью, стал необыкновенно рассудительным и более отважным, чем это можно было бы требовать от обычного человеческого сердца, и вследствие этого,

будучи крайне бедным, он сумел обогатиться с достойной похвал славой и доблестью и извлечь удачу из своих многочисленных горестей. Valete *.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Несколько лет уже прошло с тех пор, как в Салерно проживал один юноша благородного и древнего рода, по имени Джакомо Пинто. Хотя он и проживал в Седжо-ди-Портанова, месте, считаемом нами обыкновенно академией здравого смысла в нашем городе, однако более подходящим для него местожительством была бы деревня Монте, обитатели которой, как говорят, того же происхождения, что и наши предки. Будучи скудно наделен имуществом и небогат разумом, но обладая некоторым душевным благородством, он влюбился в одну вдову, молодую и очень красивую женщину, доводившуюся свояченицей одному из наших стратиков. Не имея никакого опыта в любовных делах, он повел себя так искусно, что любой ребенок в Салерно заметил бы это, вследствие чего все мужчины и женщины с превеликим удовольствием болтали и острили на его счет. Но, пораженный неведомой ему раньше стрелой, он не обращал внимания на эти подтрунивания и тщетно тратил силы, страстно преследуя намеченную цель.

В числе жителей того же квартала был один человек, которого дурачества Джакомо беспрерывно увеселяли. Звали этого синьора Лоизи Пагано; был он человеком большого ума, приятный, хорошо воспитанный, и только ему одному доверялся Джакомо, беседуя с ним о своей безудержной страсти. С каждым часом все более убеждаясь в том, что мозги синьора Пинто не совсем в порядке, Лоизи решил подшутить над влюбленным и одновременно проучить некого нового Гонеллу, тоже салернитанца, по имени мессер Анджело, никем еще не наказанного, несмотря на бесчисленные его проделки, который то под видом врача, то под видом купца (хотя был он на самом деле всего лишь кузнецом) бродил по всей Италии и часто возвращался домой с плотно набитым кошельком. И однажды, когда Джакомо толковал с Лоизи по обыкновению о своих чувствах, последний сказал:

— Милый Джакомо, видно, что ты не очень-то желаешь избавиться от своих страданий, если не прибегаешь к средству, которым легко мог бы воспользоваться. Знай, что мессер Анджело — самый великий чернокнижник, какого только можно сыскать на земле, и я могу подтвердить это, так как он помог мне

* Будьте здоровы (*лат.*).

одержать победу в различных любовных приключениях; а ведь со стороны своей матери он приходится тебе родственником. Почему бы тебе не пойти к нему и, подольстившись, не попросить, чтобы он помог своим искусством в твоем деле? Несомненно, что, если он только захочет, ты будешь вполне удовлетворен; а если бы случилось, что мессер Анджело вздумает занести тебя в список других, уже обманутых им, то дай волю рукам, чтобы в случае, если ему придет еще раз охота надуть благородного дворянина, ему пришлось бы вспомнить о тебе.

Услышав это, Джакомо, которому показалось, что он уже добился полного исполнения своих желаний, очень обрадовался и, горячо поблагодарив друга, обещал поступить так, как ему было сказано. Лоизи, с трудом отделавшись от него, быстро направился к мессеру Анджело и рассказал ему о шутке, которую он затеял с целью вволю позабавиться. Мессер Анджело, не подозревая ничего о намерениях Лоизи, в одинаковой мере желавшего и того, чтобы мессер Анджело был хорошенько избит, и того, чтобы Джакомо оказался в дураках, крайне обрадовался, что ему дают в руки зверя для новой травли. И прежде чем разойтись, они условились о том, что каждому из них надлежит делать. Вскоре затем Джакомо призвал к себе мессера Анджело и, почти плача, втайне поведал ему о своей всему миру уже известной страсти, а затем прибавил:

— Свояк, нужда рождает друзей. Недавно узнал я о том, что ты великий чернокнижник, и я не сомневаюсь, что с помощью твоей науки ты, если только того пожелаешь, избавишь меня от моих мучений. Так вот, во имя бога, прошу тебя, соблаговоли оказать мне содействие в моей нужде, дабы я мог сказать, что ты не только помог мне овладеть дамой, но вместе с нею подарил мне и жизнь.

Мессер Анджело с любезной улыбкой ответил, что со своей стороны вполне готов к услугам, а затем, поговорив немного об этом предмете, наконец сказал:

— Милый Джакомо, я не знаю, насколько могу на тебя положиться, так как для этого дела необходимо обладать величайшим мужеством.

Джакомо сказал:

— За этим дело не станет. Знай, что я готов отправиться в самый ад: такую отвагу вселил в меня Амур!

Тот ему ответил:

— Дело обстоит еще хуже, так как придется вести разговор лицом к лицу со злейшим дьяволом, именуемым Барабасом, которого одного я могу подчинить своей власти.

Джакомо сказал:

— Я готов говорить с самим сатаной, который сильнее его, если такова будет твоя воля или если нужда того потребует.

— Да поможет тебе бог, — ответил чернокнижник.— Но как раздобудем мы вещи, необходимые нам для этого? Так, например, нам нужна шпага, которой был убит человек.

Джакомо немедленно ответил:

— У меня есть такая шпага. Она принадлежала моему брату, который убил ею более десяти человек.

Тогда Анджело сказал:

— Итак, у нас есть то, что, по-моему, труднее всего было бы раздобыть; остальное мы достанем без труда; тем не менее позаботься теперь же, чтобы у нас был наготове, когда я того потребую, большой черный баран и четыре жирных каплуна. Мы дождемся, когда луна будет на ущербе,— и тогда уж предоставь дело мне: я устрою так, что добыча попадет прямо в твои когти и эта женщина станет твоей женой или любовницей, как ты того пожелаешь.

Джакомо, крайне обрадованный этим предложением, сказал, что приготовит все к назначенному сроку; а мессер Анджело, уйдя от него, зашел к Лоизи и рассказал ему, о чем они сговорились с Джакомо. И чтобы не произошло между ними какого-нибудь недоразумения, они не раз еще сходились вместе, прежде чем наконец приступить к исполнению столь забавно окончившейся проделки. По прошествии нескольких дней, в течение которых Джакомо не переставал приставать к мессеру Анджело с просьбами о помощи, тот сказал ему:

— Я-то, свояк, уже давно готов; но раздобыл ли ты то, о чем я тебе говорил?

— Да, конечно,— ответил тот,— и судьба была ко мне в этом весьма благосклонна, так как у моей свояченицы нашлись превосходнейшие в мире каплуны, и я приказал принести ко мне четырех самых лучших; а кроме этого мне случайно достался баран величиной с быка, необыкновенно черный и с четырьмя рогами — прямо страшно на него смотреть.

Мессер Анджело в полном восторге ответил ему:

— Свояк, с некоторых пор ты кажешься мне совсем другим человеком: видно, любовь обострила твой ум настолько, что ты мог бы научить рака таблице умножения! Кто бы другой разыскал все это в столь короткий срок? Теперь будь готов: в эту же ночь я приду за тобой.

И, выйдя от него, он уговорился с Лоизи, чтобы тот, когда, по его мнению, наступит надлежащее время, поджидал его в условленном месте. С наступлением же ночи он направился к Джакомо и сказал ему:

— Не пойти ли нам? Уже пора.

Тот ответил:

— Я готов, мессер.

Тогда мессер Анджело взял отмеченную убийством шпагу, взвалил на спину Джакомо барана, дал ему в руки по паре каплунов, и они отправились в одно место, где находились разрушенные хижины, в одной из которых спрятался с несколькими людьми Лоизи, пожелавший поделиться с ними своей веселой забавой. Прибыв туда, мессер Анджело сказал, обратясь к Джакомо:

— Знай, свояк, что мы пришли в такое место, откуда не можем уйти обратно, не подвергаясь большой опасности; однако мужайся; и я не премину тебе сказать: что бы ты ни увидел и ни услышал и сколь бы ни было это устрашающим, не произноси имени божьего или имени богоматери и не осеняй себя крестным знамением, не то мы будем ввергнуты в пасть Люцифера. Если же ты, как бывает в таких случаях, почувствуешь робость, то поручи себя той поклаже, которая была на осле, шествовавшем в Египет, так как на нем сидели святая матерь с сыном, и таким образом мы надуем проклятого богом беса.

Джакомо сказал, что непременно так и сделает.

— Итак, начнем,— сказал чародей.— Повторяй за мной мои слова. Когда же мы окончим наши заклинания и Барабас закричит: «Подай мне хвостатых!», сейчас же бросай ему каплунов; и так же поступи с бараном, когда он потребует рогатого.

Джакомо опять подтвердил, что непременно так и сделает. После этих наставлений мессер Анджело обнажил шпагу и провел ею большой круг на земле, а внутри его начертил какие-то письмена; затем с помощью принесенного с собой огня и склянок со зловонным веществом он произвел ужасный смрад и, словно пробормотав какие-то заклинания, сопровождаемые странными движениями головой, губами, руками и ногами, сказал наконец Джакомо:

— Ступи левой ногой в круг и скажи мне, хочешь ли ты увидеть его перед собой во всем его ужасном безобразии или предпочитаешь услышать, как он будет говорить с тобой из этой хижины, находящейся напротив?

Несчастный молодой человек, которого любовь и глупость заставили храбро прийти сюда, видя, что уже начало этой игры так ужасно, оробел и ответил чернокнижнику, что на первых порах готов удовольствоваться одним голосом дьявола. Он ступил все же одной ногой в круг и, весь дрожа, позабыл об иерусалимской ослице, но зато не оставил ни одного святого на небесах, к которому бы не обратился с мольбой о помощи. Видя, что Джакомо словно перенесся в иной мир, чародей сказал ему:

— Призови трижды Барабаса.

Джакомо, оробев еще больше, призвал Барабаса в первый раз. Тогда Лоизи, нарядившись дьяволом, с помощью аркебузы произвел такой гром и молнию, что от них поистине задрожало

бы всякое человеческое сердце. О том, как захотелось Джакомо в эту минуту быть дома, и говорить не приходится. Однако, побуждаемый чародеем, он призвал Барабаса вторично, и дьявол произвел еще более сильный гром, испугав беднягу сильнее прежнего. Чародей, видя, что скотинка стоит ни жива ни мертва, не переставал ее ободрять, приговаривая:

— Не бойся, свояк, мы его так связали, что он не сможет причинить нам зла. Ну же, призови его в третий раз.

Джакомо, неохотно ему подчиняясь, призвал беса в третий раз, но так тихо, что его еле можно было расслышать.

Тогда Лоизи, метнув третью молнию, закричал так ужасно, что Джакомо едва не свалился замертво на месте. Чародей сказал ему:

— Будь спокоен и не бойся: ведь он — наш пленник. Но все же помни, что необходимо произнести заклинание: повторяй за мной громко то, что я буду говорить шепотом.

И, сочинив свое заклинание, он стал побуждать Джакомо произнести его. Повинуясь чародею, Джакомо хотел было открыть рот, но у него только зубы застучали и так сильно затряслись колени, что он с трудом устоял на ногах. Мессер Анджело, испугавшись, не без причины, за жизнь Джакомо и решив, что на этот раз с него будет довольно, сам начал заклинать Барабаса.

Лоизи вместе с товарищами, давясь от смеха и видя, что разработанный ими план может остаться невыполненным, тоже не захотел оказаться в дураках и закричал:

— Подай мне хвостатых и рогатого!

Тогда чародей сказал Джакомо:

— Бросай ему все и беги, не оборачиваясь, если хочешь остаться живым.

Джакомо, которому казалось, что он и взаправду находится в аду, крайне этому обрадовался. Бросив каплунов и барана в хижину, он пустился наутек, да так, что его не догнали бы варварийские скакуны, побеждающие всех других на состязаниях. После того как он вернулся домой, вскоре пришел и чародей, который спросил его:

— Ну, что скажешь, свояк, о моем колдовстве? Будь уверен, в следующий раз мы добьемся своего.

Джакомо ответил:

— Пусть идет туда мой злейший враг; я же не вернусь в это место, хотя бы мне обещали за это царство. А ты, свояк, постарайся уж как-нибудь иначе устроить мое дело, и я век буду тебе благодарен.

Чародей сказал:

— Пусть будет так, во имя божье; а я уж постараюсь для твоей любви так, что ты получишь полное удовлетворение.

И после многих других лживых речей он пошел к себе домой.

Тем временем Лоизи, забрав священных жертвенных животных, распростился с друзьями и пошел спать; когда же настало утро, он велел приготовить из доставшихся ему припасов с прибавлением всякой другой снеди отличный обед для Джакомо и других лиц, посвященных в это дело. Все это было быстро исполнено; и во время обеда никто не мог удержаться от смеха; вдобавок многие начали еще призывать Барабаса и столько острили по этому поводу, что Джакомо наконец понял, что его сотрапезники потешаются над ним. Заметив это, Лоизи решил, что уже пора привести в исполнение то, что он уже с самого начала задумал, а именно устроить так, чтобы обманщик понес за старые грехи наказание от своей новой жертвы. И когда обед уже подходил к концу, он подозвал к себе Джакомо и в присутствии многих из своих приятелей дружески рассказал ему о том, как мессер Анджело надул его. Вспомнив о своем первом разговоре с Лоизи, Джакомо вполне в этом уверился. Он в ярости выбежал от Лоизи и кинулся разыскивать мнимого чернокнижника; не говоря мессеру Анджело ни слова, он схватил его за волосы, бросил на пол и с такой силой стал колотить его руками и ногами, что приходилось только дивиться, как тот остался жив. Все больше распаляясь, он схватил камень, и если бы не присутствующие, которым с большим трудом удалось, к общему удовлетворению остальных, вырвать мессера Анджело из рук Джакомо, то этот обман чародея оказался бы его последней проделкой. Когда Джакомо пришел в себя после овладевшего им неистовства, то при всей своей глупости он понял, в какое попал положение, и его охватил такой стыд, что у него не хватило духу выйти из дома. В конце концов он решил совсем покинуть город. Продав небольшое имение — а больше у него ничего и не было — и купив на вырученные деньги лошадей и оружие, Джакомо отправился за пределы королевства — туда, где велась война. Там помогла ему Фортуна, а кроме того, и собственная его храбрость, так что он вскоре стал богатым и славным воином, на диво смышленым. А так как виновниками всего этого были Амур и мессер Анджело, из которых второй уже получил от Джакомо должное вознаграждение, то, по-видимому, остается лишь повторить нашу мысль теми же словами, что были уже сказаны в самом начале: дивной, непостижимой, чудодейственной следует назвать власть бога, носящего колчан; и сколь счастливы те, на кого он и Фортуна взирают ласково!

М А З У Ч Ч О

Много раз и от очень многих слышал я, что когда кого-нибудь подводит разум и он становится из-за этого жертвой обмана, то он, дабы отомстить одновременно и за сам обман, и обманщику, начинает обычно без всякого разумения применять силу, чтобы получше навредить товарищу; и хотя обманутый остается все-таки осыпанным насмешками, я убежден, что сам обманщик испытывает из-за причиненного ему вреда еще большую досаду. А то, что это именно так, показала часть предыдущей новеллы, потому что мессер Анджело, зная о не очень-то большом уме пламенного любовника, ухитрился столь мастерски его обмануть; когда же тот обнаружил обман, то, не имея достаточной сообразительности, дабы отомстить с помощью подобного же или еще большего надувательства, пытается дать волю рукам, как он уже это делал, причем таким образом, что, если бы помощь запоздала, он бы и впрямь отправил Джакомо составить компанию Барабасу. А поскольку о делах и возможностях Амура, и о некоторых забавных и редкостных шутках, и о других необычных и странных событиях было уже достаточно сказано во второй части нашей новеллы, я полагаю должным направить мое перо на другое; и когда я мучительно размышлял, на какую цель должен я направить мое оружие, мне пришло на память, что, когда я начал писать против притворщиков-монахов, мне сильно досаждали злословием и проклятиями некоторые дамы, знатоки законов и отменные умницы; и хотя я дал достаточный отпор этим скотинам, однако, поскольку я обещал им, я должен, прежде чем окончательно завершу мое сочинение, поговорить об их ущербном и в высшей степени несовершенном поле со всеми присущими ему низостью, предательством и злобой, что находим мы у большей части женщин. Но когда же я возжелал хоть как-то уклониться от этого долга, передо мной предстало столько самых неслыханных злодеяний и поступков, скорее дьявольских, чем человеческих, совершенных бесчисленным множеством злых женщин, что все это почти увлекло меня в сторону от моего основного замысла; однако, понуждаемый разумом более, чем удерживаемый от скучного и занудливого повествования, я начинаю описывать,
хотя и с некоторым сожалением,
некоторые их природные
недостатки.

* * *
*



После того как закончилась вторая часть Новеллино, сопровождаемая приятными рассуждениями, начинается третья часть, в которой предается немалому бичеванию несовершенный женский род. И сначала предлагается общее вступление от автора, а затем следуют новеллы в должном порядке.

П Р О Л О Г

Закончив мое морское путешествие, сопровождавшееся забавными и приятными рассуждениями, вытащив мой утлый челн на берег, сложив паруса, обменявшись полагающимися приветствиями, приведя в порядок руль и паруса и воздав должные благодарения, какие только я сумел подыскать, Эолу и Нептуну, я решил, что уже пора, навсегда простившись с этими отрадными берегами, привести в исполнение мое давнишнее намерение и, пустившись в путь по крутым и тенистым тропинкам, продолжить и довести до конца эту третью часть моего *Новеллино,* пользуясь менее злою и резкою речью, чем раньше. Но когда я с превеликой охотой устремился быстрыми шагами вперед, узкая дорожка привела меня к чаще ужасного леса, где путь преградили мне узловатые стволы и колючие шипы, созданные природою этих мест. Как должен был меня, одинокого и безоружного, ужаснуть этот грозный вход, всякий может легко себе представить. Оцепенев от страха, я уже несколько раз готов был отказаться от своего охладевшего желания и повернуть свои стопы обратно. И пока я пребывал в таком смущении, мне внезапно предстал старец с длинной, украшенной сединою бородой, который с первого взгляда, судя по его величавому и почтенному виду, показался мне по внешности и одеянию своему скорее небесным божеством, нежели человеком. И, припомнив мраморные изваяния, среди которых я уже ранее встречал его истинный лик, я признал в нем Меркурия, красноречивейшего из богов; и, объятый от этого еще большим страхом, я не только не решался шагнуть вперед, но не дерзал даже взглянуть ему в лицо.

Тогда, увидев мою робость, он сам, ласково улыбнувшись, ободрил меня и сладостным голосом, прибавившим мне немало смелости, назвав меня по имени, сказал:

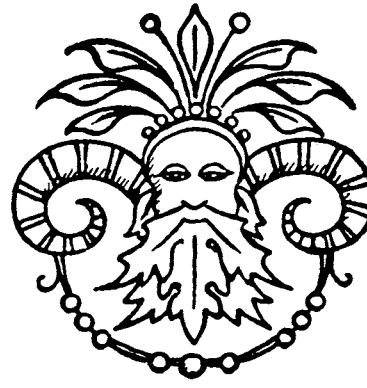
— Милый мой Мазуччо, мне известно, да ты и сам можешь это подтвердить, что с самых юных лет природа одарила тебя в большей мере способностью к разумному мышлению, чем к словесности; и сейчас, видя тебя стоящим в такой растерянности и смятении у входа в этот темный и непроходимый лес, куда ты хочешь вступить, чтобы в этой новой части твоего сочиненьица начать свои нападки на коварство и бесчисленные подлости злых женщин, дабы язвить и мучить их, я искренно жалею тебя. А потому, хотя путь и кажется тебе столь трудным, я укажу тебе, каким способом удастся тебе войти в столь запутанный лабиринт и победоносно из него выйти. Итак, вступив в этот дикий лес и пройдя в нем некоторое расстояние, ты найдешь дорогу, многими использованную, и на ней признаешь следы древнего сатирика Ювенала и славного и достохвального поэта Боккаччо, изящному языку и стилю которого ты всегда старался подражать. Иди же по их следам, так как тебе предстоит пройти обширнейшую область, и повсюду на пути ты встретишь необычайные и удивительные предметы, которые не позволят твоему усталому перу ни минуты пребывать в бездействии. Самого могучего красноречия недостаточно, чтобы рассказать все, что следует, об этом гнилом, подлом, несовершенном женском поле, вероломство и гнусные деяния которого таковы, что не только разум человеческий, но даже мудрость богов никогда не будут в состоянии оградить нас от них. Умолчу уже о бесконечных случаях, когда этой извращенной породой были введены в обман всевышний наш отец Зевес и лучезарный Аполлон, мы сами или другие боги, которым ясно все, что для других является загадкой, и для кого будущее — то же, что настоящее. Но, оставляя в стороне небожителей, чтобы не отклонять тебя от предназначенного тебе пути, я хочу поддержать тебя в намерении продолжать твои повествования о неверном и непостоянном женском племени, путь которого, как ты увидишь сам, на каждом шагу полон похоти. Однако знай наперед, что посреди леса, в самой гущине его, ты увидишь совсем в стороне от дороги отрадный и роскошный сад, огражденный мраморной стеной, с алебастровыми воротами, украшенными дивными изваяниями. Как много в нем вечнозеленых лавров, свежих олив и разных других редких деревьев, сколько в нем сладких плодов и благоуханных цветов — об этом не стану тебе рассказывать, так как ты сам вскоре все увидишь. Сад этот зовется *Святилищем Стыдливости,* и он освящен и избран всеми небесными божествами в качестве их местопребывания, в особенности же

нашей Ипполитой-Марией де Висконти, в честь которой ты исписал так много страниц, по заслугам постоянно прославляя и превознося ее достоинства. Здесь же следует одновременно отметить хвалой инфанту донну Элеонору и инфанту донну Беатриче Арагонских, ее золовок, преисполненных честной скромности и привлекательности. В торжественном триумфе своем они держат на коленях белоснежных горностаев и, превзойдя своими добродетелями природу, украсили самоцветными камнями Востока свое царственное чело; и так, облачившись в златотканые пурпурные мантии, они отделились от толпы женской и от общения с нею. На самом возвышенном месте сада ты узришь знамя с белоснежным зверьком, изображенным посреди зеленого поля. Он стоит, подняв лапку, чтобы не ступить в грязь, а от мордочки его исходит надпись, которая сделана золотыми буквами, говорящими: «*Malo mori quam foedari*» *. Кроме того, ты заметишь, что стены сада украшены богатейшими лазурными изображениями глиняных сосудов с золотыми слитками, пребывающими неизменными в жгучем пламени, которое лишь очищает и совершенствует золото. Ты знаешь, что эта божественная мадонна сделала столь знаменательное изображение своим девизом, который так к ней подходит. Ты увидишь далее, что все это священное место окружено яростными единорогами, ставшими кроткими и ручными от благоухания целомудренных дам и дев, обитающих внутри этих стен. Поэтому остерегись, если не хочешь испытать гнева нашего и возмущения, и в предпринятом тобою путешествии ни мыслью, ни словами, ни пером ни много ни мало не касайся достойнейшей мадонны. Но ты собираешься говорить о святости этих дам в другом месте, и там тебе надлежит постоянно упоминать о них и записывать их имена рядом с именем нашего божества. И, когда захочешь писать о них, не забудь этого и утверждай на основании доказанных истин, что только они сохранили неизменным данный им от природы пол. Однако в настоящее время тебе достаточно будет только посмотреть вблизи и издали на чудное место — иди себе по указанному нами пути; мы же всегда будем твоим наставником и путеводителем.

Окончив свою речь, он внезапно исчез с моих глаз. И подобно тому как долгие невзгоды заканчиваются иногда случайно выпавшим на нашу долю неожиданным благополучием, так и мой страх и мое смущение были превращены красноречивыми и приятными словами бога в крайнюю радость; обретя, благодаря его ободрениям и указаниям, смелость духа и помня обещания бога, я без дальнейших колебаний вошел в лес и, идя спешным

* «Лучше умереть, чем запятнать свою честь» (*лат.*).

шагом, очутился на зеленом очаровательном лугу, посреди которого разбит описанный выше сад. Почтение к божественным наставлениям не позволило мне проникнуть дальше, однако сладчайшая гармония различных инструментов, которые там внутри согласовали свои напевы, укрепила мой дух, и, удовлетворившись созерцанием сада издали и присев на корню лесного дерева, я с удовольствием принялся писать следующую новеллу.





НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Мессер Бертрамо д'Аквино любит, но нелюбим. Муж любимой им дамы весьма расхваливает влюбленного, сравнивая его с соколом, вследствие чего жена решается подарить тому свою любовь. Они сходятся вместе; мессер Бертрамо спрашивает даму о причинах ее поведения. Из благодарности к мужу рыцарь не прикасается к даме, оставив ее пристыженной.

Превосходной мадонне Антонелле д'Аквино, графине Камберлинго

П О С В Я Щ Е Н И Е

Желая начать осуществлять мое намерение, превосходнейшая графиня, и в следующих десяти новеллах заклеймить извращенную природу, преступные пороки и лживые уловки злых женщин, я полагаю полезным и необходимым поговорить в нижеследующей новелле, тебе посвященной, об одном предмете, с тем чтобы ты, шествующая под знаменами добродетели, сама себя восхваляла за то, что благодаря своим добродетелям успешно преодолела все присущее женскому полу и победила природу, а потому смогла составить истинное и совершеннейшее суждение о том, сколь отличаются женские свойства и привычки от мужских, достоверное свидетельство чему предоставит в конце новеллы пример редкостной добродетели и великодушия, проявленных одним превосходным кавалером из твоего благороднейшего рода. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Немного времени тому назад один славный кавалер рассказал мне взаправду, что в ту пору, когда Манфред был побежден и убит, а все его королевство занято и покорено Карлом Первым,

в этом завоевании принял участие храбрый и доблестный рыцарь, прозывавшийся мессером Бертрамо д'Аквино. Искусный в военном деле, он носил звание капитана, и во всем войске упомянутого короля Карла не было рыцаря более разумного, ловкого и доблестного, вследствие чего друзья с удовольствием, а враги с досадой взирали на его достоинства. После завоевания королевства король со своими баронами и придворными отправился в Неаполь пожинать приятные и сладкие плоды, которые мир приносит победителям, и здесь они стали проводить время в турнирах, балах и иных триумфальных празднествах; и мессер Бертрамо более других отдавался подобным удовольствиям, быть может, потому, что желал вознаградить себя за тяготы, испытанные во время войны. И вот случилось, что однажды на балу он увидел мадонну Фиолу Тортелла и так сильно в нее влюбился, что уже не мог направить свои мысли ни на что другое. И хотя он был в большой дружбе с мессером Коррадо, ее мужем, с которым он храбро сражался во время войны, однако, плененный и связанный тем, против мощи которого не может устоять никакая сила, Бертрамо твердо решился довести до конца начатое предприятие; он стал биться на турнирах в честь Фиолы и блистать роскошью, различными способами тратясь на даму, осыпая ее подарками и постоянно давая ей понять, что любит ее больше самого себя. Но дама — потому ли, что она была весьма целомудренной, потому ли, что сильно любила мужа,— насмехалась над рыцарем и его любезностями, ни во что не ставила все его домогательства и делалась к нему все более строгой и суровой; и хотя Бертрамо совершенно потерял надежду на успех своего предприятия, однако желание его все время увеличивалось, разгораясь все более ярким пламенем, как это обычно бывает с пылко влюбленными.

И в то время как он обретался в подобном безнадежном состоянии, не получая от своей дамы ни одного благосклонного взгляда, случилось, что мессер Коррадо отправился однажды с женой на соколиную охоту в обществе нескольких рыцарей и дам; и тут внезапно поднялась стая куропаток, позади которых они увидели дикого сокола, рассеявшего их в мгновение ока так, что ни одна из них не могла соединиться с другими. Все общество очень позабавилось этим, а мессер Коррадо весело сказал, что ему показалось, будто он видел своего капитана мессера Бертрамо, который вот так же точно разгонял и преследовал врагов, и, где бы он ни показывался с копьем или мечом, никто из его противников не дерзал принять его вызов; и к этому он прибавил, что Бертрамо походил во время сражения не только на сокола, преследующего бегущих куропаток, но и на гордого льва, попавшего в стадо трусливых овец. И далее он продолжал говорить

на эту тему, не подозревая, что рыцарь, которого он так щедро расхваливал, был влюблен в его жену, и рассказал о многих других достославных доблестях, любезностях и щедростях мессера Бертрамо, так что во всей компании не осталось никого, кто бы не сделался таким же его горячим поклонником, каким был сам Коррадо. Так случилось и с мадонной Фиолой, в сердце которой ни сам Бертрамо, ни его доблести не могли найти доселе доступа; теперь же, слыша такие обильные похвалы ему из уст мужа, которому она слепо доверяла, она нашла основание перейти от прежней жестокости к пылкой любви. Вернувшись скованной в свой дом, из которого она вышла свободной, она страстно желала, чтобы влюбленный прошел мимо ее дома и заметил по ее любезному взгляду то глубокое изменение, которое произошло в ее отношении к нему. И Фортуне, благосклонной к ним обоим, было угодно, чтобы, в то время как дама стояла с этими мыслями, она увидела проходящего мимо ее дома рыцаря, который показался ей более прекрасным и любезным, чем обычно. Не надеясь на ответный поклон, он по своему обыкновению влюбленно склонился перед нею; она же, увидя это, отдала ему поклон, как и задумала, с большой любезностью. Рыцарь удалился чрезвычайно обрадованный и пораженный этим и, вернувшись домой, принялся размышлять об этой новости, теряясь в догадках. И так как он помнил, что не предпринял ничего нового или особенного, что могло бы побудить даму к такой любезности, то он не знал, что и подумать об этом. Пребывая в таком смущении, он послал за одним близким другом, посвященным в его тайну, рассказал ему в точности все происшедшее и поведал свои недоумения.

Друг, который был человеком благоразумным и не подверженным никакой любовной страсти, посмеялся над ним и его размышлениями и ответил ему следующим образом:

— Я не удивляюсь твоему малому разумению, ибо любовь настолько омрачила твой ум, что лишила тебя способности распознавать свойства и нрав женщин, равно как и то, для чего их произвела на свет их несовершенная природа. Знай, что любая из них, какой бы благоразумной ее ни считали, не обладает ни твердостью, ни постоянством; большинство же из них несомненно невоздержанны, вероломны, упрямы, мстительны, подозрительны, неспособны к любви и лишены всякой нежности. Зависть, эта наиболее свойственная им страсть, гнездится в самой глубине их сердца; в их поступках нет ни разумности, ни умеренности; в своих делах они никогда не соблюдают никакого установленного закона, если не считать законом то, что они необузданно бросаются на самое худшее, повинуясь голосу своего легковесного ума. А что это верно, видно из того, что, как часто приходи-

лось наблюдать, женщина, любимая и лелеемая многими и различными достойными и доблестными любовниками, издевается над ними и, беря пример с похотливой волчицы, отдается какому-нибудь презренному плуту, преисполненному всяческой подлости. Поверь же мне, что эта женщина, проявлявшая к тебе такую жестокость, что ты много раз был близок к смерти, следовала в своем поведении обдуманному плану и, быть может, даже гордилась тем, что держала столько времени в сетях такого достойного любовника, как ты, и под покровом целомудрия наслаждалась зрелищем твоих мучений, которые увеличивали славу ее красоты; и потому ты можешь быть уверен, что она сделалась милостивой к тебе, следуя своей порочной женской природе, без всякой причины и без того, чтобы ты подал ей к этому какой-либо повод. Потому я не сомневаюсь, что, идя по этому следу, ты раньше, чем светило, которое сейчас царит, закончит свой путь, трижды одержишь победу в твоем давнишнем предприятии. Напиши же ей, не откладывая, искусное письмо и ищи способа переговорить с нею; куй железо, пока оно горячо, и твой план, несомненно, увенчается желанным успехом.

Такими и многими другими словами он изъяснил ему природу и свойства женщин, убеждая его не слишком радоваться их благосклонности и не слишком огорчаться их жестокостью, ибо и тому и другому не следует придавать большого значения, как вещам непрочным и нетвердым. Затем он посоветовал срывать у женщин плод соответственно дню и времени года, никогда не думая о прошлом и не строя никаких надежд на будущее. Действуя таким образом, говорил он, можно провести и эту, и любую другую женщину, не давая им совсем или почти совсем насладиться своим врожденным лукавством и порочностью. Рыцарь, ободренный словами своего верного друга, взял тотчас же с новой радостной надеждой лист бумаги и написал любимой женщине страстное письмо, в котором, изложив свою пламенную любовь, вызванную ее необычайной красотой, снова предложил ей свое сердце и, заканчивая письмо рядом изысканных и нежных слов, просил ее соблаговолить назначить время и место для свидания, дабы вознаградить его одной-единственной беседой за столь продолжительные мучения. Эту записку он послал ей с соблюдением предосторожностей; она же была в восторге, получив ее, и отметила все ее подробности, которые настолько проникли в ее недавно затронутое сердце, что она решила не только назначить рыцарю свидание, но и всецело удовлетворить его любовь. Она тотчас же ответила ему надлежащим образом, что в следующий вечер придет в свой сад к такому-то дереву и там будет его поджидать; и как только ее муж заснет, а остальные воины будут на постах, она весьма охотно отправится к нему.

Рыцарь был этим, конечно, весьма обрадован и решил, что совет друга подействовал. С наступлением ночи, когда пришел назначенный час, он отправился в сопровождении слуг в условленное место, где и стал ждать прихода дамы. Эта последняя не замедлила явиться; заслышав, что рыцарь пришел, она тихонько открыла калитку в сад и легкими шагами подошла к нему. Рыцарь, приблизившись к ней с распростертыми объятиями, любезно встретил ее словами:

— Добро пожаловать, душа моя, из-за которой я вытерпел столько мучений.

Обменявшись тысячей нежнейших поцелуев, они расположились под ароматным померанцевым деревом и стали ждать знака верной служанки, которая должна была отвести их в комнату нижнего этажа, где им было приготовлено роскошное, благоухающее ложе. И здесь, в то время как они, держась за руки, играли и целовались, как бывает всегда в долгожданные конечные мгновения любви, рыцарю захотелось спросить даму, почему она была с ним так долго сурова и почему, когда он потерял всякую надежду, она внезапно сделалась столь ласковой и благосклонной и дала ему такое доказательство своего расположения, которому он едва может поверить.

На это дама отвечала ему без промедления:

— Дорогой и милый господин моей жизни, я удовлетворю твое любопытство и отвечу на твой приятный вопрос возможно более кратко. Это правда, что я долгое время была к тебе более жестока и сурова, чем этого заслуживали твое благородство и доблесть. Такая суровость была, конечно, вызвана, помимо стремления сохранить свою честь, не чем иным, как той горячей любовью, которую я питала и питаю к своему мужу, так что никакой повод, как бы он ни был значителен, не мог меня побудить не только сделать, но даже подумать о чем-либо, что могло бы ему причинить бесчестие. И эта же любовь, которую я питаю к нему, была такова по своей сущности и силе, что привела меня в твои любовные объятия. Я расскажу тебе, как это случилось. Третьего дня, отправившись на охоту с мужем и с несколькими дамами, мы увидели сокола, который, преследуя серых куропаток, в одно мгновение рассеял их во все стороны, как они это обычно делают. По этому поводу мой муж сказал, что он, казалось, увидел мессера Бертрамо, разгоняющего врагов на поле битвы. И далее, продолжая говорить о тебе, он рассказал о стольких твоих удивительных доблестях и так расхваливал твои подвиги, что склонил полюбить тебя не только меня одну, но всех присутствовавших дам, которые, сколько их там ни было, молили бога о твоем благополучии и возымели желание понравиться тебе. Затем мой муж прибавил, что считает себя обязан-

ным из уважения к твоим доблестям любить всех тех, кто тебя любит, а остальных считать своими смертельными врагами. Узнав, что мужу так необычайно дорог всякий, кто тебя любит, я, будучи почтительной женой, поняла, что ему будет особенно приятно, если тебя полюбит близкий ему человек. И с этого мгновения я почувствовала, что с моего жестокого сердца спали все оковы и рухнули преграды, которые я воздвигала вокруг него, чтобы не полюбить тебя. Охваченная новым жарким пламенем, я вся горела желанием быть там, где я нахожусь ныне для твоего наслаждения и где я намерена находиться до тех пор, пока будет продолжаться моя жизнь.

Мессер Бертрамо, который с самого нежного возраста был приучен к благородству и великодушию, услышав, что муж дамы своими чрезмерными похвалами и любовью к нему доставил ему благосклонность собственной жены, был этим тронут, как истинный добрый рыцарь, и сказал самому себе: «Эх, мессер Бертрамо, неужели ты окажешься столь дурным рыцарем и совершишь такой низкий поступок, сойдясь с этой дамой, обладания которой ты столько лет добивался? Положим, что это — лучшая и ценнейшая вещь, какую она тебе может подарить; однако твоя испытанная доблесть уже не будет более так восхваляться. Ведь благородство обычно проявляется не в малозначащих вещах, а в крупных, в особенности если они тебе самому неприятны. В течение своей жизни ты не встречал человека, который превзошел бы тебя в любезности и великодушии; где же ты найдешь более удобный случай проявить свою безупречную добродетель, чем ныне, когда, держа вполне в своей власти эту женщину, с которой ты надеялся долго наслаждаться любовью, ты добровольно откажешься от долгожданного блаженства, победив себя самого разумом и добродетелью? И кроме того, даже если бы ее муж был твоим смертельным врагом и постоянно стремился запятнать твое доброе имя и славу, мог ли бы ты избрать худшую и отвратительнейшую месть, чем опозорить его навеки. Разумно ли и прилично ли поступать с друзьями, как с врагами? А что он подлинный друг тебе, видно не только из твоего прежнего опыта, но также из ее собственных слов, ибо только любовь, которую питает к тебе ее муж, побудила ее подарить тебе свою любовь. Если ты ее примешь, то чем отплатишь ты ее мужу за его доброе расположение и горячие похвалы тебе в твое отсутствие, возможные только со стороны истинного друга? Да не допустит бог, чтобы рыцарь д'Аквино когда-либо опустился до такой низости!»

И так, не помня более ни о своей любви, ни о красоте дамы, Бертрамо сказал, обратившись к ней:

— Дорогая мадонна, избави меня боже, чтобы любовь,

которую питает ко мне твой доблестный муж, его чрезмерные похвалы и столько других вещей, сказанных и сделанных им для меня, получили такую плохую награду и чтобы я каким-либо поступком посягнул на самое дорогое, что он имеет, и стал виновником его позора. Напротив того, отныне я навсегда отдам ему всего себя со всеми теми правами, которые даются родному брату или вернейшему другу. Ты же будешь мне сестрой, и я посвящу всего себя, со всем своим имуществом и физическими силами, охране твоей чести и твоего доброго имени.

И, развязав платок, он вынул из него несколько драгоценностей, которые принес ей в подарок, и бросил ей на колени со словами:

— Носи их во имя моей любви и, помня о моем сегодняшнем поступке, постарайся впредь быть более верной своему мужу, чем была доселе.

Затем, нежно поцеловав ее в лоб и горячо поблагодарив за то, что она так любезно пришла к нему, он удалился. Вы легко можете себе представить, как дама была смущена и пристыжена. Однако, по врожденной женщинам алчности, она схватила драгоценные камни и, прижимая их к себе, вернулась домой. Происшествие это вскоре стало известно и снискало мессеру Бертрамо похвалы за его воинские доблести, смелость, благоразумие и осторожность, а также — за благородство, великодушие и прочие добродетели, которыми он превзошел всех рыцарей, живших в его время как в Италии, так и за ее пределами.

М А З У Ч Ч О

Поскольку вряд ли возможно восхвалять описанную добродетельность мессера Бертрамо, проявленную им по отношению к его другу, столь же высоко, сколь того требуют его заслуги, то я предоставляю судить о ней тем, кто пылко любил и продолжает и сейчас любить, потому что каждый, думая о себе, воздаст ему те достойные его хвалы, которые я прерываю, будучи не в состоянии справиться с ними. Однако, вспоминая о замечательном совете его друга и о том, какими он представил в своем рассказе свойства, природу и обычаи женщин, я, желая подтвердить его суждение, изображу в следующей новелле, что сотворила одна мерзкая мошенница, чтобы удовлетворить отчасти свою безудержную похотливость, о чем
читающие и слушающие
узнают с немалым
изумлением.

* * *



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна дама из Трапани влюбляется в мавра и вступает с ним в плотскую связь. Она обворовывает мужа и бежит в Берберию с мавром и турчанкой. Чтобы отомстить им, муж, переодевшись, отправляется за ними, убивает мавра и жену и возвращается с турчанкой в Трапани, где, женившись на ней, долго наслаждается счастьем.

Великолепному синьору Галеаццо Сансеверино

П О С В Я Щ Е Н И Е

Поскольку мое усталое и скудное перо плохо справляется с описанием скорее чудовищных, чем человеческих деяний порочного и низкого женского пола, я намереваюсь оставить то, что я с юных лет доподлинно узнал об их поступках и что я знаю в мои теперешние уже совсем немолодые годы; однако, чтобы завершить начатый путь, я не перестану описывать некоторые злодеяния этого извращенного рода, получившие всеобщую огласку в народе, и давать истинное представление о них тем, кто украшен многими добродетелями и придерживается достойных обычаев; и среди других обращусь я и к тебе, коего я знаю как наделенного всяческими добродетелями, и расскажу о странном и похотливом желании, охватившем одну жительницу Трапани, из-за которой, я уверен, если у тебя и осталось хоть немного доверия к кому-нибудь из них, то оно полностью покинет тебя вместе с любовными страстями, и ты, свободный и раскованный, будешь наслаждаться твоей цветущей юностью.Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Трапани, благородный сицилийский город, как многим известно, расположен в отдаленной части острова и находится ближе к Африке, чем любая другая христианская страна. По этой причине трапанцы часто совершают на своих военных судах пиратские набеги на берега мавров, заплывая даже в устья их рек, и постоянно вывозят оттуда богатейшую добычу, иногда же бывают и сами ограблены маврами. Потому-то весьма часто случается, что для обмена пленниками они заключают перемирия, ввозят товары, продают и покупают, легко вступая в сношения друг с другом, вследствие чего очень редко встречаются трапанцы, которые не знали бы страну мавров со всеми ее особенностями так же хорошо, как свою собственную. И вот не очень давно случилось, что один трапанский дворянин, прозывавшийся Николао д'Агвито, бывший в свое время знаменитейшим корсаром и неоднократно грабивший Берберию, в один прекрасный день возвратился домой, взял себе молодую и очень красивую жену и, прижив с нею детей, зажил в полном почете. В числе других слуг и рабов, которых он имел, был берберийский мавр из Триполи, по имени Элия, молодой, крепкий и очень сильный, но в то же время чрезвычайно уродливый. И вот жена Николао, воспылав к нему разнузданной и жаркой страстью, не пожелала ни уважать святость брака (ибо на это таинство редко обращают внимание, когда тому не препятствуют способности), ни даже принять во внимание, что он раб, она же свободная, что она красавица, а он урод, она христианка, а он мавр, вследствие чего этим поступком своим она оскорбила одновременно бога, закон и честь; она приняла в расчет только то, что он молод и потому сможет дать ей большее удовлетворение, чем муж, и ей захотелось проверить, так же ли хорошо поведет себя мавр на поле битвы, как он вел себя, нося огромные тяжести на плечах. Проверив это раз и другой, она убедилась, что ее предположения не обманули ее, и решила продолжать так же до тех пор, пока ей хватит жизненных сил и мужнина имущества.

Хотя мавр, казалось, чувствовал себя хорошо и по многим причинам был доволен этой игрой, однако по своей природе он принадлежал к числу хищных птиц, которые, находясь во власти охотников, всячески стремятся возвратиться в оставленные гнезда, несмотря на то что в неволе их кормят наилучшей, нежной пищей, тогда как на свободе добыча достается им редко и с трудом. Так же точно и мавр, несмотря на все ласки, подарки и телесное обладание своей прекрасной госпожой, постоянно устремлял свои мысли на возвращение домой и, будучи зол и коварен, начал принимать меланхолический и грустный вид

перед своей госпожой и редко удовлетворять ее, когда она добивалась от него наслаждения. Будучи этим весьма недовольна, дама постоянно побуждала его поведать ей причину своей меланхолии, заверяя, что не преминет сделать все от нее зависящее, дабы помочь ему. На это мавр ясно ответил, что он никогда не будет себя чувствовать довольным, пока не вернется на родину. Дама, выслушав эти слова с сильной досадой, какой она еще никогда не испытывала, постаралась рядом бесспорных доводов убедить его удовольствоваться нынешним положением, предлагая сверх того, если ему это угодно, отравить мужа и вместе воспользоваться его состоянием. Когда же она убедилась, что мавр с величайшей хитростью остается непоколебимым в своем намерении, она приняла наконец решение бежать вместе с ним в Берберию. После того как она сообщила мавру свое решение, которое он выслушал с необычайным удовольствием, они решили не терять времени и, дождавшись холодного и продолжительного северного ветра, в то время как Николао отправился по своим делам в Маццару, взяли ночью вместе с несколькими другими рабами судно, снабженное всеми необходимыми мореходными приспособлениями, и, захватив вместе с дамой молоденькую и красивую турчанку, а также столько ценных вещей, сколько им удалось взять при такой спешке, они сели за городом на корабль и, направляемые благоприятствовавшей им Фортуной, очутились на следующий день у мавританских берегов.

Когда все спутники разошлись по своим домам, Элия с дамой и турчанкой направился в Триполи, где был с большим торжеством встречен своими товарищами. Несколько дней спустя Элия, под воздействием ли божьей справедливости, которая не оставляет безнаказанным никакого зла, или, быть может, под влиянием собственных размышлений, увидел, что эта злая женщина, охваченная неутомимой похотью, предала мужа, любившего ее, как собственную жизнь, покинула детей (что уж совсем поразительно), отреклась от родных и закона своего бога и совершила много других дурных поступков, и решил, что не должен и не может иметь к ней никакой веры, любви или надежды. По этой причине он в течение немногих дней проникся к ней такой жестокой ненавистью и отвращением, что не только перестал расточать ей обычные ласки, но едва говорил с нею и не обращал на нее никакого внимания; кроме того, по малейшему поводу она получала палочные удары от начальника галер. Бедная женщина, попав в такое плохое положение, испытывала позднее раскаяние, оплакивала свою жалкую жизнь, равно как и свой подлый поступок, и жаждала смерти как единственного утешения в подобной жизни, готовясь встретить ее с величайшей радостью.

Когда несчастный Николао возвратился из Маццары домой

и услышал эту ужасную и позорную новость, его горе, слезы и огорчение были так велики, как каждый из вас может себе легко представить. Он был в таком отчаянии, что несколько раз был готов пронзить себе ножом грудь, сознавая, что жизнь с подобным бременем для него хуже смерти. Однако, отдав некоторую дань скорби, он сообразил, что нанесет большой ущерб своему доброму имени, если покончит с собою из малодушия, и мужественно решил потерять жизнь там, где уже потерял честь и состояние. И, обладая большой смелостью, которая возросла от сознания правильности задуманного предприятия, он, не посоветовавшись ни с друзьями, ни с родственниками, тайком подрядил десяток удалых молодцов и, снарядив ночью пиратское судно, направился со своими драгоценными товарищами к берегам Берберии.

Прибыв несколько дней спустя к намеченному месту, они втянули корабль на берег на расстоянии около десяти миль от Триполи и прикрыли его морскими водорослями, которыми весьма изобилует эта местность. Затем он приказал товарищам спрятаться внутри судна и не выходить наружу до тех пор, пока им не представится случай взять большую добычу. Здесь они должны были поджидать его не более недели; если же в течение этого времени он не возвратится, они могут быть уверены, что он погиб или захвачен. Так как он предварительно отрастил себе бороду и превосходно владел местным языком, то он переоделся в мавританское платье и, отдав эти распоряжения, расстался с товарищами, уповая на бога и горя жаждою жестокой мести. Прекрасно зная страну со всеми подробностями местности, он направился к речке, находившейся вблизи от города, где множество женщин стирало белье, рассудив, что турчанка, которая, как он полагал, любила его, могла туда направиться за водой или по другим домашним надобностям. И удача настолько улыбнулась ему, что сразу предоставила ему возможность отомстить и получить возмещение за понесенные убытки: в тот же момент он встретил рабыню, возвращавшуюся домой с кувшином воды.

Ускорив шаг, он настиг ее и сказал со слезами:

— Лючия, может ли статься, чтобы сильная любовь, которую я питал к тебе в течение стольких лет, воспитав тебя, как родную дочь, настолько не нашла в тебе отзвука, что даже и ты обманула меня?

Лючия обернулась и, узнав по голосу и по наружности своего господина, которого она любила исключительно горячо и по заслугам, прониклась сильным сочувствием к нему и бросилась обнимать его со слезами на глазах, умоляя простить ее, ибо госпожа обманным способом увезла ее с собою. И когда она хотела продолжить свои уже ненужные убеждения, Николао по-

думал, что неудобная обстановка не позволяет терять времени для приведения в исполнение его жестокого плана. Он лукаво решил раньше всего обмануть посредницу и, узнав от нее в общем о жалкой жизни своей жены, ласково попросил ее расположить жену в его пользу, убедив ее вспомнить о том, кто так сильно любил и любит ее, напомнить ей об ее детях и о собственной ее чести и сказать, что, узнав в Трапани о ее несчастии и унижении, он с опасностью для жизни прибыл сюда, чтобы освободить ее и не только простить ее заблуждение, но сделать ее по-прежнему и даже более чем раньше госпожой своей жизни и своего состояния. К этому он прибавил ряд других подобных же вещей, привлекательных и льстивых, способных внушить жалость даже каменному сердцу. Любящая рабыня, охваченная жалостью и побуждаемая дорогим ей господином, не могла ответить ему иначе, как только предложив ему быть на том же месте на следующий день, а об остальном пускай он предоставит позаботиться ей самой. Удалившись от него и придя домой, Лючия с горькими слезами подробно рассказала своей госпоже, как и почему прибыл сюда ее муж и все, что он ей сказал, прибавив, что если ей угодно последовать в этом деле совету своей бедной рабыни, то лучше принять сразу смерть от руки христианина, своего мужа и господина (в том случае, если бы он захотел ее обмануть), чем принимать ежедневно сто смертей от мавра, бывшего ее слугой и рабом. И так она ее утешила многими другими сердечными словами, что та, не теряя времени на ответ, столь же легко и без размышления, как она ранее, побуждаемая одною похотью, позволила себе совершить столь великий проступок, ныне даже не подумала о том, какое наказание она заслужила, и ответила рабыне, что готова исполнить всякое желание мужа. И затем, обсудив вместе много различных женских способов, они решили тайком ввести Николао в дом ближайшей ночью, а далее совершить все то, что ему будет угодно.

На следующий день Лючия пошла в назначенное время за водой и, найдя своего господина в условленном месте, радостно сказала ему:

— Твоя жена готова исполнить все твои желания и удалиться с тобой, когда и как тебе это будет угодно. Но и она и я думаем, что, для того чтобы никто тебя не узнал, лучше будет, если ты придешь в дом вместе со мной, и мы тебя поместим в укромном месте и будем караулить, а когда наступит время, сможем привести в исполнение наше общее намерение.

Николао, вполне доверяя словам Лючии и, кроме того, понимая, что нет другого способа для осуществления его замысла, пустился в путь вслед за нею и вошел в дом, не будучи никем увиден или услышан. Лючия спрятала его в темном месте, где

хранились дрова и куда не входил никто, кроме нее. Здесь они продержали его более шести дней, так как иначе нельзя было поступить вследствие того, что мавры справляли какой-то праздник и Элия каждую ночь пировал дома с многочисленными приятелями. Однако Николао в его убежище ежечасно навещали и кормили то жена, то Лючия.

Когда празднество окончилось и Элия, оставшись один в доме, где не было больше мужчин, заснул после ужина таким крепким сном, что его не могли бы разбудить даже громы небесные, дама, не зная, что именно предполагает сделать муж кроме того, чтобы увезти ее со служанкой, привела его в комнату, в которой мавр почивал столь крепким сном. Николао, видя, что положение вещей благоприятствует его плану и что необходимость побуждает его не терять более времени, приказал жене тотчас же собрать все деньги и драгоценности, которые можно было захватить с собою, ибо он намеревался немедленно пуститься в путь. Та, несколько растерявшись, стала открывать то тот, то другой сундук. В это время Николао, улучив минуту, осторожно приблизился к месту, где лежал мавр, и, вооружившись ножом, который он носил с собою для этой цели, ловко и без малейшего шума перерезал ему горловые вены и, оставив его замертво, направился к жене, которая стояла на коленях, наклонившись над краем открытого сундука, где она искала некоторые драгоценности, замеченные ею у мавра. Тогда, схватив обеими руками крышку сундука, Николао опустил ее на шею жены и надавил на нее так, что жена умерла на месте, не успев испустить ни малейшего крика. Выполнив это, он взял несколько мешочков с дублонами, завернул несколько богатых драгоценностей и красивых безделушек и положил к ногам Лючии, которая стояла потрясенная этими двумя убийствами и трепеща за свою жизнь. Он сказал ей:

— Дочь моя, я уже осуществил свое намерение, и мне остается только отправиться к своим товарищам, ибо сегодня ночью кончается срок, в течение которого они должны меня поджидать. Но кроме того, я хочу взять тебя с собою как для собственной радости, так и в награду за оказанное мне тобою большое благодеяние, и награда эта будет такова, что ты не сможешь упрекнуть меня в пороке неблагодарности.

Услышав эти слова, столь отличные от ее недавних сомнений, Лючия была вне себя от радости и объявила, что готова исполнить всякое его желание. Они тихонько вышли из дому и, подойдя к воротам, открыли их с помощью какого-то крючка, который Николао имел при себе для этой цели. Затем они двинулись в путь скорее крупной рысью, чем медленным шагом и прибыли к тому месту, где Николао оставил своих спутников,

которые как раз в этот момент, отчаявшись в его возвращении, спустили свое судно на воду и приготовлялись к отплытию. Все они вместе порадовались и пустились в путь без всякого промедления. Море и ветер благоприятствовали им, и они в кратчайший срок прибыли в Трапани. Когда распространился слух об их прибытии и все узнали, какой способ Николао употребил для того, чтобы отомстить мавру и наказать жену, то это вызвало не только всеобщую радость, но еще и постоянные похвалы со всех сторон. Он же, чтобы не показаться неблагодарным по отношению к Лючии за оказанную ею услугу, взял ее себе в жены и всегда горячо любил ее, окружив ее до конца жизни большим почетом.

М А З У Ч Ч О

Злодеяние жительницы Трапани можно назвать великим и ужасным, но не столько потому, что она подчинилась низкому рабу, сколько потому, что она бежала с ним в Берберию; добродетель же мужа можно расценить как на редкость удивительную, ведь он без малейших колебаний предпочел честь собственной жизни; и хотя судьба одарила его во всем своей благосклонностью, все-таки нельзя отрицать, что никакой другой человек не превзошел его по части мужества. А что сказать о его великодушии и благодарности по отношениию к Лючии, которую он не только из рабыни сделал свободной, но и повел ее под венец? И конечно, если она отдала ему вместе с жизнью свою честь и вообще все, что имела, и сделала его победителем в желанном деле, то никакая самая великая награда не была бы тут достаточна, разве что отдать ей себя самого, что он и сделал. Однако я полагаю, что из всех похвал, которые ему полагаются, и по заслугам, последняя должна быть поставлена на первое место, ибо подобно тому, как неблагодарность превосходит любой другой порок, так и благодарность за оказанные благодеяния превосходит какую угодно добродетель. Но прекращая рассуждения о нем, не покидая, однако, Сицилии, я расскажу еще об одном жесточайшем и почти неслыханном случае, приключившемся недавно в Палермо с одной нечестивой, буквально одержимой бесом матерью, рассказ о которой стоит просто на грани благопристойности.



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна вдова влюбляется в сына и посредством величайшего обмана вступает с ним в плотскую связь. Забеременев, она искусно открывает правду сыну, который, возмущенный этим, удаляется в изгнание. Дело получает огласку, и мать после родов сжигается подестою.

Великолепному Марино Бранкаччо

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если мерзостные деяния людей осуждаются законами природы и похвальными обычаями, то я не сомневаюсь, что ты, благородный и доблестный партенопеец, как добродетельнейший по общему признанию человек, осудишь отвратительное и скорее дьявольское, чем человеческое желание, которое вознамерилась удовлетворить нечестивая мошенница-мать, обманувшая невинного своего сына. Итак, ты прочитаешь об этом со свойственной тебе осторожностью; поэтому я убежден, что, вспоминая об этой мерзости, ты не будешь впредь считать невозможным никакое самое необычное злодеяние, о котором приведется тебе услышать. Вот почему нижеследующее повествование вызовет в тебе как возмущение, так и презрение. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Один благородный и заслуживающий доверия горожанин, возвратившись на этих днях из Палермо, взаправду рассказал мне и нескольким другим лицам, как в позапрошлом году умер естественною смертью один палермский дворянин, оставивший после себя сына, по имени Пино, возрастом около двадцати трех

лет, весьма богатого, красивого и благовоспитанного, как девица. И хотя его мать была еще совсем молода, удивительно красива и обладала большим состоянием, однако она так сильно любила его, что решила уж больше не выходить замуж, ибо сын обходился с нею хорошо и с уважением. Это решение одобрялось многими, сыну же оно было особенно дорого, и, не желая дать ей повод изменить его, он постоянно выказывал по отношению к ней столько учтивости, любезности и почтительности, сколько никогда еще не было видано со стороны сына к матери. Мать же, крайне этому радуясь, проникалась к нему с каждым днем все большей любовью.

При таких-то обстоятельствах вышло так, что, любуясь доблестью, целомудрием и красотою сына, мать почувствовала к нему пламенную страсть и, поддавшись ей, так безудержно влюбилась в него, что пожелала с ним плотского общения; никакие разумные доводы, которыми она старалась оградить себя, ни к чему не приводили, и она беспрестанно ломала себе голову, каким бы способом привести в исполнение свое гнусное желание. Будучи твердо уверена в том, что ей никогда не удастся осуществить свой замысел с согласия сына, она решила заманить его в свои ядовитые сети посредством искусного обмана. Узнав стороною о том, что сын, хотя и весьма целомудренный, успел сильно влюбиться в молоденькую соседку, дочку одной бедной и незнатной вдовы, с которой она была в большой дружбе, она решила, что этим путем ей удастся достигнуть желанной цели. И вот однажды она призвала к себе эту добрую женщину и сказала ей:

— Милая Гарита, ты мать и потому хорошо знаешь, как велика любовь, которую матери должны иметь к своим детям, а в особенности к тем из них, которые своими добродетелями еще более увеличивают и укрепляют эту чистейшую природную любовь. Именно таков мой добродетельнейший сын, который своими достоинствами и своим похвальным поведением побуждает меня любить его сильнее собственной жизни. И вот, как мне сообщили под секретом, он так сильно влюбился в твою дочь, что я боюсь, как бы ее чистота и его сильная страсть не побудили их в один прекрасный день к такому поступку, который погубит твою дочь. С другой стороны, считая тебя своим сердечным другом и зная, что ты всегда ревностно охраняла свою честь и доброе имя, я ни в коем случае не дерзну предложить тебе какую-либо вещь, которая могла бы принести тебе бесчестие, а, напротив того, всячески забочусь о твоем добром имени. Мне хорошо известно, что ты нуждаешься, и потому я хочу не только сообщить тебе свою мысль, но также поделиться с тобою моими средствами, дабы показать тебе, что я обхожусь с тобою не

иначе, как с родной матерью. Так вот, у меня явилась мысль, нельзя ли нам удовлетворить желание моего милого сына, так, чтобы в то же время не нанести никакого ущерба ни твоей чести, ни чести твоей дочери. Мой замысел сводится к тому, что ты искусным способом войдешь в тайное соглашение с моим сыном, обещая ему уступить за определенную сумму девственность твоей дочери; когда же вы ударите по рукам, я сама приду в твой дом вместе с моей служанкой, которая, как тебе известно, очень похожа на твою дочь и возрастом и красотою. С наступлением темноты мы поместим ее в комнате, где она примет на своем ложе моего Пино, и все будет обстоять так, как если бы он обладал твоей дочерью. И можешь не опасаться, что это кому-либо станет известно, ибо мой сын своей скромностью и скрытностью превосходит всех молодых людей нашего города. В случае же, если это дело получит огласку по какой-либо случайности, я даю тебе обещание немедленно объявить истину. Таким образом, я избегну опасности потерять сына из-за его чрезмерной любви, ты же заработаешь для твоей дочери приданое, которое я передам тебе сейчас же, и в то же время ничем не запятнаешь своего доброго имени. Моего же Пино мы оставим на этом пастбище до тех пор, пока не найдем для твоей дочери хорошего жениха или пока он сам не выберет себе невесту; тогда мы раскроем ему обман, и все славно над этим посмеемся.

Гарита проявила полное доверие к словам дамы и всем ее лицемерным доводам и вместе с тем учла немалую выгоду этого дела, в котором честь ее дочери должна была остаться незапятнанной. Побуждаемая своей крайней бедностью, а также желая сделать приятное своей дорогой подруге, она решила полностью удовлетворить ее желание и с веселым лицом ответила ей, что исполнит все на упомянутых выше условиях, после чего рассталась с нею. На следующий день, увидя Пино, который скромно шел развлекаться обществом девушки, Гарита весьма искусно завязала с ним разговор и после ряда различных высоконравственных рассуждений вырвала из его уст признание в его тайной и жестокой страсти; они перешли к переговорам и сошлись на том, что Пино даст ей двести дукатов на приданое ее дочери и за это сорвет цветок ее девственности. И, чтобы не откладывать дела в долгий ящик, ввиду вытекавшей из него двойной выгоды, они тут же условились, что любовная битва произойдет в ближайшую ночь, и, точно уговорившись, как кто из них должен вести себя в ее доме, они разошлись. Обрадованная Гарита пришла к даме и рассказала ей, на чем они остановились и как условились с ее сыном, чтобы услужить ей. Вне себя от радости и изумления, дама сотню раз обняла и поцеловала Гариту, и, вторично подтвердив условленный план

действий, она, желая отпустить Гариту довольной, наполнила ей руку деньгами, после чего Гарита с большой радостью вернулась к себе домой. Когда настал условленный час, дама со служанкой тайком отправились в дом Гариты, которая отвела их в заранее приготовленную комнату и оставила там.

Тогда дама спрятала служанку в другой комнате, сама же легла в постель и с необузданной страстью стала ждать любовной битвы со своим собственным сыном. О жестокая злодейка! О похотливая свинья! О бесчеловечный и жадный зверь! Какой другой дьявольский женский ум, какая другая дерзкая и сумасшедшая решилась бы не то чтобы совершить, но даже помыслить о столь ненавистном и ужаснейшем кровосмешении? О божественная справедливость, не жди, чтобы мирские власти покарали столь жестокое и мерзостное безобразие! В то самое время, когда эта злая женщина готовится действовать, порази ее сразу своим справедливейшим гневом! Сделай, чтобы земля поглотила ее живой! Когда настал условленный час, Пино, ничего не подозревая, вошел в дом Гариты, которая любезно встретила его и в темноте, подобно слепому, отвела в приготовленную для этой цели комнату. Будучи твердо уверен, что нашел в постели любимую девушку, он разделся, улегся рядом с нею и начал ее нежно целовать. Когда же он захотел пойти дальше, она с величайшим искусством стала ему слабо сопротивляться и, притворившись, будто поддается насилию, заставила его поверить, что он лишил ее невинности, тогда как на самом деле все было наоборот, ибо она сумела при помощи превосходных порошков, окуриваний и промываний так сузить торную дорогу, что не то что мальчишка, но даже далеко не всякий опытный в этих делах мужчина смог бы распознать правду в этом деле. Юноша же, которому никогда до этого не приходилось участвовать в подобных ночных сражениях и который был, понятно, уверен, что он обрабатывает не собственную, но чужую пашню, был настолько захвачен этим наслаждением, что не дал своей возлюбленной оставаться без дела ни одного мгновения. Когда занялась заря, Гарита, как было условлено, под благовидным предлогом незаметно вывела Пино из дома; дама же со служанкой также удалились тайком с другой стороны дома.

Не желая, чтобы это свидание было одновременно первым и последним, она почти каждую ночь с новыми уловками продолжала идти по тому же пути, причем Гарита ни разу не заметила, что Пино имеет сношения не со служанкой. И в то время как оба они были, хотя и по разным причинам, довольны этой любовной игрой, случилось, что преступная женщина забеременела и, будучи этим чрезвычайно огорчена, пустила в ход бесчисленные средства с целью воспрепятствовать родам; когда же ни одно из этих

средств не помогло, она увидела, что дело близится к развязке, которой она уже не сможет скрыть от сына. Стоит ли рассказывать об ее жалкой жизни, об охвативших ее мучительных раздумьях и душевной тревоге, смешанной со скорбью? Однако и здесь ей помогла ее большая дерзость, ибо она была такого высокого мнения о себе и о своем красноречии, что рассчитывала побудить сына сделать по доброй воле то, что он ранее делал будучи так сильно обманут. Итак, она решила самолично все ему открыть и, призвав его однажды тайком в свою комнату, тихонько повела с ним такую речь:

— Дорогой сынок, ты и сам, полагаю я, можешь засвидетельствовать, что если была когда-нибудь мать, любившая единственно только своего сына, то такова именно я, которая любила и люблю тебя больше собственной жизни. И любовь моя была по своей природе так могуча, что удержала меня, молодую и богатую, от вторичного замужества, ибо я не захотела отдать себя вместе с твоим состоянием в чужие руки. И хотя меня, как женщину, подстрекала естественная чувственность, однако я не желала удовлетворять ее тайком (как делают многие женщины) потому лишь, что заботилась о сохранении твоей и моей чести. Кроме того, я услышала, что ты охвачен сильной любовью к нашей молоденькой соседке и что ее мать готова скорее умереть, чем запятнать честь своей дочери. Хорошо зная, к каким несчастьям и бедствиям обычно приводят влюбленных подобные неудачи, я, как нежная мать, подумала прежде всего о твоей жизни и решила сама возместить все эти пробелы одним поступком, который оскорбляет только людские законы, созданные устарелыми законниками и опирающиеся более на искусственные и суеверные выдумки, чем на разум: одним словом, я захотела, чтобы твоя и моя молодость тайно насладились друг другом. Та девушка, от которой ты получил столько наслаждения в комнате нашей Гариты, была я; и дело кончилось тем, что сейчас я беременна.

Она хотела уже было перейти к более горячим убеждениям, чтобы продолжать удовлетворение своей преступной страсти, но ее добродетельный сын был настолько возмущен и расстроен мерзостью ее поступка, что ему показалось, будто небо обрушилось на его голову и земля уходит из-под его ног. Охваченный таким гневом и скорбью, каких он еще никогда не испытывал, он был близок к тому, чтобы пронзить ножом ее сердце; однако он все же сдержал себя, не желая добровольно совершить матереубийство, а вместе с тем умертвить невинного ребенка, заточенного в ее осквернённом чреве; он решил предоставить мщение тому, кому его надлежало совершить, и расстался с нечестивой матерью, язвя и терзая ее ужасными и позорными словами, которые

вырвались у него при виде столь заслуженного ею бедствия. Тотчас же он собрал все свои деньги и драгоценности, привел в возможно лучший порядок свои дела, и, дождавшись галер, которые должны были оттуда отплыть во Фландрию и которые прибыли через несколько дней, он уехал на них. Весть об этом происшествии со всеми его ужасными подробностями стала распространяться по городу. Когда она дошла до сведения подесты, тот приказал схватить дурную женщину, которая без всяких пыток в точности изложила это событие, как именно оно произошло, после чего подеста велел бережно содержать ее в одном женском монастыре, пока она не родит. Когда же она в надлежащий срок разрешилась ребенком мужского пола, ее, как это и полагалось, сожгли на площади с великим позором.

М А З У Ч Ч О

Если бы когда-нибудь среди читателей или слушателей рассказанной новеллы нашелся такой, которому показалось бы странным или невозможным сказанное мной, будто преступная женщина искусно сумела выдать дорогу, размытую постоянными дождями, за небывшую в употреблении, то пускай он себе над этим поломает голову. Ибо, когда ядовитые звери принуждаются к тому крайней необходимостью, они умеют пустить и действительно пускают в ход бесчисленные средства, как-то: промывания и обкуривания и всяческие составы из различных порошков, которые способны заклепать не только их бешеные губы, но даже пасть огромного льва. Но чтобы привести достоверное подтверждение тому, скажу:

— О вдова, искусница и мастерица, прошу тебя, опровергни меня, если я лгу; скажи, не ходила ли ты иногда в комнаты новобрачных, привесив сбоку скляночку с заключенной внутри пьявкой, дабы иметь ее на всякий случай под рукою? Ты меня прекрасно понимаешь, прислужница великого дьявола! Заклинаю тебя признать — если не вслух, то по крайней мере про себя,— что хотя я говорю и пишу плохо, но, во всяком случае, я могу сказать и говорю правду.

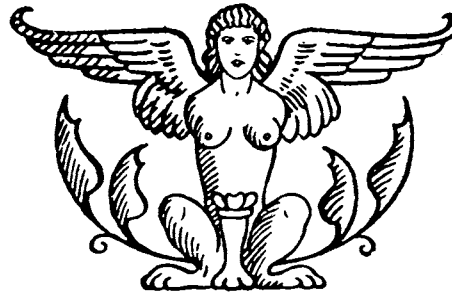
Однако стоит ли напрягать свою мысль, описывая бесчисленные недостатки, предательства и гадости женщин? Ведь легче сосчитать звезды на небе! Ибо кто бы не счел возвышенной и добродетельной упомянутую вдову, которая, оставшись молодою, красивою и богатою, делала вид, что презирает всякую земную чувственность и не хочет снова выходить замуж из любви к сыну? Кто бы мог догадаться, сколько развращенности скрывалось под ее столь обманчивой внешностью? Но так как она

получила заслуженную награду за свой труд, я перестану рассуждать о ней и скажу: сколько еще есть других медоточивых женщин, которые сходными и даже лучшими доводами могли бы обмануть самого Соломона! А сколько еще других, которые прикидываются всецело живущими духом, говорят постоянно с духовными лицами и ни о чем другом не рассуждают, как только о вечном блаженстве, а в то же время обманывают всякого, кто верит их лжи, посредством других лицемерных и суеверных приемов, от которых тошно становится и богу и людям! Я не говорю уже о том, как они ходят по улице важным и степенным шагом, со столь целомудренным видом и с такой важной осанкой, что, кажется, земля для них дурно пахнет. И вот за эти упомянутые церемонии они слывут у дураков скромными и полными святости. А вместе с тем они осуждают податливость других женщин, так что в их огород направлена известная пословица: «Люблю податливую женщину, но только не из моего дома».

Я же легко возражу на их авторитетное суждение, что здесь следует провести разграничение: верно, что женщины, в каком бы положении они ни находились, не должны проявлять большой готовности в тех случаях, когда в том не встречается необходимости, дабы избежать как опасности самого поступка, так и вечного позора; но от того, что они будут говорить открыто и смело о вещах, когда это необходимо или когда предоставляется случай, не последует никакого упущения или оскорбления их чести и доброму имени, в особенности же для тех из них, которые обладают незапятнанными добродетелями и чистой душой; они не должны не только бояться, но даже мысленно допустить, что достойная, молодая и прекрасная женщина может повредить себе или запятнать свою чистоту разговором с каким-либо мужчиной. Ибо скрытое зло совсем редко, почти никогда не вытекает из общения на людях, и только из тайных бесед и скрытых разговоров рождаются открытые скандалы. Избави меня, боже, от всех женщин, которые не говорят, потому ли, что они этого не умеют, или же лицемерно притворяются, что десятью сосудами меда не удастся заставить их раскрыть рот; или если кто-нибудь им кланяется или снимает перед ними шапку, они не отвечают, а если и раскрывают рот, то кажется, что они хотят выразить презрение. И если какой-нибудь достойный и украшенный добродетелями юноша вздумает влюбиться в одну из этих святош, он раньше умрет, чем получит удовлетворение своей любви; она, правда, не отнимает у него надежду на свою благосклонность, но держит его на пастбище и от поры до времени питает его напрасными надеждами. И все это для того лишь, чтобы этот юноша всюду провозглашал и расхваливал ее целомудрие, а все

окружающие, посвященные в это дело, вполне одобряя ее поведение, свидетельствовали бы всякому о том, что она не может даже подумать о совершении какой-либо ошибки. Итак, она становится руководительницей общественного мнения, ибо никто не может и не хочет жить подобно ей. С другой стороны, если она замужем и имеет какого-либо родственника, который ей нравится, в особенности из числа тех, у которых щеки начинают покрываться первым пушком, она пускает в ход столько различных приемов и уловок, что заставляет его сломать себе шею в знак своих родственных чувств. Я уж оставляю в стороне домашних духовников, которые становятся их кумовьями, а затем предают бога и делают святого Иоанна посредником своих похотливых желаний. А если им это не удается, они бросаются на первого попавшегося и, охваченные врожденным бешенством, ищут, не найдется ли в доме какой-либо молодец, сильный в работе, и с большим сладострастием втаскивают его на себя, и как они его приручают — это известно одному богу; за неимением же такого молодца в доме они не побрезгают и погонщиком мулов или черным эфиопом. И если кто подумает, что я говорю неправду, то пусть он применит испытанный способ, рассказанный в следующей новелле, и ему захочется сказать вместе со мною: лучше бы богу и природе было угодно, чтобы мы рождались из желудей или же происходили из воды, смешанной с грязью, как рождаются лягушки во время летних дождей и испарений, чем рождаться от столь подлого, гнилого и несовершенного пола.

Ныне же, оставя их на попечение их злой
судьбы, я с великим удовольствием
продолжу свое повество-
вание.





НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один молодой человек любит даму, но не любим ею; он прячется у нее в комнате; черный мавр обладает дамой, у которой спрятался влюбленный; последний показывается и, осыпав даму жестокими оскорблениями за ее коварство, сменяет любовь на ненависть.

Сиятельному графу д'Альтавилла

П О С В Я Щ Е Н И Е

Чтобы не обращать мое перо против тех, кто мне не дал для этого должного повода, и желая посвятить тебе, сиятельный синьор, настоящую новеллу, я рассудил умолчать в ней не только о самих именах как женщины, так и мужчины, но и воздержаться от называния города, где это все произошло; ты услышишь в ней о необычайном и жесточайшем случае, происшедшем с несчастливым любовником, доведенным до предела, так что ему пришлось быстро принимать решение о том, что для любого недюжинного ума было бы все-таки долгим и трудным. Итак, я прошу тебя, когда, читая о таком происшествии, ты разгорячишься, то, если тебя когда-либо согревало любовное пламя, вынеси справедливое, по твоему усмотрению, суждение о том, что должен был делать несчастный любовник и достоин ли он похвалы за то, что за сим воспоследовало. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В одном знаменитом итальянском городе жил немного времени тому назад один молодой человек с немалым положением в свете, прекрасный лицом и телом, хорошо воспитанный и преисполненный всяческих добродетелей. С ним случилось то, что

часто бывает с молодыми людьми,— он влюбился в изящную и красивую даму, жену одного из первых рыцарей в городе. Заметив это и видя каждый день, что он всячески старается ей понравиться, дама решила, следуя врожденной женщинам наклонности, пустить в ход с первой же встречи все свои уловки и хитрости, дабы опутать его своими коварными сетями. И после того как она легко добилась этого, она увидела, что юноша так сильно в них запутался, что ему уже нелегко будет отступить назад. И, не желая, чтобы он был долгое время удовлетворен своею любовью, она вскоре начала делаться к нему все более и более немилостивой, беспрестанно давая ему понять, что ни во что не ставит ни его, ни все его поступки. Бедняжка влюбленный, весьма удрученный этим, с невыносимой тоской терпел такое ее обращение с ним, и, видя, что ни участие в турнирах, ни щедрые траты, ни другие прекрасные вещи, которые он делал в ее честь, не только не служат ему на пользу, но, казалось, напротив, усиливают ее злобу, он много раз пытался отказаться от начатого предприятия, стремясь, если это окажется возможным, направить свои мысли в другую сторону. Но дама, следившая за ним с большим вниманием, как только замечала, что его пыл охладевает, употребляла все новые способы обмана, внезапно выказывая ему чем-нибудь свою благосклонность, и снова делала его своей игрушкой. Когда же она видела, что он снова обольщен ею, она поворачивала паруса и возвращала его к прежнему жалкому состоянию. И все это она делала с большим искусством как для того, чтобы прослыть целомудренной красавицей, сумевшей так долго устоять перед подобным любовником, так и для того, чтобы дать подтверждение своей мнимой добродетели и чтобы никто не мог подумать, что она учинила когда-либо какую-нибудь подлость.

После того как несчастный юноша испытывал в течение многих лет столь ужасные и злые мучения, не получив от нее ни разу ответа, который бы подал ему надежду, он решил, хотя бы ему грозила за это смерть, войти тайком в дом дамы и предпринять то, что ему позволит Фортуна. Выбрав время, когда рыцарь, муж дамы, выехал по своим делам на несколько дней из города, он поздно вечером осторожно пробрался в дом, и, укрывшись в сарае, который находился во дворе и служил для складывания овса, он расположился там на всю ночь, позади нескольких пустых бочек, в надежде, что, когда дама отправится утром в церковь, он найдет способ пробраться в ее комнату и спрятаться под ее кроватью, чтобы затем ночью в последний раз попытать счастья. Но судьбе, которая неустанно преследовала его, было угодно, чтобы дама, занятая каким-то необходимым делом, не вышла в это утро из дому. Потому, прождав напрасно до девяти часов

и по обыкновению терпеливо перенося свое страдание, он решил остаться там до следующего утра. Подкрепившись для этой цели принесенными им с собою сластями, он с большой досадой и малой надеждой остался тихонько сидеть на том же месте. Когда прошла уже большая часть дня, он услышал, как черный мавр, домашний погонщик мулов, вошел с двумя вязанками дров и стал выгружать их на дворе. На этот шум дама подошла к окну и начала горько выговаривать мавру за то, что он так долго отсутствовал, а привез так мало хороших дров. Мавр почти ничего не отвечал ей на это, занятый развьючиванием мулов и починкой седел, а затем зашел туда, где находился молодой человек, чтобы взять овса. Вдруг туда же вошла дама, подошла к мавру и, с разными шутливыми словами, начала легко играть рукою, переходя от одной вещи к другой. Несчастный влюбленный пребывал в изумлении, готовый молить судьбу, чтобы она создала его худшим, чем мавр, только бы ему было подарено то, что мавр получил без всяких домогательств; вдруг он увидел, как дама заперла дверь и без дальних слов бросилась на вьюки и притянула к себе мавра, который, не ожидая другого приглашения, вооружился молотом и принялся обрабатывать ее собачьим способом.

О прелестные юноши, о верные и совершеннейшие любовники, ежечасно подвергающие опасности свою жизнь, честь и состояние ради неверного и смрадного женского пола! Выступите в это мгновение, и пусть каждый из вас, думая о самом себе, постарается представить по мере своих сил, что должен был испытывать в таком ужасном положении несчастный молодой человек, ибо, по моему скудному разумению, всякий совет в этом деле будет недостаточным! Однако, чтобы закончить рассказ, я все же взаправду расскажу, как поступил бедняжка влюбленный под влиянием внезапного решения. Увидя все, что сказано, и не будучи в силах сдержаться, ибо его пламенная любовь превратилась в ненависть, он вышел из засады с обнаженной шпагой в руке с жестоким намерением лишить обоих жизни одним ударом. Однако, тотчас же несколько сдержавшись, он подумал, что поступил бы слишком дурно, осквернив свою шпагу убийством дворового пса и такой гнусной мошенницы, какой оказалась ныне та, которую он доселе считал добродетельнейшей женщиной. И, появившись перед ними, он воскликнул страшным голосом:

— О жалкая и несчастная моя жизнь! Какое ужасное и чудовищное дело дала мне увидеть моя злая судьба!

И, обратившись к мавру, он сказал:

— Тебе, свирепый пес, я должен сказать, что одобряю твое поведение и навсегда останусь тебе благодарным за то, что ты

освободил меня из лап этого лесного зверя, пожиравшего весь мой покой и имущество.

Как побледнела дама, увидев любовника, и какие мысли должны были пронестись в ее голове — каждый из вас может себе легко представить. Она, которая поистине с меньшей досадой вынесла бы смерть, обуреваемая яростью и скорбью, бросилась к его ногам, не прося у него прощенья, но умоляя его, чтобы он без всякого промедления подарил ей заслуженную смерть.

На что тот, уже приготовивший ответ, сказал ей:

— О преступная и похотливейшая потаскушка! О позор и вечное посрамление всего женского рода! Скажи, какое бешенство, какое пламя, какая похоть обуяла тебя, что ты отдалась черному псу, бессмысленному скоту или, лучше сказать, земному чудовищу, каким является та бешеная собака, которой ты дала в пищу свое нечистое и смрадное тело? И если ты находила подобающим терзать меня столько лет ради него, то не должна ли ты была по крайней мере уважать свое положение, светские почести и любовь, питаемую к тебе твоим мужем, которого ты должна была любить по заслугам, ибо он, думается мне, несомненно, является самым изящным, доблестным и совершенным рыцарем в нашем отечестве? Правда, я слишком хорошо знаю, что большинство из вас, разнузданных женщин, в тех случаях, когда дело касается похоти, не можете быть обузданы ни страхом, ни стыдом, ни совестью и не делаете никакого различия между господином и рабом, дворянином и мужиком, красавцем и уродом, только бы он мог или умел, согласно вашему несовершенному суждению, получше упражняться во взбивании шерсти. Хотя ты так настойчиво молишь подарить тебе смерть, мне кажется, что ты уже имеешь ее и напрасно так страстно ее добиваешься, ибо имя твое так очернено, обесславлено и опозорено, что ты отныне можешь поистине считаться хуже чем мертвой. Кроме того, я хочу, чтобы ты жила на свете, постоянно свидетельствуя себе самой о своем нечестивейшем злодействе, и каждый раз, когда ты увидишь меня, напоминающего о твоей гнусной прежней жизни, ты будешь снова умирать. Ныне же оставайся со своим злосчастием, ибо от твоего зараженного тела исходит такая собачья вонь, что я здесь не могу долее оставаться.

И так как был уже поздний час, то он вышел оттуда никем не замеченный и возвратился к себе домой. Дама же, не ответив ему ни одного слова, грустная и опечаленная, ушла к себе в комнату вся в слезах. Юноша заменил свой герб, который он носил во время турниров и сражений, новым — с изображением свирепого черного пса, разрывающего зубами и когтями прекрасную нагую

женщину. И всякий раз, как дама видела этот герб, она чувствовала, будто холодный нож пронзает ее сердце. Такова была кара, беспрестанно мучившая и терзавшая эту злую женщину.

М А З У Ч Ч О

Чудовищность рассказанного случая вызывает во мне сомнение, следует ли более хвалить любовника, сделавшего то, что подобало сделать благородному человеку, или проклинать мошенницу-женщину, которая воспользовалась тем, чем пользуются все женщины куда хуже, когда выпадает благоприятный случай. Поэтому мы можем с уверенностью считать, что редко встречаются женщины, которые, имея удобный повод, не устремляются на любого мужчину, достоверные свидетельства чему мы получаем каждый день, и в этом мнении утверждает нас также следующая новелла, в которой рассказывается, как молодая девушка, которую я намереваюсь описать, будучи у отца единственной дочерью, захотела также быть единственной в выборе наихудшего любовника из тех, что за нею ухаживали.



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна молодая девушка имеет много поклонников, но насмехается над ними, держа их всех на пастбище. Один из них более других преследует ее. Раб девушки обладает ею и доказывает это пылкому влюбленному. Девушка умирает с горя, а влюбленный покупает раба и отпускает его на волю.

Славнейшему синьору,
мессеру Джулио д'Аквавива, герцогу Атри

П О С В Я Щ Е Н И Е

Неоднократно убеждаясь, славнейший и доблестнейший синьор, в том, что ты получал немалое удовольствие от моих грубых новелл и удостаивал их стольких похвал, я решил никоим образом не лишать тебя тех плодов, которые услаждают тебя. И, избрав в этой части в качестве мишени для моего оружия женщин, я захотел одну из новелл посвятить настоящему знатоку этого извращенного рода, с тем чтобы ты мог, добавляя к ней другие слышанные тобою истории об их злодеяниях, с пользой употребить, где тебе это понадобится, мое справедливое разоблачение женских каверз, моя же признательность тебе будет расти день ото дня.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Согласно тому, что я слышал от одного анконского купца, немного времени тому назад в Анконе жил богатейший купец, известный по всей Италии, который имел дочку, прозывавшуюся Джеронимой, весьма молодую и красивую, но крайне тщеслав-

ную, ибо она сверх меры кичилась своей красотой и была уверена, что, чем больше будет она приобретать каждый день поклонников, тем более возрастет слава о ее красоте. По этой причине она не только сохраняла уже приобретенных поклонников, но и думала только о том, чтобы искусными уловками залучить себе новых; при этом, не давая ни одному из них отведать последних плодов, она кормила кого ветром, кого листьями и цветами, никогда не отпуская ни одного из них без какой-либо надежды. И в то время как она сама хвасталась подобной игрой в безделки, случилось, что один благороднейший юноша, преисполненный всяческих доблестей и красоты, поддался с большим жаром, чем другие, затее этой новоявленной артистки и море его любви разлилось так широко, что он готов был на ней жениться, если бы не большая разница в их общественном положении и его бедность, которая могла навлечь на него порицание за то, что он продал свое древнее имя вследствие душевной низости и погони за богатством. Поэтому, хотя отец девушки разными выгодными предложениями непрестанно соблазнял его на брак с нею, юноша воздерживался от согласия на них, старик же с большим искусством затягивал это дело в надежде, что, несмотря на указанные препятствия, ему все же удастся осуществить свое намерение.

Юноша попытался завязать сношения с кем-либо из обитателей дома девушки и, за неимением никого другого, вошел в сношения с черным мавром ее отца, прозывавшимся Альфонсо, молодым и достаточно для мавра благообразным, который, снабженный большой цепью, употреблялся для ношения на плечах за известную плату всякого, кто нуждался в его услугах. Юноша постоянно приводил мавра под благовидными предлогами с места службы домой, и, так как он ласкал его, давая ему хорошо поесть и заработать немного денег, он сумел так приманить его к себе, что Альфонсо стал принадлежать ему более, чем собственному хозяину. Когда же юноша увидел, что может вполне положиться на мавра, он начал его просить замолвить о нем слово своей хозяйке и, продолжая говорить об этих делах, сказал ему однажды:

— Альфонсо, мне никому не приходится так завидовать, как тебе, ибо судьба позволяет тебе вдосталь видеть твою госпожу и говорить с нею.

Такими-то прочувствованными словами он постоянно склонял мавра слушать его и служить его любви. Но мавр, который был весьма разумен и у себя дома слышал разговоры о том, что его хозяин собирается породниться с юношей, нашел делом весьма неподходящим, чтобы такой доблестный и благовоспитанный дворянин был, посредством этого брака, завлечен в сети

обмана, и потому он сказал ему однажды на своем ломаном языке, чтобы тот поборол в себе эту любовь, потому что Джеронима — очень дурная женщина и что сам он, более по принуждению, чем добровольно, множество раз обладал ею.

Когда бедный любовник услышал столь ужасную новость, ему показалось, что он умрет сейчас на месте. Однако, придя в себя и тщательно обдумав это дело, он с каждым часом находил его все менее сомнительным, тем более что мавр предлагал убедиться в этом воочию и осязать собственными руками. Это предложение очень понравилось юноше, и, чтобы осуществить его, он велел, без дальней проволочки, тотчас же изготовить себе цепь, сходную с той, которую носил мавр, и снабженную особым механизмом, так чтобы ее можно было по желанию снимать и надевать, как они условились между собою; и в тот вечер, когда он должен был отправиться смотреть на это чудовищное дело, он попросил одного художника, своего друга, выкрасить его под негра и запасся всевозможным тряпьем, которое носят мавры, цепями и прочими необходимыми вещами, так что его нельзя было принять ни за кого другого, кроме как за настоящего носильщика. И как только наступила ночь, Альфонсо не только провел его в дом купца, но даже уложил в свою убогую и вонючую постель и, подробно осведомив его о всех обычных приемах негодной девушки, ушел спать в хлев. После недолгого ожидания юноша услышал, как дверь в комнату тихо отворилась, после чего он увидел и узнал любимую им более всего на свете Джероними, которая шла с маленькой свечкой в руках, заглядывая в каждый угол, не находится ли там случайно кто-либо чужой. Убедившись, что в комнате нет никого, кроме того, кого она приняла за своего Альфонсо, она подошла к кровати и, увидя, что он черен, отбросила всякие сомнения, потушила свечу, легла рядом с ним и сама начала будить спавшее животное уже испытанным способом. Сердце разрывалось у бедного любовника, когда он увидел, что лишь на таких условиях может воспользоваться тем, чего единственно желал. И, увидя, что любовная тоска настолько ослабила его физические силы, что он чувствовал себя в силах лишь с величайшим трудом довести дело до ожидаемого конца, он многократно был близок к тому, чтобы открыться и разразиться бесчисленными ругательствами по поводу столь неслыханного злодейства. Поразмыслив, однако, он решил, что не получит никакого удовлетворения, если не даст этому делу фактического завершения, а затем уже оставит ее осмеянной, униженной и опечаленной; потому он решил пересилить свою охлажденную горем и злобою натуру и таким новым способом наказания отомстить не только за себя, но и за всех тех, кого она ранее затравила

и высмеяла. Итак, с немалой трудностью, хотя и теряя несколько раз копье, он довел до конца свой первый и последний набег.

Закончив его и чувствуя, что его дикий гнев нисколько не уменьшился, он обратился к ней со следующими словами:

— Ах ты, сумасшедшая, безумная, дерзкая, злая и надменная скотина, где же теперь твои столь холеные прелести? Куда делось твое самомнение, побуждавшее тебя считать себя прекраснее всех других красавиц и думать, что в силу твоего богатства ты можешь горделиво коснуться неба своим челом? Куда делись толпы замученных тобою поклонников, над которыми ты беспрестанно издевалась, питая их безумные надежды? Где же та глупая самонадеянность, с которой ты добивалась брака со мною? Какое тело ты хотела предоставить мне для наслаждения? Не то ли, которое ты дала в качестве достойной пищи черному ворону, смрадному рабу, свирепому цепному псу, одетому в такое мерзкое тряпье и увешанному цепями? А я-то, как тебе должно быть известно, употреблял все свое умение на то, чтобы наряжаться в роскошное платье и душиться тонкими духами только для того, чтобы придать себе вид, который мог бы тебе понравиться! И так как ни одно из этих средств не помогало, я прибегнул к этому мерзейшему рабскому одеянию, в котором ты меня увидела, предварительно удостоверившись в нем при помощи свечи; лишь недавно я достоверно узнал, что тебе так сильно нравится это одеяние, в котором я с великим усердием, как ты сама убедилась, обрабатывал эфиопское поле. Я не сомневаюсь, что ты уже по голосу узнала во мне того, кого столько лет дурачила и питала ветром, прикрываясь своей обольстительной наружностью. И жалко мне только то, что, обманув тебя под этим рабским одеянием, я, можно сказать, в сто тысяч раз облагородил тебя, хотя ты и будешь приписывать это своей злой судьбе, ибо я скорее дам себя четвертовать, чем удостою тебя впредь своих объятий. Не думай также, что я позволю тебе и далее изливать свое сладострастное бешенство на твоего дорогого мавра; так как он освободил меня из твоих коварных сетей, я в награду за такое великое оказанное мне благодеяние избавлю его от рабства, в котором он находится у твоего отца. А если ты предполагаешь и впредь преследовать и томить голодом стольких достойных юношей, как ты это делала до сих пор, или если ты намерена издеваться над новыми, так знай, что это тебе не удастся, потому что я доведу до сведения всего нашего города твое отвратительное злодейство и, покрыв тебя вечным позором, сделаю притчей во языцех всего народа. Я никогда бы, пожалуй, не насытился, браня тебя за твое мерзкое и преступное злодейство; но эти тряпки, надетые на мне и покрывающие эту кровать, которые казались тебе доселе столь милыми, благоухан-

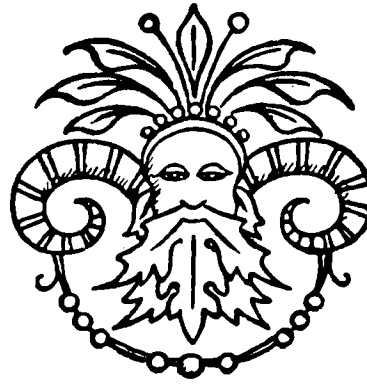
ными и нежными, на самом деле так сильно воняют, что заставляют меня бежать отсюда. Поэтому скорее убирайся отсюда, позови своего достойного любовника, который сидит в хлеву, и выведи меня осторожно из этой мрачной темницы, так как я не в силах оставаться в ней долее.

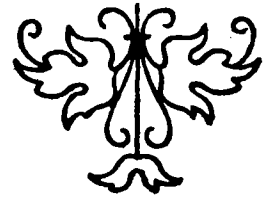
Огорченная и униженная, Джеронима, которая отлично узнала его с первых слов, охотно лишила бы себя жизни, если бы у нее под рукой случился нож. Пока он говорил, она, не отвечая ни слова, не переставала горько плакать. Наконец она поднялась с кровати, чтобы исполнить его желание, тихонько позвала мавра и выпустила их обоих из дома, как этого желал юноша, после чего, закрыв дверь, возвратилась в свою комнату, огорченная до смерти и проливая столь обильные потоки слез, что, кажется, целый родник мог бы иссякнуть. Несколько дней под разными предлогами просидела она безвыходно в своей комнате, а затем умерла, с горя или от яда — неизвестно. Благородный же юноша, разгласив это происшествие и сильно радуясь постигшей девушку каре и смерти, выкупил мавра и отпустил его на свободу; сам же, тоже оставшись свободным и не связанным любовью, долго жил, наслаждаясь своей цветущей молодостью.

М А З У Ч Ч О

Итак, кто теперь, услышав о каком-либо потрясающем мошенничестве женщин и приводя себе на память уже рассказанное на этот счет, усомнится во всем этом, и разве не покажется ему, что он видел их, все эти мошенничества, воочию? Я сам испытываю глубокий стыд, ведь и сам я тоже вышел когда-то из женского чрева, а посему я прекращаю говорить о том, как они, будучи одержимы великой похотью и безудержной страстью, используют преимущества своего пола, дабы, как им представляется, совершить поменьше ошибок. Если ты, читающий эти строки, понимаешь меня, то пояснения тебе не нужны, а если же ты сомневаешься в правоте моих слов, то поищи кого-нибудь другого, чтобы он растолковал тебе все это, ибо отныне я перестаю писать о многих других женщинах, еще более ослепленных огненной похотью, которые из страха быть уличенными или дабы не опускаться до мужчин самого низкого положения, подчиняются воистину диким животным, как я это совершенно достоверно слышал и неоднократно проверил на опыте. И вот такие мерзкие действия чаще всего приводятся в исполнение теми, кто является или почитается более мудрым, чем другие. Именно этими причинами была движима одна сметливая дама,

о которой я собираюсь далее рассказать, которая, внезапно страстно влюбившись в одного красивого юношу, смогла настолько обуздать себя, что, хотя она и удовлетворила свое желание, юноше этому никогда не было дано узнать, кто она такая. И если бы другие брали с нее пример, то мало кого из них одобрили бы остальные мужчины.







НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна дама, влюбленная в красивого юношу, при содействии своего переодетого родственника вводит его к себе в комнату с завязанными глазами, наслаждается с ним одну ночь и сообщает способ, как и когда он сможет опять к ней прийти. Юноша доверяет свою тайну одному другу; дама узнает об этом и никогда более за ним не посылает.

Великолепной
Франчискелле де Мориско

П О С В Я Щ Е Н И Е

Вспоминаю, что, когда мы часто беседовали с тобой, великолепная и высокочтимая моя кума, мы говорили, что, хотя и мало какая женщина может похвастаться осторожностью, ведь природа произвела их всех на свет со столькими недостатками, все-таки встречаются некоторые, более осторожные, чем другие, которые, не будучи в состоянии противостоять похоти и поэтому стремясь с необычайнейшим мастерством и осмотрительностью удовлетворить свои желания, могут быть порицаемы менее других, тех, что, лишь нарушая законы и во всем потворствуя своей слабой природе, втайне исполняют все свои желания. Нижеследующая новелла также утвердит нас в этом нашем мнении, и ты сможешь, присоединив ее к уже услышанным, сама вынести об этом предмете верное суждение, сама решишь, можно ли эту даму за что-либо похвалить, исключая, конечно, сам грех, или она должна быть по заслугам причислена ко всем прочим злодейкам. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В те времена, когда Пистолезе, путешествуя по нашему королевству, совершал столько чудес, в городе Неаполе взаправду произошло нижеследующее странное событие. Вечером в одну из суббот марта месяца, когда толпы людей отправляются в Кармине, несколько хорошеньких дам, получивших, как они думали, отпущение грехов, возымели желание возвратиться домой загородным путем. Очутившись на какой-то улице, ведущей кружным путем к болотам, они наткнулись на компанию молодых людей, блиставших красотою и знатностью, которые забавлялись игрою в мяч. И вот случилось, что одна из этих дам, очень красивая и чрезвычайно благоразумная, устремила взор на одного из упомянутых юношей, одетого в камзол из зеленого дамасского шелка, и он ей так сильно понравился, что она готова была лишиться чувств. Однако ее благоразумие почти помогло ей побороть свою чувственность, и, не выдав себя ничем, она вернулась с остальными дамами домой, горя страстью к приглянувшемуся ей юноше. После этого она начала много и на разные лады размышлять о своей любви; и хотя любовь заняла главное место в ее сердце, однако она еще не настолько потеряла самообладание, чтобы не учесть, как редко, желая удовлетворить свою любовную страсть, удается долгое время сохранить ее в тайне, каким бы секретом это дело ни окружалось; ибо нет человека в свете, который не имел бы близкого друга, посвящаемого им во все хорошие и плохие происшествия своей жизни, а у этого последнего в свою очередь найдется друг, от которого он не скрывает ни своих, ни чужих тайн; и так, передаваясь от одного к другому, краткое счастье любовников весьма часто кончается долгим несчастьем. И потому, надо полагать, она в конце концов приняла решение — либо удовлетворить свою любовь удивительным и странным способом, либо совсем воздержаться от нее и тем самым оказаться побежденной вожделением и осужденной на смерть. И, чтобы поскорее приступить к делу, она, имея родственника, которому могла довериться, открыла ему свою страсть и в кратких словах велела ему сделать то, что ему сказала.

Этот последний, будучи предупредительным к ней, тотчас же пустился в путь и, облачившись в рясу монаха из братства кающихся, пошел искать юношу, за которым был послан. Найдя его без товарищей, он отвел его в сторону и, держа во рту тростниковую трубочку, сказал ему:

— Брат, будь сегодня ночью между часом и двумя в церкви Сан-Джованни Маджоре для твоего собственного великого благополучия.

И после этого он ушел своим путем. Юноша был весьма смущен таким предложением и, обдумав его на разные лады, в конце концов решил, что это дело не может не быть чрезвычайно важным; и, будучи юношей смелым и сильным и, кроме того, не имея оснований опасаться, что кто-либо захочет его обидеть в указанном месте, он положился на самого себя и решил пойти попытать счастья, не посоветовавшись ни с кем из друзей. И когда пришел условленный час, он, захватив с собою хорошее оружие, отправился с большой смелостью в назначенное место. Когда он прибыл туда, ему вышел навстречу молодой человек, родственник дамы, одетый уже не в монашеское платье, а иначе, так что никто не мог бы его узнать. Любезно встретив его, он изменил, чтобы не быть узнанным, голос и сказал ему:

— Мой друг, мне думается, что благосклонная Фортуна окажет тебе особенную милость для твоего вечного благополучия и удовлетворения в настоящем и будущем, если ты будешь благоразумен и радостно ее встретишь. Дело в том, что одна молодая, красивая и чрезвычайно богатая дама так сильно влюбилась в тебя, что совсем изнемогла и тает от любви; и она в конце концов решила, что ты один, раньше всякого другого мужчины, должен насладиться ею и ее состоянием. Однако она хочет в течение нескольких дней испытать тебя, сумеешь ли ты хранить молчание об этом деле, и потому желает, чтобы ты пришел в ее дом вместе со мною с завязанными глазами, так чтобы ты не мог узнать не только ее, но даже дом и местность, где она обитает. Если ты согласен это сделать, мы немедленно отправимся в путь. В случае же, если тебе не очень хочется идти туда, куда зовет тебя твоя судьба без всяких твоих исканий, ты можешь возвратиться домой с богом, ибо я получил приказание привести тебя не иначе как с полного твоего согласия.

Юноша выслушал его речь до конца, и, хотя ему показалось несколько странным и неприятным, что его поведут почти как козла на скотобойню, однако, учтя то, что ему нет основания подозревать какую-либо для себя опасность, раз от его доброй воли зависит, пойти или остаться, а кроме того, сообразив, что из всего этого он сможет извлечь немалую выгоду, он решил без дальних размышлений согласиться и ответил, что готов идти, как и куда тому угодно. Тогда тот взял прочную повязку, завязал ему глаза, надвинул на лоб шапку и, взяв его за руку, пустился с ним в путь. Покружив по разным улицам и проведя его через несколько домов, он привел его к назначенному времени в дом дамы и здесь, заставив его подняться и спуститься по различным лестницам, оставил его наконец в комнате, в которой его ожидали с большим вожделением, сняв с его глаз повязку и заперев дверь. Когда юноша открыл глаза, он обнаружил, что находится

в темной комнате, в которой невозможно было ничего различить, но то, что в ней находилось, испускало нежнейший аромат. И после того как он простоял некоторое время восхищенный этим, он почувствовал, что его радостно обнимает какая-то дама, которая сказала ему тихим голосом:

— Добро пожаловать, единственный властелин моей жизни!

И, не говоря более ни слова, она пригласила его знаком раздеться, и, после того как он охотно это сделал и она также разделась, они легли в постель. И среди полного молчания, подобающего такому соединению, они повели дело так, что ни одному из них не пришлось ни минуты пребывать в покое. С приближением же часа, когда дама должна была удалить его из дома, она взяла заранее приготовленный ею кошелек, наполненный доверху золотыми флоринами, и, нежно поцеловав юношу, сказала ему придушенным голосом, чтобы он не мог узнать, кто она:

— Нежная душа моя, возьми эту малость на свои текущие нужды, а о дальнейших предоставь позаботиться той, которую ты держишь в объятиях. И постарайся быть благоразумным, чтобы твой язык, думая уязвить мою честь, не повредил твоему прочному благополучию; и когда ты менее всего будешь ждать этого, я дам твоим глазам немалую усладу. Пока же пусть тебя не затрудняет вопрос о том, как сюда попасть ко мне; ибо, когда я буду расположена принять тебя, я пошлю за тобой прежним способом.

И снова принявшись целовать его и получив от него также бесчисленное множество поцелуев, она предложила ему одеться и позвала своего милого родственника, который опять завязал ему глаза и многими различными улицами отвел его на то место, откуда увел его накануне вечером, и, оставив его там, возвратился домой. Юноша, сняв повязку, пошел к себе обрадованный и изумленный; и, ломая себе голову в попытках догадаться, кто эта дама, он, бессильный что-либо открыть, решил, что не должен скрывать своего счастья и мыслей от своего единственного и лучшего друга и товарища; и, послав за ним, он без малейших колебаний посвятил его во все подробности происшествия. Друг стал вместе с ним трудиться над разгадкой этого случая, и, так как им это никак не удавалось, они решили предоставить это дело усмотрению дамы. Друг, который был придворным, находясь однажды в обществе многих сановников и переходя в разговоре от одного предмета к другому, рассказал это происшествие как странную и удивительную вещь, в точности передав все, что произошло, и выдумав только, что это было в французском королевстве. Случайно при этом присутствовал родственник дамы, который, как сказано, был участником и посвященным во все

это дело; он тотчас же отправился к ней и с большой досадой рассказал то, что услышал от друга ее любовника. Дама была этим крайне огорчена, ибо сочла несомненным, что, если она будет продолжать идти по тому же пути, ее тайная любовь непременно получит скоро огласку, запятнав ее честь и доброе имя. По этой причине она твердо решила, что полученное ее любовником первое наслаждение вместе с денежной наградой будет ее последним и окончательным платежом; и таково было неизменное решение, которое она сама себе постановила.

Неразумный юноша, ничего об этом не зная, страстно желал возвратиться на высоты плодородного луга и долго и напрасно ждал приглашения, подобно тому как иудеи ждут Мессию, который к ним не придет. Но, не замечая никаких признаков этого, он поздно сообразил, что его собственный язык был главной причиной его несчастья. Дама же хотя и пребывала в большой печали, однако со свойственным ей благоразумием, можно полагать, сумела не менее осторожно удовлетворить свое желание с кем-то другим.

М А З У Ч Ч О

Полагаю, что кто-нибудь и будет порицать юношу за то, что он не сумел как следует и с осторожностью вести себя; но, конечно, если подумать, чего требует подлинная дружба, то никто не сможет по справедливости осудить его, потому что совершенно бесчеловечным можно назвать того, кто не раскрывает лучшему другу каждого своего большого секрета, не только поглощающего все человеческие способности и крадущего радость, но и саму жизнь, раз нельзя и невозможно не разделить свою радость с верным товарищем. Следовательно, если юноша доверился такому другу, хотя из-за его болтовни и приключились у него неприятности, нельзя отрицать, что он исполнил то, что от него требовали узы настоящей дружбы. Из-за одной приятнейшей ночи, которую он подарил даме, и до тех пор, пока у него не были истрачены на удовольствия все полученные от нее деньги, он провел много очень радостных месяцев. Заканчивая рассуждать об этом, я полагаю, что упомянутого юношу можно похвалить за большое мужество, коль скоро он вел себя таким образом. Но для мужчин мужественность — это врожденное и типичное для них качество, в следующей же новелле я покажу, не без нескрываемого изумления, мужество, проявленное одной девушкой, которого хватило бы для любого смелого и высокого духом мужчины, о чем можно будет судить в процессе чтения.



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна дама, покинутая своим любовником, переодевается мужчиною и отправляется, чтобы убить его; схваченная стражей, она требует от подесты, чтобы тот содействовал ее мщению. Подеста, желая проверить смелость дамы, идет с нею и, убедившись в ее мужестве, примиряет ее с любовником, оказывает ей множество любезностей и оставляет их вернувшимися к прежней любви.

Превосходной графине ди Буккианико

П О С В Я Щ Е Н И Е

Не имея с тобой общения на протяжении столь долгого времени ни в письмах, ни лично, великолепная и превосходная моя госпожа, я очень досадую на это обстоятельство и очень бы хотел исправить эту свою ошибку. Итак, я посылаю тебе нижеследующую редкостную новеллу, как той, кого я всегда считал редчайшей среди прочих женщин. Умоляю тебя, добродетельная моя графиня, принять ее с такой же сердечной нежностью, с какой я ее тебе посылаю; читая ее, ты узнаешь, что не только мужчины, но и женщины, хотя природа и обделила их во многом, могут быть воодушевляемы большим мужеством. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Недавно моему светлейшему государю рассказали взаправду, что недавно жил в Неаполе молодой купец из хорошей и уважаемой семьи, хорошо воспитанный и обильно наделенный благами, которые нам дарит и которые у нас отнимает Фортуна. В течение долгого времени он с величайшим счастьем наслаждал-

ся любовью одной прекрасной и изящной молодой женщины, которая любила его одного и которую он также чрезвычайно сильно любил, так что оба они, связанные равным влечением, чувствовали себя безмерно удовлетворенными своей любовью. Но так как вещи, которыми владеешь без помехи и в изобилии, обыкновенно скоро приедаются, то и случилось, что юноша, потому ли, что ему захотелось другой дичи, или по какой другой причине, не обронив даже словечка любимой женщине, стал отдаляться от нее, прекратил свои посещения и даже перестал давать знать о себе. Удивленная этой новостью, дама несколько раз посылала за ним, чтобы он пришел к ней или объяснил ей причину своего неудовольствия, но не могла от него получить никакого, ни хорошего, ни дурного, ответа. Тогда, проверив себя и не найдя никакого проступка, который мог бы вызвать гнев возлюбленного, она решила, что причиной такой беды является, наверное, его новая любовь. И, желая в этом удостовериться, она приставила к нему нескольких шпионов, которые после недолгих поисков установили, что дама не ошиблась в своем предположении, так как он влюбился в другую девушку и на нее перенес всю свою любовь. Убедившись в этом, она стала проливать горькие слезы и предалась такому ужасному горю, что оно всю ее испепелило; содрогаясь от гнева и злобы, она почувствовала, что ее великая любовь перешла в злейшую ненависть, так что она охотно растерзала бы сердце вероломного любовника, если бы оно попалось ей в зубы. Настигнутая и побежденная этой страстью, она перебрала в уме все возможные способы умертвить его с помощью оружия или яда; и, не находя ни одного доступного ей способа, она проявила смелость, превышающую силы молодой женщины, и приняла решение самолично совершить это убийство. Она превосходно знала устройство дома юноши, знала, что он спит один в комнате, выходящей в садик, рядом с небольшой галереей, слегка приподнятой над главной улицей, и что ночью он постоянно оставляет открытой дверь на террасу, чтобы освежить комнату (ибо дело было летом); и она решила во что бы то ни стало отправиться туда одной, подвергая опасности свою честь и жизнь, только бы отомстить за себя и собственноручно умертвить жестокого и лживого любовника.

Ни минуты не колеблясь в принятом ею решении, она прихватила веревочную лестницу, которую любовник оставил в ее доме и которую она превосходно умела забрасывать и применять к делу, переоделась в мужское платье, запаслась ночными воровскими инструментами и, когда настало время, пустилась в путь с отравленным ножом в руках. Она осторожно пробиралась по кривым переулкам, как если бы упражнялась в этом искусстве с самого нежного возраста, и, переходя с одной улицы на другую,

на свое несчастье или на счастье любовника, натолкнулась на ночной дозор. Она тотчас же сообразила, что это за люди, и, увидя, что они перерезали ей путь к бегству и что она слишком слаба для сопротивления им, мгновенно решила избрать наименее худший выход, какой был возможен; и, обратившись к тем, которые собирались ее схватить, она изменила, насколько умела, свой голос на мужской и спросила, где находится градоправитель.

Один из солдат ответил ей, что он находится поблизости. Тогда она с большой отвагой сказала:

— Идемте, у меня есть к нему дело чрезвычайной важности.

В этот самый момент приблизился градоправитель. Молодая женщина подошла к нему и сказала ему вполголоса, чтобы он удалил своих слуг; когда он охотно исполнил это, она взяла его за руку и начала говорить следующим образом:

— Зная по слухам о твоей неуязвимой добродетели, которой не могут запятнать никакое тщеславие или чувственность, зная, кроме того, что ты, как добрый рыцарь, внемлешь справедливым женским жалобам, я, будучи молодой женщиной, усердно прошу тебя не только разрешить мне выполнить задуманную мною месть, но также заклинаю тебя твоей рыцарской доблестью отправиться вместе со мной и оказать мне содействие в беспрепятственном осуществлении моего желания.

И, сказав это, она подробно и без малейшей утайки поведала ему все, что произошло между нею и ее любовником, а также то, что она намеревалась совершить. Услышав это, градоправитель Ольцина не только удивился, но прямо-таки восхитился мужеством молодой женщины и решил, что оно, должно быть, вызвано сильнейшим гневом. И хотя он знал молодую женщину, всегда считал ее исключительной по красоте среди других партенопеянок и сам был очень сильно увлечен ею, однако, обладая большой сдержанностью, качеством хорошего рыцаря, и побуждаемый просьбами и мольбами дамы, он решил обуздать себя, отогнав всякие сладострастные помыслы, и одновременно удовлетворить молодую женщину и спасти ее любовника от грозившей ему гибели. Когда она замолчала, он попытался рядом искусных доводов убедить ее отказаться от своего жестокого замысла; но, увидя, что она упорствует в нем и снова начала просить его не заграждать ей путь, если он не хочет оказать ей поддержку, градоправитель решил в конце концов испытать ее ум и храбрость и, приказав своим слугам ждать его на этом месте, направился вместе с нею к дому любовника. Когда они подошли к террасе, она взяла длинный шест, всадила в него железный крюк, привесила лестницу и, ловко за нее уцепившись, с легкостью кошки вскарабкалась наверх. Градоправитель, не переста-

вавший восхищаться ею, желая увидеть, к чему все это приведет, тоже поднялся вслед за нею и увидел, как она занесла над крепко спящим любовником нож, припасенный ею для выполнения своего жестокого замысла. Видя, что она легко может осуществить свое намерение, градоправитель не пожелал более испытывать ее и, взяв молодую женщину за руку, сказал ей:

— Сестрица, я никогда не поверил бы, даже если бы мне достовернейшим образом рассказали это, что в женской душе может таиться столько мужества; ныне я это увидел воочию и ясно убедился, что твой справедливый гнев побудил тебя даровать собственными руками жестокую смерть тому, кто был тебе милее жизни. Но так как в этом городе, как тебе известно, право наказывать за злодеяния принадлежит мне, то честность и разум не позволяют мне принять участие в совершении подобного убийства. Кроме того, раз я нашел тебя в таком состоянии и увидел, как ты совсем приготовилась своей нечестивой и жестокой рукой лишить жизни этого спящего человека, ты прекрасно понимаешь, что, согласно всем законам разума, ты должна быть присуждена к смерти; однако, имея право вполне справедливо даровать тебе ее, милостиво дарю тебе жизнь. Но тому, кто получил помилование, подобает и приличествует со своей стороны миловать. Потому умоляю тебя не скупиться и в награду за столь большое благодеяние, полученное от меня, подарить мне жизнь твоего любовника, которая, как ты сама призналась мне, была тебе дороже твоей собственной. Я же, не сходя с этого места, улажу все дело таким образом, что отныне ваша любовь не будет нарушена ничем другим, как только смертью.

Хотя молодая женщина и не могла преодолеть своего гнева, однако, видя, что она ничего не может сделать, а, с другой стороны, будучи убеждена разумными доводами человека, который на законном основании мог лишить ее жизни или по меньшей мере чести, она решила согласиться на предложение градоправителя. Этот последний вошел в комнату, где спал ничего не подозревавший юноша, и разбудил его, схватив за волосы. Когда тот в страхе и изумлении от такой неожиданности пробудился, градоправитель приказал ему зажечь свечу, что тот, дрожа от страха, немедленно исполнил. И после того как дама осведомила его обо всем, рассказав причину их прихода, и потоком подобающих случаю слов обличила его безрассудное поведение, градоправитель велел ему с веревкой на шее просить у нее пощады, считать отныне свою жизнь полученным от нее даром и обещать ей пребыть до конца своей жизни ее единственным и вернейшим любовником. Тот, сознавая свой проступок, сделал все, что ему было приказано градоправителем, и, воздав ему надлежащую благодарность за оказанную им великую милость,

он оделся, в то время как градоправитель и дама отвернулись в сторону, и все вместе с почетом проводили благородную даму до самого ее дома. Прибыв туда, дама, обратившись к градоправителю, искусно поблагодарила его, изъявив готовность служить ему как лично, так и своим имуществом, и обещала смотреть на него, как на лучшего своего друга и милого брата, ибо он сберег ей не только честь, но и жизнь; и так, говоря еще другие, нежнейшие слова, она распрощалась с ним. Любовник же остался с нею, и так как жестокая война сменилась радостным и нежным миром, то они возвратились к прежней любви и, никогда более не вспоминая о случившемся, счастливо наслаждались любовью до конца своих дней.

М А З У Ч Ч О

Можно только подивиться мужеству влюбленной девушки, вызванному то ли необыкновенной любовью, то ли безудержной похотью; и поскольку доблесть Правителя была столь большой, что любые ее восхваления были бы явно недостаточны, ибо то, что он сделал, было продиктовано его собственной добротой, а не какой-либо иной причиной, то далее я расскажу о величайшем мужестве, проявленном одной служанкой-арапкой из чистой добродетели и из нежного отношения и заботы о чести ее дорогого хозяина, причем мужества этого вполне
бы хватило не то что низкой служанке,
но и любому высокому духом
мужчине.



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один провансальский рыцарь чрезвычайно любит жену, которая, будучи охвачена похотью, отдается карлику. Служанка-арапка, поймав их, убивает обоих копьем. Муж велит бросить их тела на съедение зверям.

Светлейшему дону Франческо Арагонскому

П О С В Я Щ Ё Н И Е

Хотя ты, светлейший синьор мой, еще не перешел от юности к зрелому возрасту, но зная, что твоего обширного ума хватит, чтобы разобраться не только в моих грубых сочинениях, написанных на нашем родном языке, но и вынести справедливое и достойное суждение о сочинениях украшенных и весьма изящных, что пишут другие, решил я не отказываться от того, чтобы, посылая тебе нижеследующую новеллу, сообщить тебе кое-что о некоторых злодеяниях несовершеннейшего женского рода, дабы ты сумел со свойственной тебе осмотрительностью, когда представится случай, успешно избежать всех их интриг и злых козней. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В благороднейшем городе Марселе, спустя немного времени после пожара, учиненного в нем блаженной памяти славным государем, королем Альфонсом Арагонским, жил храбрый рыцарь, богатый, прославленный добродетелями, молодой и изумительно красивый, прозывавшийся мессером Пьетро д'Орлиан. Этот рыцарь сильно влюбился в прекраснейшую девушку, по имени Амброзия, дочь одного видного барона, своего соотечест-

венника, и эта любовь при содействии общих друзей завершилась браком. Рыцарь ввел мадонну Амброзию в свой дом с великим торжеством и пышными празднествами; он одарил ее роскошными нарядами, и она стала ему казаться еще более прекрасной, чем обычно, а ее манеры и движения нравились ему чрезвычайно, и любовь его к ней возросла во много раз, так что, когда он не находился вместе со своей Амброзией, всякое удовольствие и радость превращались для него в наивысшую печаль. И хотя он снабжал ее более, чем следовало, многочисленными богатыми драгоценностями и иными украшениями и окружал ее толпами мужской и женской прислуги, он еще более ублажал ее тем, что особенно нравится женщинам и о чем они умалчивают из благопристойности.

В то время как она вела такую счастливейшую жизнь, не нуждаясь решительно ни в одной, большой или малой, вещи, случилось, что среди прочей домашней челяди, которую рыцарь держал по ее желанию, находился карлик столь ужасной и уродливой наружности, что ее нельзя было сравнить ни с одним человеческим обликом. Этот карлик постоянно доставлял удивительное развлечение мадонне Амброзии, заставлявшей его иногда прыгать вместе с прочей домашней челядью и делать многие другие шутки, которые обычно делают карлики, вследствие чего он всех забавлял и веселил. Во время этих развлечений дама вдруг заметила, что чудовищное животное обладает замечательным хвостом, после чего мадонна Амброзия, хотя и имела столь достойного и прекрасного мужа, любившего ее больше самого себя и обладавшего помимо того, как уже было сказано нами, рядом особенных достоинств и так превосходно с ней обходившегося, однако, учтя то, что двое могут удовлетворить лучше, чем один, а может быть, даже и пресытить ее ненасытную похоть, возымела такое необузданное желание проверить, сумеет ли карлик столь же искусно проделать славонский прыжок на ее нежном теле, как он проделывал его на твердой земле, что она вся таяла от этого желания. И так как редко случается, чтобы вещи, задуманные этим злым родом, не приводились в исполнение при первой возможности, презренная негодница немного времени спустя захотела насытить свою жадную пасть столь мерзкой пищей; и хотя подчас это дикое животное ей сильно докучало, однако, будучи охвачена неудержимым бешенством, она устремляла все свои мысли на то, чтобы ежедневно как можно скорее возобновлять с карликом начатую битву. Пока она таким образом продолжала отдаваться своей отвратительной страсти, случилось, что это заметила старая арапка, жившая очень долго у отца рыцаря, а затем — у него и так сильно его любившая, что всякий ущерб, нанесенный счастью или чести ее господина, был

для нее мучительнее, чем потеря собственной жизни. Она решила, если это окажется верным, скорее умереть, чем вынести это; однако, как старая и хитрая женщина, она задумала предварительно во всем удостовериться, а затем уже открыться хозяину.

И вот однажды, когда рыцарь отправился за город, чтобы развлечься охотой, она, полагая, что ее госпожа воспользуется столь удобным случаем для продолжения своей забавы, спряталась под самой ее кроватью, откуда, внимательно наблюдая, услышала, как мадонна Амброзия искусно, под благовидным предлогом, отпустила всю домашнюю челядь, а затем увидела, как она одна с карликом вошла в комнату, закрыла дверь и без всякого промедления, явно не желая терять времени, вскочила на кровать, где они и начали свою обычную работу. Старуха арапка, выйдя из засады и увидя устроенную развратницей новую пляску и то, как дама то и дело скакала верхом на жабе, подобно дубине, была охвачена такой нестерпимой досадой и таким сильным гневом, что, заметив в углу копье с тяжелым железным острием, употреблявшееся рыцарем для охоты на диких кабанов, без долгих размышлений схватила его и, подобравшись незаметно для них к кровати, вне себя от ярости воткнула его в спину своей госпожи и надавила на него с такой силой, что оно пронзило насквозь не только молодую женщину, но и карлика до самой простыни; и, не будучи в состоянии освободиться от копья, они вскоре умерли, лежа в объятиях друг друга.

Сделав это, арапка несколько поостыла и сообразила, что не вполне хорошо поступила, совершив мщение, которое ей не приличествовало; потому, заперев комнату и оставив их лежать в том же положении, она тотчас же послала слугу за рыцарем, велев передать ему, чтобы он немедленно возвращался, если хочет застать супругу в живых, ибо она находится при смерти вследствие неожиданного сердечного припадка. Когда слуга нашел своего господина и передал ему поручение, тот выслушал его с великим огорчением и, бросив все свои дела, немедленно пустился в путь. Когда он прибыл домой, любящая и верная рабыня вышла ему навстречу и, не проронив ни слова, провела его в комнату, где показала ему ужасные дела его столь любимой супруги и с величайшей скорбью рассказала ему шаг за шагом, как все произошло, и как она из чрезмерной заботы о его чести осмелилась совершить это двойное убийство.

Когда рыцарь увидел то, что послужило для него очевидным подтверждением слов его дорогой служанки, то при мысли о том, что вместе с честью и душевным покоем он потерял столь прекрасную и горячо любимую супругу, он испытал такое великое горе, мученье и печаль, что мое перо бессильно это описать; но всякий, не лишенный ума, легко может это сам себе

представить. Ему ежечасно казалось, что его измученное сердце разорвется на множество частей. После того как он несколько утолил свое горе слезами и жалобами, он пришел в себя и, увидя, что делу ничем нельзя помочь, благоразумно решил позаботиться по крайней мере о своей чести. И, тотчас же послав за отцом и братьями дамы, он ввел их в комнату и показал одновременно проступок и наказание двух недостойных любовников, объявив, что это он в порыве горя и сильного гнева явился их убийцей и карателем столь ужасного, почти нечеловеческого проступка. Те же, испытав вполне понятное горе при виде столь очевидного дела, могли только одобрить поступок рыцаря. А он, желая явить строгое и суровое наказание и мщение, велел тотчас же схватить оба мертвых тела и в таком виде, как они были пронзенными копьем, нагрузив их на осла, отвезти на возвышенное место за городом и бросить там на съедение птицам и диким зверям, которые обглодали их до самых костей.

М А З У Ч Ч О

Хвала, которую мы должны воздать старой арапке за то, что она защитила своей милосердной любовью опороченную честь своего дорогого господина и отомстила за оскорбление, все-таки не может быть больше тех проклятий, что заслужила молодая женщина, христианка, ибо столь низкий поступок развеял ее безупречную репутацию и нанес урон чести ее многочисленной родни. Но поскольку она получила за свое удовольствие единственно подходящее наказание, я перестаю ее порицать и, возвращаясь к вожделенным партенопейским берегам, где столь часто устраивают так много различных гимнастических состязаний, я расскажу еще об одной, скорее ловкой, чем удачливой, женщине, получившей одобрение на турнире и захотевшей дать свободу на протяжении одной ночи не одному,
а целым трем
бегунам.



НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Виола обещает трем своим любовникам удовлетворить их в одну и ту же ночь. Первый приходит, но второй мешает ему воспользоваться добычей. Приходит третий, но второй над ним подшучивает и мешает ему войти. Тот замечает обман, видит силу и пускает в ход хитрость, мстит одному и другому и, нанеся большой вред обоим, делается последним обладателем добычи.

Великолепному мессеру Джакомо Аччайоло, благороднейшему флорентийцу

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я поступил бы неподходящим и совершенно неподобающим образом, великолепный и украшенный столькими добродетелями мессер Джакомо, если бы, зная, что природа наделила тебя благодушным и веселым нравом, и сочиняя для тебя нижеследующую новеллу, я бы замыслил ее и соткал ни много ни мало из материи бесстрастной, меланхоличной и грустной. Итак, прошу тебя принять ее с радостью, ибо она, несомненно, вся от начала и до конца создана из приятных шуток, которые для тебя и для слушателей станут причиной непрерывного неудержимого смеха.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В позапрошлом январе месяце исполнился год с того времени, как в Неаполе жил один добрый плотник, ремесло которого состояло лишь в изготовлении цоколей. Этот плотник нанимал дом около Седельных рядов, на небольшой площади, располо-

женной за Старым Монетным двором, и имел весьма красивую и прелестную жену, по имени Виола, которая, как женщина молодая, хотя и вовсе не испытывала презрения или отвращения к ухаживаниям своих бесчисленных любовников, однако выделяла из великой их толпы троих, которые ей были более других милы и любезны. Один из них был ее сосед, кузнец, другой — генуэзский купец, а третий — монах, имени и ордена которого я, правда, не помню, но знаю только, что он был опытным и знаменитым пройдохой. Всем им троим, каждому порознь, Виола обещала, что удовлетворит их желания, как только муж заночует вне дома.

И вот случилось, что по прошествии немногих дней муж отправился к Булыжному мосту, чтобы привести осла, нагруженного очищенными цоколями, которые он затем должен был полировать в Неаполе, как он это обычно делал; для выполнения этой работы ему предстояло пробыть в отлучке до следующего дня, и этот отъезд его с ночевкой вне дома стал известен всем трем ожидающим. И хотя каждый из них в отдельности приводил себя в боевой порядок, однако первый явившийся для битвы к двери нашей Виолы, по-видимому наиболее ревностный любовник, был генуэзец, который нежно попросил ее ждать его к ужину и на ночлег, сделав ей много щедрых обещаний, как это обычно делается при подобных сговорах. Не желая откладывать дела в долгий ящик, Виола сказала ему, что согласна его принять, но с тем чтобы он пришел, только когда стемнеет, дабы его не заметили соседи. Генуэзец радостно ответил:

— Да будет так во имя божие!

Расставшись с нею, он тотчас же отправился в Лоджию, или на Шильятский склон, и купил там двух превосходных каплунов, огромных и белых, свежего хлеба и лучшего вина нескольких сортов и все это тайком послал в дом молодой женщины.

Монах, как только кончилась месса, мечтая о том, чтобы данное ему обещание было исполнено, пустился со всех ног, пробежал множество улиц, как голодный волк, гоняющийся за отбившейся от стада овцой, и, достигнув дома Виолы, вызвал ее и сказал, что намерен непременно прийти к ней, чтобы провести с нею ночь. Виола ни за что не хотела обмануть генуэзца, но в то же время, зная наглость и настойчивость монаха, не в состоянии была отказать ему в удовлетворении; поэтому в крайнем смущении она не знала, на что решиться; но так как она была женщиной разумной, то быстро придумала способ, как удовлетворить обоих. Итак, она ласково ответила монаху, что готова к его услугам, но с тем чтобы он пришел не раньше пяти часов утра, потому что у нее находится один мальчик, ее родственник, который до этого часа, наверное, не заснет; а как только он удовлет-

ворит свое желание, то пускай себе уходит с богом. Монах, убедившись в том, что все же будет принят, и более ни о чем не заботясь, сказал, что сделает так, и удалился.

Кузнец, который пробыл до самого вечера в таможне, занятый получением какого-то железа, возвращаясь домой, увидел у окна Виолу и сказал ей:

— Сегодня ночью, так как твоего мужа нет в городе, ты сможешь конечно впустить меня к себе. Смотри, если ты что-нибудь другое задумала, я сумею это расстроить!

Виола, которая сильно его любила и порядком боялась, решила, что у нее за долгую ночь хватит времени на то, чтобы отпустить всех трех покупателей, и потому надумала удовлетворить и этого третьего, хоть он и пришел последним, тем же способом, какой она нашла для первых двух. Итак, она сказала ему:

— Милый мой Мауро, ты знаешь, как не любят меня в наших краях и что все женщины готовы воспользоваться всяким поводом, чтобы насолить мне; право же, есть такие, что подглядывают за мной до полуночи; а потому, чтобы не давать случая их коварству обидеть меня, отложи свой приход до зари, когда ты обычно встаешь, и тогда подай мне знак; и я тебе открою, и мы в этот раз немного побудем вместе, а на будущее поищем лучшего способа.

Кузнец, видя, что у нее есть веские причины так поступать, но что он все же осуществит свое желание, не стал спорить и удовлетворился ее распорядком. С наступлением ночи генуэзец тайком пробрался в дом Виолы и хотя она радостно встретила его и они обменялись множеством поцелуев, однако такова была его природная холодность, что его желания не могли проснуться без тепла, исходящего от постели или от других причин. Поэтому им пришлось терпеливо дожидаться ужина, так как каплуны поджаривались медленно вследствие ли плохого огня или по какой другой причине. Молодая женщина сильно беспокоилась, как бы второе кушанье не появилось раньше, чем она отведает первого. Однако уже пробило три часа, а ужин их все еще не начинался.

В это время они услышали стук в дверь. Генуэзец, сильно испугавшись, сказал:

— Мне кажется, что кто-то стучится.

Молодая женщина ответила:

— Да, и я, правду сказать, сильно опасаюсь, что это мой брат. Но ты не бойся, так как я позабочусь, чтобы он тебя не увидел. Потому пролезь в это окно и спрячься в хранилище для трав, которое там находится, а я посмотрю, кто пришел и чего он хочет, и быстро его выпровожу.

Генуэзец был более робок, чем горяч в любви, и хотя на дворе

шел мелкий дождик, сопровождавшийся холодным ветром, так что его можно было принять за снег, однако он сделал так, как ему велела Виола. Она же захлопнула за ним окно, и спрятав ужин, подошла к двери узнать, кто стучал. Убедившись, что это назойливый монах, она сказала ему, немного смущенная:

— Ты слишком рано пришел и не выполнил того, о чем я тебя просила. Плохо, что из-за нежелания немного прождать ты готов причинить мне смерть.

С этими и другими подобными словами она все же отворила ему дверь. Он же, войдя, не стал проделывать церемоний с поцелуями, подобно генуэзцу, но стремительно, не успев даже запереть дверь, даровал ей сразу отпущение грехов — не тою властью, которая была ему предоставлена генералом ордена, но силою своего могучего телосложения. Виола уже думала, что теперь, получив свое, он сразу же уйдет домой, но вместо этого она увидела, что он поднимается в дом. Тогда она, закрыв дверь, побежала за ним по лестнице, говоря:

— Уходи, ради бога, так как мой деверь еще не заснул и наверное услышит тебя.

Но монах, не обращая внимания на ее слова, поднялся наверх и, найдя еще пылающий очаг, немного обогрелся около него и затем, снова облапив Виолу, начал выводить новую пляску под более приятную мелодию, чем та, которую производил бедный генуэзец, стучавший зубами от сильного холода. Последний видел решительно все сквозь щели окна, и, как он страдал от обиды, страха быть обнаруженным и сильного холода, всякий, подумав об этом, сможет себе представить. Уже много раз он готов был прыгнуть вниз, если бы не темнота, мешавшая ему измерить высоту, а также остаток надежды на то, что монах удалится, удовлетворенный более, чем следовало, и постоянно побуждаемый к уходу молодой женщиной.

Но монах, согретый наслаждением с прекрасной молодкой, не выпускал Виолу из объятий, обучая многим и разнообразным приемам новейших танцев не только ее, но также и генуэзца, смотревшего на это без особого удовольствия; видно, он решил не уходить до тех пор, пока его не прогонит дневной свет.

Так пробыл он до десяти часов и услышал, как кузнец условленным знаком толкнул дверь Виолы. Обратившись к молодой женщине, монах спросил:

— Кто это стучится к тебе?

Она ответила:

— Это сосед наш, кузнец, от которого я не могу избавиться ни добрым словом, ни бранью.

Монаху, который был большим шутником, захотелось устро-

ить себе развлечение, и он, быстро подойдя к двери, сказал приглушенным голосом, как если бы это была Виола:

— Кто здесь?

Тот ответил:

— Это я. Разве ты меня не узнала? Открой мне, прошу тебя, так как я весь промок.

Монах сказал:

— Мне очень жаль, что я не могу впустить тебя в эту дверь: она так скрипит, что дело может кончиться скандалом.

Кузнец, не зная, как ему спастись от дождя, продолжал ее упрашивать открыть ему, уверяя, что он весь тает от любви. Монах же, с большим удовольствием оттягивавший время, чтобы хорошенько его выкупать, сказал:

— Душа моя, поцелуй меня разок в эту щелку, а потом я найду способ потихоньку открыть эту проклятую дверь.

Кузнец поверил ему и с большой радостью приготовился к поцелую. Монах же, который за это время спустил штаны, подставил ему тот рот, через который извергаются излишки пищи в сточную яму. Кузнец, думавший приложиться к нежным губам Виолы, сразу узнал по прикосновению и по запаху, что это такое на самом деле, и смекнул, что это другой, более удачливый охотник, который отнял у него удовольствие, а теперь издевается над ним таким образом.

Он немедленно решил, что такое оскорбление не должно остаться безнаказанным, и, делая вид, что он кусает и лижет, сказал:

— Виола моя, пока ты придумаешь, как открыть мне дверь, я сбегаю за плащом, потому что не могу больше выносить этого дождя.

Монах, смеясь вместе с молодой женщиной так сильно, что они едва держались на ногах, ответил ему:

— Иди с богом и поскорее возвращайся.

Кузнец, зайдя к себе в мастерскую, схватил железный прут, имевший форму вертела, положил его на сильный огонь и сказал подмастерью:

— Будь готов: как только плюну, тихонько подойди ко мне с этим прутом.

И, сказав это, он вернулся на прежнее место и продолжал переговоры о том, чтобы его впустили. При этом он сказал:

— Поцелуй меня еще разок.

Монах, который проворнее обезьяны проделывал эту махинацию, тотчас же подставил ему свою нижнюю пасть. Тогда Мауро подал условный знак своему подмастерью, который быстро передал ему раскаленное железо, и кузнец, взяв его в руки и улучив момент, нанес монаху такой удар в темное ущелье, что вонзил

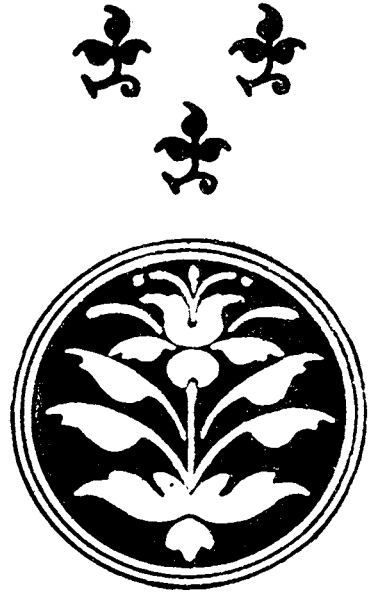
прут почти на целую пядь внутрь. Почувствовав этот ужасный удар, монах поневоле испустил крик, который потряс небо, и продолжал мычать, подобно раненому быку. Все соседи, проснувшись, подошли к окнам со свечами в руках и стали расспрашивать о том, что случилось.

А несчастный генуэзец, окоченевший до того, что еще немного — и он, превратившись в лед, закончил бы свои дни, услышав такой шум, увидев кругом столько свечей и заметив приближение зари, решился наконец спрыгнуть вниз, чтобы не подвергнуться позору быть замеченным и принятым за вора; скрепя сердце и отдавшись воле божьей, он так и поступил. Но Фортуна была к нему столь неблагосклонна, что он упал прямо на камень и ударился о него ногой так неудачно, что она переломилась в нескольких местах. Под влиянием сильной боли он принялся стонать и охать не менее громко, чем монах. Кузнец, который прибежал на шум, увидев генуэзца и узнав причину его крика, смягчился сердцем и при помощи своего подмастерья с немалым трудом отвел его в мастерскую; здесь, узнав от генуэзца, как все это произошло и кто был монах, он вышел и утихомирил чересчур судачивших соседей, сообщив, что это двое его подмастерьев поранили себя. Когда же все успокоилось, Виола, по просьбе монаха, тихонько позвала кузнеца, который вошел в дом и, найдя монаха полумертвым, после продолжительного совещания вместе со слугой взвалил монаха себе на плечи и отнес его до самого монастыря. Вернувшись обратно, кузнец велел отвезти генуэзца на осле на его квартиру, а сам возвратился уже днем в дом Виолы и, съев вместе с нею каплунов и сверх того вполне удовлетворив свое желание, весело отправился к себе домой стучать молотом. Таким-то образом кузнец, как последний бегун, оставил своих товарищей осмеянными, пострадавшими и опечаленными.

М А З У Ч Ч О

Можно сказать, что наша Виола проявила немалую осторожность, и мы можем по заслугам похвалить ее за то, что она надлежащим образом приютила всех троих любовников в одну и ту же ночь; и хотя двое вернулись не без больших убытков по домам, откуда они явились каждый поодиночке, она ухитрилась-таки несколько раз получить полное отпущение грехов от достопочтенного отца, немного пообучала кузнеца новой манере танцев, которую генуэзец тоже хорошо освоил и теперь смотрел на это с не очень большим удовольствием. Но, оставляя Виолу наслаждаться обедом вместе с кузнецом за богато накрытым

столом и пускаясь в плавание по другим, куда более мрачным морям, мы расскажем далее еще об одной величайшей хитрости и о совсем новом образе действий, которым воспользовалась одна благородная девушка. Будучи лишенной из-за своей ущербной природы целомудрия и чистоты, она, чтобы не ожидать милостей от судьбы, не терять зря времени и не губить своей цветущей юности, сама решила быть парламентером, дабы быстро и сполна привести в исполнение свое намерение.





НОВЕЛЛА ТРИДЦАТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Одна девушка, влюбленная в князя Салернского, посылает за его капелланом и показывает ему несколько писем, будто бы полученных ею от этого синьора, в которых тот добивается ее любви. Капеллан понимает ее намерение, вступает с нею в заговор и приводит дело к желательному концу.

Знаменитейшему синьору
Джеронимо де Сансеверино,
князю Бизиньянскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Не только в благодарность за полученные от тебя благодеяния, светлейший князь, но также зная, что ты если и не жаждешь, но все-таки не против услышать кое-что из моих грубых новелл, я влеком и побуждаем к тому, чтобы написать для тебя нижеследующую новеллу и присоединить ее к числу других. Прими ее, этот ничтожнейший дар, добрейший синьор мой, весело и благосклонно; а поскольку в ней твое достойнейшее имя навечно запечатлено, читая ее вместе с другими, ты можешь одарить меня тем, что поместишь и запишешь ее создателя в число твоих смиренных служителей. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В пору замечательных состязаний, удивительных охот и пышных празднеств, которые постоянно справлял в Неаполе наш славнейший повелитель, король дон Фернандо, в один прекрасный день случилось, что одна девица из высшей неаполитанской знати, можно сказать, несравненная по своей красоте, многократ-

но взирая на изящество и красоту лица и сложения моего светлейшего повелителя князя Салернского, а также постоянно слыша удивительные похвалы его редкостным достоинствам (что, пожалуй, еще больше располагало ее в его пользу), влюбилась в него так сильно, что не могла прожить и мгновенья, не думая о своем любезном синьоре. И после того как она перебрала своим измученным умом множество различных способов, которыми она могла бы целомудренно добиться успеха в столь достойном предприятии, и нашла все эти способы трудными, ей несколько раз приходило в голову последовать примеру некоторых других женщин, которые, будучи не в силах удержаться от любовных битв, сами вызывают любимых юношей на любовный поединок. Однако, будучи весьма разумной и сознавая, что она и ее дело мало бы выиграли в этом случае, она возымела мысль необыкновенным и хитрым способом побудить его сорвать первые плоды ее необработанного сада.

Выбрав время, когда князь находился в другом месте, развлекаясь охотой, она призвала к себе священника, весьма близкого к ее дому, которому она могла вполне довериться, и дала ему приказание, которое тот должен был исполнить. Этот последний отправился на следующее утро к замечательному дворцу, построенному упомянутым князем у Королевских ворот, где разыскал некого брата Паоло, капеллана и личного слугу князя, которого он искусным образом стал расспрашивать о нем самом, где бы его можно было найти, на что тот ответил:

— Это я.

Тогда священник продолжал:

— Одна благородная особа желала бы поговорить с вами завтра рано утром в такой-то церкви.

На это монах с любезным видом сказал, что придет туда согласно его приказанию, и в назначенное время весело туда отправился. Здесь он нашел ожидавшую его благородную мадонну, которая, уединившись с ним в капелле, повела речь таким образом:

— Любезный брат Паоло, я знаю, что ты осторожен и весьма близок к твоему господину, и потому полагаю, что с моей стороны будет весьма разумно в целях сохранения его и моей чести, а также для моего успокоения открыть тебе всю мою тайну — не иначе, чем я это сделала бы перед своим духовным отцом. И прежде чем пойти дальше, я хотела бы услышать от тебя — и заклинаю тебя любовью и верностью, которую ты питаешь к твоему господину, сказать мне правду,— написаны ли некоторые письма, которые я тебе сейчас покажу, рукою твоего господина. Говорю я это потому, что несколько времени тому назад один молодой человек, которого мы держим в доме

в качестве учителя моих братьев, доставил мне от имени князя несколько писем, таких пылких и преисполненных любви, каких еще никогда не писал женщине самый страстный влюбленный, и все эти письма заканчивались просьбой указать время и способ для свидания с ним. И писавший эти послания, и сами они настолько измучили мой ум, что я не могу найти никакого успокоения, так что я почти начинаю опасаться за свою жизнь. Я подозреваю, что упомянутый учитель подослан одним из моих старших братьев, который желает, быть может, подвергнуть решительному испытанию меня и мою твердость; а заключаю я это из того, что, когда они однажды рассуждали вместе с другими моими близкими о достоинствах и добродетелях различных знатных господ, называя то одного, то другого, я, побуждаемая истиной, а также любовью, которую я естественно и без всякой другой причины питаю к князю, с жаром заявила, что он является не только украшением двора, но светочем и образцом для всей нашей Италии. Услышав эти слова, один из моих братьев обернулся в мою сторону и приказал мне замолчать, и с тех пор он никогда более не смотрел на меня добрым взглядом. Вот почему эта мысль смущает меня так сильно, что я почти совсем потеряла сон и аппетит. С другой же стороны, я иногда говорю себе: вполне возможно, что тот сказал правду и что князь, глядя на меня подчас больше, чем бы следовало, полюбил меня и решился написать мне с такой пылкостью. Но если бы это было так, то, хотя это и менее опасно, все же оно причинило бы мне сердечную боль, так как мне хотелось бы, чтобы он поступал, как подобает хорошему рыцарю, и чтобы его любовь была сходна с моей, то есть была настолько сдержанной, что не переходила бы грани целомудрия, ибо я не настолько еще потеряла самообладание, чтобы не сознавать необходимости поставить честь выше всякой чувственности.

С этими, а также другими весьма искусно подобранными словами она показала ему упомянутые письма, которыми она думала внушить ему больше доверия к своей складно сплетенной и сочиненной басне. Брат Паоло, будучи человеком опытным и не раз с успехом упражнявшимся в подобных битвах, сразу понял и разгадал потаенные желания дамы; однако он шаг за шагом все более восхищался ее рассуждениями и испытывал смущение, что в столь юной женской душе таится столько хитрого уменья вместе с таким лукавством; но вместе с тем он обратил внимание также и на то, что, когда она несколько раз произносила имя князя, она менялась в лице, и это доказало ему, что она испытывает великую и жестокую страсть. Поэтому он решил, следуя тому же ветру, поплыть по этому приятному морю и ответил ей так:

— Госпожа моя, раз вы великодушно удостоили открыть мне вашу тайну, вы можете быть спокойны, что в целях сохранения как вашей чести, так и чести моего господина я буду хранить об этом деле полнейшее молчание, какого требует, по вашему и по моему мнению, его важность. Ваши опасения, основанные на веских доводах, заслуживают внимания и не могут быть отброшены без зрелого размышления; однако, хотя нельзя считать невозможным, чтобы ваши братья замыслили это дело с такой преднамеренной целью, все же я не могу себе представить, чтобы они, при всей своей осторожности, захотели передать свою честь в руки иноземного школяра, в то время как они имели много других, более осторожных способов убедиться в этом. Но, предоставляя природе разобраться в том, что здесь истинно и что ложно, и возвращаясь к вашему делу, скажу, что мой синьор никогда не писал этих писем, и я бы очень удивился, если бы это было так, потому что он имеет обыкновение никогда не писать собственной рукой ни одной женщине, как бы сильно он ни был влюблен в нее, до тех пор, пока не испытает ее любовь; в начале же его влюбленности все письма и поручения задумываются и выполняются одним весьма приближенным к нему придворным. И потому я вполне уверен, что эти письма написаны рукою последнего, тем более что я, кажется, знаю этого школяра, ибо много раз видел, как он имел близкие сношения с упомянутым придворным. И к этому убеждению меня склоняет еще то, что во время моих частых бесед с князем о прекрасных дамах он с легким вздохом, слабо вырывавшимся из его груди, ставил вас выше всех других женщин, и хотя он говорит редко, мало и осторожно, однако он несколько раз сообщил мне под секретом, что любит только вас одну. Итак, хотя вы и не нуждаетесь в моем совете для своих предначертаний, мне кажется полезным, чтобы вы разрешили мне рассказать это дело со всеми вашими опасениями моему господину; при этом, без всяких писем или поручений, я самолично берусь быть вашим посредником. Завтра или послезавтра синьор должен прибыть в Салерно, и мне не составит труда отправиться туда, чтобы услужить вам и ему; а добившись того, чего можно будет добиться, я тотчас же возвращусь обратно; и если я найду дело таким, каким не сомневаюсь найти его, я смогу далее, посоветовавшись с вами, принять решение и дать такой ход вашему делу, какой вы найдете лучшим. А для того чтобы не терять времени и поскорее узнать ответ, советую вам внимательно проследить за тем, как я проеду мимо вашего дома и окликну одного юношу, живущего против вас; таким способом вы узнаете, что я возвратился и что на следующее утро мы встретимся на этом самом месте.

Девушка, уверенная, что провела монаха и что ее замысел

увенчался полным успехом, внутренно так ликовала, как если бы она была увенчана небесным сиянием. Когда монах закончил, она сказала ему:

— Умоляю тебя осведомить меня также и обо всем остальном, подобно тому как ты уже отчасти рассеял мои опасения, именно сообщить мне все, что сможешь извлечь от твоего единственного и дорогого синьора, дабы моя измученная душа могла найти хоть некоторое успокоение.

Закончив свою беседу, они оба разошлись по домам довольные, хотя и по разным причинам. И Фортуне (гораздо более благоприятствовавшей началу предприятий указанного князя, чем его дальнейшей неприкосновенности) было угодно, чтобы монах нашел дома известие о том, что князь находится в пути и через день прибудет в Неаполь. Увидев его, брат Паоло с великим удовольствием рассказал ему историю хитрого замысла влюбленной девушки. Князь выслушал его с не меньшим удивлением, чем удовольствием, и хотя он совсем мало видел эту девушку и даже не помнил, красива ли она, однако, сочтя себя обязанным полюбить ту, которая его любит, он попросил монаха устроить таким образом, чтобы они могли как можно скорее очутиться вместе.

Монах, весьма обрадованный и готовый услужить господину, не успел выйти от него, как тотчас же отправился к дому девушки и дал ей условленный знак, который она приняла с величайшим удовольствием, и на следующее утро она пришла к назначенному месту, где нашла монаха, сказавшего ей:

— Мой дорогой синьор кланяется тебе; на твое счастье он прибыл вчера вечером в Неаполь, и когда я подробно передал ему весь наш разговор, я не мог получить от него иного ответа, как то, что он просит и умоляет тебя, во имя той глубокой любви, которую он к тебе питал и питает и которую ты по заслугам питаешь к нему, указать ему способ свидеться с тобой сегодня же вечером, дабы, не доверяясь ни одному живому человеку, он мог открыть тебе то, что под крепким затвором он хранил и хранит в своем страстном сердце.

Слушая эти слова, девушка была вне себя от блаженства; тысячелетием казался ей каждый час до того мгновенья, когда ее любовь должна была получить окончательное завершение. После нескольких слабых попыток отказаться она дала согласие и тут же на месте тайно условилась с монахом, где, как и в котором часу они должны были встретиться для любовного состязания, после чего монах спешно возвратился к своему единственному и дражайшему господину, который ожидал ответа.

После того как он ему все подробно доложил, князь с наступлением назначенного часа отправился со своей свитой к условлен-

ному месту. Здесь, найдя прекрасную девушку, полную нежных благоуханий, он ее встретил с распростертыми объятиями и с великим ликованием. Обменявшись бесчисленными поцелуями, они сели в лодку, привели в действие руль и распустили паруса, и хотя девушка была не слишком опытна в мореходстве, однако они так долго плыли по морю любви, сколько им это позволило время. И когда в назначенный срок они приплыли к пристани, девушка сказала синьору, нежно обняв руками его шею:

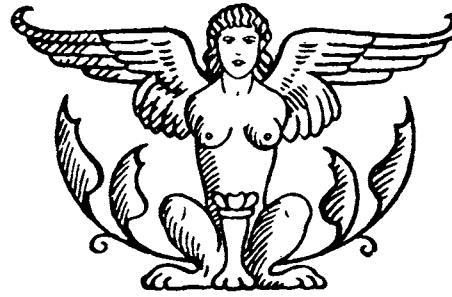
— Нежнейший повелитель мой, если одна я устроила так, что вы пришли сюда ныне, то я должна за это благодарить только себя; если же впредь вы на деле будете выказывать мне свою любовь, я буду считать себя обязанной вам и вашей любви; и потому мне остается прибавить к этому только то, что я целиком полагаюсь на вас.

Светлейший синьор князь успокоил ее рядом нежных и сердечных слов, и они расстались счастливые и торжествующие. Если же кому угодно знать, как продолжалась далее эта любовь, пускай он дознается этого сам.

М А З У Ч Ч О

Очутившись как-то на днях в обществе дам, среди которых было несколько изучавших великого Мастера Изречений, я беседовал с ними об их несовершеннейших злодеяниях, врожденном лукавстве, коварстве и злости, которые описаны в предшествующих моих новеллах; и все они, подобно бешеным сукам, набросились на меня, порицая мои писания и говоря, что мужчины, которые считают себя и должны быть более совершенными и твердыми, нежели женщины, на самом деле также постоянно поддаются чувственности и чрезвычайно низко падают; и далее, говоря со мной об этом предмете, они вдались в такие бесстыдные и тайные подробности, которые были чересчур сильными не только для скромных дам, но даже для распущенных мужчин. На это Мазуччо, который не отдал своего языка в заклад жиду, разъяснил им свои писания, прибегнув к потоку приличных и подходящих эпитетов, почти рифмовавших друг с другом, и сказал, что если бы даже мужчины и опустились до более нечестивых злодейств, чем женщины (что почти невозможно), то они осрамляли бы только законы и собственную честь, но не оскверняли бы и не заражали всех своих родственников, не только лишая их нынешней чести, но своим вечным именем и памятью очерняя и омрачая славу потомков, как это постоянно бывает, когда подлая женщина хочет удовлетворить свое разнузданное и дерзкое желание. И что это верно, о том открыто свидетельствуют

мне законы, дозволяющие убить без всякого за то наказания жену или дочь, если она уличена в разврате, каковое право, как известно, не предоставлено женщинам в случае, если бы подобное произошло с мужчиной. Не будучи в состоянии ничего возразить на мои справедливые доводы, они остались сидеть хуже, чем животные, каковыми они поистине являются. Но хотя в законченной мною третьей части я и недостаточно рассказал об их поступках — во всяком случае, не столько, сколько бы мне того хотелось,— однако, желая перейти к четвертой части, я совершенно прекращаю плавание по этому мрачному морю и буду повествовать о других жалостных, а также
приятных событиях с соизволения
моего спасителя Иисуса
Христа.



Здесь кончается третья часть Новеллино и начинается четвертая, в которой повествуется о слезных и печальных предметах, а также о других, приятных и веселых; и сначала идет общее вступление, а далее начнется новелла о прокаженных.

П Р О Л О Г

Хотя в начале настоящего сочиненьица я сам себе определил повествовать в этой четвертой части только о предметах слезных и страстных, однако, побуждаемый приличным поводом, я хочу отступить от установленного и двигаться вперед, чередуя печальные новеллы с веселыми, дабы с помощью такого смешения ужасного и горестного с шутливым и радостным испытанная читателем или слушателем скорбь могла бы завершиться веселостью; и в этом я пользуюсь приемами разумных врачей, которые, нарочно соединяя острые и сильные снадобья с противоположными, исправляют таким образом дурное качество первых. По этой-то причине в дальнейшем ходе моего повествования десять следующих новелл будут распределены таким образом, что одна будет повергать общество в слезы и печаль, а в следующей эта печаль будет умеряться весельем и шутками. Итак, с божьей помощью и в честь хвалимой и славной мадонны, я предпошлю этому ряду рассказов новеллу о прокаженных, которая, как единственная в своем роде, посвящена мною исключительной мадонне; самый рассказ и конец его столь суровы и жестоки, что не только при сочинении ее, но даже при воспоминании о ней я с немалым трудом могу удержать слезы. Однако, без всякой передышки, я достойно вознагражу за эту печаль другой новеллой, вполне приятной и прекрасной, и таким образом я буду продолжать до самого конца, не сходя с этого пути, если Овен, мой небесный знак, окажет мне свою поддержку.

* * *

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Двое прекрасных любовников бегут, чтобы сочетаться браком. Сбившись с пути вследствие бури, они попадают в приют для прокаженных, и здесь прокаженные убивают любовника, а девушка добровольно лишает себя жизни над его трупом.

Светлейшей инфанте донне Элеоноре Арагонской

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если нам, благодаря природе нашей, приносят радость вещи приятные и веселые, украшенные забавными шутками и остротами, и, слушая их, мы сами становимся благорасположенными к другим и добродушными, точно так же, я полагаю, светлейшая моя госпожа, когда мы читаем или слушаем о происшествиях, несчастливых, гибельных и ужасных, случившихся с другими людьми, то мы, побуждаемы человеколюбием, рыдая над их горестями, готовы сопровождать их в их несчастиях, заливаясь горчайшими слезами. Поэтому, вспомнив об одном ужасном, несчастливейшем и достойном оплакивания случае, приключившемся с двумя несчастливейшими влюбленными, которых их злая судьба направила и привела к мучительной и жесточайшей смерти, я решил сообщить тебе, более любой другой женщины одаренной человеколюбием, состраданием и милосердием, об этом жутком и мрачном событии, с тем чтобы ты сама, читая это, а другие — слушая, движимые состраданием, пролили слезы жалости, от которых, я убежден, несчастные души двух юных любовников, горящие, я полагаю, в вечном пламени, почувствуют немалое облегчение. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Молва, вернейшая носительница древних деяний, поведала мне, что около того времени, когда во Франции появилась Девственница, в Нанси, первом и благороднейшем из городов герцогства Лотарингского, жили два весьма родовитых и храбрых рыцаря, которые оба были с древнейших времен баронами и владели несколькими замками и селеньями в окрестностях этого города; одного из них звали синьор де Конди, а другого — мессер Жан де Бруше. И подобно тому как судьба наделила синьора де Конди единственной дочкой, прозывавшейся Мартиной и отличавшейся в своем нежном возрасте редкостной добродетелью, похвальным нравом и большей красотой лица и тела, чем все остальные девушки в той местности, так и у мессера Жана из многих сыновей, которых он имел, остался в живых только один, по имени Лоизи, почти одного возраста с Мартиной, весьма красивый, мужественный и преисполненный всяческих достоинств. И хотя между упомянутыми баронами было лишь какое-то дальнее родство, однако дружба, завязанная их отдаленными предками, привела к такой семейной близости, что они не только постоянно посещали друг друга, но, казалось, сообща владели вассалами и прочим добром, так что едва можно было заметить у них какое-либо разделение.

И вот, когда Лоизи уже возмужал, случилось, что, вследствие постоянных встреч его и обильного общения с Мартиной, молодые люди, остававшиеся без всякого присмотра, сами того не подозревая, влюбились друг в друга, и пламя любви настолько жгло их со всех сторон, что они не находили покоя, когда не были вместе, а встречаясь, беседовали и развлекались, как их побуждала к тому любовь и цветущий возраст. И в таких любовных играх они счастливо провели несколько лет своей юности, не перейдя, однако, ни к какому запретному действию. И хотя оба они чрезвычайно желали отведать последних и самых приятных плодов любви, однако Лоизи, который был весьма сдержан и опасался порицаний девушки и ее родни, решил про себя никогда не иметь с ней иного телесного общения, кроме того, которое будет ему представлено законным браком; и это свое добродетельное и твердое решение он несколько раз открывал Мартине, которая, весьма одобряя его, постоянно понуждала его обратиться через какого-либо верного посредника к их родителям с предложением породниться. Лоизи, который только об этом и мечтал, сделал такое предложение синьору де Конди надлежащим способом, через своего отца. Но синьор де Конди, отклонив это родство по многим разумным основаниям, вежливо и сдержанно предложил мессеру Жану, чтобы впредь, в целях

сохранения их общей чести, встречи их детей стали более редкими и чтобы Лоизи без крайней необходимости не появлялся в его доме. Таким образом, влюбленным было не только отказано в браке, но даже запрещено видеться.

Какие страстные слезы, какие горькие жалобы, какие тайные и пламенные вздохи последовали, когда такое решение было им сообщено,— об этом было бы долго да и излишне рассказывать. Но больше всего угнетало бедного Лоизи сознание, что его чрезмерная добродетель была причиной его беды, и теперь он сам не знал, какие цепи еще удерживали его душу в несчастном теле. Однако он решил через посредство одного верного посланца письменно снестись со своей Мартиной, умоляя ее сообщить ему, не найдет ли она какого-либо пути к их спасению; и, написав это письмо, он ей осторожно отослал его.

Девушка, решившая про себя проявить величие души в таком невыносимом горе, увидев посланца, взяла у него письмо и, обливаясь слезами, прочла его; измученная своим горем и невозможностью ответить письменно, она сказала посреднику:

— О ты, единственный свидетель нашей тайной и жестокой страсти, поклонись от меня тому, кто тебя прислал, и передай ему, что либо он будет моим супругом и единственным владыкой моей жизни, либо же я сама с помощью ножа или яда добровольно изгоню свою душу из измученного тела. И хотя он сам, движимый своей крайней добродетелью, и заботясь больше о чести моего отца, чем того требовала наша любовь и молодость, повинен в том, что наши величайшие наслаждения сменились невозможностью видеться и беседовать, однако, если смелость позволит ему прийти с несколькими своими людьми к нашему замку под мое окно с веревочной лестницей и всякими другими приспособлениями, при помощи которых я могла бы спуститься к нему, я немедленно выйду, и мы отправимся в замок какого-либо из наших общих родственников и там обвенчаемся. И если, узнав об этом, мой отец удовлетворится, тем лучше; если же нет, дело будет сделано, и ему придется быть благоразумным, сменив свое бессилие благою щедростью. Передай Лоизи, что если он решится на это, то пусть без промедления приходит в эту же ночь за мной указанным способом.

Верный слуга хорошо понял данное ему поручение и, сговорившись с девушкой относительно определенного условного знака, которым они должны были обменяться во избежание ошибки, удалился от нее; а прибыв к своему господину, он в точности передал ему все. Лоизи не пришлось долго убеждать исполнить сказанное. Собрав немедленно десятка два отважных и сильных молодцов из числа своих слуг и верных вассалов и приготовив

все, что требовалось для этого дела, он с наступлением ночи пустился в не слишком долгий путь и незаметно, без всякого шума, очутился вскоре со своими спутниками под окном своей дамы. Он подал условный знак, который она, заботливо ожидавшая его, услышала и признала. Тотчас же она сбросила ему вниз крепкую веревку, к которой он привязал лестницу, и она потянула ее к себе и хорошенько укрепила ее железные крючья к краю окна; вслед за тем она, нимало не колеблясь, как если бы уже раньше не раз прибегала к таким приемам, спустилась по лестнице и была принята в объятия своим Лоизи, который покрыл ее бесчисленными поцелуями, вывел на дорогу и усадил на приведенного для этой цели упряжного иноходца. Они поскакали вслед за вожатым, который должен был проводить их в назначенное место, а слуги, одни спереди, а другие сзади, с великим удовольствием последовали за ними по избранному ими пути.

Но неблагосклонная к ним судьба, видно, решила иначе и повлекла их к жестокой, ужасной и никогда еще, кажется, не слыханной гибели. Не успели они проехать и одной мили, как хлынул такой сильный ливень, сопровождаемый такими порывами ветра, крупным градом, ужасающим громом и молнией, что, казалось, все небо хотело низринуться на них. Стало так темно и буря так неистовствовала, что все их спутники, шедшие пешком и одетые по большей части в одни лишь куртки, сбились вместе с провожатым с пути и разбежались в разные стороны, ища пристанища от грозы; а двое любовников, держась за руки, едва могли разглядеть друг друга. Потрясенные и испуганные таким внезапным проявлением божьей кары, ниспосланной им за их преступление, они не знали, где они и какой им путь избрать; не слыша никакого ответа своих спутников, которых они долго и громко кликали, они положились на волю божью и, отпустив поводья, предоставили лошадям самим продолжать путь, отдав свою жизнь в распоряжение Фортуны.

Так, устремляясь к последней муке жестокой смерти, они проехали наугад несколько миль, подобно лодке, лишенной кормчего, как вдруг увидели вдали маленький огонек и, ободренные некоторой надеждой, направили к нему своих лошадей, ибо погода ничуть не улучшилась. Долго они ехали до места, где виднелся огонек, и, прибыв туда, постучали в дверь. Когда им ответили и отворили, они увидели, что попали в приют для прокаженных, в котором некоторые из этих отверженных, выйдя им навстречу, не очень-то любезно спросили их, что привело их сюда в такое неурочное время. Молодые люди так окоченели и до того были измучены, что едва могли говорить, вследствие чего Лоизи как можно короче ответил прокаженным,

что причиной тому послужила дурная погода и их злая судьба, после чего во имя бога попросил у них разрешения немного обогреться у огня и накормить своих измученных лошадей. Хотя прокаженные, не имея надежды на выздоровление, могут быть уподоблены осужденным на вечные муки и потому лишены всякой человечности и милосердия, однако они все же прониклись некоторым сочувствием к молодым людям, помогли им слезть и, поставив их лошадей вместе со своими ослами, отвели их в кухню, где пылал большой огонь, и сами уселись вместе с ними. И хотя сама природа внушала молодым людям отвращение к этим зараженным и искалеченным существам, однако, не видя другого выхода, они постарались примириться с этим.

Огонь вернул Лоизи и Мартине утраченную красоту, и всем смотревшим на них казалось, что они похитили облик у Дианы и Нарцисса. Это и было причиной того, что у одного из упомянутых прокаженных, гнусного злодея, бывшего солдатом в последнюю войну и более других гнилого и изуродованного, явилось безудержное желание овладеть красивой девушкой. Охваченный дикой похотью, он решил насладиться этой достойной добычей, предварительно умертвив ее юного любовника. И, не отступая от принятого решения, он поделился своим замыслом с одним из своих товарищей, столь же злым и бесчеловечным. Они отправились вместе в конюшню, и здесь один из них, отвязав лошадей и произведя большой шум, позвал:

— Господин, приди унять своих лошадей, чтобы они не обижали наших ослов.

Другой же, став за дверью с большим топором в руке, готовился совершить ужасное убийство.

О злая Фортуна, непостоянная и завистливая ко всякому продолжительному счастью, выпадающему на долю твоих подданных! Какими обманчивыми надеждами завела ты двух невинных голубков в сети жестокой смерти! И если тебе не угодно было, чтобы несчастные любовники плыли по твоим спокойным и тихим морям, то разве не было у тебя бесчисленного множества других способов разлучить их в жизни и в смерти? Неужели ты уготовила им этот самый ужасный путь? Конечно, я не могу сказать о твоих подлых делах ничего, кроме того, что жалок человек, полагающий на тебя свою веру и надежду!

Услыша, что его зовут, Лоизи, хотя ему и не хотелось уходить от огня, направился все же легким шагом в конюшню, чтобы унять своих лошадей, оставив Мартину в обществе других прокаженных, мужчин и женщин. Но не успел он войти в конюшню, как свирепый злодей нанес ему по голове такой удар топором, что

Лоизи упал мертвым на землю, не успев даже вскрикнуть. И хотя злодей знал, что юноша уже мертв, однако он все же нанес ему еще несколько безжалостных ударов по голове. Затем, оставив его там, убийцы отправились к несчастной девушке, и так как они были вроде главарей у прокаженных, то они приказали всем разойтись по местам, что и было тотчас исполнено. Несчастная Мартина осталась одна и начала спрашивать о своем Лоизи, но не получила никакого ответа. Затем убийца выступил вперед и сказал ей своим хриплым и грубым голосом:

— Будь терпеливой, дочка, так как мы только что убили твоего молодца, и потому тебе нечего больше на него надеяться; я же намерен до конца жизни наслаждаться твоим прелестным телом.

О сердечные и жалостливые дамы, удостоившие прочитать или прослушать рассказанное в моей горестной новелле ужаснейшее, неслыханное происшествие,— вы, которые когда-либо сильно любили своего мужа или пылали страстью к другому любовнику! И вы, влюбленные юноши, уже достигшие цветущего возраста, у которых любовь когда-либо сжигала сердце своим пламенем! Я прошу вас, тех и других, если есть в вас хоть сколько-нибудь человечности, помогите мне своими самыми горькими слезами оплакать то острое, невыносимое горе, которое испытала в это мгновение более всех других женщин несчастная девушка и которое никак не может и не умеет описать мое перо. Ибо, когда я хочу рассказать что-либо об этом, передо мной встают ужасные образы этих прокаженных, стоявших около несчастной девушки; я вижу их воспаленные глаза, вылезшие брови, сломанные носы, их опухшие разноцветные щеки, вывороченные и гноящиеся губы, их вытянутые, гадкие, скрюченные руки, весь их облик, более похожий на дьявольский, чем человеческий; и все это действует на меня так сильно, что не дает дальше писать моей дрожащей руке.

Вы же, слушающие меня с состраданием, рассудите сами, о чем она думала и каким ужасом (не говоря уже о горе) она была объята, увидя себя среди двух свирепейших псов, которые были так распалены, что каждому из них страстно хотелось первому быть ее осквернителем. Она испускала отчаянные крики, билась головой о стену и несколько раз лишалась чувств и снова приходила в себя с оцарапанным и окровавленным нежным лицом. Убедившись, что она ниоткуда не может ждать помощи или защиты, она без малейшего страха решила последовать за Лоизи и сопутствовать ему в смерти, как сопутствовала ему в жизни. И, обратившись к этим хищным зверям, она сказала:

— О безжалостные и бесчеловечные души, заклинаю вас име-

нем божьим, после того как вы лишили меня единственного сокровища моей жизни и прежде чем вы предпримете что-либо с моим телом, окажите мне единственную милость и позвольте хоть разок взглянуть на мертвое тело моего несчастного мужа, отвести над ним душу и омыть его окровавленное лицо моими горькими слезами.

Прокаженные, которые менее всего догадывались о том, что она задумала совершить, а также желали ей угодить, любезно удовлетворили ее просьбу и отвели ее к месту, где лежал мертвым несчастный Лоизи. Увидя его, она пришла в безумное бешенство и с криком, потрясшим небо, без всякого удержу бросилась на него ничком. И когда она, казалось, несколько насытилась своими слезами и поцелуями, она посмотрела сбоку на своего возлюбленного и увидала у него оставленный убийцами кинжал; и, хотя у нее был при себе наготове небольшой нож для выполнения своего ужасного замысла, она подумала, что этот путь короче и скорее приведет ее к осуществлению ее намерения. Она осторожно извлекла кинжал и, спрятав его между собою и мертвым телом, сказала:

— Прежде чем приготовленная сталь пронзит мое сердце, я призываю тебя, милая душа моего владыки, только что насильственно удаленная из этого измученного тела, и прошу тебя не томиться, поджидая мою душу, которая добровольно соединится с тобою. Вечная любовь, вспыхнувшая у нас обоих одинаковым пламенем, тесно свяжет нас там; и если нашим бренным телам не было дано в назначенный срок насладиться друг другом в этой жизни, явив образ единой любви,— я хочу, чтобы они были постоянно связаны вместе, наслаждались друг другом и вечно пребывали в том месте, которое им назначит судьба. Ты же, благородное и горячо любимое тело, прими в дар и в родство мое тело, которое с такой охотой спешит последовать за тобою всюду, куда ты отправишься. Не для наслаждения, но в качестве жертвы предназначено было оно тебе. Погребальным же ладаном, которым принято сопровождать похороны, да послужит нам наша кровь, смешанная и гниющая в этом гнусном месте, а также слезы наших жестоких родителей.

Сказав это — хотя ей и хотелось еще дольше плакать и жаловаться, и у нее остался еще ряд других горестных слов,— она решила немедленно завершить свой последний намеченный путь. Она ловко укрепила рукоятку кинжала на груди мертвого тела, направила его острый клинок прямо против своего сердца и, без колебания и страха надавив на него так, что холодная сталь пронзила ее насквозь, воскликнула:

— О жестокие псы, берите же добычу, которой вы так сильно добивались!

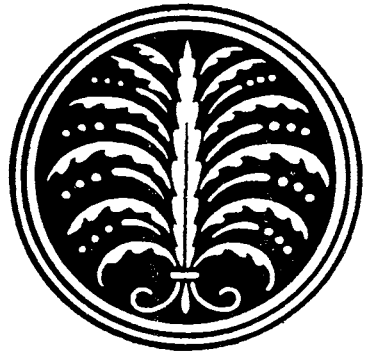
И, крепко обняв своего мертвого возлюбленного, она ушла из этой горестной жизни. Прокаженные же едва успели услышать эти последние слова, как увидели, что сталь больше чем на пядь выступила из ее спины. Они чуть не умерли от печали и, опасаясь за свою жизнь, тотчас же вырыли в конюшне большую яму и похоронили в ней оба тела в том самом положении, как они лежали.

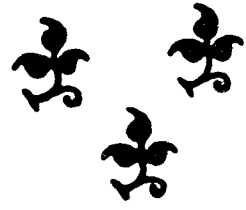
Такова была горестная и жесточайшая кончина пары любовников, историю которых рассказало мое жалостное перо. За этим последовала длительная и смертельная распря между их отцами, и много произошло кровавых схваток между их слугами. Но правосудию божию не было угодно допустить, чтобы столь великое злодеяние осталось неотомщенным,— и убийцы понесли кару. Когда со временем между прокаженными произошла ссора, один из них открыл, как произошло это дело. Услышав об этом, упомянутые бароны, согласившись между собою, послали людей в этот приют и, раскопав яму, нашли трупы благородных и несчастных любовников, и, хотя они были попорчены разложением, кинжал еще свидетельствовал об их жестокой и злой смерти. Их забрали из этого гнусного места, положили в деревянный гроб и увезли, а затем заперли все двери приюта и подожгли его снаружи и изнутри, так что все прокаженные, сколько их там было, в течение нескольких часов превратились в пепел вместе со всем своим имуществом, домами и церковью. Тела же покойных были перевезены в город Нанси при всеобщей печали, плаче и трауре не только родных, друзей и горожан, но и иностранцев. Они были погребены в одной гробнице, с благолепной и торжественной службой. А на гробнице начертали в память о двух несчастных любовниках следующие слова: «Завистливая судьба и злая доля привели к жестокой смерти двух покоящихся здесь любовников, Лоизи и Мартину, погибших в горестной страсти. Плачь и рыдай, ты, читающий это».

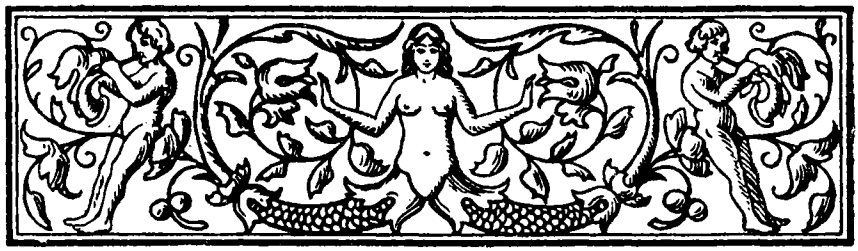
М А З У Ч Ч О

Не менее ужасной и дикой, чем достойной слез и жалости, можно назвать рассказанную историю, содержание которой, уж и не знаю, даст ли другим то, что оно дало мне; и вот теперь, когда я вдруг повстречаю нищего или вдруг вспомню о чем-либо подобном, то всегда перед моими глазами предстают те двое несчастных молодых людей, в этом мерзком хлеву, крепко обнявшиеся и мертвые, покрытые грязью и залитые своей же собственной кровью, и от этого меня не только покидает всякое милосердное сострадание, которое я обычно испытывал по отноше-

нию к этим пораженным болезнью людям, но во мне зарождается столь большая ненависть, что кажется, сама природа подвигает меня на месть каждому из них за тех двоих несчастных любовников. А поскольку я помню, что ранее я обещал скрашивать какой-нибудь новой шуткой причиненные моим рассказом страдания, то теперь я отвожу мое перо от повествования о подобных несчастиях и, оставляя бедных любовников с миром, поведаю далее о другом случае, весьма отличном от рассказанного, каковой одни будут читать со слезами,
а другие с не прекращающимся
до самого конца
смехом.







НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Некая венецианка, помимо других многочисленных поклонников, любима одним флорентийцем. Он подсылает к ней свою служанку и приглашает ее от имени настоятельницы монастыря Санта-Кьяра. Муж и она верят этому, и ее ведут, с тончайшим обманом, в дом флорентийца, где ночью вспыхивает пожар. Начальник ночной стражи отправляется пособить беде, находит даму, которую он тоже любит, и велит посадить ее в тюрьму; служанка флорентийца весьма искусно освобождает ее, а сама остается в тюрьме. Утром старуху ведут вместо молодой женщины в сенат; начальник ночной стражи остается в дураках, а дама возвращается к мужу без всякого посрамления.

Великолепному мессеру Дзаккарии Барбаро

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если, великолепный и великодушнейший мессер Дзаккария, тебе на какое-то время запрещено теми, кто облечен властью, вкушать нежные и сладкие плоды твоей славной родины, то, я не сомневаюсь, тебе доставит большое удовольствие насладиться ароматом ее прекрасных цветов; по этой-то причине и в память о нашей постоянной дружбе я решил изобразить для тебя в нижеследующей новелле ваши прелестные венецианские цветы, которые, хотя они и были сорваны флорентийской рукой, все-таки доставят тебе удовольствие по самой своей сути, ибо осмотрительные и мудрые люди имеют обыкновение на досуге развлекаться подобными веселыми историями. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Насколько мне помнится, недавно в твоем присутствии, среди других приятных разговоров, твои земляки-венецианцы взаправ-

ду рассказали мне, что года два тому назад жил в Венеции некий золотошвей, по имени Джулиано Сулько, которого судьба наделила, помимо прочих земных благ, женой, по общему мнению, красивейшей и прелестнейшей женщиной во всей Венеции. Она не только отличалась большой честностью и многими другими женскими добродетелями, но и была искуснейшей мастерицей по части вышивания и вместе со своим мужем столько зарабатывала, что они скопили великое множество сотен флоринов. Слух о ее красоте распространился по всей Венеции, вследствие чего многие молодые люди как из знати, так и из простого народа, местные жители и иностранцы, были пылко влюблены в Джустину (таково было ее имя). Она же, будучи, как сказано, столь же честной, сколь и прекрасной, казалось, хранила твердейший лед в своем юном сердце, так что ни одна раскаленная стрела Амура не могла туда проникнуть, и всех своих вздыхателей со всеми их уловками и ухаживаниями она не ставила ни во что и обходилась с ними хуже, чем с рабами, несмотря на всю их знатность, красоту, молодость и богатство. Убедившись в этом, ее муж не только совершенно отказался от прежней ревности, вызванной чрезмерной любовью к ней, но стал любить ее вдвое сильнее и возложил на нее все бремя, вожжи и кормило ее собственной и их общей чести. Она же, будучи благоразумной, не возгордилась от такой свободы, но продолжала приумножать свою добродетель и добрую славу.

И вот случилось, что среди многочисленных и назойливых поклонников, тщетно преследовавших Джустину по пятам, был один молоденький флорентиец, столь же лукавый и опытный в подобных делах, сколь любезный и красивый, который вел в Венеции большие торговые дела как для себя лично, так и по поручениям. Убедившись по многим очевидным признакам в честности молодой женщины, которую ни подарки, ни красивая наружность ее поклонников не могли побудить к похоти, он решил опутать ее искусным обманом. И, так как у него была в доме старуха славонка, женщина бывалая, опытная и сметливая, он подробно разъяснил ей все, что она должна была выполнить. Старуха немедленно набрала разной тонкой зелени и, приготовив из нее превосходный салат, отправилась в дом Джулиано и, поклонившись ему с приятной улыбкой, сказала:

— Настоятельница монастыря Санта-Кьяра посылает вам овощей из нашего сада и просит оказать ей любезность, отпустив на пробу фунт золота для некоторых вышиваний, к которым уже приступили ее монахини; и если дело, как она полагает, пойдет у них на лад, то она будет у вас забирать по нескольку фунтов в месяц.

Джулиано, очень обрадованный этим, поблагодарил насто-

ятельницу за подарок, тотчас же набрал фунт лучшего золота и, указав его цену, сказал старухе, что всегда будет готов ей служить. Довольная этим, посланница возвратилась к своему хозяину и получила от него новое предписание, согласно которому немного времени спустя снова явилась к золотошвею с корзиной превосходных плодов и сказала ему с сияющим видом:

— Мадонна кланяется вам и благодарит; она велела передать, что присланное вами золото пошло впрок, и просит отпустить еще десять фунтов; и такие заказы вы будете получать ежедневно, извлекая из этого немалую прибыль. Кроме того, она посылает вам немного плодов из монастырского сада, в знак уважения к вашей супруге, и сообщает, что непременно хочет познакомиться с нею, как потому, что много слышала о ее добродетели и честности, так и потому, что она, говорят, первая рукодельница в нашем городе, и наши девушки могли бы у нее поучиться различным искусным приемам. И потому настоятельница убедительно просит вас, если вы найдете это возможным, отпустить вашу супругу на наш престольный праздник, который будет в скором времени, и она весьма приятно проведет у нас два-три дня в обществе племянниц и невесток настоятельницы. И для этого она попросит упомянутых благородных дам, хотя они и принадлежат к высшей знати города, чтобы они заехали к вам на дом и с почетом отвезли вашу супругу; и тем же самым способом вам доставят ее обратно.

Мастер, зная обычай венецианских дам отправляться в определенные дни года в тот из монастырей, в котором у них были подруги или родственницы (ибо в остальное время года доступ туда закрыт), и проводить там несколько дней, не заподозрил здесь никакого обмана, так как был уверен, что это приглашение, так же как и покупка золота, исходит от настоятельницы. Кроме того, он, как мы уже говорили выше, питал полное доверие к испытанной добродетели своей жены; потому он даже не задумался над этим и ответил, что охотно пошлет жену на праздник, как и когда будет угодно настоятельнице; и что, как только упомянутые дамы соблаговолят подъехать к его дому, он охотно отпустит жену вместе с ними. Затем он вручил старухе заказанное золото, которое было ему хорошо оплачено, и, оставшись с женой, необычайно радовался завязанному с этой дамой знакомству. Бесконечно долгим казалось ему время, отделявшее их от праздника, а особенно его жене, отчасти потому, что ей очень хотелось завязать столь выгодную для настоящего и будущего дружбу с настоятельницей, но еще больше потому, что она желала познакомиться и поразвлечься с молодыми монахинями, как это принято у светских дам. Когда старуха возвратилась к хозяину, они оба сильно порадовались, что задуманное ими

дело идет как нельзя лучше. Когда же настал ожидаемый день, флорентиец приказал тайком привести к себе в дом восемь публичных женщин и определил, кто из них будет вдовой, кто — замужней дамой, а кто — девушкой, а затем роскошно их всех разодел и принарядил, словно это и впрямь были первые дамы в Венеции. Когда они были готовы, он усадил их в закрытую по венецианскому обыкновению лодку вместе с множеством рабынь, служанок и старухой посланницей; после чего они, сделав большой круг по другим каналам, плавно подплыли к тому месту в Санта-Кроче, где жил мастер Джулиано.

Здесь старуха тотчас же вышла из лодки и весело окликнула Джустину, сказав:

— Родственницы мадонны ждут вас здесь в лодке, чтобы отвезти вас с собой в монастырь.

Джустина, предварительно богато нарядившись, как было условлено с мужем, вошла в лодку, где была ласково встречена милыми дамами, а муж, увидя их и приняв их по внешности за важных дам, остался вполне удовлетворен. Затем лодка направилась к Санто-Апостоло, где жил флорентиец, и очень скоро туда прибыла. Как только они здесь очутились, одна из упомянутых дам сказала:

— Не вызвать ли нам мадонну Теодору, которая была приглашена одной из первых?

Другие охотно согласились и принялись звать Теодору. Тогда к окну подошла негритянка и сказала им:

— Мадонна просит вас подняться к ней на минутку наверх, чтобы вам не скучно было ждать, покамест она кончит наряжаться.

Не ожидая других приглашений, дамы все сошли на берег и, взяв Джустину под руки, с большим почетом ввели ее в дом. Когда же они поднялись, одна дама пошла в одну комнату, другая — в другую, одна входила, другая выходила — и Джустина в конце концов очутилась одна в какой-то комнате, в которую внезапно вошел флорентиец, принявший ее в свои распростертые объятия. Разъяснив ей в коротких словах свой обман, он стал умолять ее во имя долгой и пламенной любви, которую он питал и питает к ней, а также ради сохранения своей собственной чести без дальнейших споров соблаговолить подарить ему то, в чем ей теперь было бы трудно ему отказать.

Добродетельнейшая молодая женщина, столь прилежно оберегавшая доселе свою честь, увидев себя в такой крайности, может быть, проявила благоразумие и подчинилась необходимости, может быть, оказывала тщетное сопротивление — предоставляю судить об этом тем дамам, которые полагают, что, даже попав в подобную переделку, они сумели бы найти из нее удач-

ный выход. Знаю только то, что молодая женщина в эту ночь весело поужинала с флорентийцем и с ними не было ни одной из тех дам, которые ее привезли. И вот случилось, что вследствие множества огней в комнатах или по какой другой причине, но только между двумя и тремя часами ночи в доме вспыхнул пожар. Поднялся большой шум, как обычно бывает в Венеции в таких случаях; а в это время по улице как раз проходил один из начальников ночной стражи, который был в числе главных поклонников Джустины и особенно рьяно ее преследовал. Услышав крики: «Пожар! Горим!» — он, как того требовала его должность, высадил дверь, быстро поднялся в дом и, приказав своим солдатам тушить огонь, сам, соблюдая обычный порядок, направился в комнату хозяина дома, чтобы входившие в нее слуги не похитили чего-либо из его вещей. Не успел он туда войти, как увидел флорентийца и Джустину, совсем обомлевших от ужаса и взявшихся за руки, чтобы бежать от огня. Начальник стражи при свете множества внесенных туда свечей тотчас же узнал Джустину. Пораженный удивлением и печалью, он тут же сменил свою глубокую любовь на жестокую ненависть, и, если бы не важность его должности, удержавшая его, он бы охотно пронзил ее насквозь своей шпагой при одной мысли о том, что женщина, которую он всегда считал единственной во всем мире по скромности и честности и которая ни разу не подарила ему даже улыбки, теперь очутилась ночью, подобно публичной девке, в доме заезжего купца или, быть может, даже приказчика.

Однако, увидев, что огонь почти потушен, он несколько сдержался и решил, невзирая ни на что, отправить ее на следующее утро с барабанным боем в публичный дом, как ему было дозволено поступать с женщинами, захваченными на месте блуда. Яростно вырвав ее из рук бедняги флорентийца, он вышел со своими солдатами из дома, отвел ее на главную улицу, где находилась тюрьма, и здесь, посадив под стражу, как презренную рабыню, приказал тюремщикам бдительно стеречь ее до самого утра. Покончив со всем этим, он отправился в обход своего квартала, как того требовала его должность. Флорентиец же, который был, вполне понятно, весьма удручен происшедшим, после того как ему удалось несколько успокоить свою измученную голову, призвал на помощь свою любовь и природную хитрость и стал обдумывать, как бы ему снова получить добычу, которая досталась ему с таким трудом и была им столь быстро и несчастливо утрачена. Отлично зная, где находится тюрьма и какие стражники караулят молодую женщину, он сообщил об этом старухе, которая уложила в корзину каплунов, хлеба и две бутылки хорошего вина, села в лодку и быстро отправилась вместе со слугою к тюрьме. Разыскав стражников, она стала

умолять их именем бога, чтобы они позволили ей накормить одну бедную служанку ее господина, которая была без всякой вины задержана начальником ночной стражи и печальная, плачущая вышла из дому, не успев ничего поесть. И чтобы расположить к себе стражников и пробудить в них милосердие, она отдала им большую часть ужина, который принесла с собой. Те, будучи бедными и голодными, умилостивились и сказали, что она может войти в тюрьму. Проникнув туда, старуха тотчас же передала молодой женщине свой плащ и велела ей поскорее выйти и сесть в лодку, в которой ее поджидал слуга. Та с радостью исполнила это и без всякого опроса со стороны стражников прыгнула в лодку, после чего с помощью слуги возвратилась в дом, откуда только что была выведена насильственным образом.

Когда настало утро, начальник ночной стражи, хотя гнев его с каждым часом возрастал и он все более горел желанием жестоко наказать даму, решил, однако, не делать этого, не посоветовавшись со своими товарищами. Собрав их, он с немалым удовольствием рассказал им об этом неприятном происшествии и о том наказании, которое он задумал дать этой негодной женщине. И после того как они вдоволь посмеялись и пошутили, они решили доложить об этом сенату. И, отправившись все вместе во дворец, они рассказали это происшествие во всех его подробностях дожу и другим членам сената, которые приказали потихоньку привести к ним молодую женщину, чтобы раньше, чем наказывать ее, узнать, кто, когда и каким образом привел ее в дом флорентийца. Тотчас же четырем стражникам было приказано привести Джустину незаметно и под покрывалом, чтобы никто не мог узнать ее по дороге. Стражники, отправившись за нею, схватили хитрую старуху, крепко связали ее и привели в сенат. Та же, едва успевши туда попасть, стала кричать громким голосом:

— Правосудия! Требую правосудия именем бога! Вчера ночью, когда в доме моего хозяина вспыхнул пожар, этот изверг, ваш ночной начальник, ворвался к нам со своими солдатами и без всякого повода велел схватить меня и передать в руки своих тюремщиков, которые меня так засадили, что я провела худшую ночь, чем приходилось когда-либо переносить другой женщине. А теперь он велел привести меня к вам связанной, словно я похитила сокровища святого Марка, хотя ни вы, ни я не знаем, чем могла перед ним провиниться такая бедная старуха служанка, как я.

Когда начальник ночной стражи увидел и услышал это, он при всем своем благоразумии прямо-таки остолбенел от изумления, как каждый из вас может себе представить. Он не только не

мог вымолвить ни слова, но даже изменился в лице, что было истолковано дожем и всеми сенаторами как очевидное доказательство его огромнейшей ошибки. Потому они постановили немедленно освободить старуху и отпустить ее домой, что и было исполнено. А затем все они, кто серьезно, кто шутя, стали расспрашивать ночного начальника, наяву или во сне задержал он бедную старуху. Он же был так смущен этим, что никак не мог им толком рассказать, как все произошло на деле. Тогда, сильно позабавившись, все решили, что пылкое воображение и сильная страсть, которую он питал к жене мастера Джулиано, навели на него такое затмение, что он принял уродливую старуху за прелестную молодую женщину. Так-то, изумленный, осмеянный и раздосадованный, вернулся он домой. Хитроумный же флорентиец, который столь искусно и с такими приключениями залучил к себе, потерял и затем снова обрел любимую женщину, возвратил ее мужу тем же осторожным способом, каким извлек ее из дому, без всякого шума и подозрений со стороны мужа.

М А З У Ч Ч О

Самые высокие хвалы можно по заслугам воздать проницательности и сообразительности флорентийца, ведь ему удалось в чужих краях получить приз, опередив стольких замечательных бегунов, и благополучно дойти до столь счастливого конца, хотя его и постигла вначале неудача с придуманным им тончайшим обманом. А поскольку не стоит столь долго рассуждать о всевозможных случайностях, что преподносит нам наша изменчивая Фортуна, ибо иначе просто не останется ничего, рассказ о чем поверг бы слушателей в изумление, в следующей своей новелле я поведаю о разных необычных и жестоких событиях, случившихся с двумя бедными благородными любовниками из-за их огромной любви друг к другу, и события эти столь отличались от рассказанных ранее, что закончились кровавыми слезами и жестокой смертью.



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Сиенец Марьотто, влюбленный в Ганоццу, совершив убийство, бежит в Александрию. Ганоцца притворяется мертвой и, выйдя из могилы, отправляется на поиски возлюбленного. Последний, услышав об ее смерти, тоже желает умереть и возвращается в Сиену; здесь его узнают, хватают и отрубают ему голову. Девушка, не найдя его в Александрии, возвращается в Сиену и узнает, что ее возлюбленный обезглавлен. Мессер Никколо помещает ее в монастырь, где она и умирает от горя.

Светлейшему синьору герцогу Амальфи

ПОСВЯЩЕНИЕ

Чем более достойными сожаления и несчастливыми бывают различные любовные истории, тем более необходимо рассказывать о них пылким и мудрым любовникам; а поскольку я знаю, что ты, светлейший синьор мой, уже долгое время не только попал в любовный плен, но и, нежно любя, остаешься все-таки очень осторожным, то я решил дать тебе полное представление об одном жалостливейшем происшествии с двумя несчастными влюбленными, чтобы ты, с твоей обычной осмотрительностью и высокими добродетелями, вынес справедливое, на твой взгляд, суждение о том, кто из них любил более пылко, принимая во внимание все их поступки.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

На днях один твой земляк-сиенец, с немалым положением в свете, рассказал в обществе нескольких прелестных дам о том, как немного времени тому назад в Сиене жил юноша из хорошей семьи, красивый и воспитанный, по имени Марьотто Миньянелли, который сильно влюбился в одну прелестную девушку, звавшуюся Ганоццой, дочь одного известного и весьма уважаемого

гражданина, кажется, из рода Сарачени, и вскоре добился того, что она его также весьма горячо полюбила. И после того как они довольно долго питали свои взоры нежными цветами любви, им обоим захотелось испробовать ее сладчайших плодов; и когда они, перебрав для этого много различных путей, не нашли ни одного надежного, девушка, которая была столь же рассудительна, как и прекрасна, решила тайно обвенчаться с Марьотто, чтобы запастись щитом, которым они могли бы прикрыть совершенную ошибку в том случае, если вследствие превратностей судьбы они лишатся возможности наслаждаться. И, желая привести в исполнение задуманное, они подкупили одного августинского монаха, с помощью которого тайно обвенчались, после чего почувствовали себя под этой верной охраной в безопасности, и оба с одинаковым наслаждением полностью удовлетворили свою горячую страсть. И после того как они некоторое время счастливо наслаждались этой скрытой, но отчасти дозволенной любовью, случилось, что злая и неприязненная к ним Фортуна совершенно перевернула все их надежды на настоящее и будущее. Вышло так, что Марьотто повздорил как-то с одним почтенным гражданином; слово за слово, они перешли от речей к действиям, и дело кончилось тем, что Марьотто ударил своего противника палкой по голове и нанес ему такую рану, что тот через несколько дней скончался. Марьотто скрылся, и судебные власти, усердно искавшие его, не могли его найти. Тогда сенаторы и подеста осудили его на вечное изгнание и вдобавок еще объявили врагом отечества.

Как велико было горе этих двух несчастнейших любовников, только что перед тем тайно обвенчавшихся! Какие горькие слезы проливали они из-за столь долгой и, казалось им, вечной разлуки! Только испытавший подобные уколы судьбы может себе представить это. Горе их было столь ужасно и жестоко, что при последнем прощании они, лежа в объятиях друг у друга, несколько раз были близки к смерти. Однако, отдав должную дань своей скорби, они перешли к надежде, что со временем какая-нибудь счастливая случайность позволит Марьотто вернуться на родину, после чего оба они условились, что Марьотто покинет не только Тоскану, но и вообще Италию и отправится в Александрию, где у него был дядя, по имени Никколо Миньянелли, весьма известный купец, имевший большое торговое дело. Затем, договорившись о том, как они будут переписываться на таком большом расстоянии, наши любовники расстались, проливая горькие слезы. Перед отъездом несчастный Марьотто посвятил одного из своих братьев во всю эту тайну, горячо умоляя его превыше всего заботиться о том, чтобы постоянно осведомлять его относительно всего, что приключится с его

Ганоццой. Отдав эти распоряжения, он пустился в путь по направлению к Александрии. Прибыв туда, он разыскал своего дядю и, встреченный им любовно и радостно, осведомил его обо всем происшедшем. Тот же, будучи весьма благоразумным, выслушал его рассказ, досадуя не столько на содеянное им человекоубийство, сколько на то, что Марьотто причинил вред многочисленным своим родственникам. Но, понимая, что упреки не помогут и прошлого не вернешь, синьор Никколо успокоился, постарался успокоить также Марьотто и стал раздумывать о том, как бы со временем найти способ исправить беду. Он доверил племяннику свои торговые дела и все время держал его при себе, так как тот сильно тосковал и почти беспрестанно проливал слезы. Не прошло и месяца, как он получил несколько писем от своей Ганоццы и от брата, что доставило великую отраду обоим любовникам во время столь тягостной разлуки.

И вот при таких-то обстоятельствах случилось, что отец Ганоццы, осаждаемый со всех сторон просьбами о руке дочери, которая всем отказывала под разными благовидными предлогами, в конце концов заставил ее дать согласие на брак с одним юношей, отказать которому она не имела оснований. Измученная жестокой борьбой, происходившей в ее удрученной душе, Ганоцца готова была предпочесть смерть подобной жизни. И так как она знала, что все надежды на возвращение ее дорогого и тайного мужа были напрасны и что, открыв отцу истинное положение дел, она не только ничему не поможет, но, напротив, усилит его гнев, Ганоцца решила, подвергая опасности свою честь и жизнь, помочь стольким несчастьям способом не только странным, но и опасным, жестоким и, надо думать, доселе еще неслыханным. Набравшись большой смелости, она ответила отцу, что готова исполнить его желание, а затем тотчас же послала за тем монахом, который был главным виновником всего дела, и весьма осторожно открыла ему свой замысел, умоляя его о милостивой поддержке. Услышав это, монах сначала проявил некоторое изумление, робость и медлительность (как монахи это обычно делают), пока она не пустила в ход чудесную силу и чары святого Иоанна Златоуста, что заставило его сразу сделаться отважным и сильным и мужественно взяться за выполнение задуманного плана. И так как она его побуждала торопиться, монах быстро отправился к себе и самолично, как человек сведущий в этом деле, изготовил некий напиток из воды с примесью разных порошков, производивший такое действие на выпившего, что тот должен был не только заснуть на три дня, но и показаться всем настоящим покойником. И, приготовив этот напиток, монах послал его даме. Та же, предварительно отправив к своему Марьотто гонца с предупреждением и подробным сообщением

о том, что она собиралась сделать, выслушала предписание монаха о том, как ей поступить, и с великой радостью выпила напиток, после чего на нее нашло такое оцепенение, что она замертво упала на землю.

Тогда ее служанки подняли столь ужасный крик, что на этот шум прибежал старик отец с множеством слуг, и, найдя свою единственную и горячо любимую дочь уже мертвой, он с невиданным доселе горем велел призвать скорее врачей, чтобы те пустили в ход различные средства для возвращения ее к жизни. Но так как ни одно из этих средств не помогало, то врачи решили, что девушка внезапно скончалась от удара. Весь день и всю следующую ночь ее заботливо держали в доме, и так как налицо были все признаки, свидетельствующие о смерти, то на следующий день девушку похоронили с пышными погребальными обрядами в почетной гробнице монастыря святого Августина, при бесконечной скорби удрученного отца, при плаче и печали родственников, друзей и вообще всех жителей Сиены.

Среди ночи преподобный монах с помощью одного товарища извлек Ганоццу, как было заранее намечено, из гробницы и перенес ее в свою келью; и, так как уже близился час, когда принятый напиток должен был прекратить свое действие, монахи, пустив в ход огонь и другие необходимые средства, с величайшим трудом вернули девушку к жизни. Придя же в сознание, Ганоцца через несколько дней, переодевшись послушником, отправилась с добрым монахом в Порто-Пизано, куда должны были зайти галеры, направлявшиеся из Аква-Морты в Александрию, и, так как все оказалось в порядке, она села на галеру. Но ввиду того что морские путешествия обычно бывают, вследствие неблагоприятных ветров или случайностей с товарами, более продолжительными, чем этого хотелось бы путешественникам, случилось так, что галера эта по разным причинам запоздала прибытием на несколько месяцев против положенного срока.

Гаргано же, брат Марьотто, исполняя полученное им от милого брата приказание, тотчас же в нескольких письмах, посланных с разными купцами, подробно оповестил несчастного Марьотто о неожиданной кончине его Ганоццы, описав ему, как ее оплакали и похоронили и как немного времени спустя ее старый любящий отец скончался от великой скорби. И злая, враждебная Фортуна оказалась более милостивой к этим вестям, чем к гонцу несчастной Ганоццы, быть может, потому, что она заготовила этим испытанным любовникам жестокую и кровавую смерть, которая их и настигла.

Именно случилось так, что посланец Ганоццы, поплывший на каравелле, отправлявшейся с зерном в Александрию, был схвачен пиратами и убит ими. Таким образом, у Марьотто не было

другого известия, кроме полученного от брата и вызвавшего полное его доверие. Как сильно он был удручен и опечален, узнав столь ужасную новость, посуди об этом сам, читатель, если ты сколько-нибудь жалостлив. Горе его было столь велико, что он твердо решил расстаться с жизнью, и ни увещевания, ни слова утешения его милого дяди не могли на него подействовать. Пролив много горьких слез, он собрался возвратиться в Сиену для того, чтобы отправиться в переодетом виде к подножью гробницы, в которой, как он думал, погребена была его Ганоцца, и там плакать до тех пор, пока не окончится его жизнь. И это в том случае, если Фортуна будет хоть однажды благосклонной к нему и его возвращение не получит огласки; а если невзначай он будет узнан, ему представлялось великим счастьем быть казненным за человекоубийство, раз уже мертва та, которую он любил больше себя самого и которая так же точно его любила.

Остановившись на этом решении, он дождался отплытия на запад венецианских галер и, не говоря ни слова своему дяде, сел на судно и с величайшей радостью устремился навстречу предназначенной ему смерти. Прибыв в скором времени в Неаполь, он направился оттуда кратчайшим сухим путем в Тоскану и вступил в Сиену, переодетый пилигримом и никем не узнанный. Поселившись здесь в одной малопосещаемой гостинице, он, не подавая о себе известий никому из своих родственников, стал отправляться в назначенные часы в церковь, где была погребена его Ганоцца, и здесь горько плакал; и если бы это было возможно, он охотно бы проник в ее гробницу, дабы навеки соединиться в смерти с этим нежнейшим телом, которым ему не дано было насладиться при жизни. И все мысли свои он направил к тому, чтобы привести это желание в исполнение. И вот, не переставая, по своему обыкновению, беспрестанно горевать и плакать, он тайком запасся кое-какими железными инструментами, и однажды вечером, спрятавшись во время вечерни в церкви, он с наступлением ночи так усердно принялся за работу, что уже приподнял крышку гробницы и собирался проникнуть внутрь. Но тут случилось, что пономарь, направляясь звонить к заутрене, заслышал шум и, желая выяснить его причину, подошел и увидел Марьотто, занятого упомянутой работой. Приняв его за вора, желающего ограбить мертвецов, пономарь изо всех сил закричал:

— Воры! Грабят!

Сбежавшиеся на его крик монахи схватили Марьотто, и, так как ворота были открыты, в монастырь сбежалось много разных мирян, которые тотчас же признали в несчастном любовнике Марьотто Миньянелли, хотя он и был одет в убогие лохмотья. Он был задержан на месте, и весть о его прибытии еще до наступления дня распространилась по всей Сиене. Когда она

достигла сената, подеста получил приказание отправиться за Марьотто и немедля совершить то, что было предписано законами и властями. Итак, Марьотто был схвачен и приведен связанным к дворцу подесты. Здесь, будучи подвергнут пытке и не желая дольше терпеть мучения, он подробно сознался в причине своего отчаянного возвращения. И хотя все до единого прониклись сочувствием к нему, в особенности женщины, которые проливали горькие слезы и, объявляя его несравненным и совершенным любовником, готовы были выкупить его собственной кровью, тем не менее в тот же день суд приговорил его к отсечению головы; и этот приговор был приведен в исполнение в назначенный срок без того, чтобы друзьям или родственникам было разрешено выкупить Марьотто.

Несчастная Ганоцца, прибыв в сопровождении упомянутого монаха через несколько месяцев и после многих разнообразных испытаний в Александрию, отправилась в дом мессера Никколо, которому она объявила свое имя и рассказала, кто она, почему приехала и все остальное, приключившееся с нею. Услышав это, мессер Никколо был столь же изумлен, как и огорчен. И после того как он ее с почетом приютил у себя, одел в женское платье и затем отпустил монаха, он поведал несчастной девушке, каким образом Марьотто, придя в отчаяние от полученного им известия, уехал, не предупредив его об этом, и как он, Никколо, оплакивает его смерть, зная, что Марьотто уехал только для того, чтобы умереть. Что скорбь, овладевшая теперь Ганоццой, поистине превзошла все горести, испытанные доселе ею и ее любовником, с этим легко согласится всякий, кто взвесит все обстоятельства этого дела. По моему же мнению, всякие слова будут здесь недостаточны. После того как Ганоцца пришла в себя и посовещалась со своим новым отцом, она после долгих обсуждений, омытых горючими слезами, решила немедленно отправиться вместе с мессером Никколо в Сиену и независимо от того, найдут ли они Марьотто живым или мертвым, пустить в ход все средства, возможные в столь тяжелом положении, чтобы восстановить свою честь. И после того как мессер Никколо наладил свои дела и снова одел Ганоццу в мужское платье, они приискали подходящее судно и, отплыв с благоприятным ветром, прибыли вскорости к берегам Тосканы. Сойдя на берег в Пьомбино, они тайно направились оттуда в имение мессера Никколо, находившееся около Сиены, и, наведя справки, узнали, что Марьотто был три дня тому назад обезглавлен.

Услышав эту ужаснейшую весть, они, хотя и были заранее уверены в таком исходе, получив достоверное подтверждение своих опасений, были оба вместе и каждый в отдельности так опечалены и удручены этим, как может представить себе всякий,

кто вникнет в характер этого горестного происшествия. Плач и стенания Ганоццы были столь ужасны, что они могли бы разжалобить мраморное сердце. Мессер Никколо старался всячески ее утешить, и после многих благоразумных и сердечных увещеваний его они решили, понеся столь великую потерю, позаботиться о чести столь знатного рода и потихоньку поместить бедную девушку в благочестивый монастырь, чтобы она могла там в печали оплакивать до конца дней свои злоключения, смерть милого возлюбленного и жалкую свою участь. Они с величайшей осторожностью привели это решение в исполнение, и Ганоцца, не сообщая о себе никому, кроме настоятельницы, стала жить в монастыре, погруженная в душевную скорбь и обливаясь кровавыми слезами, не вкушая почти никакой пищи и совершенно лишившись сил. И так, беспрестанно призывая своего Марьотто, она вскоре окончила свою жалкую жизнь.

М А З У Ч Ч О

Все эти прискорбные происшествия вызовут удвоенное сострадание у страстных женщин, нежели у мужественных мужчин; а кроме того, они решат, что любовь Ганоццы была более редкостной и пылкой и намного превышала чувство любовника. Но если при обсуждении этой истории случайно будет присутствовать кто-нибудь из тех, кто любит не безрассудно, но с должной мудростью, то он, вне всякого сомнения, докажет, что любовь несчастного Марьотто была несравненно более сильной и горячей. Потому что, хотя девушка в поисках любовника и совершила поступки воистину удивительные для женщины, она все-таки верила, что найдет его живым и еще долгое время будет предаваться с ним наслаждению; несчастный же любовник, зная, что она умерла, захотел явиться лишь затем, чтобы самому расстаться со своею жизнью, как он и сделал. Но, оставляя этот предмет для спора другим, я расскажу далее об одном очень веселом случае, о том, как один ревнивейший трактирщик, хотя он и был куда как хитрым, усадил свою жену на свою же собственную кобылу и, прельстившись выгодой, отвез ее на корабль юноши, который ее любил.



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Рагузянин Тобия наслаждается любовью с женой трактирщика из Джовенаццо и посредством тонкого обмана заставляет мужа привести ее на его корабль вместе со своей кобылой. Трактирщик возвращается домой и не находит жены. Он долго жалуется на вероломство рагузян, а затем снова женится и, забыв о потерянной первой жене, наслаждается с новоприобретенной второй.

Великолепному барону Приньяно

П О С В Я Щ Е Н И Е

Поскольку многочисленные и разнообразные неудобства мешали, а отсутствие досуга и приятного расположения духа не позволяли мне, задушевнейший мой барон, вновь взяться за отложенное было перо, я до сих пор не написал тебе обещанной новеллы, о которой тебе, как и мне, давным-давно было известно; но сладостные и нежные плоды нашей с тобой дружбы наконец-то заставили меня успокоить мой измученный ум и с немалым удовольствием приняться писать тебе нижеследующую новеллу; дабы ты хоть иногда вспоминал о моей любви и о том, что можешь и сам написать мне, и таким-то образом у нас будет возможность постоянно видеть друг друга мысленным взором, потому что, как ты знаешь, письмо обладает такой силой, что заставляет считать и полагать отсутствующих людей как бы присутствующими.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В прошлом году жил в Джовенаццо некий человек, по имени Тонто де Лео, который, должно быть желая прокормить себя

и своих близких без особого телесного труда, открыл на городской площади гостиницу. И так как у него была красивая и изящная молодая жена, по имени Лелла, то казалось, что перед его гостиницей вечно была ярмарка, вследствие целой толпы докучливых молодых людей, ухаживавших за Леллой. Хозяин же, несмотря на свой ревнивый нрав, желал показать, что хоть он и недавно открыл свою гостиницу, однако уже успел привлечь множество народа, а потому терпел эти ухаживания, иногда с удовольствием, подчас же с досадой. И вот случилось, что один любезный молодой купец из Рагузы, прозывавшийся Тобия, который объезжал морское побережье Апулии, закупая зерно для корабля, оставленного им в Монополи, прибыл в Джовенаццо; и вскоре после его приезда один из его друзей рассказал ему о красоте и прелестях упомянутой трактирщицы, прибавив, что, найдись только время да уменье, она может отлично вознаградить того, кто примется за это дело. Услышав это, Тобия отправился к нашему Тонто, чтобы снять у него комнату, движимый более желанием увидеть хозяйку, чем получить хорошую квартиру. А Тонто, думая извлечь немалую прибыль от купца, не только радостно встретил его, но и жене тоже велел оказать юноше почетный прием. Таким-то образом, близко подружившись с обоими хозяевами, наш купец в скором времени нашел в объятиях Леллы полное удовлетворение своих желаний.

И так как она обезумела от любви к рагузянину не менее, чем и он от своей любви к ней, они стали раздумывать о том, что крайняя осторожность мужа помешает им наслаждаться так, как им бы того хотелось, да и Тобии невозможно очень долго здесь оставаться. Большой оплошностью природы казалось купцу, что такая изящная молодая женщина была отдана в жены глупцу, служа ему мишенью для стрельбы в цель; а потому он решил пустить в ход всю свою хитрость, чтобы увезти ее с собою и этим одновременно удовлетворить себя самого, доставить величайшую радость Лелле и избавить Тонто от мук ревности. И вот он начал обсуждать с молодой женщиной разные способы, как бы осуществить это; они перебрали много различных путей, и хотя некоторые из них казались им разумными, однако они учли, что, не найдя жены, трактирщик будет так сильно кричать и шуметь и с помощью собственных друзей и многочисленных поклонников жены пустит в ход столько всяких средств, что так или иначе вернет себе жену обратно. И потому он задумал увезти ее способом столь же изящным и остроумным, сколь необычайным и опасным и таким путем предохранить себя от многих возможных неприятностей.

Договорившись об этом во всех подробностях с молодой

женщиной, когда уже корабль ожидал только его, чтобы сняться с якоря, он призвал к себе трактирщика и сказал ему:

— Дорогой мой Тонто, раз уж ты меня с таким почетом и лаской принял в своем доме, я считаю, что вполне могу на тебя положиться и попросить, если только будет твое согласие, оказать услугу одному моему другу, который мне не менее дорог, чем я сам. Дело в том, что я собираюсь завтра с божьей помощью уехать, так как мой корабль уже совершенно готов к отплытию. Между тем я спрятал в доме одного здешнего жителя венецианского юношу, который сильно провинился перед своими родными, вследствие чего я решил увезти его с собой на Восток, чтобы он не попал в их руки. И вот, ввиду того что этот юноша долго болел лихорадкой и так от нее ослабел, что не в состоянии ехать верхом без ущерба для своего здоровья, я и задумал, чтобы ты за щедрое вознаграждение отвез его сегодня ночью вместе со мной на твоей вьючной кобыле в Монополи; при этом он будет переодет женщиной, и лицо его будет так закрыто, чтобы он не был никем узнан, проезжая Бари, где его хорошо знают. На следующий день ты сможешь вернуться домой и, хорошо заработав, в то же время окажешь мне огромное одолжение. Однако настоятельно прошу тебя; не проронии об этом ни слова ни одному живому человеку, даже своей жене; ибо хотя она для молодой женщины весьма разумна, однако женщины по своей природе все же мало сдержанны; они никак не могут не проболтаться и рассказывают о других более того, что знают. И если случится, что им доверят какую-нибудь тайну и велят никому ее не выдавать, ими словно овладевает какое-то бешенство, пока они не откроют эту тайну, вызвав тем самым громадный скандал. Потому будь осторожен, а о твоем вознаграждении я уж сам позабочусь.

Выслушав эту весьма складную басню и рассчитав, что просимая услуга причинит ему мало труда, а выгода от нее будет велика, Тонто ответил купцу, что готов исполнить его просьбу, и попросил не беспокоиться относительно жены, ибо он, Тонто, никогда ни о чем с ней не разговаривает, кроме относящегося к стряпне. Ласково поблагодарив его, как полагается, купец щедро расплатился с ним и дал на чай его жене и слуге, как это обычно делают купцы при отъезде. А Тонто, приказав жене, чтобы она на рассвете отправилась к матери и там ожидала его прибытия, и поручив управление домом слуге, пошел спать. Тобия, которому спать вовсе не хотелось, посреди ночи крикнул Тонто, чтобы тот запрягал кобылу, заявив, что уже хочет выезжать. Тот быстро поднялся, приготовил лошадь, запер дверь, ведущую к жене, и, передав слуге ключ, сказал ему, чтобы все было сделано, как он приказал, и, попрощавшись, пошел к Тобии

и спросил его, что делать дальше. Тот, в это время уже усевшись на лошадь, сказал ему:

— Ты выйдешь за городские ворота с кобылой, а я поеду за юношей и, посадив его на круп своей лошади, привезу его к воротам.

Тонто ответил:

— Да будет так, во имя божье,— и направился к воротам.

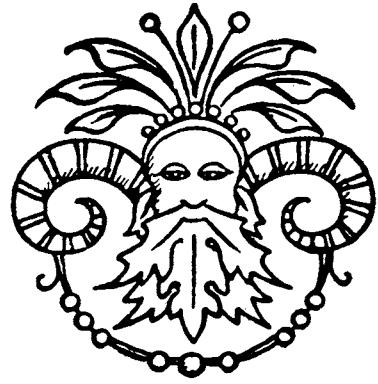
Тобия же, покружив немного, вернулся к гостинице и, разыскав трактирного слугу, который, озябший и сонный, сидел около убогого очага, сказал ему, что забыл мешок у изголовья постели. На что тот с трудом ответил ему спросонья, что пойдет искать его. Тогда Тобия поднялся наверх и, тихонько отворив дверь к Лелле при помощи приготовленной для этой цели отмычки, тотчас же одел молодую женщину в припасенные для того тряпки, нахлобучил на нее капюшон и, придав ей такой вид, что ни один человек в мире не мог бы ее узнать, усадил ее на лошадь и отправился туда, где его с нетерпением поджидал Тонто. Там они вдвоем усадили Леллу на кобылу и хорошо ее укрепили на вьючном седле, причем она притворилась настолько ослабевшей, что будто бы не в силах была прямо держаться в седле. С таким искусным обманом они двинулись в путь. Когда они проезжали через Бари, некоторые ротозеи принялись спрашивать у Тонто, кто он такой и куда он везет женщину. На что Тонто, будучи большим шутником и желая получше услужить другу, отвечал:

— Это моя жена, а везу я ее для заработка в Таранто.

Такими-то и тому подобными, еще более сильными шутками он отвечал, когда его спрашивали, забавляясь в течение всего пути. По прибытии же в Монополи они нашли корабль с поднятым уже якорем, ибо команда, готовая к отплытию, ждала только рагузянина. Купец наградил Тонто, и тот, без конца благодаря его за щедрость и любезность, подобно тому как он довез жену до самого берега моря, столь же любезно и вежливо захотел усадить ее на корабль, стараясь всячески услужить и угодить рагузянину. Наконец они сердечно распрощались, корабль распустил паруса, и Тонто, славно заработав, весело сел на лошадь (ибо туда он шел пешком) и возвратился домой. Здесь он узнал, что жена его переменила квартиру и хозяина. Немного поздно поумнев, Тонто сообразил, как все произошло на деле, и, бессильный помочь своему горю, он долго оплакивал свою жену. Впоследствии, однако, он снова женился, но принес торжественный обет, что никогда уже более в своей жизни не даст у себя пристанища ни одному рагузянину. Пока он таким образом предохранял себя от вторичной беды, Тобия и Лелла наслаждались своей добычей.

М А З У Ч Ч О

О сообразительности жителя Рагузы мы можем судить по действительно редкостному и замечательному обману, что учинил он трактирщику; а поскольку он был безумно влюблен, то в значительной мере можно воздать хвалу и любви, которая, каждодневно обнаруживая свои возможности и силу, показывает нам, что она имеет власть не только над человеческими чувствами, но ее воздействие простирается даже на неприрученных и диких зверей; воздействие ее было бы сладчайшим, если бы она неожиданно не подмешивала к своей сладости сильнейшей горечи, так что полученные удовольствия оборачиваются иногда для бедных любовников обоюдной и самой жестокой смертью, достоверное свидетельство чему не заставит себя ждать.







НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Эуджения, забеременев от одного воина, опасается братьев и притворяется заболевшей и умершей от чумы. Любовник везет ее, переодетую мальчиком, в Ломбардию. На них нападают враги; любовник убит, а Эуджения лишает себя жизни над его трупом.

Досточтимому мессеру Франческо Бандини, знатному флорентийцу

П О С В Я Щ Е Н И Е



яжела та ноша, добродетельнейший мессер Франческо, которую ты возложил на мои слабые плечи, сообщая мне с самого первого дня, как я тебя узнал, и до настоящего времени с немалой милостью плоды твоих изящнейших размышлений; я же не нахожу в себе ни сил, ни способностей, чтобы хоть как-нибудь суметь ответить на такое благодеяние. Однако, чтобы не быть навечно вписанным в книгу неблагодарных, я искал в моих скудных сбережениях и нашел новый вид монеты без чекана и отлитой из фальшивого металла, которую я посылаю тебе теперь в обмен на твою, столь совершенную и изрядно послужившую мне в моих скромных нуждах; и если ты получишь от нее хоть какую-нибудь пользу, то прими ее в знак моей величайшей признательности тебе. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Немного времени тому назад в славном и воинственном городе Перуджии жил благородный храбрый воин, весьма доблестный, красивый и смелый, по имени Вирджинио де Бальони.

Воин этот в течение долгого времени был несчастливо влюблен в одну красивейшую и прелестную девушку из очень хорошей семьи, прозывавшуюся Эуджением, которая чем дальше, тем все более делалась жестокой к нему. И вот случилось, что однажды Вирджинио весьма отличился на одном выдающемся турнире, выделившись среди многих доблестных мужей, и это побудило его возлюбленную Эуджению сломить лед своего сурового сердца, причем она не только решила ответить ему взаимностью, но настолько сильно его полюбила, что ее новая страсть во много раз превзошла прежнюю и нынешнюю любовь к ней Вирджинио. И после того как она осторожно и ласково открыла ему это, произошло то, что обычно случается с молодыми людьми, желания которых сходятся. И хотя она была еще девушкой и весьма бдительно охранялась своими братьями, однако она оказалась настолько предприимчивой, что сумела, к их великому обоюдному удовольствию, принести ему в дар цветок своей девственности, и они долгое время наслаждались полным счастьем, не испытывая беспокойства от зловредных противных ветров.

Но так как причуды и непостоянство завистливой Фортуны велики и ужасны, как это испытали на себе те несчастные, которых она приводила от высшего блаженства к крайней нужде, случилось, что над Перуджией разразилась чума как раз в то время, когда бедняжка Эуджения забеременела от своего Вирджинио, и хотя она применяла много средств, сначала чтобы не забеременеть, а затем чтобы избавиться от беременности, однако ни одно из этих средств ей не помогло, и теперь каждый из них готов был умереть от отчаяния. Но особенно заставляло страдать девушку то, что ей приходилось бежать с братьями от чумы, удалившись в такие места, где она не могла бы получить никакой помощи от разных старушек, которые обычно успешно помогают в подобных затруднениях, и спастись от заслуженной смерти, которую она, впрочем, ставила ни во что по сравнению с невозможностью увидеть перед смертью возлюбленного. Убедившись, что братья окончательно решили уехать, она задумала по собственному разумению принять необходимые меры против опасности и смерти; и, предупредив об этом Вирджинио, она в ночь накануне того дня, когда ее братья собирались выехать в деревню, притворилась, что заразилась от чумных нарывов; братья, услышав об этом, тотчас же поверили и так испугались за свою жизнь, что им показалось, будто они уже поражены насмерть копьем заразы. Они немедленно бежали в деревню, оставив дома старого слугу, которому поручили заботу о сестре как при жизни, так и после ее смерти.

Видя, что ее замысел удался, Эуджения принялась всячески убеждать и обольщать старика, которому ее оставили на

попечение, и в конце концов при помощи денег совратила его, уговорив делать и говорить то, что ей было нужно. Она послала его за своим Вирджинио, который тотчас же к ней тайно явился, и они с великим удовольствием вместе обсудили принятые уже меры и то, что еще надлежало предпринять, чтобы довести дело до конца, ибо они опасались, что их выдумка с болезнью не удастся. Старик же, распустив слух, что Эуджения, будучи оставлена братьями больной, умерла, соорудил из тряпок подобие человеческой фигуры, и этот мнимый труп был погребен в одной близлежащей церкви при небольшом стечении народа и малом числе свечей, ибо болезнь большего и не допускала. А Вирджинио, переодев свою возлюбленную юным оруженосцем, отправился с нею в Читтá ди Кастелло, куда он предварительно отослал своих слуг с лошадьми. И после того как она здесь в надлежащий срок тайно родила красивейшего мальчика, их злополучной судьбе, начинавшей уже им грозить всяческими дурными предзнаменованиями, было угодно, чтобы через несколько дней испытанная ими радость закончилась величайшим горем, ибо новорожденный сын их умер. Тем не менее, призвав на помощь все свое благоразумие и немного успокоившись, они решили, как уже раньше ими было задумано, что Вирджинио поступит на службу наемником в венецианские войска. Итак, приобретя все необходимое для этого дела, он вместе со своим необычайным пажом сел на коня и направился со своим обозом в Ломбардию, намереваясь до конца жизни возить с собою в качестве пажа переодетую женщину. И после того как они отчасти с радостью, отчасти с сожалением покинули Тоскану, проехали Романью и однажды поздно вечером достигли окрестностей Брешии, небу и злополучной судьбе их было угодно, чтобы, в то время как несчастные любовники ехали радостные, считая себя вне всякой опасности, они наткнулись на кавалерийский отряд, бежавший из лагеря венецианского сената и направлявшийся в войска герцога миланского.

Увидев воина, так хорошо снабженного лошадьми, оружием, слугами и обозом, перебежчики решили его ограбить, и начальник отряда приказал своим солдатам напасть на него. Эти последние, не дожидаясь повторения приказа, накинулись на спутников Вирджинио и принялись убивать их, отнимать лошадей и расхищать обоз и прочее имущество. Тут они заметили прелестнейшего пажа, похожего на майскую розу, и, вместо того чтобы сбросить его с седла, схватили его лошадь под уздцы, желая увести его с собою. Несчастный Вирджинио до сих пор в смертельной тоске терпел все это, ибо, хотя не раз хотелось ему броситься на обидчиков, он сознавал, что бесполезно бороться со

столькими воинами, рискуя потерять при этом не только имущество, но и жизнь; и, мало ценя все остальное, он надеялся сохранить хотя бы возлюбленную. Но теперь, видя ее отторгнутой от себя, он, будучи смел от природы, преисполнился еще большего мужества вследствие своей печали и любви и решил умереть так, как подобает доблестному рыцарю. И, будучи защищен только латами на руках и нижней части тела, он вооружился мечом и смело бросился на грабителей, смертельно ранив того из них, который держал лошадь Эуджении за поводья, и нанося удары направо и налево, подобно свирепому льву, настигшему жалких овец. Начальник отряда, взиравший на это с большой досадой, воспылал великим гневом и, весь дрожа от ярости при мысли, что один человек избивает стольких солдат, приказал двум своим ближайшим слугам тотчас же убить его. Те, вооружившись копьями, бросились оба на него сзади и несколькими ударами ранили его насмерть. Один из них направил ему копье в бок и, яростно пришпорив лошадь, с такой силой вонзил его, что оно вышло более чем на пядь из его груди; другой же убил под Вирджинио лошадь, так что тот замертво свалился на землю.

Удрученная и несчастная Эуджения, увидев, что ее дорогой возлюбленный умер, решила тоже умереть, чтобы удовлетворить их взаимную и свою собственную любовь, а также потому, что она не желала, чтобы другой мужчина когда-либо обладал ее нежным телом, которое так любил Вирджинио. Не отступая от принятого решения, она тотчас же порывисто бросилась с лошади на землю и, словно желая со слезами обнять господина, поспешно, чтобы враги не помешали ее намерению, приникла своей белой и нежной грудью к острию копья, выступавшему из тела бедного любовника и, без малейшего страха навалившись на него, пронзила им свое хрупкое тело. И, обняв возлюбленного, который был еще жив, она произнесла, крепко прижимая его к себе:

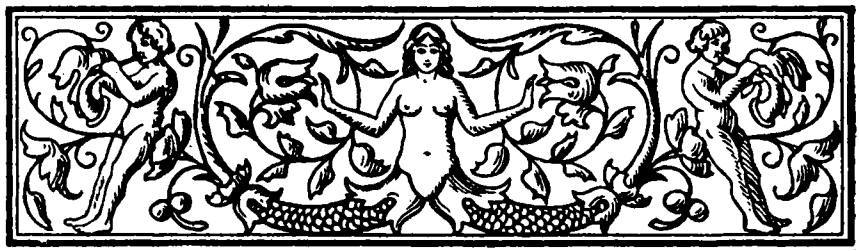
— Ах, сладчайший господин мой, вот я, из-за которой ты вопреки всякой справедливости принял жестокую насильственную смерть, я добровольно пришла, желая бесстрашно сопутствовать тебе в этом последнем крушении, дабы никогда твоя Эуджения не подпала под власть другого мужчины. И, умирая, я заклинаю тебя тою любовью, которая при жизни одинаково владела нами обоими, тою любовью, из-за которой наши души будут вечно обретаться в другом мире: сделай так, чтобы наши души отправились вместе в последний путь, дабы вот так, обнявшись и соединившись, они могли воистину свидетельствовать о нашей вечной и неразрывной любви в жизни и смерти.

И с такими и другими, столь же нежными словами они

в страстном лобзании оба одновременно расстались с этой жизнью. И эти бедные тела остались там непогребенными, и их обнаженные кости долго являли потомкам очевидное свидетельство их кровавой смерти.

М А З У Ч Ч. О

Переменчивой и лишенной самого малейшего постоянства можно назвать, и это не новость, нашу госпожу Фортуну, восстанавливая в памяти удачные и совершенно неудачные случаи, о которых уже рассказывалось, и те, о которых еще предстоит рассказать; и конечно, нельзя без величайшего сострадания ни читать, ни слушать о несчастиях влюбленных перуджинцев. Но, предоставляя сострадать пылким любовникам, следуя заведенному порядку, я расскажу теперь об одном необычном и веселом случае или уж скорее мучительнейшем происшествии, приключившемся с двумя большими друзьями, тем более интересном, что грубые и необразованные люди сумели уладить дело мирно и полюбовно.



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

По странной и тягостной случайности каждый из двух добрых друзей находится в любовной связи с женой другого. Они оба узнают об этом и, не желая разрушить свою дружбу, делят между собою жен и другие блага и вместе наслаждаются миром и спокойствием.

Великолепному мессеру Уголотто Фачино, достойнейшему оратору светлейшего герцога Феррарского

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если бы сетования по поводу моей злой судьбы, великолепный мессер Уголотто, оказывали бы хоть какую-нибудь пользу в моей постоянной нужде, то я бы каждодневно сокрушался о ней перед нею самой, ведь, вспоминая многочисленные почести, которые ты мне оказывал, твое щедрое и искреннее гостеприимство, доблестный мой рыцарь, я не вижу в себе ни малейшей возможности хоть как-то отплатить за них; однако, побуждаемый такой необходимостью, я решил прибегнуть к не очень вкусным травкам из моего неухоженного сада и, составив из них настоящий салат, посылаю его тебе, о образец высокого красноречия. И умоляю тебя попробовать его, не ожидая от меня никакого другого, более роскошного ужина, с тем чтобы, получив от него некоторое удовольствие, ты мог бы вспомянуть иногда твоего Мазуччо, где бы ты в это время ни находился.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Неподалеку от нашей страны находится одна малоизвестная и малопосещаемая местность, населенная простым и непросве-

щенным народом. И вот, в недавние времена там жило двое молодых людей, один — мельник, по имени Аугустино, другой — сапожник, прозывавшийся Петруччо. Между ними с детских лет завязалась такая дружба и товарищество, какие были когда-либо виданы между истинными друзьями. И так как у обоих были очень молодые и красивые жены, то между последними тоже установилась столь сильная близость и привязанность, что они почти никогда не разлучались. И в то время как эта любовь постоянно совершенствовалась, случилось, что сапожнику, хотя он и обладал красавицей женой, еще более приглянулась жена его друга, быть может, потому, что он хотел внести разнообразие в свою пищу. И однажды, когда ему удалось поподробнее, чем обычно, поговорить с нею, он надлежащим образом открыл ей свою любовь и свое желание. Услышав такую просьбу, Катарина (так звали мельничиху), хотя это было ей скорее приятно, удалилась от него в возмущении, ничего не ответив, и, как только встретилась с Сальваджой, женой сапожника, тотчас же рассказала ей, что Петруччо вызывал ее на любовный поединок. Сапожница выслушала ее с большим смущением, однако вскоре овладела собой и тотчас же решила отомстить мужу, не нарушая в то же время своей давнишней дружбы с мельничихой; и, горячо поблагодарив свою дорогую подругу, она уговорила ее пообещать ее мужу, что в одну из ближайших ночей она будет поджидать его в своей постели, на самом же деле в постель вместо нее ляжет Сальваджа, и они славно позабавятся.

Мельничиха, желая угодить подруге, обещала это исполнить. И когда через несколько дней Петруччо, встретившись с Катариной, снова сделал ей такое же предложение с еще большей настойчивостью, чем ранее, она, желая привести в исполнение задуманный план, после нескольких не очень горячих отговорок сделала вид, что подчиняется его желанию, и, так как им надлежало обсудить, где, когда и как они встретятся, молодая женщина сказала ему:

— Единственная возможность свидеться с тобой — это тогда, когда мой муж бывает ночью занят на мельнице; в это время я смогу принять тебя в моей постели.

Петруччо радостно ответил:

— Я только что с мельницы, и там так много зерна, что пройдут две трети ночи, пока оно перемелется.

Тогда она сказала:

— Да будет так, во имя бога. Приходи между двумя и тремя часами ночи. Я буду тебя ждать и оставлю дверь открытой, как это обычно делаю для моего мужа; ты же, не говоря ни слова, иди ко мне на постель. Но скажи мне, как же ты оставишь свою жену, которой я боюсь больше смерти?

Он ответил:

— Мне только что пришло в голову занять осла у кума-священника, и я скажу жене, что собираюсь отправиться за город.

Она сказала:

— Это мне очень нравится.

Закончив этот разговор, Петруччо отправился на мельницу, дабы удостовериться, что друг его занят, а за это время Катарина подробно осведомила подругу о том, о чем она договорилась с ее мужем. Застав мельника за его обычным занятием, Петруччо вернулся домой и, прикинувшись больным, сказал жене, что хочет сейчас же ехать в Поликастро, чтобы купить себе лекарство в тамошней аптеке. Жена, отлично зная, куда он собрался ехать, сказала ему:

— Поезжай с богом!

А про себя весело подумала: «На этот раз ты купишь свое, а не чужое лекарство».

Петруччо сделал вид, что уехал, спрятался на краю деревни и стал поджидать там условленного часа. С наступлением ночи Катарина отправилась в дом Сальваджи и, согласно уговору между ними, осталась там, а Сальваджа пошла в дом Катарины и, легши в постель, стала с удовольствием поджидать мужа на желанный поединок, придумывая уже, что она ему скажет напоследок. Когда настало время, Петруччо направился медленным шагом к дому приятеля и уже собирался войти, как вдруг услышал, что мельник возвращается домой; дело в том, что мельница неожиданно испортилась, так что в эту ночь нельзя было выполнить никакой работы. Вследствие этого Петруччо, встревоженный и недовольный, незаметно для всех отправился к себе домой, приговаривая про себя: «Что не удалось сегодня, удастся в другой раз». Но чтобы не провести на дворе целую ночь, он принялся сначала потихоньку, а потом и погромче стучать в дверь и звать жену, чтобы она ему отворила.

Катарина, узнав его по голосу, не только не открыла ему дверь, но, ничего не отвечая, смирно лежала, чтобы он не заметил обмана. Тогда он, несколько смущенный, так нажал на дверь, что отворил ее, а войдя, направился прямо к кровати. Видя, что женщина притворяется крепко спящей, он растолкал ее, разбудил и, думая, что это его жена, стал сочинять басни о том, почему он остался, и, раздевшись, лег рядом с ней. И так как он совсем приготовился к ожидаемому поединку, то решил, что раз ему не удалось вспахать чужое поле, то остается засеять свое собственное, и потому в полной уверенности, что рядом с ним находится его Сальваджа, он заключил в свои объятия Катарину и совершил с ней изрядную пляску. Бедняжка же охотно и терпеливо вынесла все это, желая оставить его при убеждении, что она его жена.

Тем временем мельник, придя домой и чувствуя себя слабым и утомленным, направился к кровати и молча на ней растянулся. Но Сальваджа, будучи уверена, что это ее муж, ласково обняла его, тоже не произнося ни слова. Прождав некоторое время и не слыша от любовника никакого боевого сигнала, она, чтобы не оказаться обманутой и одураченной, начала его подталкивать. Мельник, полагая, что находится с женой, и чувствуя, что она кусает его и заигрывает с ним, вынужден был приняться за работу и, хотя ему гораздо более хотелось спать, чем сражаться, все же с места в карьер полил воду на чужую мельницу. И когда, по мнению сапожницы, настало время дать выход накопившейся в ней обиде, она прервала молчание и принялась отчитывать любовника:

— Ах ты изменник, подлая собака! Кого, по-твоему, ты держишь в своих объятиях? Не жену ли столь дорогого тебе друга? Думая, что ты обрабатываешь его пашню, ты, видно из дружбы к нему, особенно постарался и показал себя молодцом. А дома у тебя не хватает заряду, а? Но, слава богу, на этот раз твое намерение не удалось; я же позабочусь наказать тебя за твой поступок.

Такими-то и еще худшими словами она поносила его, приставая к нему, чтобы он ответил. Бедняга-мельник совсем онемел при таком повороте дела; однако, слыша речь женщины, он признал в ней жену своего дорогого товарища и вполне уразумел, как все произошло, вследствие чего испытанное им удовольствие тотчас же сменилось печалью. Продолжая по-прежнему молчать, он повернул к ней спину и, хотя еще не светало, быстро отправился туда, где, как думал он, находится его жена. Здесь он крикнул товарищу, чтобы тот вышел к нему по важному делу, и, когда тот, сильно встревоженный, вышел, сказал ему:

— Братец, по твоей вине мы оба потерпели ущерб и срам и столкнулись в таком деле, о котором приличнее молчать, чем говорить. Но давай не будем ссориться.

И с величайшей досадой он рассказал ему по порядку, как все произошло, прибавив, что, по его мнению, если Фортуна благоприятствовала хитрости и лукавству их жен, они сами не должны все же становиться врагами друг другу и ослаблять свою долголетнюю дружбу. И то, что теперь произошло вследствие обмана, пускай впредь во исправление прошлой досадной ошибки будет принято с общего согласия и для удовольствия всех четырех; и подобно тому как прежде они сделали общим все свое имущество, так впредь они поделят между собою жен.

Петруччо, поняв из приятных заключительных слов своего милого друга, что наслаждался с той женщиной, которую так сильно любил, и видя, что дело закончилось мирно и благополуч-

но, рассудил, что ему гораздо важнее сохранить друга, которого он мог легко потерять из-за своей ошибки, чем честь (каковую ныне, как можно ясно видеть, не только продают, подобно малоценной вещи, но даже обменивают как самый дешевый товар), и потому добродушно заявил, что согласен на то, что придумано мельником для их общего удобства, вечного мира и спокойствия. Не сходя с места, он позвал Катарину, которая одна не была обмануˊта, и приказал ей тотчас же позвать Сальваджу. Когда все собрались, он сообщил о том, что произошло между ними вследствие обмана, а также и то, к чему они пришли ради святого единения в мире и спокойствии; и это было принято всеми по разным причинам. И с того времени между ними не наблюдалось никаких раздоров ни из-за жен, ни по каким-либо иным причинам. И дело шло так, что только дети их знали собственных матерей.

М А З У Ч Ч О

Многие будут насмехаться над описанными здесь поступками двух близких друзей, которые предпочли дружбу чести того и другого; но я подозреваю, если только, конечно, небеса не внесут каких-либо изменений в общий порядок вещей, что честь эта, что сегодня ценится и превозносится лишь добродетельными людьми, в конце концов будет не только подвергаться поруганию и всеобщему презрению, но и вообще будет изгнана в вечную ссылку даже из самых отдаленных уголков земли. Но, оставляя эти хлопоты потомству, я скажу, что если бы с союза, заключенного грубыми и невежественными друзьями, стали бы брать пример два других благороднейших приятеля, влюбившиеся в одну благородную девушку, о которых я собираюсь далее написать, то не последовало бы стольких сражений и смертей, о чем и будет с удовольствием сейчас рассказано.



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Два приятеля, воины Маркетто и Ланцилао, влюбляются в одну и ту же даму; они бьются друг с другом и оба умирают; девушка с горя тоже лишает себя жизни; их оплакивают при всеобщей скорби, и всех троих погребают в одной могиле.

Моему прекраснейшему Ариете

П О С В Я Щ Е Н И Е

Побуждаемый узами подлинной дружбы, мой прекраснейший Ариете, я захотел вспомнить о ней в разлуке с тобой как о ничем не омраченной и послать тебе, единственному другу, настоящую новеллу; и хотя ее конец будет суровым и кровавым, ты все-таки узнаешь в твоем юном возрасте, сколь беспорядочна и чрезмерна бывает сила любви, дабы в более зрелые годы ты сумел, если сможешь, с осторожностью уберечься от этих мучительных оков. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В те времена, когда непобедимый и славнейший синьор граф Франческо Сфорца не был еще герцогом Миланским и господствовал над Анконской маркой, в его блестящей свите состояли два воина, из которых одного звали Маркетто да Фаэнца, а другого — Ланцилао да Верчелли, оба удивительно смелые и мужественные юноши, доблестные, изящные и на редкость хорошо сложенные. Ввиду того что они были воспитаны в одном и том же обществе, между ними завязалась столь сильная и постоянная дружба, что они, как это принято у солдат, побратались друг

с другом на жизнь и на смерть, ибо исключительно сильно любили друг друга; и они не только сделали общим оружие, лошадей и все остальное свое имущество, но каждому из них казалось, что душа друга соединена в его теле с его собственной душой. И в таком счастливейшем состоянии они пребывали много лет, непрестанно приумножая свою честь, славу и имущество, и союз их был основан на такой взаимной любви и преданности, что ни поиски общественного положения, ни стремление к богатству, ни жажда славы или известности не были бы в силах хоть сколько-нибудь нарушить это прочное содружество и братство, если бы наша общая повелительница Фортуна не открыла к ним доступ жестокой и злокозненной любви, которая, влив в сердца их свой необычайный и ужаснейший яд и раскалив их обоих одним и тем же пламенем, одолела и сокрушила все другие преграды.

Итак, в то время как они находились ради военных упражнений в городе Фано, случилось, что синьор Малатеста устроил турнир в Аримини, на который отправилось много разных воинов, в том числе и два этих названых брата, Маркетто и Ланцилао, лучше всех других снабженные конями, латами и оруженосцами. И, начав состязания вместе с некоторым числом других воинов, наши два приятеля повели себя столь мужественно, что все остальные воины выбыли из строя, одни — побежденные, другие — усталые от боя, так что в конце концов остались только эти двое. Не желая сражаться друг с другом, они прекратили бой, причем каждый их них уступал честь другому; но так как выяснилось, что Маркетто сломал несколько больше копий, чем Ланцилао, то ему был вручен почетный приз, к великой радости и гордости обоих приятелей. И вот случилось, что, отправившись на пиршество во дворец синьора Малатеста, оба упомянутых приятеля во время бала влюбились в одну и ту же молоденькую девушку, весьма красивую и изящную, дочь одного видного местного рыцаря, и каждый из них, не зная о чувстве другого, стал ухаживать за нею. Девушка, которую звали Ипполитой, видя, что они оба одного возраста, одинаково красивы и воспитанны и вообще во всем равны один другому, никак не могла решить, которому из них отдать свое сердце, и после некоторого колебания рассудила одинаково полюбить обоих; и так, втайне обнадеживая то одного, то другого, она обоих радовала своей благосклонностью.

Когда праздник кончился, к великой печали обоих новых влюбленных, плененных и связанных тем, от чьих стрел невозможно укрыться никаким способом, оба приятеля возвратились домой. Тут Маркетто заговорил первый:

— Брат, я отправлялся на турнир, чтобы добиться приза,

а потерял свободу, ибо я так сильно воспламенился любовью к одной девушке, которую на горе себе встретил на сегодняшнем празднестве, что не могу теперь найти себе покоя.

Ланцилао ответил ему с не менее страстным вздохом:

— Увы, брат, подобные же узы связали и меня сегодня с другой девушкой, прекраснейшей на свете.

Тогда Маркетто заметил:

— Я этому не удивляюсь, ибо с первого мгновения нашего знакомства наши желания так во всем сходились, что и теперь, видно, судьба принуждает нас сопутствовать друг к другу в любви, и это должно быть нам тем более дорого, что каждый из нас, видя мучения другого, будет ему вдвойне сочувствовать. Однако не могу не сказать тебе, что если твоя возлюбленная превзойдет красотою мою, то ее по справедливости надо будет признать единственной в мире.

Ланцилао добродушно ответил ему:

— Завтра, посмотрев на ту и другую, ты рассудишь.

На следующий день празднество возобновилось и двое милых друзей с особенной радостью отправились туда вместе с другими приглашенными. Будучи всеми встречены с почетом и лаской, они увидели свою возлюбленную в обществе других дам и уже собрались возобновить свои ухаживания; но сначала Маркетто, взяв за руку приятеля, скромно указал ему на даму, на которую в то же мгновение хотел указать ему Ланцилао. Увидев это и поняв, что любовь в одном и том же огне сжигает их обоих, Ланцилао почувствовал глубокую боль в своем влюбленном сердце и, обратясь к другу, сказал чуть не плача:

— Маркетто, эта девушка — та, о которой я тебе так пылко рассказывал, и потому, если ты хочешь сделать мне величайшее одолжение, прошу тебя, откажись от этого предприятия, так как сомнительно, чтобы двое сразу одержали победу над нею; я же думаю ее одержать несомненно, ибо убедился, что она любит меня пылко и страстно.

Маркетто, несколько задетый этими словами, ответил:

— Я не мог даже представить себе, чтобы ты, при наличии глубокой взаимной любви между нами, мог хотя бы замыслить, не то что сделать мне столь неприличное предложение. Ведь вчера вечером я сказал тебе, что эта девушка отняла у меня сердце и свободу,— иными словами, отказ от ее любви равносилен для меня смерти; значит, ты желаешь смерти своего дорогого друга и брата. И хотя я не сомневаюсь, что она тебя любит, однако можешь быть уверен, что она, увидев, как доблестно я сражался, настолько обратила свои мысли в мою сторону, что любит меня более самой себя и будет любить всегда, как это впоследствии ясно обнаружится.

Ланцилао, слушавший его с неудовольствием, был крайне смущен его последними словами и ответил на них так:

— Если ты полагаешь, что приобрел ее благосклонность, хорошо сражаясь, то я не мог потерять ее по той же причине, ибо, как тебе известно, я сражался так же хорошо, как и ты, и только из великодушия согласился, чтобы ты получил почетный приз, не делая разницы между тобой и мной. И не сомневайся, что, будучи менее уставшим, чем ты, я одержал бы победу, если бы турнир продолжался далее. Это ясно всякому, в том числе и твоей даме.

Разгоряченный этим замечанием, Маркетто ответил:

— Утверждая, что я получил приз лишь благодаря твоему великодушию, ты говоришь неправду, ибо я весьма долго сражался лучше тебя и всех других и был награжден по заслугам; и благодари бога, что ты не выступил против меня, ибо я присоединил бы тебя к числу тех, которых я победил до тебя.

Тогда Ланцилао, весь дрожа от ярости, воскликнул:

— Словесный спор я считаю искусством трусов, и так как я хорошо обдумал то, что собираюсь сделать, то еще раз повторяю тебе: ты должен отказаться либо от любви к ней, либо от нашей дружбы; и если ты все же предпочтешь любить ее, то мы с мечами в руках померимся силами и покажем друг другу, кто из нас любит сильнее или кого она будет больше любить.

Маркетто ответил:

— Я не ждал от тебя другого ответа, и потому — будь готов, ибо я в самом скором времени сообщу тебе, как, когда и где мы с тобою встретимся.

И, удалившись в сильнейшем гневе, он посвятил в это дело несколько воинов, объяснив им причину случившегося; и так как его товарищ поступил так же, то через несколько часов весь Аримини был осведомлен о происшествии. И хотя князь и другие наемные воины и рыцари настойчиво пытались примирить их, оба любовника пылали таким гневом, что вызвали друг друга на конный бой за городом и, назначив его на следующее утро, стали готовиться к нему. Отец девушки, узнав об этом деле и видя, что они оба прекрасны, доблестны и богаты, сразу решил отдать дочь в жены вместе с значительной частью своего имущества тому из них, кто выйдет победителем из боя; и в присутствии многих господ и дам, а также своей дочери он известил обоих влюбленных о своем решении. И это решение не только было им приятно, но так подзадорило их к бою, что они окончательно о нем договорились. А Ипполита, которая, как сказано, одинаково их любила и понимала, что любовь и победа одного из них связана с гибелью другого, с невыносимой тоской ожидала, чем все это кончится. Когда настало утро, оба прибыли разными дорогами на место в сопровождении

нескольких воинов, на прекрасных конях и надлежащим образом вооруженные всем необходимым для столь тяжкого дела. Трубы возвестили начало жестокого поединка, и всем присутствующим было приказано стоять смирно под страхом сурового наказания. И когда прозвучал последний сигнал к жестокому бою, оба они, отпустив лошадей, ринулись друг на друга. Маркетто, приподнявшись на стременах, ударил товарища в глазницу шлема так, что обломок копья с железным наконечником вонзился внутрь и прошел через голову Ланцилао, который свалился на землю мертвым. А Ланцилао, напротив, держался низко, намереваясь сначала убить лошадь товарища, чтобы затем легко победить его, нанеся удар, когда он будет на земле; потому он ранил лошадь Маркетто в грудь таким образом, что она, бешено кружась, подобно пораженному быку, упала на землю. И так жестока была участь бедного Маркетто, что, в то время как лошадь кружилась, у него выскочил из ножен меч и рукоять его уперлась в землю, а лезвие протянулось вдоль спины лошади так, что, когда Маркетто падал, случилась вещь почти небывалая: острие меча вонзилось промеж колец его панциря, и так как он во время стремительного падения надавил на него, то оно вошло в его несчастное тело до самой рукояти, вследствие чего он умер тут же на месте, не успев вымолвить ни одного слова.

Присутствующие, кинувшись к обоим воинам, извлекли их из-под коней и, сняв с них оружие, убедились, что оба, как мы уже сказали, были мертвы, после чего все стали плакать, обвиняя бога и судьбу в этом горестном и жестоком происшествии. Ипполита, смотревшая на бой вместе с другими дамами с городской стены, готовая выкупить собственной жизнью смерть каждого из своих поклонников, услышав, что оба они уже скончались, была охвачена глубокой скорбью и внезапно приняла твердое решение расстаться с жизнью; и, вполне приготовившись к этому, она воскликнула:

— Ах, Ипполита, сколь жалка и несчастна твоя жизнь! До какого ужаса довела тебя твоя злая судьба! Для одной тебя настал черный день, ибо произошла свирепая битва, свершилось двойное убийство, закончилась эта долгая дружба, товарищество и братство! Ах, злосчастные мои влюбленные, разлучены ваши благородные тела, погиб цвет добродетели и доблести, с горькой смертью угасли ваша красота и ваше благородное изящество без того, чтобы та, которую вы единственно любили и которая точно так же по заслугам любила вас, могла наградить вас хотя бы одним объятием! Да будет проклят тот час, когда я родилась, вместе с моей хваленой красотой, которая должна была стать причиной вашей смерти! Огорченная и опечаленная, я не сомнева-

юсь, что разделенные души влюбленных блуждают по этому полушарию нашему, поджидая мою душу, чтобы она, сопутствуя им на том свете, дала там подлинное свидетельство того, кто из них был более любим мною; и я, желая отчасти удовлетворить столь законное и честное желание, тотчас же охотно пошлю ее к ним.

И, сказав это, она улучила минуту, когда другие женщины не могли ей преградить дорогу, и бросилась головой вниз с высоты той стены, на которой находилась; и, едва коснувшись земли, она не только сломала себе шею, но раздробила почти все свои нежные члены. Услышав о столь ужасном происшествии, народ бросился к ней и увидел, что благородная девушка мертва. Узнав причину ее смерти, каждый проникся новой скорбью и с горькими слезами жаловался на столько жестоких бед. Когда же кровавая новость дошла до старика отца, его горе было исключительным и беспрерывным, так как Ипполита была его единственной и горячо любимой дочерью. Долго пришлось бы рассказывать, какие обильные слезы и жалобы вызвало это событие как у знатных синьоров, так и у простого народа, как у горожан, так и у иностранцев. По приказанию князя, тела несчастных любовников вместе с телом их дамы, помещенным между ними, были погребены в мраморной, достойной гробнице и на ней была обозначена в памятной надписи причина их смерти.

М А З У Ч Ч О

Воистину жестокими и дикими были происшествия, случившиеся с влюбленными, о чем я рассказывал, и завершились они жесточайшим образом, ведь влюбленным при жизни не было дано отведать ни цветка, ни листика, ни плода. Но я убежден, что их души в конце концов испытали некоторое облегчение, ибо они вместе и навечно оставляли их тела. А поскольку по отношению ко всем троим можно испытывать лишь величайшее сострадание, то я, будучи обязанным продолжать повествовать и далее все с тем же и даже еще большим удовольствием, то я оставлю спор о них другим, сам же хотел бы вспомнить лишь о Маркетто, а потому я собираюсь описать веселое происшествие, приключившееся с другим Марко, на этот раз рыбаком, который сам привез в своей лодке одного благородного венецианца понаслаждаться со своей женой; и как это все забавно получилось, сейчас и увидим.

* * *



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Антонио Моро, влюбленный в жену одного рыбака, обманным способом заставляет его отвезти себя, чтобы насладиться с нею. Он везет ее с собою в лодке и заставляет мужа, не узнавшего ее, насладиться с нею. Тот платит за это обедом. Истина раскрывается. Муж убегает пристыженный, а Антонио открыто наслаждается с его женой.

Великолепному и превосходному мессеру Джорджи Контарино, графу Джаффо, благороднейшему венецианцу

П О С В Я Щ Е Н И Е

После того как нам не было дано небесами или же враждебной нам обоим судьбой, благороднейший мой мессер Джорджи, к общему нашему удовольствию, вкушать нежные плоды нашей благодатной и веселой дружбы, как мы того, я не сомневаюсь, равным образом желали, я решил хотя бы отчасти восполнить этот недостаток; поэтому я посылаю тебе настоящую веселую новеллу, читая которую на досуге и посреди наслаждений, что дарит тебе твоя приятнейшая родина, ты вспомнишь, может быть, о твоем Мазуччо и о нашей с тобой любви; кроме же того, я оставляю здесь ее копию, и твое имя долго будет вспоминаться среди потомков, так как твои редкостные достоинства заслуживают самой большой награды. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В удивительном и могущественном городе Венеции жил немного времени тому назад один дворянин из старинного и знатного рода, весьма молодой, воспитанный и преисполненный вся-

ких достоинств, по имени Антонио Моро, каковой дворянин, чрезвычайно подружившись со мною в бытность свою в нашем королевстве, рассказал мне, среди других наших приятных бесед, описанный ниже случай, как на самом деле и в точности приключившийся с ним, и я, записав его, в память о твоей родине, пересылаю его тебе вместе с другими. Итак, скажу, что этот Антонио прогуливался однажды вместе со своим любезнейшим другом по Венеции в лодочке, как это вы имеете обыкновение делать. Переезжая из одного канала в другой, он вдруг увидел красивую и прелестную молодую женщину, по-видимому флорентийку из Зары, жену одного славонского рыбака, прозывавшегося Марко де Курчола, который много раз ездил в качестве матроса на большом судне, на котором Антонио в качестве его владельца избороздил множество морей. И так как эта женщина удивительно ему понравилась, Антонио, не откладывая дела в долгий ящик, поручил поговорить с ней одной опытной старухе, весьма близкой к молодой женщине. И так как этой последней предложение понравилось не менее, чем накануне понравился тот, кто сделал его, она, не желая долго задерживать приятную вестницу, ответила, что со своей стороны готова удовлетворить его желание, но считает почти невозможным, чтобы это удалось как-нибудь осуществить, ввиду того что ночью муж никогда не оставляет ее одну, а днем она не может принять его у себя в доме, ибо местность эта так густо заселена, что даже птица не могла бы там появиться, не будучи сразу замечена многими.

Когда Антонио узнал о чувствах молодой женщины, он решил, что трудность этого дела сильно уменьшилась, а остальному он задумал помочь хитрым способом. И, подробно посвятив молодую женщину в задуманный им план, он, когда пришло время, приказал позвать к себе Марко и, обласкав его по своему обыкновению, попросил, чтобы тот отвез его вечером в своей лодке в одно место, где его ждет прелестная дама, чтобы подарить ему свою любовь. Марко, всячески желая ему услужить, тотчас же ответил, что готов оказать ему требуемую услугу; и, получив от него этот приказ, он с наступлением ночи, крепко замкнув дверь в комнату жены, отправился в дом Антонио; и так как уже пришло время выезжать, они сели в лодку, и Марко, гребя одним веслом, по местному обычаю, повез Антонио по его приказанию в тот канал, где жила старуха вестница; а канал этот прилегал к каналу, на котором находился дом самого Марко, так что, если ехать из одного места в другое водой, нужно было, описав круг, проделать длинный путь, между тем как сухим путем можно было быстро и легко туда проникнуть через дом старухи и другие дома, хозяева которых были подкуплены Антонио.

Прибыв на место, Антонио сказал:

— Милый Марко, подожди меня; я скоро возвращусь.

И он вошел в дом старухи, которая уже поджидала его. Она весело его встретила и указала надлежащий путь, следуя которому Антонио вскоре прибыл к двери молодой женщины; и хотя она была заперта на прочный засов, Антонио немедленно открыл ее при помощи отмычки, которую захватил с собою для этого, и очутился у молодой женщины, радостно его ожидавшей, после чего они дали своей любви полное и приятное завершение.

И, надлежащим образом сговорившись о том, каким образом они будут впредь наслаждаться, Антонио вернулся тем же путем к лодке, где Марко, поджидавший его, заснул, ничего не подозревая; он разбудил его, и тот, приняв его в лодку и поплыв по направлению к дому Антонио, спросил его, удовлетворил ли он свое желание. На это Антонио ответил:

— Наилучшим образом! Скажу тебе, Марко, что не запомню, чтобы когда-нибудь получал от женщины столько удовольствия, потому что она не только молода и красива, но и, кроме того, была со мной так ласкова, что я сам не знаю, как мне удалось оторваться от нее.

Марко сказал на это:

— Не сомневаюсь, что вы с большим удовольствием прибыли в порт; и я даже, поджидая вас здесь, несколько раз обмачтовывал лодку, не отдавая парусов, ибо уверяю вас, что, думая о том наслаждении, которое вы, дорогой господин мой, испытывали с вашей дамой, я чувствовал, что во мне просыпается любовное желание, и я несколько раз готов был взяться за весла и скорехонько отправиться клюнуть свою женку; и наверное, я так бы и поступил, если бы не ваше обещание быстро вернуться; ведь если бы вы вернулись и не нашли меня на месте, из этого мог бы выйти большущий конфуз.

Услышав эти слова Антонио, хотя опасность уже миновала, порядочно испугался того, что ему грозило, и тотчас же задумал предотвратить это на следующий раз новым способом, еще более забавным, чем только что описанный. Потому он сказал со смехом:

— Милый Марко, я не знал, что у тебя есть жена, иначе я бы предложил тебе отправиться к ней, а затем в назначенное время мы бы встретились с тобой в условленном месте.

На это Марко ответил:

— Так вы не знали, что я недавно женился и что у меня есть молодая и очень красивая жена?

Антонио сказал:

— Нет, я этого не знал; но как бы красивы ни были жены, их следует держать дома про запас, чтобы они всегда были к нашим

услугам, когда нам этого захочется; а вместе с тем нас всегда тянет к новой добыче. На этот раз уж ничего не поделаешь, так как дело кончено. Но завтра вечером я надеюсь привести в лодку вместе с моей возлюбленной ее подругу, которая не менее красива, чем она сама, и эта подруга, без сомнения, окажется для тебя лакомым блюдом.

Марко радостно ответил, что готов достойно встретить ее. Разговаривая таким образом, они доехали до места, и Марко, оставив Антонио, возвратился к себе в комнату и, обняв жену, довершил то, чего не доделал робкий и спешивший любовник. На другой день Антонио с утра известил молодую женщину о том, что он намерен предпринять в эту ночь; и в обычный час он послал за Марко, который разукрасил лодку коврами и полотнами и соорудил на носу закрытое отделение вроде палатки; и они пустились в путь. Оставив Марко на том же месте, Антонио сказал ему, что тотчас же возвратится с обещанными дамами, сам же отправился к молодой женщине, открыл дверь, так же как и накануне, и, очутившись у нее, рассказал о миновавшей опасности и о том, как он хочет устранить ее на этот раз. Она тотчас надела шелковую гамурру, которую Антонио прислал ей накануне, и, закрыв лицо таким образом, чтобы муж никоим образом не мог ее узнать, отправилась вместе с Антонио к лодке. Увидев, что господин его привел только одну женщину, Марко спросил, где же предназначенная ему дама. На это Антонио ответил:

— Она по какой-то причине сегодня не явилась. Однако я не хочу иметь перед тобой какое-либо преимущество, и ты получишь в виде награды вот эту даму, которой вполне хватит на нас двоих. И после того как я получу свое удовольствие, я уделю частицу и тебе, что наверное удовлетворит тебя с избытком; ибо, хотя я и не знаю твоей жены, я уверен, что эта дама не менее молода, красива и приятна, чем она.

Марко заметил на это:

— В этом-то я уверен, но мне отнюдь не хотелось бы пользоваться вашим имуществом.

Антонио ответил:

— Я не понимаю тебя; ведь если бы мне не было это приятно, я бы тебе этого не предложил, да и ты не решился бы на это. А потому готовься, ибо я хочу, чтобы ты это сделал. А стоить это тебе будет только одно рыбное блюдо, которым я угощу нескольких своих приятелей в ближайшую субботу.

Марко продолжал отказываться, но Антонио упорно настаивал, и в конце концов Марко согласился, обещав поставить требуемое блюдо за частицу собственного же товара. После этого он отчалил от берега, взял у своего господина арфу

и заиграл на ней приятнейшую мелодию. Антонио же ушел с молодой женщиной под полог, и под эту нежную музыку они исполнили отличную тревизанскую пляску. Когда она была закончена, Антонио позвал Марко и тихонько ему сказал:

— Получи теперь свою долю добычи, но, умоляю тебя, воздержись от желания узнать, кто эта женщина, ибо она из знатного семейства, и я с величайшим трудом привел ее сюда, убедив ее, что ты племянник нашего дожа.

На это Марко ответил:

— Я менее всего забочусь об этом, ибо не собираюсь вступать с нею в родство.

Сказав это, он весьма охотно пошел к ней, и, найдя ее благоухающею нежными ароматами, он, не обращая внимания на остальное и не заметив даже, что она встретила его без особого удовольствия, выполнил свою работу на славонский лад и, возвратившись к своему господину, сказал:

— Мне не удалось увидеть лица этой дамы, но, судя по всему остальному, уверяю вас, мне показалось, что я нахожусь со своей женой, так как у обеих словно одинаковое тело и дыхание. А потому к вашим услугам теперь не только рыбный обед, но и все прочее, что только у меня найдется.

Крайне порадовавшись этому, Антонио отвез молодую женщину туда, откуда он ее взял, причем они едва держались на ногах от смеха, что так ловко наставили Марко рога. И после того как они снова условились друг с другом обо всем, что было необходимо для наслаждения, Антонио возвратился к Марко, который ожидал его в самом радостном настроении. Отвезя Антонио домой, Марко возвратился к жене, которая сделала вид, что очень возмущена его долгим отсутствием, так что он в эту ночь не мог с нею помириться.

В первую же субботу Марко доставил в дом Антонио отменный рыбный обед, и Антонио, не желая проводить такое пиршество без приятелей, созвал многих своих друзей, и, рассказав им о совершенном обмане, он вместе с ними позабавился над этим приготовленным за счет Марко обедом. А во время пиршества они, издеваясь над Марко и отпуская на его счет разные веселые остроты, каждый в отдельности и все вместе сделали бедному Марко столько весьма ясных намеков, что, даже будучи куском дерева, он понял бы их. И хотя Антонио это не нравилось и он весь кипел, пытаясь словами и знаками заставить их замолчать, однако они так разгорячились вследствие забавности происшествия, что сам дож не мог бы водворить молчание. Тогда Антонио, увидя, что Марко проникся большой злобой к жене, так как прекрасно понял все происшедшее, тотчас же послал тайно за нею, приказав ей покинуть свой дом. Когда же Марко

пришел домой и не нашел жену, он, чрезвычайно опечаленный, ушел из дому и отправился в Курчолу, а молодая женщина, оставшись у своего Антонио, продолжала наслаждаться своей цветущей молодостью.

М А З У Ч Ч О

Ведь и в самом деле удивительны хитрости и тонкие уловки, к которым столь быстро прибегли нежные наши любовники, причем таким образом, что, на мой взгляд, никакая предусмотрительность или чрезвычайнейшая охрана со стороны ревнивцев не были бы достаточными, чтобы уберечься от всех их хитростей. А коль скоро это действительно так, то я очень сомневаюсь, стоит ли вообще кому-либо оставлять свой товар на произвол судьбы; а уж ежели берешь себе жену, то, верно, нужно будет руководствоваться тут той присказкой, которую охотно произносят неотесанные деревенские врачи, когда они рассматривают свои рецепты, вытаскиваемые ими наугад из рукава, и говорят больным: «Помоги тебе господь, иначе зерно будет перемолото». А я, оставляя мир без изменений, таким, каким я его нашел, покажу далее, к какому несчастью привела любовь и злая судьба двух бедных любовников.



НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Сузанна влюбляется в Джоанни, и недолгое время они наслаждаются любовью. Джоанни попадает в плен к маврам. Его возлюбленная, переодевшись мужчиной, отправляется в Тунис и, чтобы выкупить любовника, сама продается в рабство и вносит за него деньги. Они вместе бегут. Судьба возвращает их обратно в Берберию. Они схвачены; Джоанни посажен на кол, а Сузанна, в которой признали женщину, лишает себя жизни.

Светлейшей инфанте Беатриче Арагонской

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если изысканнейшим и благоразумнейшим доннам свойственно сострадать несчастиям и бедам других людей, то я не удержусь от того, чтобы сообщить тебе, светлейшая Инфанта, редкостный пример всяческих добродетелей, который окажется небесполезным и для остальных девиц; речь пойдет об одном достойном жалости происшествии с двумя несчастными любовниками, которые не очень долгое время и без какого бы то ни было подлинного удовольствия прошли по царству любви, причем один из них был лишен жизни с помощью насильственной и самой жестокой смерти, другая же, сама сделавшись убийцей, добровольно захотела умереть и сопровождать таким образом своего милого. Итак, прочитай ее, о прекраснейший королевский отпрыск, с тем человеколюбием, с которым высокие духом дамы имеют обыкновение принимать малозначащие вещи от своих преданных служителей. И прошу тебя, испытывай при чтении милосердие и сострадание к тем, к кому подобает их испытывать. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Согласно тому, что мне рассказал один достойный гаэтанец, в Гаэте за несколько времени до смерти короля Ланцилао жил изящный юноша, по имени Джоанни да Пьомбино, каковой юноша, хотя и украшенный многочисленными добродетелями, часто страдал от гонений судьбы и постоянно пребывал в бедности. Однако, так как он был весьма опытен в морском, а также в торговом деле, многие купцы поручали ему свои торговые дела, посылая его то с одним судном, то с другим в различные близкие и отдаленные места. Он же хотя и был низкого происхождения, однако имел благородную душу, и всю небольшую прибыль, которую он выручал после своих многочисленных трудов и усилий, он, ничего не откладывая, употреблял на то, чтобы нарядиться и принять пристойную внешность. По этой причине, а также вследствие его похвального поведения все, казалось, по справедливости любили его. И вот случилось, что одна весьма красивая девушка знатного происхождения страстно влюбилась в этого Джоанни, и так как она не хотела довериться ни одному человеку, то она долгое время с тяжким мучением выносила эту страсть; однако с течением времени она сама некоторым способом показала ему свою любовь, дав ему понять, что она его исключительно сильно любит. Когда Джоанни узнал об этом, он благоразумно решил как можно скорее дать полное удовлетворение и возлюбленной, и самому себе, ибо при стольких постигших его невзгодах он считал себя чрезвычайно счастливым, что его полюбила такая прелестная девушка. И оба они сумели настолько позаботиться об этом деле, что соединились способом почти невозможным и дали своей страсти полное и приятное завершение. Хотя они недолго пребывали в подобном блаженстве, однако держали дело в таком секрете, что никто ни разу даже не заметил их тайной любви. И хотя, ввиду всех их хитростей, лишь изредка встречались препятствия к их свиданиям, однако при расставании они всегда орошали друг другу лицо и грудь горючими слезами, вызванными, быть может, чрезмерной любовью, а может быть, дурным предчувствием.

И вот случилось, что бедному Джоанни было предложено его хозяевами отправиться на корабле в Геную с каким-то грузом, что доставило весьма мало удовольствия его возлюбленной и еще меньше ему самому. Попрощавшись со своей дамой, он пустился в путь; и когда он находился не очень далеко от Понцы и корабль его рано утром, на рассвете, остановился в полосе штиля, на него напало несколько мавританских барок. Сразившись и захватив корабль, мавры забрали с него все, что могли

увезти с собой, в том числе и пленников, а корабль затопили и с захваченной добычей возвратились в Берберию. И в числе других несчастных пленников горемычный Джоанни был продан в качестве раба одному тунисскому купцу. Какова была душевная скорбь несчастной девушки, какие слезы она проливала втихомолку, когда эта злая и горестная весть дошла до Гаэты,— это сможет понять только женщина, которая была когда-либо удручена таким ужасным горем. Ее мука была столь жестока и невыносима, что она едва не лишила себя жизни. Но все же подчас, отдавая дань скорби, она думала, что если Фортуна разрешит, чтобы ее Джоанни был выкуплен или возвратился в Гаэту вследствие другой возможной случайности и он не найдет ее в живых, то его страдания удвоятся и она, несомненно, будет виновницей смерти возлюбленного. Эта слабая надежда удержала ее от самоубийства; когда же она узнала из писем купцов, что ее Джоанни жив и находится в рабстве в Тунисе, она бы охотно, если бы ее не удерживал страх перед родными, отправилась туда самолично, чтобы не только увидеть возлюбленного, но и сговориться относительно его выкупа, ибо она не слышала, чтобы кто-либо заботился о его спасении.

И в то время как она испытывала такое пламенное желание, случилось, что в ее доме появилась какая-то злокачественная заразная лихорадка, которая нанесла такой ущерб, что в короткое время в доме вымерли все старшие мужчины, и она осталась одна с несколькими маленькими детьми. Как только она увидела, что осталась почти одинокой и свободной и что ей нечего больше бояться, она решила привести в исполнение свой давнишний замысел. Без всякого промедления она переоделась мужчиной, положила в мешки несколько ценных вещей вместе с двумястами золотыми флоринами и отправилась в Неаполь. Здесь, встретив венецианский корабль, который отправлялся в Тунис нагруженный фруктами, она нанялась к его хозяину в качестве слуги, назвавшись не Сузанной, а Раймо Ранко. Когда они прибыли в надлежащий срок в Тунис, Сузанна, никем не узнанная, завязала в течение нескольких дней близкое знакомство с некоторыми генуэзскими купцами, и, расспрашивая косвенными путями о своем Джоанни, она узнала, где и как он живет, и ей удалось увидеть его в весьма жалком состоянии, как он, увешанный цепями, ходил по городу, таская на своих плечах тяжести. И хотя она была поражена печалью и состраданием, однако более всего она обрадовалась тому, что нашла его живым и здоровым. Искусным образом скрыв, что они знакомы между собою, они рассказали друг другу все случившееся, проливая горькие слезы. И хотя Джоанни чрезвычайно обрадовался прибытию своей Сузанны и убедился в том, что

любовь ее ни с чем не сравнима, однако он был охвачен сильной и целомудренной ревностью, ибо опасался, как бы хозяин судна не признал в Сузанне женщину и не стал обходиться с ней иначе, чем с корабельным слугой. По этой-то, а также по другим причинам он ласково попросил ее исполнить его желание и поскорее возвратиться в Гаэту, предоставив дело его спасения богу, а также его собственным трудам вместе с надеждою на помощь друзей. Но Сузанна, сообщив ему о привезенных деньгах, сказала, чтобы он был спокоен, так как она надеется очень скоро освободить его; и, так как они более не могли оставаться вместе, они расстались, благоразумно сговорившись о том, как далее вести себя.

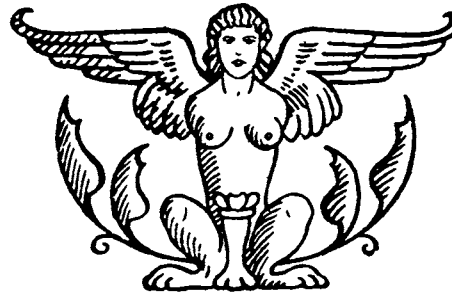
После этого, не теряя времени, Сузанна при содействии одного генуэзского купца из числа своих новых знакомых сговорилась с мавром, хозяином Джоанни, относительно выкупа, назначенного им в размере шестидесяти дублонов. Когда же она отправилась на корабль, чтобы взять свои деньги из каюты хозяина, где она держала их все время в полной сохранности, она узнала, что один бежавший матрос украл ее деньги, мешки и все остальные вещи. Огорченная до смерти, она несколько раз была близка к тому, чтобы броситься в море. Но затем она подумала о том, что если ее не станет, то никто не займется спасением ее возлюбленного; и так как у нее не осталось ни имущества, ни какой-либо надежды, она, как пламенно любящая женщина, в конце концов решила продать самое себя, чтобы на вырученные деньги выкупить Джоанни. И, возвратясь к генуэзскому купцу, печальная и плачущая, она рассказала ему о своей новой беде и, кроме того, сообщила свое твердое и отчаянное решение, сочиняя небылицы о причине, побуждающей ее проявить такую неслыханную щедрость и милосердие к своему другу, попавшему в рабство; и после продолжительных споров она заставила упомянутого купца продать ее королевскому казначею за шестьдесят дублонов. И как только купец их получил, она тотчас же дружески выкупила Джоанни. Когда этот последний очутился на свободе и узнал, каким образом и по какой причине его возлюбленная заставила продать себя и где и в каком положении она находится, его жестокое, неслыханное горе удвоилось и стало невыносимым. Хорошо зная, что никакие сокровища не будут достаточны, чтобы выкупить ее из королевского дома, он, побуждаемый одновременно любовью, благодарностью и потерей столь достойной подруги, решил, что не оставит свою Сузанну в рабстве, если даже ему будет грозить за это смерть. И хотя он хорошо знал все побережье Туниса и его окрестности, он знал также, что местность эта очень открытая и хорошо охраняется, вследствие чего он не мог придумать никакого способа для осуществления

своего замысла. Однако, отчаявшись и решив умереть, он сговорился с некоторыми другими рабами-христианами, и они способами почти немыслимыми и неслыханными добыли лодку, снабженную всем необходимым снаряжением. И сначала бежала Сузанна, а затем они вслед за нею отправились к самой отдаленной части побережья Туниса, где они оставили снаряженную лодку; и, поспешно в нее погрузившись, они направили свой путь к Сицилии при благоприятном ветре и море.

Проплыв благополучно целую ночь и значительную часть следующего дня, они в расстоянии лишь нескольких миль от Трапани убедились, что злая судьба приготовила им еще более жестокую, просто смертельную битву. Ибо внезапно на них налетел порыв свирепого северного ветра, разразившегося с такой силой, что они не могли применить никакого способа, принятого у моряков, и насильно вынуждены были вернуться к оставленным мавританским берегам и пристать к берегу на небольшом расстоянии от Туниса. Там в них признали беглых христиан и без всякого труда забрали их и отвели в Тунис. И так как их бегство, а также похищение рабыни из королевского дома стали известны, Джоанни, как разбойника, тотчас же посадили на кол. Что же касается до Сузанны, то ее хозяин, когда она была ему возвращена, решил высечь ее, обнаженную, розгами, как принято поступать с беглыми рабами. Приказав ее раздеть, он тотчас же узнал, что она женщина. Сопоставив все происшедшее с тем, что теперь обнаружилось, он был сильно изумлен, и после многих и безуспешных попыток узнать от нее, кто она такая, он, не желая оскорбить ни ее чести, ни ее личности, повел ее к королю. Этот последний, рассмотрев ее поближе, велел ей подробно рассказать ему, кто она, кто ее покойный возлюбленный, почему она прибыла сюда, зачем выкупила его и затем бежала вместе с ним; и она, проливая горькие слезы, рассказала королю, как все произошло от самого начала их любви. И после того как она все это высказала, возбудив величайшее восхищение короля, она решила показать столь достойное зрелище и, проявляя великое мужество, добровольно сопутствовать возлюбленному в смерти. И, выхватив у одного мавра висевший у пояса нож, она в присутствии короля, других мавров и христиан вонзила его в середину груди и упала к ногам короля, призывая своего Джоанни.

М А З У Ч Ч О

Хотя и невозможно без величайшего сострадания думать о том, скольких и каких ужасных несчастий пришлось испытать бедным любовникам, однако, я полагаю, пора отвлечься от воспоминаний о подобных нескончаемых бедах; и, завершая эту четвертую, столь печальную часть *Новеллино,* я в последний раз с удовольствием расскажу об одной каталонской шутке, сыгранной с бедным ревнивцем, по моему мнению, превосходящей по своей забавности все, о чем прежде рассказывалось.



* * *
*



НОВЕЛЛА СОРОКОВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Каталонец Дженефра любит одну даму и осуществляет свое намерение вследствие недомыслия ревнивого мужа. Остроумнейшим способом он побуждает мужа привести жену к нему на корабль вместо кого-то другого и увозит ее в Каталонию. Муж поздно замечает обман и жалуется на злость и хитрость каталонцев.

Превосходному синьору Джоанни Сансеверино

П О С В Я Щ Е Н И Е

Поскольку ты, превосходный и доблестный мой синьор, дал мне основательнейший повод особо любить тебя, я, будучи побуждаем теми способностями, коими я наделен, хотел бы употребить все свои силы и возможности и предложить тебе небольшой дар; а им будет настоящая походная сумка, кое-как наполненная моими неотшлифованными писаниями, которые, как я теперь полагаю, вряд ли помогут тебе в твоих многотрудных делах, но хотя бы не дадут забыть твое наидостойнейшее имя вкупе с другими твоими редкостными качествами и оставят о них неизгладимую память. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

В те времена, когда между Неаполем и замками шла жестокая война, в Салерно, более чем в какую-либо другую часть королевства, наезжали купцы разных национальностей. В числе других туда прибыл богатейший каталонец, по имени Пьеро Дженефра, который вел там широкую торговлю на суше и на море, как это принято у купцов. И вот случилось, что, сблизившись со многими

нашими дворянами, он, будучи молод и весьма склонен к любви, влюбился в красивейшую молодую женщину, прозывавшуюся Андрианой, жену одного серебряных дел мастера из Амальфи. И потому ли, что у этого мастера была необычайно красивая жена, потому ли, что он был родом из Амальфи, жители которого по природе трусливы, вследствие чего ревность пускает корни в их душе, но только мастер стал снова сильно ревновать свою жену без всякого с ее стороны повода. Дженефра заметил его ревность, и хотя молодая женщина весьма любезно поощряла его, однако, зная, сколь бдительны в своем надзоре ревнивцы, наш купец решил плыть по этому морю в обратном направлении и стал сближаться с ее мужем, которого звали Козмо, заказывая ему некоторые изделия, относящиеся к его ремеслу, и оплачивая их дороже, чем следовало; а кроме того, он часто угощал Козмо разными каталонскими лакомствами, вследствие чего серебряных дел мастер стал считать такого друга весьма ценным приобретением. И дело наконец обернулось так, что Козмо — из любви ли к Дженефре или же из опаски — попросил каталонца быть у него кумом, хотя жена его даже не была беременной, на что Дженефра с радостью согласился, ибо подумал, что сам муж вместе с Фортуной открывает ему узкую дорожку, по которой он сможет идти под благовидным предлогом. Они поклялись в верной дружбе и поцеловались, как это бывает между притворщиками и глупцами, после чего решили, что кумовство их закреплено. Вот это-то и дало милой куме возможность постоянно приглашать Дженефру попировать на счет ее мужа. И вскоре после того, как каталонец ступил в их дом одной ногой, он уже сумел так там водвориться, что полностью удовлетворил свою страсть. И хотя некоторые наши салернитанцы, не слишком занятые собственными делами, предупреждали Козмо, чтобы он воздерживался от сношений с каталонцем и опасался его лукавства, однако Козмо, полагаясь на милого кума и собственную осмотрительность, смеялся над всем, что ему говорили, и любовники наслаждались, не возбуждая никаких подозрений.

Но вот случилось, что Дженефра был вынужден возвратиться в Каталонию вследствие ряда весьма важных дел; и, окончательно решив уехать, он задумал применить забавную, хотя и несколько опасную уловку и завлечь молодую женщину с ее согласия на свой корабль, стоявший в порту и готовый к отплытию. Когда он открыл ей свое намерение, молодая женщина, влюбленная в Дженефру-каталонца, ответила ему без дальнейших размышлений, что готова уйти с ним и исполнить всякое его желание. Тогда Дженефра позвал своего дорогого кума и сказал ему:

— Вследствие твоей великой ко мне дружбы я по справедливости могу довериться только тебе, какое бы затруднение,

большое или малое, я ни испытывал. Дал бы бог, чтобы я потратил с тобою то время и ту часть своего состояния, которое я извел здесь с некоторыми дворянчиками! Но я надеюсь со временем исправить свои промахи. А теперь — вот в чем дело. При содействии одного дворянина, о котором я расскажу тебе после, я вдоволь насладился с женой одного моряка, и, сказать тебе правду, она так сильно меня любит и так изумительно красива, что я совсем обезумел от любви. И так как завтра вечером я, с соизволения божия, должен уехать, мое сердце ни в каком случае не позволяет мне оставить ее здесь в добычу другому, в особенности же потому, что этот дворянин, столь милый мне друг, уже несколько раз вызывал ее на поединок, как она мне ясно намекнула. Поэтому я решил непременно увезти ее с собою на корабле, и, так как я заручился ее согласием, я хотел бы сделать это таким образом, чтобы не было препятствий к моему возвращению сюда. Ввиду того что мне необходимо задержать мужа вне дома до тех пор, пока корабль не снимется с якоря, я прошу тебя нанять его за хорошую плату на завтра, чтобы он доставил тебя вечером в своей лодке на мой корабль и ты составил мне компанию вплоть до самого моего отъезда. В то же время я пошлю за женщиной моего слугу Гальцарано, и он отвезет ее в лодке, переодетую мужчиной, как я уже условился с нею; мы все вместе отправимся на корабль, а после этого ты вернешься с мужем обратно. И так как я не хочу, чтобы эта услуга твоя осталась без награды, я намерен сделать так, чтобы кума до самого моего возвращения щеголяла в подаренной мною юбке из отличнейшей материи.

Выслушав эту ловко сочиненную и складную басню, Козмо не только поверил ей, но, не дав купцу закончить свой длинный рассказ, принялся ворчать на дворян, говоря:

— Будь доволен, что дело не кончилось хуже для тебя; мне кажется чудом, что они не ограбили тебя и не нанесли оскорбления действием, ибо мне слишком хорошо известны последствия общения с ними. Уверяю тебя, что некоторые из них, недовольные нашей дружбой и завидуя ей, наговорили мне, прикрываясь дружбой, тысячу гнусностей о твоем поведении и взяли под подозрение мою жену и все наше кумовство. Но я — малый не промах и потому спокойно дал им выговориться. Однако, возвращаясь к нашему делу, скажу, что я готов служить тебе; моряк этот — большой мой приятель, и я сделаю с ним так, как ты сказал мне; а кроме того, раз мы будем все вместе, он не сможет заподозрить ни тебя, ни меня, а, напротив, будет уверен, что его жена бежала с другим, ибо она на самом деле весьма пустая и легкомысленная женщина.

Сговорившись таким образом, они расстались, довольные друг другом.

На следующий вечер, когда корабль начал уже сниматься с якоря, Дженефра, подробно известив обо всем Андриану, позвал в назначенное время кума и сказал ему:

— Пойдем в дом, так как я хочу попрощаться с кумой, а потом мы постараемся закончить наше дело.

Козмо с большой радостью взял его за руку, и они вошли в дом. Здесь, после небольшой закуски и приятной беседы, Дженефра дал куме, согласно обещанию, двадцать пять дукатов и окончательно распрощался с нею. Тогда Козмо, обратившись к жене, сказал:

— Обними и нежно поцелуй нашего доброго кума, ибо он, по милости божьей, уезжает, не оскорбив своим знакомством моей чести, хотя некоторые дьявольские умы и были уверены в противном.

Те поцеловались, с трудом сдерживая смех. Распрощавшись, Дженефра удалился и отправился с Козмо на берег моря. Здесь они застали моряка с лодкой, согласно тому, как Козмо распорядился еще с утра. Сказав ему, что они ожидают двух слуг с некоторыми вещами, они стали прогуливаться по берегу. В то же самое время Гальцарано поспешно отправился в дом Козмо; тут Андриана переоделась мужчиной, закуталась в плащ и взвалила на спину два мешка, обманывая мужа в то время, как тот думал, что обманывает товарища. Они направились к лодке, уселись в нее и налегли на весла, плывя к кораблю. Андриана слегка расчувствовалась, увидя, что муж самолично провожает ее с таким простодушием; будучи молодой женщиной, она была охвачена некоторым сочувствием к нему и начала тихонько плакать и жаловаться на судьбу, которая довела ее мужа до такого несчастья. Тогда Козмо, сидевший около нее, сказал:

— Что, плутовка, ты плачешь? Может быть, и тебе жалко бросить своего мужа, которого ты здесь видишь? По правде сказать, я дивлюсь тебе: ведь твоя участь улучшится во много раз. До сих пор ты жила в бедности и без всякого ухода, а теперь, без сомнения, ты станешь хозяйкой большого состояния. Мне известна любовь, которую питает к тебе мой кум, и будь уверена, что ты всегда будешь его госпожой и госпожой его состояния, ибо нет на свете мужчин, которые умели бы лучше любить женщин и лучше обходиться с ними, чем каталонцы. А кроме того, если, на твое счастье, твой муж умрет, то купец, наверное, возьмет тебя в жены.

Подобной речью он так утешил ее, что даже та крупица раскаяния, которая возникла в ее легкомысленной голове, исчезла; и столь же легкомысленно, как она только что плакала, она принялась теперь смеяться, сильнее, чем ей когда-либо приходилось, думая об этих словах и о том, кто их произносил. Так они

прибыли к кораблю, и Дженефра, обняв и расцеловав милого кума, сел с Андрианой и слугой на корабль, который уже распустил паруса и двинулся в путь. Козмо же, возвращаясь с моряком на берег, посмеивался про себя при мысли о шутке, разыгранной с его приятелем, и о том, что тот скажет, когда, вернувшись домой, не найдет там жены. Когда они достигли берега, каждый из них, весьма довольный, направился к себе домой. Прибыв к себе, Козмо не нашел дома жены и, угадав по многим явным признакам, как все произошло, поздно стал жаловаться на свою судьбу, на злую женщину и дурного кума и долго оплакивал свою собственную глупость.

М А З У Ч Ч О

И если хозяин постоялого двора Трифоне был обманут жителем Салерно так же ловко, как житель Амальфи, и с ним обошлись, как с иностранцем при взимании пошлины с товара, который он привез сюда к нам, лишь следуя установившемуся обычаю, то несомненно, что еще большим и имевшим далеко идущие последствия стал тот обман, который причинил столь великий урон нашему Козмо; ведь у него разом похитили весь товар, о котором он договорился как с посредником, так и с купцом и который он поместил на складе, к тому же он уже заплатил за наем корабля его хозяину, который и привез его товар. А если это так, то я полагаю, что жители Амальфи вряд ли могут хвалиться соседством с нами; но поскольку сам Козмо не отрицал, что был предупрежден жителями Салерно, то тут уж следует ругать по заслугам себя самого, а не других. Тем не менее я полагаю, что беднягу можно отчасти извинить, потому что обычаи каталонцев не были в те времена так известны в нашем королевстве, как сегодня, когда повадки их так всем хорошо знакомы и получили очень уж большое распространение, так что не только любой знает о них и может потому в нужный момент поостеречься, но из-за этого они терпят теперь большой ущерб, ибо каждодневно все их ругают и позорят, о чем постоянно свидетельствует опыт. А я, завершая эту четвертую часть, с божией помощью перехожу к следующей, которая будет последней.



По окончании четвертой части Новеллино начинается пятая и последняя, в которой будут рассказаны замечательные вещи о великих щедротах, проявленных великими государями, а также о других вещах, имеющих веселый конец.

ПРОЛОГ

Покинув мрачное озеро, наполненное несчастьями моих ближних,— озеро, по которому я прежде плавал в моей плохо оснащенной ладье, со стенаниями вместо неблагоприятных ветров и слезами вместо густого дождя, я был сопутствуем вплоть до самой пристани несправедливой и жестокой Фортуной, которая устрашала меня своими беспрестанными, горестными убийствами. И нет сомнений, что если бы нежный зефир не поддерживал то и дело мой челн, то никакие предупредительные меры моряков не были бы в силах спасти меня от неминуемого крушения. Но, прибыв в гавань по милости создателя вселенной, я принял твердое решение предоставить беднякам плакать и жаловаться на несчастья, посылаемые им жестокой Фортуной, и перехожу к этой пятой и последней части начатого и почти доведенного до конца *Новеллино,* в которой присоединю к рассказанным новеллам десять новых достойных рассказов об исключительных доблестях, а также о великих щедротах, проявленных великими государями, и о других, то забавных, то грустных происшествиях, имеющих веселый конец. Итак, мы наконец распрощаемся с книгой и дадим покой нашему перу. Но прежде чем идти дальше, я, оставив в стороне благоразумных, которые не нуждаются в моем совете, скажу тем, которых природа не наделила обильными благами, чтобы они получше остерегались нового ремесла, промысла или, иначе говоря, наглой смелости, которой влюбленные дамы научились от своих собственных злодейств. Ибо им недостаточно того, что они дают знать о своей сильной любви различными ясными знаками, а также при помощи свод-

ниц, рассылаемых ими не только в пределах одного города, но даже из одного королевства в другое: они посылают своим возлюбленным вызов на поединок не менее назойливо, бесстрашно и бесстыдно, чем пылкие молодые любовники, имеющие обыкновение посылать за своими возлюбленными. И так как я боюсь, что этот порядок, установленный небом, нельзя устранить человеческими силами, то, прежде чем продолжить свое писание, я предлагаю всем, кто связан с подобными женщинами браком или другими узами крови, прийти ко мне, недостойному секретарю моего светлейшего господина принца Салернского, и я обещаю доставить им совершенно безвозмездно огромную привилегию — возможность и право носить нашлемник, который разрешено изготовлять и надевать только представителям главной линии и первенцам рода Сансеверино. И да здравствует любовь!

Закончив это общее вступление к пятой части, приступаю теперь к первой новелле и сначала дам содержание, а затем рассказ.



НОВЕЛЛА СОРОК ПЕРВАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Два французских рыцаря влюбляются в двух сестер-флорентинок. Они вынуждены возвратиться во Францию. Одна из сестер остроумной посылкой поддельного алмаза заставляет обоих рыцарей возвратиться во Флоренцию, и здесь они необычайным образом наслаждаются своей любовью.

Великолепному Франческо Галеото

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если от нежной музыки Амфиона двигались суровые камни, благороднейший мой Галеото, то неудивительно, что твой Мазуччо был подвигнут гармонией твоей сладчайшей лиры к созданию грубой своей рукой следующей новеллы и к посвящению ее тебе, предоставившему мне для нее кое-какие сведения. Поэтому я прошу тебя, чтобы, читая ее, ты не отказывался вносить в нее исправления, и если ты заметишь отклонения от правды или какую-либо ржавчину, в чем я не сомневаюсь, то ты это исправляй и приводи в порядок, чего я жду во имя нашей давней дружбы. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Итак, скажу, что после того, как герцог Рене Анжуйский, враг мира и спокойствия, был изгнан из Неаполя и из всего королевства могущественным и мудрым государем, славным королем доном Альфонсом, ему захотелось в течение некоторого времени побыть во Флоренции; и здесь в числе других французов, которые сопровождали его после столь великой потери и испытанного им

крушения, были два доблестных и изящных рыцаря, из которых одного звали Филипп де Ленкур, а другого — Шарль д'Амбуаз. И хотя оба эти рыцаря были весьма благоразумны и преисполнены многих добродетелей, однако, будучи молоды, они предоставили горевать и раздумывать о потере тому, кто ее испытал, то есть герцогу, сами же почти ежедневно разъезжали верхом по Флоренции. И вот случилось, что Филипп влюбился в прелестную и красивейшую молодую женщину знатного происхождения, жену одного видного гражданина Флоренции. И в то время как он беспрестанно трудился над этим начатым делом, случилось, что Шарль в другой части города влюбился в сестру возлюбленной Филиппа, которая, будучи незамужней, жила в доме отца. Ничего не зная об этом родстве, он решил, хотя девушка и казалась ему чрезвычайно красивой, сдерживать свою любовь, ибо, как человек испытанный в любовных сражениях, он знал, что молодые девушки бывают обычно легкомысленны и малонадежны в своей любви. Филипп же, убедившись в сдержанности и благоразумии своей дамы, был этим весьма удовлетворен и решил полностью отдаться своей любви. Заметив это и учтя многие похвальные качества рыцаря, дама также решила всем сердцем полюбить его и стала так награждать его своей благосклонностью, что Филиппу казалось, что она одна лишь на свете умеет любить. И конечно, ей хотелось бы дать ему отведать, к обоюдному их удовольствию, высших плодов любви, если бы этому не мешало постоянное пребывание мужа в городе и дома. Она известила Филиппа при помощи письма и посредников об этом своем твердом решении, и оба они принялись со страстью ожидать отъезда мужа во Фландрию, куда он намеревался отправиться на галерах, каковые со дня на день должны были прибыть в Пизу.

В то время как они были заняты столь приятными мыслями, герцогу Рене пришлось возвратиться во Францию, каковой отъезд принес обоим рыцарям много горечи, в особенности же тому из них, который так страстно любил и был любим; но, будучи принуждены к тому необходимостью, они удалились, опутанные сетями любви. Тем не менее Филипп обещал своей даме, что никакие дела, как бы они ни были значительны, не воспрепятствуют ему возвратиться и что он, как верный любовник, никогда, ни при каких условиях не покинет ее. И после того как он утешил ее другими, весьма сердечными словами, они пустились в путь. Когда же они прибыли с упомянутым государем во Францию, случилось, что с течением времени — вследствие ли новой любви или других занятий важными делами — Филипп хотя и помнил о своей оставленной даме, однако жгучее пламя стало мало-помалу угасать в нем, и он не только

забыл об обещанном возвращении, но редко, даже почти вовсе не отвечал на многочисленные получаемые от нее письма. Как только дама увидела, что совершенно покинута пылким любовником, она испытала столь великое горе, что была близка к сумасшествию; и все же, думая о высокой доблести рыцаря, она никак не могла убедить себя, что в благородном сердце может скрываться столько бесчеловечия. Однако, вспомнив о последних словах, которые он написал ей и передал через своего верного посланца, она задумала уязвить доблесть рыцаря при помощи небывалой и остроумной посылки, подвергнув его любовь последнему испытанию. Тотчас же она поручила одному замечательному мастеру изготовить ей золотой перстень весьма тонкой работы, вправив в него поддельный алмаз, но такой, чтобы подделка была ясно заметна; а на ободке перстня она велела вырезать несколько букв, составивших слова «*Lama zabatani*». Этот перстень она надлежащим образом завернула несколько раз в тончайший кембрик и послала его своему Филиппу с одним посвященным в дело флорентийским юношей, отправлявшимся во Францию по своим собственным делам. Она приказала этому юноше отдать перстень Филиппу с глазу на глаз и сказать ему только следующие слова: «Этот перстень посылает тебе та, которая любит тебя великой любовью и умоляет тебя удостоить ее надлежащего ответа».

Когда посланец прибыл с подарком и поручением к Филиппу, тот радостно принял его, но затем, рассмотрев качество перстня и надпись на нем, он несколько дней размышлял по поводу его значения и, не будучи в силах доискаться смысла, решил показать его своему другу Шарлю и нескольким другим рыцарям французского королевского двора. Эти последние, потратив все свое остроумие как вместе, так и порознь, также ни к чему не смогли прийти. В конце концов загадку разгадал герцог Жан, разумнейший синьор, у которого было гораздо больше ума для подачи советов другим людям, чем счастья для конечной победы в своих многочисленных начинаниях. На самом деле перстень как бы говорил: «Поддельный алмаз, зачем ты меня покинул?» Услышав это изречение, Филипп понял, что дама весьма тонко и справедливо упрекнула его за поддельную любовь; и он задумал таким же образом ответить на столь изящное послание и уплатить свой долг любви. Не желая долго затягивать это дело, он тут же обратился с просьбой к своему дорогому товарищу Шарлю, умоляя его во имя дружбы сопровождать его во Флоренцию для указанной цели. И хотя тому это было не очень удобно, однако, желая исполнить желание столь близкого друга и, кроме того, думая удовлетворить свою страсть к любимой девушке, он согласился без всяких возражений.

Пустившись в путь, они прибыли в надлежащее время во Флоренцию и, как только представился удобный случай, заявили о своем прибытии, гуляя под окнами своих дам. Немного времени спустя Филипп сообщил своей даме через обычного посланца, что хорошо понял сообщенное ему при помощи посланного ею кольца и, не зная, каким образом опровергнуть ее ложное мнение, решил доказать его ошибочность своим настоящим приездом, и потому ей остается теперь назначить ему час для свидания. Милая дама, которая вместе с сестрой крайне обрадовалась их приезду и сговорилась с нею о том, как поступать далее, услышав это нежное и любовное требование, преисполнилась такой радости, что, казалось, должна была завидовать самой себе. И чтобы не терять более времени, которого было уже столько упущено, она кратко ответила ему, чтобы он пришел вечером следующего дня к дверям ее дома. Когда пришел назначенный час, обрадованный Филипп прибыл со своим Шарлем в указанное место, где они нашли даму, радостно их ожидавшую. Приказав верной служанке открыть и ввести их внутрь дома, дама передала им через нее, что, вследствие невозможности поступить иначе, необходимо, чтобы Шарль, пока она будет наслаждаться с Филиппом, лег голым в кровать с ее мужем, дабы тот, проснувшись и почувствовав его в постели, принял его за жену, а иначе ее жизнь и честь подвергнутся опасности. И потому она умоляла Шарля, чтобы тот согласился ради них пустить в ход столь удобное средство, а не то им придется удалиться обратно. Услышав такую просьбу, Шарль, который готов был отправиться в ад, чтобы услужить товарищу, счел, однако, большим ущербом для своей чести, если ему случится быть там найденным голым; и потому он наотрез отказался отправиться туда в таком виде, предложив весьма охотно отправиться одетым и со шпагой в руке.

Филипп, возвратившийся из Франции только для того, чтобы быть принятым своей дамой, решил, что положение безвыходно, ибо ему казалось, что и приятель его прав, и дама поступает разумно. После долгих обсуждений, убедившись, что дама упорствует в своем решении, он, горя любовью более чем когда либо, почти плача попросил Шарля во имя уз их дружбы, чтобы тот удовлетворил его желание и желание его дамы, исполнив их просьбу, как она ни неприлична. Тогда Шарль, увидев, сколь велика страсть друга и в каком положении находится дело, решил скорее умереть, если это понадобится, чем отказать в чем-либо другу. Итак, служанка взяла Шарля за руку и провела его в темноте туда, где находилась дама; эта последняя, любезно его встретив, отвела его в свою комнату и заставила раздеться донага, после чего он лег в постель со шпагой в руке. И тихонько

попросив Шарля быть терпеливым и обещав, что она очень скоро возвратится, чтобы освободить его, дама радостно отправилась к своему Филиппу, и они, удалившись в другую комнату, дали полное и приятное завершение своей любви. Прождав не два, а целых четыре часа и полагая, что если не дама, то по крайней мере хоть благоразумный товарищ позаботится извлечь его оттуда, где он оставался против своего желания и во власти всяких опасений, Шарль, не слыша его прихода, заметил, что уже близится рассвет, и, подумав, сказал самому себе: «Если они, разгоряченные любовью, не беспокоятся о том, что оставили меня здесь в дураках, придется мне самому позаботиться о себе и о своей чести».

И, полагая, что муж дамы спит, он тихонько поднялся с постели и, накинув на плечи одежду, попробовал выйти. Убедившись, что дверь комнаты заперта снаружи на крепкий засов, он крайне опечалился и, не зная, где находятся окна комнаты и куда они выходят, со злобой в сердце возвратился в кровать. И хотя он слышал, что муж, проснувшись и ворочаясь на постели, не приближается к нему и не заговаривает с ним, он все же испытывал страх и недоверие. И в то время как он пребывал в этом мучительном раздумье, он увидел сквозь щели окон, что на дворе уже светло, и, опасаясь быть узнанным мужем, повернулся к нему спиной, собрался с духом и, держа наготове шпагу, которая могла пригодиться, лежал спокойно и с величайшей досадой, предоставив на усмотрение Фортуны все, что должно было случиться. И вот, немного времени спустя он услышал, что в доме вспыхнул пожар и что слуги побежали за водой, чтобы потушить его; тогда он решил лучше умереть, как подобает доброму рыцарю, чем быть найденным голым вместо женщины. Спрыгнув с постели, он извлек из ножен шпагу и напряг все свои силы, чтобы открыть дверь. Но в эту минуту ее отворили снаружи; несколько отступив назад, он увидел, как в комнату вошли Филипп и его возлюбленная, держась за руки и с весьма веселым видом, и, заметив, что он полон гнева и злобы, они ласково обняли его. Видя, что он продолжает стоять в полной растерянности, словно не зная, где находится, дама весело взяла его за руку и сказала:

— Синьор мой, любовь, которую я питаю к вам, вместе с любовью, которую вы питаете к другой женщине, дает мне смелость сказать вам то, о чем позволительно говорить между друзьями. Должно быть вам, французским рыцарям, природа отказала в том, чем она наделила даже грубых животных, и это я говорю потому, что не знаю таких прирученных или диких животных, у которых бы самец, охваченный любовью, не почуял самку. Вы же, разумный и мудрый рыцарь, возвратившийся сюда

из Франции вследствие любви, настолько по природе вялы и холодны, что, пробыв целую ночь рядом с женщиной, к которой выказывали столько любви, не узнали ее.

И, подведя его к постели, она ему показала свою сестру, которая лежала рядом с ним в течение всей этой ночи. Рыцарь был этим крайне пристыжен, а затем все четверо принялись так веселиться и хохотать, что едва могли держаться на ногах. После этого они порешили для исправления допущенной ошибки разделиться на две пары. И тогда Шарль, возвратившись в постель, сорвал нежный цветок и первый плод этого прекраснейшего сада, и оба рыцаря, торжествуя и наслаждаясь каждый со своей дамой, оставались до тех пор, пока на исходе дня не возвратился домой муж.

М А З У Ч Ч О

Если должно воздать заслуженные хвалы замечательной игре слов о фальшивом алмазе, придуманной женщиной, то не меньшее удовольствие вызывают и размышления о редкостной шутке, которую она сама сыграла с Шарлем, и о мучительных раздумьях, разноречивых мыслях и неподдельном страхе, испытанных за столь длинную ночь. Но после того как дело так весело окончилось, я думаю, что нужно лишь вынести определенное суждение о тех женщинах, которые сами пускаются на поиски мужчин. И, продолжая эту тему, я расскажу далее об одном происшествии с польской королевой, проявившей крайнюю жестокость и похотливость; впрочем,

все приходит в конце концов
к благополучному
завершению.



НОВЕЛЛА СОРОК ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Польская королева посылает на смерть одного из своих сыновей. Она забеременевает от одного рыцаря и рождает дочь. После многих и разнообразных приключений сын спасается; узнав истину, он казнит свою мать-королеву и, сделавшись королем, женится на дочери короля венгерского.

Превосходнейшему и доблестному синьору дону Феррандо де Гевара, графу Белькастро

П О С В Я Щ Е Н И Е

Многие годы знал я всю твою добродетельность, великодушный мой кастильский рыцарь, не уступающую добродетельности всего твоего знаменитейшего рода, и вот когда я решил написать для тебя одну из моих новелл, захотелось мне сделать так, чтобы она была высокого содержания и великих принципов, чтобы, читая ее, ты смог бы понять, что безрассудная дерзость, с которой сегодня женщины посылают на поиски тех, кого они любят, уже была, и не однажды, пущена в дело и применена на практике не только в нашем королевстве, но и в других местах, и притом проделывали это величайшие мастерицы, настолько отличающиеся от наших итальянок, насколько часто женщины, обитающие по ту сторону горных хребтов, применяют силу, когда им не хватает искусства, о чем ты с удивлением прочитаешь, превосходный мой господин граф.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Судя по тому, что я слышал от многих поляков, Джермино, король польский, был в свое время весьма мудрым и разумным государем; оставшись без жены и сыновей, он, хотя и приближа-

лись годы его старости, решил вторично жениться, чтобы не оставить после себя королевство чужому народу, и взял себе в жены дочь славного короля Боснии, молодую и весьма красивую, которая, будучи принята им с королевскими церемониями, так сильно ему понравилась, что он полюбил ее как собственную жизнь. Но так как королеве, по-видимому, не было достаточно того, что ей выпало на долю, она настойчиво решила поискать себе чужого добра для наслаждения. И, обратив свой взор на одного изящного придворного рыцаря, она, не желая никому довериться, самолично позвала его в свою комнату и весьма искусным образом потребовала у него, чтобы он согласился удовлетворить ее распутные желания, говоря:

— Тебе должна быть дорога моя любовь, потому что ты обязан принять в расчет, кто я такая и с какой страстью я говорю с тобою. И хотя тебе будет очень трудно пойти на это дело, рассуди, однако, что я подвергаюсь такой же опасности, как и ты, ибо Амур — великий владыка, перед силой которого еще не устоял ни один смертный. И хотя я могла бы тут же подтвердить тебе это многими примерами, есть, однако, один пример, которым ты должен удовольствоваться, чтобы затем поступить так, как я тебе приказываю: я говорю о могучем Геркулесе, который убил Цербера, содрал шкуру со льва, а затем вследствие любви научился прясть шерсть. Не буду вспоминать еще о Тезее, который, оставив свою Адриану, пожелал целиком принадлежать Федре, нисколько не заботясь при том о своем сыне Ипполите. Всех этих достоверных примеров достаточно, чтобы побудить тебя удовлетворить мое желание и влюбленное мое сердце, которое тает от любви к тебе. А кроме того, отвергнув меня, ты будешь причиной моей смерти, и, не будучи в состоянии впоследствии исправить это, ты будешь горевать, что сжил меня со света своей великой жестокостью. А потому приди мне на помощь сейчас, пока еще есть время.

Сказав это, она замолчала. Рыцарь, который был преисполнен многих доблестей, рассудив, какой страшный ущерб это нанесет чести и даже жизни его господина короля, привел ей ряд целомудренных возражений, говоря:

— С какой совестью и с каким лицом смогу я участвовать в таком гнусном преступлении? Ты — венец на голове моего государя, и я обязан быть ему верным, ибо к этому побуждает меня закон природы. Какая смерть, хотя бы самая жестокая и мучительная, сможет искупить такой поступок мой, содержащий оскорбление его величества? Кто может назваться выше его, стоящего на первой ступени? И все же, узнав о подобном сраме, мой господин предпочтет быть последним кухонным слугою или — что еще хуже — добровольно принять смерть! Пото-

му, славнейшая королева, откажитесь от вашего замысла и не опасайтесь, что я когда-нибудь сообщу другим об этом деле; напротив, я умолчу о нем, схоронив его в своем сердце, вас же буду всегда считать моей повелительницей. Если же, сверх ожидания, вашей милости будет угодно отправить меня в изгнание, то скажите мне об этом сейчас же, и я отправлюсь туда, куда вы мне прикажете, буду питаться дикими травами и избегать встречи с кем-либо из живых людей. И чтобы закончить мою речь должным образом, скажу, что лучше вынести тысячу смертей, чем когда-либо опуститься до столь гнусного поступка.

На это королева ответила ему в великом смущении:

— Видишь ли, мессер Домицио, я сейчас беременна от короля, и если ты решишься удовлетворить мое желание, то клянусь тебе честью, что, как только разрешусь от бремени, тотчас же убью то, что у меня родится, а затем забеременею от тебя (в чем я не сомневаюсь), а помимо того, что ты до конца своей жизни будешь наслаждаться моим телом и моим состоянием, та наследница, которая родится у нас, будет тщательно воспитана, как если бы она была королевской дочерью, и, без сомнения, унаследует наше королевство. Если же ты будешь упорствовать в своем отказе, то позаботься удалиться отсюда, чтобы я никогда о тебе не слышала, ибо, клянусь, я прикажу тебя позорно казнить, как только узнаю, где ты находишься.

Рыцарь, весьма напуганный этими жестокими угрозами и побуждаемый столькими благами, обещанными ему в настоящем и будущем, а также прелестями королевы, быстро взвесил все доводы и в конце концов решил сделать все, что ему приказывала королева. И так они, не выходя из комнаты, полностью удовлетворили свое похотливое желание и сорвали нежные цветы любви; и само собою разумеется, что они и впредь с великим удовольствием наслаждались этой тайной любовью, как только представлялся к тому удобный повод. И вот случилось, что в положенный срок королева родила прекраснейшего сына, появление которого доставило великую радость королю, всем баронам и народу. При крещении его назвали Адриано. И хотя нечестивая королева как мать горевала в своем сердце от того, что должна его, как было решено, умертвить, однако, не желая гневить своего любовника и будучи более, чем когда-либо, опутана сетями любви и прелюбодеяния, она в конце концов решила привести в исполнение намеченный ею жесточайший и отвратительный план.

При дворе короля, ее мужа, случайно укрывался с женой и сыновьями один венгерский рыцарь, который чем-то навлек на себя гнев венгерского короля и был присужден к изгнанию. И вот, услышав, что жена венгерца тоже родила на днях весьма красивого сына, королева подумала, что одна эта

женщина сможет ей помочь в осуществлении ее замысла. И, призвав ее к себе, она сказала ей после всяких любезностей:

— Дорогая моя Костанца, ты настолько разумна, что сама сможешь учесть, сколь велика важность того, что я намерена доверить тебе, и сколь необходимо, чтобы ты держала это дело в секрете. Потому прошу тебя, во имя единого бога, а также тех милостей, которые ты уже получила от меня, и других, еще больших, которые получишь: соблаговоли удовлетворить, с величайшей выгодой для себя, мое желание, а затем хранить об этом деле такое молчание, какого, как ты сама увидишь, оно требует.

Костанца с великим смирением попросила королеву удовлетворить ее желание, доверившись ей, хотя она этого и не заслуживает, и прибавила, что она скорее умрет, чем откроет кому-либо из людей то, что ей будет рассказано. Тогда королева сказала ей:

По некоторым причинам, весьма важным, но которые я сейчас не могу тебе открыть, необходимо, чтобы твой сын поменялся местом с моим и королевским сыном. И следствием этого обмена можешь в этом не сомневаться — будет то, что твой сын унаследует королевство. А почему мне так хочется, хоть я и мать своего ребенка,— этого, знай, я не могу тебе открыть, как ты сама можешь понять; тем не менее я вверяю это желание мое твоим заботам и благосклонности Фортуны.

Хотя такая странная просьба посеяла в голове Костанцы множество сомнений, однако, будучи чужеземкой и испытывая крайнюю нужду, она подумала о выгоде сделанного ей предложения в данное время и о том, что может ожидать ее сына в будущем, и ответила, что готова исполнить желание королевы. Возвратясь домой, она посоветовалась с мужем, и оба решили, по указанным причинам, привести это дело в исполнение. Тогда Костанца взяла своего сына и отнесла его в комнату королевы; здесь они обменяли у сыновей пеленки и прочее белье, и так осуществили сделку, о которой договорились.

О жестокая Фортуна, кто сможет остановить твое быстрое и опасное колесо? О Фортуна, которую отрицают великие государи и всячески изгоняет наш век, не потому ли ты им подчас мстишь, если только не делаешь этого из лютой ярости? Тебе ведь было хорошо известно, к чему должен был привести этот заговор! Костанца думала одно, королева — другое: помышляя о том, чтобы сделать собственного сына королем, Костанца не предвидела близкой смерти своего невинного ребенка; королеве же была неизвестна заботливость бедной кормилицы, которая, будучи матерью, пеклась о чужом ребенке так же, как и о собственном. Пускай тот, у кого есть разум, подумает над этим! Костанца вернулась в свою маленькую комнату с прелестнейшим королевским ребенком, завернутым в убогие тряпки; своего же

ребенка она оставила в великолепии, которое длилось для него, правда, недолго. И хотя она прекрасно поняла тайное желание королевы, чтобы Адриано вовсе не пробовал ни ее, ни другого молока, однако, приняв во внимание коварство злодейки-матери и невинность бедного младенца, а также побуждаемая своей совестью, она решила, хотя бы рискуя собственной жизнью, воспитать его, как родного сына, с великой нежностью. Так она и поступила. Немного времени спустя она уведомила королеву, что ребенок умер, сама же продолжала тайком воспитывать его у себя в доме. Между тем нечестивая королева, плывя в противоположном направлении, не дала прожить сыну бедной Костанцы даже месяца; неистовой рукой она лишила его жизни, а затем, прикинувшись опечаленной его смертью, грустя и плача, искусным образом объяснила королю, всему остальному двору, а также Костанце, что кончина ребенка была вызвана естественными причинами. И это ужасное происшествие повергло короля и всех названных лиц в невыносимую скорбь. Мессер Домицио был твердо уверен в смерти ребенка, рожденного королевой, и, хотя она ему крайне нравилась, он все же очень дивился ей и про себя говорил, что она превзошла жестокостью всех преступных женщин. Однако ни это, ни что-либо другое не в силах было оторвать его от начатого дела, и они продолжали его к обоюдному удовольствию, пока королева не забеременела от него и не родила в надлежащий срок весьма красивую девочку; король же, признав ее за свою дочь, выразил по этому поводу великую радость.

Костанца, безмерно опечаленная, втихомолку горько оплакивала вместе со своим мужем смерть сына. Будучи женщиной опытной и смышленой, она отлично подметила близость королевы к рыцарю, ее любовнику, и оказываемую ему благосклонность, переходившую границы долга и целомудрия, и в конце концов так хорошо поняла это дело, как если бы оно случилось с нею самою, после чего, охваченная печалью и злобой по поводу такого великого злодейства, она утратила душевный покой. И так как ее муж, благодаря заступничеству польского короля, снова вошел в милость короля венгерского, они возвратились в Венгрию (что случилось вскоре после смерти их сына); в числе других детей они тайком увезли с собой и Адриано, которого они любили не меньше, чем собственного сына, и с нежностью воспитывали. Прибыв в Венгрию, они были милостиво и с почетом приняты своим новым повелителем. И вот, в то время как Костанца постоянно посещала венгерскую королеву, всегда ласково с ней обходившуюся, случилось, что у королевы, имевшей прекраснейшего сына почти одного возраста с Адриано, захворала кормилица, так что она не могла дольше кормить ребенка.

Тогда королева, нежно любившая своего сына, призвала многих дам, предлагая им эту обязанность; но, видимо, небу было угодно, чтобы ребенок не пожелал принять молока ни от одной из них, кроме Костанцы, к груди которой он припал с таким же удовольствием, с каким сосал грудь своей кормилицы. Королева была этим чрезвычайно довольна и ласково попросила Костанцу взять на себя труд кормить ее ребенка, пока она не найдет другого способа. Костанце эта просьба была очень приятна, и она охотно предложила себя для этой службы. Тогда королева велела тотчас же приготовить во дворце комнату для нее и для ее семьи, и, поселившись там, Костанца принялась с величайшей любовью и старанием воспитывать обоих детей.

Но Фортуне не было угодно для блага других, чтобы Костанца долго пребывала около столь достойной и славной четы. Случилось однажды, что в то время, как она сидела между двумя мальчиками, ей сильно захотелось спать, и, засыпая, она навалилась на сына венгерского короля и так его придушила, что, проснувшись, нашла его мертвым. Огорченная до смерти, как каждый может себе представить, она долго его оплакивала, но затем, видя, что слезы здесь не помогут, решила позаботиться о собственном спасении и, взяв горячо любимого ею Адриано, который был очень похож на покойного мальчика, одела его в платье последнего, после чего с помощью мужа потихоньку зарыла в землю мертвого мальчика, а утром, по обыкновению, показала королеве живого, и ни королева, ни кто-либо другой не узнали в нем ее ребенка. После этого происшествия Костанца стала еще старательнее и с удвоенной любовью воспитывать своего Адриано. Когда же тот достиг возмужалости, он стал примером доблести и красоты для всех венгров. Между тем польская королева, которая овдовела немного времени спустя после совершенного ею ужасного злодейства и, кроме своей чрезвычайно красивой незаконной дочери, не имела других детей ни от любовника, ни от других мужчин, решила выдать свою дочь за дважды обмененного сына венгерского короля (хотя он и был вторым сыном), а в качестве приданого за дочерью дать польское королевство. Задумав это, она отправила для передачи своего предложения почетное посольство к венгерскому королю, и тот подписал договор, закреплявший этот родственный союз. Когда же пришло время отпраздновать торжественное венчание, король, условившись обо всем с Адриано и Костанцей, снарядил пышный свадебный поезд. Когда они пустились в путь и уже вступили в польское королевство, Костанца решила, что пора открыть своему дорогому сыну глаза на гнусный поступок, который он, невинный, собирался совершить с таким удовольствием. Вместе со своим мужем она тайком отозвала его в сторону

и после надлежащего пристойного вступления рассказала ему, чей он сын, как и почему он был ею воспитан и по какой причине его считали сыном венгерского короля, а к этому присовокупила все, что знала о случившемся между его матерью и рыцарем, его отчимом, и все остальное, что произошло до этого времени.

Адриано, которого теперь звали Адоардо, с величайшим изумлением и печалью выслушал рассказ о превратностях своей судьбы, и так как никаких слов ему не хватало, чтобы отблагодарить дорогую кормилицу за столько полученных от нее благодеяний, то он мысленно решил вознаградить ее на деле так, чтобы современники и потомки похвалили его за благодарность. И хотя он был гораздо разумнее, чем это требовалось для его юного возраста, однако, посоветовавшись с Костанцей и ее мужем, он задумал с величайшим мужеством привести в исполнение принятое ими всеми решение. Прибыв в назначенное место, он был встречен польской королевой, ее баронами и народом с великим торжеством и почетом, которые подобали столь великому государю. На следующее утро, отслужив с надлежащими церемониями обедню, он обручился и обвенчался с дочерью своей собственной матери. С приближением же часа, когда они должны были сочетаться браком, новый король искусно притворился больным, вследствие чего, по совету его врача, их соединение было отложено до того времени, пока он вполне оправится. Между тем Адриано мирно вступил в полное владение королевством со всеми его княжествами, заслужил должное уважение баронов и народа и укрепил свою власть до такой степени, что ему уже не приходилось никого бояться. После этого он велел однажды ночью тайно схватить мать и мессера Домицио и подвергнуть их порознь ужасным пыткам, под воздействием которых каждый из них в отдельности целиком сознался в том, как все произошло с начала до конца. Это признание он заставил их обоих подтвердить при всем народе и, присовокупив к нему показания Костанцы и ее мужа, велел составить из всего этого акт, копии которого он разослал всем христианским государям для очищения своей чести. А на следующее утро он приказал публично сжечь преступную мать вместе с вероломным рыцарем на одном костре, как это им полагалось. Сестре же, которая была невинна, он велел остричь волосы и тщательно содержать ее в монастыре до конца жизни. Исполнив это, он послал двух своих наиболее чтимых баронов к венгерскому королю, чтобы подробно разъяснить ему это дело, а также сказать ему, что он, Адриано, сознавая, что обязан своей жизнью и положением его величеству, просит его располагать им самим и его потомством так, как он предполагал поступить раньше, когда, считая Адриано собственным сыном, сделал ему столько добра. Венгерский король,

который с великим изумлением и немалой печалью уже прослышал об этом деле, всесторонне и тщательно обдумал это необыкновенное происшествие и, будучи человеком весьма разумным, решил, что раз уж он потерял в польском короле сына, то по крайней мере может обрести в нем зятя; и так как у него была весьма красивая и прелестная дочь, он дал ее Адриано в жены, с обоюдного их согласия и желания. Адриано встретил ее с величайшим торжеством и королевской пышностью, а затем дал видное положение Костанце и ее мужу и сделал их членами своего тайного совета, после чего много лет царствовал, наслаждаясь жизнью, весьма любя свою жену, принесшую ему прекрасных детей, в мире и спокойствии, с благоволением божьим и на счастье своих подданных.

М А З У Ч Ч О

Столь добродетельна, свята и совершенна правда, что никакой порок или злодейство не в состоянии нанести ей вред, запятнать или в чем-либо ущемить ее так, чтобы в конце концов это не вышло на поверхность по божественному ли или по человеческому соизволению или же по самой ее доброй природе; ведь при этом ей приходится проходить по опаснейшим водам, не замочив ни единой складки своей одежды, ни даже ног; достоверное свидетельство всему этому — испытания, выпавшие на долю нашему Адриано, а также история его матери и кормилицы. Но оставляю нового короля наслаждаться с молодой супругой, сам же я займусь лишь судьбой ребенка, обреченного матерью на смерть, но в результате самых разнообразных происшествий все-таки вернувшегося к своему первоначальному положению, и расскажу другую достойную внимания и весьма жалостную историю об одном нашем рыцаре из Салерно, который по заслугам отправил на смерть свою собственную дочь, она же в результате некоторых совершенно немыслимых и необычайнейших происшествий вернулась вместе с любовником
распоряжаться отцовским наследством
и завершила все это с честью
и весело.



НОВЕЛЛА СОРОК ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Мессер Маццео Протоджудиче застает свою дочь с Антонио Марчелли, который убегает, не будучи узнан. Отец посылает дочь на смерть, но слуги, пожалев ее, отпускают ее на свободу. Переодевшись мужчиной, она отправляется ко двору герцога Калабрийского, приезжает со своим государем в Салерно, поселяется в доме возлюбленного и узнает, что он стал наследником ее отца. Она открывается ему, они сочетаются браком и получают отцовское наследство.

Великолепному мессеру Джованни Гварна

П О С В Я Щ Е Н И Е

Я убежден, великолепный мой мессер Джованни, что тебе, добровольно лишившему себя на некоторое время родины, друзей и родственников, доставят особенное удовольствие письма друзей и упоминания о наших старых соотечественниках; поэтому-то я подумал, что, сочиняя для тебя настоящую новеллу, я отчасти воздам должное тебе и нашей с тобой дружбе, продолжающейся столько лет, чтобы, когда ты будешь читать ее в столь большом от меня отдалении, перед твоим мысленным взором постоянно бы находился твой Мазуччо. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Помнится мне, я много раз слышал от своего старого деда достоверный рассказ о том, как во времена Карла II жил в Салерно выдающийся рыцарь из старинного и знатного рода, по имени мессер Маццео Протоджудиче, который более всех своих соотечественников был богат деньгами и прочим имуществом. Когда он был уже в престарелом возрасте, у него скончалась жена,

оставив ему дочь, прозывавшуюся Вероникой, девушку весьма красивую и скромную, которую отец, хотя многие и добивались ее руки, не выдавал замуж — потому ли, что он ее чрезвычайно любил, как единственную и добродетельную дочь, или же потому, что хотел выдать ее за особенно знатного человека. И вот случилось, что один благородный юноша, по имени Антонио Марчелли, с детских лет постоянно бывавший в их доме под предлогом дальнего родства с женой рыцаря, так сильно полюбился Веронике, что она не могла найти себе покоя. И хотя Антонио был весьма честен и скромен, а отец Вероники любил его как собственного сына, однако, угадав чувства к нему девушки, он, по молодости своей, не смог защититься своим слабым разумом от натиска любви и загорелся тем же пламенем; и так как положение дел благоприятствовало их обоюдному желанию, они естественным образом вкусили сладчайших плодов любви. Но хотя они с большой осторожностью продолжали наслаждаться своей любовью, однако их предусмотрительность была бессильна отвратить великое крушение, которое приготовила им завистливая Фортуна. Итак, однажды ночью, когда они были вместе, радостные и ничего не подозревающие, случилось, что по непредвиденной случайности их проследил один домашний слуга, который тотчас же позвал рыцаря и все ему рассказал, а тот, придя в ярость, отправился со своими слугами туда, где находились влюбленные, которые среди своего блаженства были застигнуты врасплох. Однако Антонио, который был весьма силен и мужествен, силой вырвался у них из рук и, со шпагой в руке проложив себе дорогу, вернулся домой, не подвергшись никакому оскорблению и никем не узнанный.

Мессер Маццео смертельно огорчился, увидев, как обстоит дело, и захотел узнать у дочери имя бежавшего юноши. Она же, будучи осторожной и зная непоколебимую твердость своего отца, который ни в коем случае не пощадил бы жизнь ее возлюбленного, дабы не закончить дни своей старости под столь тяжким бременем,— рассудила, что жизнь возлюбленного ей дороже ее собственной, и решительно ответила отцу, что скорее готова подвергнуться любой пытке и даже смерти, чем назвать юношу. Вне себя от ярости, отец подверг ее различным пыткам, но, видя, что она упорствует в своем запирательстве, он, невзирая на свое отцовское чувство, решил в конце концов умертвить дочь. И тотчас же, не желая более ее видеть, он приказал двум своим верным слугам немедленно выехать на лодке и бросить ее в море, предварительно проволочив ее несколько миль за лодкой.

Слуги волей-неволей должны были повиноваться и, быстро связав ее, отвели ее на берег моря; здесь, пока они приготовляли лодку, один из них проникся жалостью и стал искусно подговари-

вать своего товарища, который с не меньшим сожалением принимал участие в этом жестоком деле; и, слово за словом, они по обоюдному соглашению решили не убивать Веронику и не только подарить ей жизнь, но и отпустить на свободу. Они развязали ее и сказали, что, ее пожалев, не хотят исполнить предписанного им отцом жестокого приговора. В награду же за это они попросили ее, чтобы она, помня о столь великом благодеянии, покинула родной город, дабы в течение некоторого времени ее отец ничего не узнал об этом их поступке. Бедная девушка, увидя, что ее собственные слуги дарят ей жизнь и что ей нечем их отблагодарить за такое благодеяние, попросила у воздателя всех благ, чтобы он вместо нее вознаградил их за столь бесценный дар, после чего, немного оправившись от испытанного ею страха и ужаса, поклялась им тем спасением, которое они ей подарили, вести себя таким образом, что не только безжалостный отец, но ни один человек на свете никогда о ней ничего не узнает. Тогда слуги остригли ей волосы, как сумели, переодели ее мужчиной в свое собственное платье, дали немного денег, которые имели при себе, и, направив ее на дорогу, ведущую в Неаполь, расстались с нею, проливая слезы. Вернувшись домой с платьем Вероники, они уверили своего господина в том, что убили Веронику и, привязав ей к шее большой камень, утопили ее в море, на расстоянии около десяти миль от берега.

Благородная и несчастная девушка, которая никогда не выходила из города, чувствовала на каждом шагу, что падает духом при одной мысли о том, что покидает своего Антонио без надежды когда-либо снова увидеть его; и много тщетных мыслей о возвращении назад проносились в ее голове, но при воспоминании о полученном благодеянии и о данном ею обещании благодарность, цветок всякой добродетели, возымела в ней такую силу, что отогнала все другие мысли. Она пустилась в путь и, хотя ей было непривычно ходить пешком, шла вперед, отдавшись на милость божию и сама не зная, куда идет. Так брела она в величайшей печали всю остальную часть ночи и на рассвете очутилась около Ночеры, где ее нагнала какая-то компания, направлявшаяся в Неаполь, к которой она примкнула. В числе ее спутников был один калабрийский дворянин, который нес несколько линялых соколов герцогу Калабрийскому. Заметив приятную наружность мнимого юноши, он спросил у него, откуда он родом и не желает ли получить какую-либо должность. Вероника в детстве передразнивала одну апулийскую старуху и выучила от нее много слов этого наречия, которыми ей случалось постоянно пользоваться; потому она отвечала:

— Мессер, я родом из Апулии и оставил свой дом только для

того, чтобы найти себе какую-либо должность; но, будучи сыном благородного отца, я не хотел бы заняться низкой работой.

Тогда калабриец сказал:

— По душе ли вам будет ходить за соколом?

Предложение это очень понравилось Веронике, ибо в доме своего отца она с большой нежностью ходила не то что за одним, но за многими соколами, и она ответила, что с самого детства она только этим и занималась. И после многих бесед во время пути она сговорилась с калабрийцем, что будет ходить за соколом. По прибытии в Неаполь покровитель Вероники приодел ее так, что она действительно стала похожа на красивого и изящного оруженосца. И по причине ли приятной наружности Вероники, расположившей к себе герцога, или же потому, что так решила судьба, но только случилось, что во время осмотра соколов герцог выбрал апулийца вместе с соколом, за которым тот превосходно ходил. И после того как это совершилось, Вероника была зачислена в герцогскую свиту и отведена во дворец одним неаполитанским дворянином. Она проявила столько достоинств и так хорошо служила, что в скором времени приобрела расположение государя и стала одним из первых его любимцев и приближенных; и это расположение все увеличивалось до тех пор, пока Фортуне не заблагорассудилось направить ее судьбу по другому пути.

Старик отец впал в глубокую тоску, и так как слух об этом происшествии распространился в народе, то он большую часть времени проводил, запершись дома, и только изредка показывался в городе, одинокий и печальный. Антонио же горькими и кровавыми слезами долго оплакивал смерть своей Вероники, а затем осторожно разведал, что рыцарь никак не мог узнать, кто такой был бежавший юноша, и, желая отвести от себя всякое подозрение, а также испытывая сочувствие к старику, через несколько дней после происшедшего события стал постоянно посещать с нежнейшей любовью его дом, сопровождая рыцаря в его прогулках за город и ведя себя по отношению к нему, как родной сын, послушный, почтительный и любящий. Мессеру Маццео он стал чрезвычайно дорог, ибо старик видел, что один Антонио не оставил его в такой беде. По этой причине, а также ввиду исключительных доблестей юноши он, естественно, полюбил его, как родного сына, и перенес на него всю свою привязанность, так что и часа не мог прожить без своего Антонио. И, видя, что тот столь почтителен и продолжает служить ему с любовью и боязнью, рыцарь задумал, раз уж злая судьба оставила его без наследников, усыновить Антонио при жизни и после смерти. Остановившись на этой мысли, он составил завещание и назначил Антонио наследником всего своего движимого и недвижимо-

го имущества, и спустя немного времени он ушел из этого мира. Антонио, сделавшись господином такого большого наследства, переехал в собственный дом рыцаря, и не было здесь ни одного места, где бы он не плакал и не стонал при воспоминании о своей возлюбленной, постоянно размышляя о том, что она предпочла умереть, чем выдать его: и, побуждаемый долгом любви и мыслями о своей Веронике, он предписал себе никогда не жениться.

И в то время как дело обстояло таким образом, случилось, что герцог задумал проехать в Калабрию, что нашему апулийцу было весьма приятно, так как ему представлялась возможность не только снова увидеть оставленную родину, но, быть может, и напасть на след своего возлюбленного, а также и повидать отца, к которому он не в силах был питать ненависти; ибо он никогда не расспрашивал о них, чтобы не выдать себя каким-нибудь образом, и потому ничего о них не знал. Когда они приехали в Салерно и вся свита герцога разместилась в разных домах соответственно положению каждого, самой Фортуне было угодно, чтобы, по неожиданному приказу, Антонио Марчелли выпало на долю принять в своем доме апулийца и его приятеля. Какую радость это доставило Веронике, каждый может себе вообразить. Антонио принял их с большим почетом, обласкал и вечером угостил роскошным ужином в той самой лоджии, где он чаще всего наслаждался со своей возлюбленной. Он внимательно рассматривал то одного, то другого рыцаря, и ему то и дело представлялся облик его возлюбленной, и, вспоминая о ее жизни и смерти, он сопровождал каждое слово свое горячими вздохами.

Вероника, заметив, что ее привели в ее собственный дом, была, правда, весьма обрадована, увидев своего бедного любовника господином всего имущества; однако, не находя ни отца, ни кого-либо из домашних, которых она оставила в доме, она была охвачена естественной печалью, и, хотя ей страстно хотелось узнать, что случилось, она боялась об этом спросить. И вот, пока она сидела в таком смущении за ужином, ее товарищ спросил Антонио, его ли гербы нарисованы в лоджии. На это Антонио ответил, что гербы эти — не его и что раньше они принадлежали достойнейшему рыцарю, называвшемуся мессером Маццео Протоджудиче, который, оставшись в старости бездетным, сделал его наследником всего своего имущества; и он, будучи им усыновлен, унаследовал от него не только имущество, но также родовое имя и герб, как от родного отца. Услышав эту новость, Вероника преисполнилась такой неожиданной радости, что едва могла сдержать слезы; однако она пересилила себя и спокойно закончила ужин. Но по окончании ужина она

решила, что настало время принять в раскрытые объятия свое добро, сохраненное ей до этого времени любезной Фортуной. Она взяла Антонио за руку и, оставив товарища со всеми другими гостями, вошла с ним в дом. И хотя она раньше решила предварительно сказать несколько слов Антонио, чтобы испытать, не узнает ли он ее, она не могла открыть рта от радости и слез и, ослабев, упала в его объятия, говоря:

— О мой Антонио, может ли это быть, чтобы ты меня не узнал?

Ему же, как я сказал, уже раньше казалось, что он видит свою Веронику; теперь же, слыша ее слова, он тотчас перестал сомневаться и, охваченный величайшей нежностью, воскликнул:

— Душа моя, неужели ты еще жива?

Произнеся это, он также упал в ее объятия.

И после того как они в течение долгого времени, не произнося ни слова, лежали друг у друга в объятиях, они пришли в себя и поведали свои приключения. Решив, что времени терять не следует, Антонио, к их обоюдному удовольствию, вкратце изложил ей, как, по его мнению, следует поступить. И, выйдя с Вероникой из комнаты, Антонио, хотя час был уже поздний, немедленно послал за всеми родственниками Вероники и своими, прося их прийти к нему по одному делу величайшей важности. Родственники тотчас же явились, и, когда все собрались, Антонио попросил их сопровождать его во дворец государя, где он при их содействии намеревался попросить у герцога милостиво восстановить его права на одно ленное дворянское владение, которое принадлежало мессеру Маццео, но в течение многих лет было занято другими и не приносило ему никакого дохода, ввиду того что он не знал о его существовании. Все охотно отправились с ним, и, когда они пришли к государю, Антонио взял Веронику за руку и в присутствии всех находившихся при этом они оба, точно и ничего не утаивая, рассказали все происшедшее с ними, после чего объявили, что они уже с самого начала своей любви стали мужем и женой, по обоюдному соглашению и доверию, и что они намерены теперь с милостивого согласия его величества публично закрепить свой брак с помощью положенных обрядов. И хотя герцог вместе со своими баронами и родственниками обоих молодых людей, а также все другие граждане и чужеземцы пришли в изумление, выслушав повесть об этих необычайных происшествиях, однако всем было весьма приятно видеть, что дело завершилось к общему благу и чести; и все с восторгом одобрили как поведение Антонио, так и доблесть его возлюбленной. Герцог, крайне довольный, отослал их домой, а на следующее утро велел отслужить торжественную мессу

и достойным образом обвенчать Веронику и Антонио в своем присутствии, а также в присутствии многих других дворян и народа, ко всеобщему удовлетворению наших салернитанцев. Он сделал им роскошные подарки, и они закончили дни своей долгой жизни в счастье, богатстве и взаимной любви, окруженные своими прекрасными детьми.

М А З У Ч Ч О

Поскольку конец рассказанной новеллы был столь радостным и веселым, столь возвышенным и обнадеживающим и потому сострадание к горестям и несчастиям других людей в конце концов смягчается, поэтому-то я оставляю двоих страстных любовников наверстывать упущенное время; и так как герцог Калабрийский заставляет помышлять лишь о добродетели самого недавнего времени, то я последую установленному порядку и расскажу еще раз о великодушии и добродетельной щедрости, проявленной нашим теперешним знаменитейшим государем герцогом Калабрийским; и подобно тому как он, несомненно, превосходит других правителей всеми своими добродетелями, так и эта новелла, которую я намереваюсь посвятить его знаменитейшей Супруге, намного превосходит все рассказанные прежде, как легко поймет тот, кто ее прочитает.



НОВЕЛЛА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Марино Караччоло любит одну даму и любим сю; они готовы заключить союз любви. Дама видит, что герцог Калабрии гораздо любезнее Марино, оставляет первое предприятие, занимается вторым и добивается того, чтобы герцог пришел с нею наслаждаться. Последний, решив уже пойти к ней, узнает о страсти своего друга, великодушно лишает себя удовольствия и делает Марино обладателем добычи.

Светлейшей Ипполите-Марии де Висконти Арагонской, герцогине Калабрийской

П О С В Я Щ Е Н И Е



сли, слушая о добродетелях далеких чужестранцев, моя ясная Звезда, сияющая и по ту сторону гор, добродетельные слушатели получают большое утешение, то насколько же большей должна быть и по праву является радость и внутреннее удовлетворение тех, кто слышит высокие похвалы людям, с которыми они связаны дружественными или кровными узами. И поскольку все мои мысли направлены на то, чтобы написать тебе что-нибудь, что сможет тебя как только можно больше обрадовать, то я не скрою от тебя, являющейся сегодня в наш век единственным образцом добродетели, рассказа о редком и, может быть, никогда не виданном среди людей великодушии того, кто тебе дороже твоей собственной жизни, да и по праву, ведь вы с ним из двух разъединенных тел создали в брачном союзе единую плоть. И пусть, прочтя мою историю, ты присоединишь великодушие к другим достоинствам твоего замечательного и доблестного супруга и вся твоя любовь к нему станет еще больше день ото дня и будет расти вместе с радостью, а твое хорошее настроение еще более возрастет. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Я расскажу твоему высочеству о том, как после недавней войны в Романье, вследствие того что состояние погоды препятствовало продолжению военных действий, обе державы отвели свои войска, кто в одно, кто в другое место, в зависимости от того, где им было удобнее; и в числе других местностей Пизанскому графству выпала на долю честь принять славного государя Альфонса, герцога Калабрийского, твоего достойнейшего супруга. Отправившись туда со своим непобедимым и могущественным арагонским войском, он разместил своих воинов по крепостям и окружным селениям, согласно тому, как это предписывалось военной наукой. Закончив это, он счел нужным самолично объездить множество могущественных итальянских городов и местностей, чтобы договориться о важных делах, касавшихся дел и интересов лиги. Во всех городах его принимали с великим торжеством и радостью и оказывали большой почет. И вот случилось, что в одном из упомянутых городов, называть который нет необходимости, герцогу захотелось задержаться долее, чем в других местах. И пока он проводил здесь время в приятных развлечениях и беспрестанных празднествах, случилось, что один весьма приближенный к нему рыцарь, славный благородством своего происхождения и личными доблестями, по имени Марино Караччоло, прогуливаясь однажды вечером для собственного удовольствия по городу, увидел одну прелестную, молодую и очень красивую даму, жену одного знатного горожанина; дама эта ему чрезвычайно понравилась, и он тут же на месте почувствовал себя настолько опутанным сетями любви, что не знал, какую дорогу избрать для возвращения домой. Он ежедневно стал прогуливаться около ее дома и вежливо ухаживать за нею, причем так старался, что заставил наконец даму полюбить также и его; и так как она по большей части награждала его любезными взглядами и мило отвечала на его поклоны, Марино был этим весьма доволен, надеясь впоследствии добиться еще большего счастья.

Однажды в честь упомянутого синьора герцога было устроено празднество, на которое явилось большинство дам этого города, в том числе и та дама, которую так любил и почитал Марино. Эта последняя была замечена государем, как одна из первых красавиц, и весьма ему понравилась; и так как герцог вовсе не знал, что горячо любимый им Марино влюблен в эту даму, то он решил взяться за это весьма достойное предприятие и довести его до конца. Прелестная дама никогда раньше не видела упомянутого государя, хотя и слышала, как многие необычайно расхваливали его, уверяя, что он превосходит всех других государей своей

мудростью, воспитанностью, предусмотрительностью, воинской доблестью, силою, мужеством и великодушием. Теперь же она убедилась, что в присутствии герцога слава его отнюдь не тускнеет и что по красоте и изяществу он является образцом и примером для всех мужчин. И, размышляя обо всех этих достоинствах герцога, она все время пристально глядела на него, моля богов даровать ему во всем удачу. Государь, которому, как сказано, дама эта чрезвычайно понравилась, также, гонясь по следу, все поглядывал на нее и убедился, что она, несомненно, влюбилась в него не менее, чем он в нее. Таким-то образом, оба они, прежде чем расстаться, получили явное подтверждение того, что одинаково влюблены друг в друга. Вернувшись домой, государь тотчас тайно разузнал все подробности о даме и стал обмениваться с нею посланиями и записками, а затем оба они, ввиду близившегося отъезда государя, сочли нужным поскорее перейти к последним ступеням любви и при посредстве одного посвященного в это дело человека сговорились встретиться в ближайшую ночь, ввиду того что муж дамы накануне выехал в Геную.

Между тем дама, имея в виду новое и более крупное предприятие, настолько лишила Марино своего расположения, что не только скупилась на обычные ласковые взгляды, но с каждым днем становилась к нему все более суровой, жестокой и враждебной. Марино был этим, как всякий может понять, чрезвычайно опечален, тем более что он, казалось, не дал никакого повода к такой необычайной перемене. Не находя себе покоя, он впал в столь великую скорбь, что совершенно изменился в лице и стал не похож на себя. Государь много раз спрашивал его о причине его недомогания, но Марино в ответ рассказывал ему одни небылицы. И вот случилось, что приблизился час, когда государь собирался отправиться к даме для ожидаемого наслаждения, и, не желая вступать на этот путь без Марино, он призвал его к себе в комнату и сказал следующее:

— Видя тебя, мой милый Марино, все эти дни таким невеселым и будучи не в состоянии допытаться о причине этого, я решил не беспокоить тебя чем-либо наперекор твоему желанию. Вот почему я не сообщил тебе, единственному поверенному всех моих тайн, о своей новой чрезвычайно пылкой любви и о победе, которая, как я ожидаю, последует через несколько часов. Итак, прошу тебя, во имя того повиновения, которым ты мне обязан, и любви, которую ты ко мне питаешь, открой мне тотчас же свою подлинную тайную страсть и, кроме того, прогони хоть отчасти свою тоску и печаль и постарайся стать возможно более веселым, ибо без тебя я неохотно пущусь в этот путь.

Когда Марино услышал столь ласковые слова, он решил, что нанес немалое оскорбление своему государю, скрывая от него так

долго свою любовь. Он принес ему ряд надлежащих поспешных извинений и подробно рассказал все с самого начала о своей любви: и кто такая любимая им женщина, и все то хорошее и плохое, что ему пришлось при этом испытать. Выслушав этот рассказ, который по многим причинам пришелся ему не особенно по душе, государь несколько призадумался; но затем, оценив силу страсти своего слуги и рассудив, что, чем выше его собственный сан и душевное величие, тем большую щедрость он должен проявлять, герцог тотчас же почувствовал, что ему будет несравненно приятнее доставить радость другу, чем удовлетворить свою чувственность. Потому он сказал ему:

— Мой милый Марино, ты знаешь, конечно, лучше кого-либо другого, что с самого нежного возраста у меня никогда не было ни одной ценной вещи, которой бы друзья мои не могли пользоваться так, как если бы она им принадлежала. Поэтому ты можешь быть уверен, что если бы вещь, которую ты так любишь, могла принадлежать одновременно нам обоим, то я бы поступил теперь не иначе, чем всегда поступал в других подобных случаях. И хотя доселе я пылко любил эту женщину, словно зеницу своего ока, и хотя мы оба ожидали с величайшим вожделением сегодняшней ночи, чтобы соединиться, и хотя я избрал тебя моим провожатым к ней, однако я решил — и хочу, чтобы так было,— победить себя и отказаться от своего желания, дабы не видеть, как ты чахнешь от тоски и погибаешь от неразделенной любви. И потому, если ты желаешь угодить мне своей любовью, отгони от себя всю минувшую твою скорбь, постарайся развеселиться и приготовься отправиться сейчас к ней вместе со мною, потому что я буду теперь думать только об одном — как бы доставить тебе обладание женщиной, которую ты так желаешь.

Марино был потрясен, услыша такую новость. Убедившись, сколь велика щедрость, которую желал проявить к нему государь, он устыдился принять ее и, воздав ему должную благодарность, какую только был в состоянии выразить, заявил, что скорее умрет, чем хотя бы в помыслах своих, не то что на деле, запятнает женщину, на которую устремил взор его государь. Герцог посмеялся этому и сказал, что хочет без всяких возражений лично привести в исполнение это дело. Он взял Марино за руку, и они тотчас же двинулись в путь. Подойдя к дому прелестной дамы, герцог оставил свою свиту для большей безопасности в соседних улицах, сам же в сопровождении одного лишь Марино вошел в дом и был проведен служанкой в комнату, где они нашли даму, которая радостно ожидала государя и, выйдя к нему навстречу, торжественно его встретила. И хотя она отлично заметила, что ее прежний поклонник присутствует при этой сцене, она сделала вид, что обращает на него не

больше внимания, чем на любого чужеземца, которого государь привел бы с собой. После множества нежных поцелуев и ласковых приветствий государь счел своевременным привести в исполнение то, что привело его сюда; и, взяв даму за руку, он сказал ей:

— Дорогая мадонна, во имя той истинной любви, которую ты решила подарить мне, прошу тебя не гневаться на мою речь, ибо, чем неприличней будет моя просьба, тем более сильной покажется мне твоя любовь, если ты ее исполнишь. Скажу правду, что когда я в последний раз расставался со светлейшим и могущественным королем, моим отцом и государем, то в числе других данных им мне приказаний и правил он предписал мне, где бы я ни находился и как бы я сильно ни был охвачен любовью, не вступать в сношения с женщиной ранее, чем я ее не испытаю на ком-либо из моих приближенных, потому что блаженной памяти могущественный король Ланцилао был отравлен женщиной в этой стране как раз во время такого занятия. И хотя я не сомневаюсь, что ты предпочла бы тысячу раз умереть, чтобы только сохранить мне жизнь, однако, желая нерушимо следовать приказаниям светлейшего государя, отца моего, я принужден предварительно попросить тебя, чтобы ты с веселой и радостной душой разрешила исполнить эту обязанность моему лучшему другу и вернейшему слуге, которого я, можно сказать, считаю другим своим «я»; а затем я буду твоим постоянным и единственным возлюбленным.

Дама, будучи весьма смышленой и разумной, сразу поняла, припомнив все прежнее, цель этого желания государя, как если бы он прямо рассказал ей всю правду. И хотя в глубине души она была огорчена, видя себя презренной и отвергнутой столь достойным и прекрасным государем, соединения с которым она, не без основания, ожидала с немалым вожделением, однако, считая, что в таком положении необходимость предписывает ей жертву, она, посоветовавшись сама с собою, скрыла, насколько могла, свою сильную страсть и ответила государю с притворно веселым лицом:

— Доблестный мой государь, хотя моя любовь к вам и ваша необычайная красота в соединении со столькими необыкновенными и изумительными доблестями привели меня к нынешнему положению, когда моя добродетель должна будет подвергнуться испытанию, однако, прежде чем сообщить вам мое решение, я хочу убедить вас, что не настолько возомнила о себе, чтобы не понять несовместимость вашей любви с моею; тем не менее, заметив по ряду очевидных признаков, что моя особа вам понравилась, я имела тем больше оснований полюбить вас. Теперь же я слышу, что вы желаете иного, и, хотя я от этого еще более

восхищаюсь вашей всем известной добродетелью и редкостным великодушием, побуждающим вас, столь достойного государя, сына такого благородного, могущественного и превосходного короля, отказаться от своих королевских прав и, желая удовлетворить страсть другого человека, добровольно превратиться в честного посредника, предпочтя наслаждение своего вернейшего слуги моей и вашей сердечной радости, я все же нахожу, что такой поступок есть нарушение всех законов любви. Тем не менее, не желая прекословить вам или чем-либо помешать вашей столь великой щедрости, я решила без долгих колебаний послужить вам, любезный и превосходный государь мой, и всем сердцем постараюсь быть приятной моему благороднейшему прежнему возлюбленному. Таким образом, не теряя вас, я с особым удовольствием и радостью приму его и буду не менее щедрой в любви к нему, чем вы в вашем к нему расположении.

И, взяв Марино за руку, она попросила герцога не отказать в любезности немного подождать и удалилась с Марино в другую комнату. Здесь после многих пылких объятий, сладких поцелуев и нежных речей Марино, вышедший на желанную охоту с соколом более храбрым, чем сильным, с немалым трудом схватил одну куропатку, а затем, заняв прежнее положение, попытался повторить свой натиск; но, хоть он и пустил в ход собак и всякие другие уловки, ему не удалось захватить вторую и он вернулся к герцогу только с первой. Вслед за ним явилась и дама, веселая и любезная, с зажженным канделябром в руках и шутливо сказала герцогу:

— Государь, испытание, которому подверг меня ваш добрый слуга, было таково, какого следовало ожидать от лучшего оруженосца вашего высочества, ибо ему показалось вполне достаточным только отведать кушанья.

Герцога это весьма позабавило, и после этого они провели большую часть ночи в других весьма изящных и любезных разговорах. Когда же герцог нашел, что уже пора возвращаться домой, он подарил даме много весьма богатых и дорогих драгоценностей за то, что она проявила столь прекрасную щедрость, весьма этим обязав его, и удалился вместе с рыцарем. А о том, вернулся ли к ней Марино для продолжения охоты или удовольствовался этой встречей, сам он мне ничего не рассказывал.

М А З У Ч Ч О

Какое возвышенное и изысканное красноречие было бы достаточным для описания высочайших добродетелей, обитающих в божественной душе этого земного бога как в обычнейшем месте

своего пребывания? И кто сможет доверить бумаге описание столь многочисленных его деяний и поступков, которые он повсюду совершает и которые достойны настоящего королевского сына и великого государя? Кто воспоет его повсеместную славу и само его бессмертное имя, которое он завоевал себе в Италии своими добродетелями? Кто найдет такие возвышенные слова, чтобы достойно восхвалить добродетель великодушия и щедрости по отношению к его дорогому и верному служителю, как о том было рассказано? Какой отец по отношению к единственному сыну, или брат по отношению к брату, или действительно настоящий друг по отношению к другу (уж и не знаю, какое еще сравнение тут можно было бы привести) проявил бы такую же добродетель, которую было бы возможно сравнить с этой? Я же, испытывая желание коснуться хотя бы некоей ее частицы, чувствую, что моя лира хрипит, разум мой слаб, а грубая рука непригодна для того, чтобы двигать пером; и лучше уж я буду молчать об этой добродетели, чем окажусь не в состоянии достаточно о ней рассказать. И, останавливаясь на этом, мне подобает лишь сказать, что блаженны народы, которыми он будет править и ими управлять; блаженны слуги, видящие его; блаженны домочадцы, услужающие ему. Но самой благословенной назову я тебя, бессмертная богиня Ипполита-Мария, его достойнейшая Супруга, которой судьба дала владеть и наслаждаться таким сокровищем. Но не менее счастливым по праву назову я и его самого, соединенного в божественном таинстве со столь достойной Мадонной, наделенной добродетелями и честью, сосудом красоты и прелести, источником великодушия, благодарности и милосердия. О, сколь прекрасна эта чета! О, сколь славен ваш брак! О, сколь радостен и свят этот союз! Так будем же постоянно умолять богов, чтобы они сохранили вас и всех ваших на долгие времена в процветании и покое, чего каждый из вас желает более всего.

Аминь.



НОВЕЛЛА СОРОК ПЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один кастильский студент проездом в Болонью влюбляется в Авиньоне и, желая насладиться с дамой, дает ей, согласно уговору, тысячу дукатов, после чего, раскаявшись, уезжает, встречается с мужем и, не зная его, рассказывает ему о происшедшем. Тот догадывается, что это была его жена, искусно заставляет студента вернуться в Авиньон, возвращает ему деньги, убивает жену, а студента с большим почетом наделяет дарами.

Светлейшему синьору дону Энрико Арагонскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Часто, светлейший мой синьор, в народе употребляют такую поговорку: «Каждое обещание — это долг»; и если это в самом деле верно (а это действительно так), то разум и честь требуют, чтобы всякий должник, как только сможет, рассчитался бы с тем, кому он дал обещание. Итак, вспомнив о моем собственном обещании, по которому я должен тебе одну из моих новелл, я решил нижеследующей новеллой освободить мои усталые плечи от столь почетной ноши; я освобожусь от моего обязательства, а ты услышишь о редчайшем великодушии и величайшей щедрости, проявленной одним французским рыцарем по отношению к благородному кастильскому юноше; и хотя я не сомневаюсь, что такое доблестное деяние будет многими с удивлением восхваляться, я убежден, что для некоторых будет легче говорить о нем, чем, оказавшись в таком же точно положении, поступить таким же образом. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Привлекаемый древней славой Болонского университета, один благородный кастильский юрист решил поехать в Болонью, чтобы, поучившись там, получить докторскую степень. Этот студент, которого звали мессер Алонсо да Толедо, вместе с молодостью соединял в себе множество доблестей и, кроме того, сделался весьма богат после смерти своего отца, знатного рыцаря. Не желая откладывать свое похвальное намерение в долгий ящик, он запасся дорогими книгами, нарядными одеждами, добрыми конями и расторопными слугами и со всем своим обозом направил путь к Италии, имея в кошельке тысячу золотых флоринов. Через несколько дней он не только выбрался за пределы Кастильского королевства, но проехал также и Каталонское, очутился во Франции и прибыл в Авиньон, где решил пробыть несколько дней — потому ли, что желал дать отдых своим утомленным коням, или по какой другой причине. Остановившись в гостинице, он на следующий день отправился со своими слугами гулять по городу, и так решила его судьба, что, проходя одну улицу за другой, он внезапно увидел в окне прелестную даму, которая и на деле была молода и очень красива, но ему показалась такой красавицей, с которой не могла сравниться ни одна женщина, какую он когда-либо видывал. Она ему так понравилась, что он тут же на месте был охвачен к ней любовью, от которой никакие доводы не в силах были его избавить. Вследствие этого, позабыв о похвальной цели своего путешествия, он решил, что покинет Авиньон не раньше, чем добьется ее полного или значительного благоволения.

И в то время как он постоянно совершал прогулки под ее окном, эта женщина, которая была величайшей притворщицей, сразу же заметила, что бедненький юноша так сильно в нее влюбился, что нелегко его будет оторвать от нее. И, видя, что он очень молод и что у него нет даже намека на бороду, она признала по платью и свите, что он богат и знатен, и решила попробовать столь лакомый кусочек и извлечь из его кошелька все, что будет возможно. И чтобы дать ему способ завести с нею переговоры, она поступила так, как поступают корабли, захваченные штилем, посылая на берег лодку за дровами. Так и она извлекла из своего дома старую служанку, весьма ученую и опытную в таких делах, и посвятила ее в дело у своего окна, дабы юноша узнал ее в лицо. Встретившись затем со старухой, юноша, который только этого и желал, вступил с нею в переговоры, и они тут же на месте без особого труда столковались относительно всех тайных подробностей дела. Затем служанка вернулась к даме, и наконец, после ряда ее хождений взад и вперед, они

уговорились, что дама будет ждать юношу ближайшей ночью и подарит ему свою любовь, а он принесет ей тысячу золотых флоринов (ибо больше у него не было). Когда наступил назначенный час, безрассудный юноша отправился с тысячей флоринов в дом этой дамы, которую звали Лаурой. Встретив его весело и необычайно ласково, она предварительно получила от него сполна обещанные деньги, а затем после разных нежностей легла с ним в постель. Мессер Алонсо был в таком возрасте, когда окончание подобной работы кажется равносильным началу, и потому можно поверить, что он провел всю ночь напролет за удовлетворением своей неистовой страсти. Когда же наступило утро, он поднялся с постели и подробно уговорился о продолжении начатого предприятия, после чего, не выспавшись и слегка раскаиваясь в своей затее, вернулся со своими утомленными слугами, которые поджидали его у ворот.

Дама же была весьма рада тому, что в такое короткое время заработала столь крупную сумму, и решила, что юноша влюбился в нее так сильно, что забыл и о Болонье, и о законах, и что до своего отъезда он еще попытается свидеться и насладиться с нею. На следующий день мессер Алонсо, полагая, что и в эту ночь дама, согласно их уговору, примет его радостно и еще более любезно, с наступлением темноты отправился тем же способом к двери Лауры и несколько раз подал ей условный знак. Ответом на это была полная тишина, и тут-то наш студент слишком поздно сообразил, что потерял одновременно и свою даму, и честь, и деньги. Смертельно огорченный, он вернулся к себе и всю ночь ни на одно мгновение не мог забыться, охваченный тоской и горестными мыслями. Когда же снова настал день, он, желая окончательно убедиться в том, что обманут, стал прогуливаться вокруг ее дома, но нашел только запертые окна и двери и много других очевидных признаков, окончательно убедивших его в том, что негодная женщина с большим искусством провела и одурачила его. Он вернулся к своим спутникам в таком горе и отчаянии, что несколько раз был готов пронзить себе грудь кинжалом; однако он удержался от этого и, боясь худшего, решил немедленно оттуда уехать. Но так как у него теперь не оставалось в кошельке ни гроша, он, чтобы расплатиться с хозяином, решил продать своего лучшего и красивейшего мула, что он и привел в исполнение. Удовлетворив же хозяина, он с теми немногими деньгами, которые остались у него от продажи мула, продолжал свой путь в Италию через Провансальскую область, беспрерывно проливая слезы и испуская горестные вздохи. И больше всего он скорбел при мысли о том, что раньше он рассчитывал состоять в университете на положении знатного человека, теперь же ему предстояло ютиться по болонским гостиницам,

продавая и закладывая вещи и перебиваясь кое-как, подобно бедному студенту.

В такой тоске и душевных муках он, продолжая путь, прибыл в Трек и остановился там в одной гостинице, где по странной и непредвиденной случайности остановился в тот же вечер и муж молодой Лауры, благородный и изящный рыцарь, весьма красноречивый и почтенный, который возвращался домой, выполнив одно поручение от французского короля к папе. Он спросил у хозяина, не остановился ли у него какой-нибудь дворянин, которого он мог бы попросить составить ему компанию за столом, как это постоянно принято у путешествующих рыцарей. Хозяин ответил, что в гостинице живет испанский студент, который, по словам его слуг, направляется в Болонью, но охвачен такой тоской, что уже в течение двух дней ничего не ест.

Услышав это, рыцарь, побуждаемый естественной добротой, решил во всяком случае пригласить его к себе на ужин. Он сам пошел за ним и, найдя его в комнате погруженным в тоску и печаль, без всяких церемоний ласково взял его за руку и сказал ему:

— Ты должен непременно со мной поужинать.

Увидя рыцаря, наружность которого сильно расположила его к себе, юноша без всякого ответа пошел за ним к столу; когда же они вместе поужинали и отпустили всех слуг, рыцарь стал расспрашивать мессера Алонсо, кто он такой, куда и зачем едет, и попросил его, если это возможно, поведать причину своей жестокой печали. Мессер Алонсо, который не мог вымолвить ни одного слова, не сопровождая его глубокими вздохами, ответил как можно короче на первые вопросы, а относительно последнего попросил рыцаря не допытываться у него. Когда рыцарь узнал, кто такой его собеседник и по какой причине он выехал из дому, он, зная по слухам знатнейшее имя его отца, разгорелся желанием узнать, какое происшествие случилось с ним по дороге, причинившее ему столь великую печаль. Мессер Алонсо сперва уклонялся от ответа, но так как рыцарь продолжал настаивать, то он наконец без дальнейших размышлений подробно рассказал ему с начала до конца всю историю, сообщив, кто такая была дама и какое наслаждение она ему доставила; и к этому он добавил, что охвачен такой великой печалью вследствие испытанного унижения, стыда и потери денег, что уже несколько раз был близок к самоубийству.

Услышав эту новость, которой он так настойчиво добивался и которую он не думал и не ожидал услышать, рыцарь, понятно, был так сильно опечален и удручен и его душевная мука, когда он увидел, что потерял честь, настолько превзошла печаль студента, что только испытавший подобное может себе это представить.

Однако, предавшись на минуту своей скорби, рыцарь затем с немалым благоразумием подавил в себе невыносимую боль и сообразил, как ему следовало поступить в таком положении. И, обратившись к студенту, он сказал ему:

— Сын мой, как дурно ты повел себя и как по-мальчишески дал себя обмануть этой подлой развратнице, это ты сам можешь понять. И, конечно, если бы я думал, что мои упреки помогут тебе или принесут какую-либо пользу, и если бы мы вечно находились вместе, мне никогда не надоело бы упрекать тебя за твое великое безрассудство. Но так как я вижу, что ты нуждаешься теперь больше в помощи делом, чем в упреках, то мне хотелось бы, чтобы на этот раз достаточным наказанием тебе явились скорбь и раскаяние в совершенном поступке. Поэтому утешься, и отгони от себя свои безумные помыслы, и удержи неистовое желание нанести какой-либо ущерб твоей личности, я же позабочусь о тебе, обходясь с тобою не иначе чем с собственным сыном, в чем ты вскоре убедишься. И так как я, как видишь, здесь проездом и, будучи чужестранцем, не имею никакой возможности что-либо для тебя сделать, то прошу тебя, не поленись возвратиться назад, проехав со мною на несколько дней в мой дом, а затем ты сможешь продолжать свое путешествие, как ты с самого начала его задумал. Ибо слава твоих предков и жалость к твоему странническому виду не позволяют мне допустить, чтобы ты прибыл в университет в твоем нынешнем отчаянном состоянии и из-за бедности не смог бы там объединить благородство с доблестью.

Пораженный таким великодушием, юноша выразил рыцарю всю ту благодарность, какую ему позволили выразить испытанное горе и чисто детская радость; а затем, после ряда других разговоров, оба они пошли отдыхать. Рано утром они сели на коней и поскакали обратно по направлению к Франции; и благодаря ловкости рыцаря они совершили путь с такой быстротой, что в тот же день поздно вечером прибыли в Авиньон. Когда же они въехали в город, рыцарь взял юношу за руку и повел его к своему дому. Этот последний не только узнал улицу и дом, но увидел и даму, которая при свете заранее зажженных светильников с большой радостью вышла навстречу мужу. Как только юноша сообразил, в чем дело, он решил, что здесь ему придет конец, и, обомлев от страха, не решался слезть с лошади. Но все же рыцарь настоял на том, чтобы он слез, и, взяв его под руку, провел его в ту самую комнату, где он немного времени тому назад пользовался гостеприимством, испытав кратковременное наслажденье и долгие мучения. Равным образом узнала студента и дама, которая, догадавшись о предстоящих ей бедствиях, была охвачена таким страхом и поражена таким горем, как каждый

может себе представить. Когда настал час ужина, оба они сели за стол вместе с испуганной дамой, причем все трое испытывали величайшее страдание, хотя и по разным причинам. Когда ужин окончился и они остались одни, рыцарь, обратившись к жене, сказал:

— Лаура, принеси ту тысячу золотых флоринов, которую дал тебе этот юноша и за которую ты продала себя, свою и мою честь и честь нашего рода.

Когда дама услышала эти слова, ей показалось, что дом обрушился ей на голову, и, словно онемев, она не дала ему никакого ответа. Тогда рыцарь, распалившись гневом, обнажил кинжал и воскликнул:

— Злая женщина, если ты не хочешь немедленно умереть, делай то, что тебе приказано.

Увидев мужа столь разъяренным и поняв, что запирательство будет неуместно, дама, вся в слезах, огорченная и опечаленная, пошла за деньгами и, принеся их, бросила на стол. Тогда рыцарь рассыпал их по столу и, взяв одну монету, вложил ее в руку юноше, который сидел, охваченный страхом, ожидая каждую минуту, что рыцарь заколет его и жену обнаженным кинжалом. Но тот сказал ему:

— Мессер Алонсо, за всякий труд полагается платить соразмерное вознаграждение, и раз моя жена, которая здесь присутствует и от которой ты получил одновременно удовольствие и великое издевательство, отправилась на эту работу за несоразмерную плату, то тем самым ее по заслугам следует причислить к непотребным женщинам. Но как бы красива ни была такая женщина, она не заслуживает и не должна получить за одну ночь больше одного дуката, и потому я желаю, чтобы ты сам, купивший товар, вручил ей заработанную плату.

Сказав так, он велел жене взять монету, и та тотчас же повиновалась. Исполнив это, он увидел, что юноша, пораженный стыдом и страхом, не смеет взглянуть ему в лицо, и, поняв, что он более нуждается в утешении, чем в чем-либо другом, сказал ему:

— Сын мой, возьми свои плохо сбереженные и еще хуже потраченные деньги и помни, что впредь тебе следует быть благоразумнее и не покупать такой дурной товар за столь высокую цену. И не трать на похоть своего времени и имущества в то время, как тебя одушевляет стремление принести честь и славу твоему роду. И так как я не хочу более докучать тебе словами сегодня вечером, ступай отдыхать и будь покоен: скорее я нанесу ущерб самому себе, чем тебе или твоему имуществу.

После этого, вручив ему деньги, он позвал слуг и велел отвести его в приготовленную для него богато убранную ком-

нату. А затем, прежде чем лечь спать, велел дать жене тонкого яда, и это был ее последний ужин. Когда настало утро, рыцарь приготовил юноше вместе с многими богатыми и пышными подарками прекрасного иноходца; после легкого завтрака они сели на коней, и рыцарь вместе со своими слугами проводил его на расстояние около десяти миль за город, после чего, собираясь расстаться с ним, он сказал ему:

— Дорогой сын, возвратив тебе вместе с жизнью твое собственное имущество, я ни в коем случае не чувствую себя вполне удовлетворенным. А потому прими от меня эти маленькие подарки (ибо поднести тебе лучшие мне не позволяют обстоятельства) вместе с этой лошадью взамен проданного тобой мула; и, пользуясь ими, вспоминай о твоем друге, смотри на него отныне как на родного отца и считайся с ним во всякое время и во всех своих поступках. Я же, приняв тебя в качестве единственного сына, буду поступать так же до конца своих дней.

После этого они крепко обнялись, и юноша, перейдя от беспрестанных слез к высшей радости, вызванной таким великодушием и щедростью, едва мог открыть рот, чтобы поблагодарить рыцаря. А тот, тоже плача, приказал ему молчать, и они, не будучи в состоянии сопутствовать друг другу, нежно поцеловались и расстались. Рыцарь вернулся в город, а мессер Алонсо в должное время прибыл в Болонью. Что случилось с ними после того, как они завязали такую дружбу, об этом я воздерживаюсь писать, ибо не получил об этом никаких сведений.

М А З У Ч Ч О

По моему низкому разумению, авиньонского рыцаря следует не менее хвалить за то, что он должным образом наказал мятежную жену, чем за великодушие, проявленное по отношению к благородному кастильцу, хотя к наказанию его побудили честь и долг, а великодушие объяснялось его врожденной добродетелью. И кроме того, я не намереваюсь столь легко прощать и восхвалять благородного школяра, как это сделали бы другие, ибо благородство его духа было таким, что, будучи действительно страстно влюбленным, он поначалу не захотел ущемлять себя и жертвовать жизнью и имуществом во имя величия души. Но поскольку мы уже достаточно поговорили обо всем этом, далее я расскажу о трех редких добродетелях, по-разному проявившихся, из которых нелегко выделить какую-то одну, заслуживающую больших похвал, чем две другие.



НОВЕЛЛА СОРОК ШЕСТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Португальский король во время битвы берет в плен арабского вождя. Мать последнего отправляется в королевский лагерь без всяких предосторожностей, захватив с собой тридцать тысяч дублонов для выкупа сына. Король дарит ей пленника, но под известным условием. Араб на него не соглашается; король дарит ему деньги и полную свободу. В благодарность за это араб в следующем году приходит служить под его начальством с большим войском, которое содержит на собственный счет.

Знаменитому
и превосходному синьору графу
Фондийскому, Онорато Гаэтано,
протонотарию нашего королевства

П О С В Я Щ Е Н И Е

Поскольку ты, превосходнейший синьор мой, должен быть по заслугам приписан как редкий образец к великодушным и щедрым людям, то я, будучи должен продолжить и завершить начатый путь и посвятить одну из моих новелл тебе, прославившему свое досточтимое имя собственными добродетелями, счел разумным написать тебе не о чем ином, как о доблестных деяниях. Итак, войди, добродетельнейший синьор, в плодородный и прекрасный сад, по выходе из которого я прошу тебя сорвать, как благоуханные цветы, веру, щедрость и благодарность и вдохнуть их аромат, чтобы при твоем великом разумении ты бы смог составить верное суждение о том, кто именно из них заслуживает самых высоких почестей и похвал. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Сколь поразительны были предприятия, победы и великие завоевания, затеянные и совершенные христианнейшими государями Португалии; сколь достопамятны их многократные переезды со своей могущественной и воинственной армией по великому морю в Африканскую область для битв с арабами,— это известно уже всему миру, и было бы излишне вдаваться в подробности этого. Потому, оставив этих государей прошлого, я обращусь к истории нового, непобедимого государя, короля дона Альфонсо, и расскажу о том, как после завоевания его отцом, превосходнейшим и светлейшим государем, многолюдного города Агальсере Сегер и многих других местностей, отнятых им у великого короля Фесского, дон Альфонсо завоевал Танжер и обложил со своим войском почти неприступный город Арзиль, доведя его до такого крайнего положения, что он уже никак не мог удержаться. Но тут королю сообщили, что король Фесский посылает на помощь осажденному Арзилю одного своего родственника, мужественного и сильного вождя, мудрого и разумного рыцаря, весьма любимого арабами, по имени Молефес, во главе отборного войска. Тогда король Альфонсо, не желая дожидаться, пока войско расположится на постой, оставил достаточно воинов на бастионах вокруг города, а сам с большей частью своих боевых сил двинулся навстречу арабскому вождю. И вот, однажды утром, на рассвете дня, оба могущественных войска встретились, и после долго длившегося жестокого и кровавого сражения арабы были разбиты и обращены в бегство, причем большинство их было убито, ранено или взято в плен, и лишь очень немногие убежали. Среди других был взят в плен пораженный многими ранами вождь их, который не пожелал оставить своих солдат. Пленению этого полководца король был не менее рад, чем одержанной победе, ибо надеялся, что, отняв такого видного начальника у врагов, он сможет в скором времени покорить остальных арабов. Поэтому, овладев Арзилем почти без сопротивления, он решил держать араба при себе, с почетом и хорошим уходом, но в постоянном заключении.

Когда весть о происшедшей битве дошла до Фесского короля, он выслушал ее с величайшей скорбью и огорчением и тотчас же отправил послов к королю дону Альфонсо, прося, если он не желает, по воинскому обыкновению, возвратить ему полководца, то пускай он уступит его как пленника за выкуп, причем предлагал за него большое количество денег и множество других даров. На это король кратко ответил, что твердо решил вопреки всем доводам выполнить свою волю и что никаких сокровищ не будет достаточно, чтобы забрать у него пленника; а потому

пускай об этом больше не будет речи, ибо всякие дальнейшие возражения будут бесполезны. Услышав столь определенный ответ, мать арабского рыцаря хоть и понимала, что нет никакой надежды на иное решение, однако, будучи матерью (а только матери умеют любить так беззаветно), решила, пустив в ход всю свою ловкость и великое богатство, сделать все возможное, чтобы вернуть своего единственного и дорогого сына. Итак, не желая ждать или с кем-либо советоваться, она села на коня и в сопровождении многих воинов и внушительного обоза прибыла в лагерь христианского короля и без всякого промедления слезла с коня перед его шатром. Королю тотчас же сообщили о ее приезде, и он, несколько изумленный этим, вышел ей навстречу и принял ее с величайшим почетом и уважением. Обменявшись с королем несколькими словами, она сдержанно и пристойно заговорила так:

— Превосходнейший государь, я не сомневаюсь, что ты не без основания удивлен моим неожиданным и доверчивым появлением перед очами твоего величества; однако, выслушав истинные причины, побудившие меня к этому, ты будешь не только изумлен, но и преисполнишься свыше меры милосердием и жалостью. Твое высокое и мудрое величество, сердцем которого управляет божья десница, может с полной справедливостью рассудить, сколь велики муки и горести, испытываемые бедными матерями, когда они слышат о каком-либо ужасном происшествии, постигшем их сыновей, в особенности же те из них, которые имеют только одного сына, как я, несчастная, огорченное сердце которой не может найти мира и спокойствия. Поэтому, услышав о твоей исключительной доблести, а также об удивительной славе твоей великой короны, я прониклась такой уверенностью, что прибыла сюда без всяких провожатых. И так как здесь повсюду происходят только бои и сражения, я умоляю и заклинаю тебя именем твоего бога, твоею верою и почтением к нему и твоей доблестью славного рыцаря: будь милостив и подари мне моего единственного, горячо любимого сына! И хотя никакая плата не достаточна для вознаграждения за столь великий дар, однако я, будучи женщиной и, как таковая, мало мужественной по природе, принесла сюда с собою тридцать тысяч дублонов, каковые и прошу тебя удостоить принять от моего имени и израсходовать на легкий завтрак с твоими рыцарями для того только, чтобы вспомнить о моем прибытии. И, признавая, что я получила от тебя в дар не только сына, но и жизнь, я и сын во всем, что у нас есть, кроме нашего закона, будем постоянно находиться в твоем полном распоряжении.

Король еще более изумился доверчивости, проницательности и рассудительности аравитянки, и хотя многие из его рыцарей

убеждали его удержать ее, чтобы сразу завладеть и сокровищами и обширной областью, которая ей принадлежала, однако он, помня только об одной доблести, заявил, что и полмира было бы недостаточно, чтобы побудить его чем-нибудь повредить ей или запятнать ее, и потому приветливо ответил аравитянке:

— Мадонна, ваш отважный приход, вызванный столь похвальными поводами, произвел на меня столь сильное действие, что сломил и разбил давнишний, задуманный мною жестокий план. Отвечу вам кратко: я хочу, чтобы вы получили обратно вашего сына, но с таким условием, чтобы он как можно скорее возвратился сюда и послужил мне на поле битвы в затеянном мною предприятии. Если же ему это будет неудобно или невозможно, пускай он обещает никогда не поднимать оружия против меня и моего войска и никогда не появляется на пути моих знамен.

Выразив королю должную благодарность, аравитянка ответила с немалым мужеством:

— Светлейший государь, я воздержусь обещать тебе что-либо такое, исполнение чего находится во власти другого. Лично я остаюсь настолько в распоряжении твоего королевского величества, что если тебе будет угодно принять от меня какие-либо услуги, то каждое мое обещание будет равносильно его исполнению. Потому соизволь поставить указанные условия тому, кто сможет их исполнить, и я не сомневаюсь, что раз он даст тебе обещание, то, несомненно, сдержит его и выполнит, даже если бы ему пришлось для этого умереть.

Милостивейшему синьору королю очень понравился достойный ответ дамы, и он проникся к ней еще большим уважением, чем раньше. После этого произошло нежное свиданье пленника с матерью, и, когда они переговорили обо всем, о чем хотели, король и мать сообщили ему условия, на которых он может получить свободу. Выслушав их, он мужественно обратился к благороднейшему синьору королю и сказал:

— Доблестнейший государь, зная, что самые красноречивые слова недостаточны для вознаграждения за дела, я воздержусь от выражения тебе должной благодарности, которой ты мог бы ожидать от меня за столь великое оказанное мне благодеяние; мне остается только подумать о том, как бы поступить так, чтобы в будущем меня могли похвалить за благодарность. Однако, отвечая тебе на последнее твое требование, скажу, что я был ранее связан своим законом, чем выставленным тобою условием, и мой закон может меня заставить ради его нужд и моего служения ему в первую очередь взяться за оружие и исполнить все то, к чему меня принудят его требования, вследствие чего я никак не смогу выполнить свое обещание. И потому избави

меня бог от мысли обещать что-либо, чего я мог бы не исполнить в силу возможной случайности. И кроме того, раз вы мне даете свободу на определенных условиях, мало того, что мне будет казаться, что я остался пленником, но если я захочу проявить какую-либо доблесть, то и современники и потомки сочтут ее за вынужденную, а не добровольную. Потому заклинаю тебя твоей доблестью, соблаговоли даровать мне свободу без всяких условий или же позволь мне провести остаток моей жизни около тебя в темнице.

Тогда доблестный и славный король увидел, что нерушимая доблесть рыцаря не уступает величию души его матери. И так как он счел, что обстоятельства эти обязывают его исполнить свой долг, ему захотелось показать, что вся проявленная им доблесть не превосходит его великодушия. Поэтому он немедленно ответил им:

— Я не желаю, чтобы кто-либо из вас остался здесь или оставил в залог какую-либо вещь или слово; и потому, женщина, возьми деньги, которые ты принесла мне сюда, и возвращайся домой вместе с твоим дорогим сыном, ибо истинному королю присуще великодушие, в особенности же по отношению к тебе, которая на него надеялась; и так как ты, пройдя долгий путь, явилась сюда лично со своим имуществом и честью, недостойно было бы не исполнить того, на что ты надеялась, так как низость подобных поступков мы чувствуем после смерти. Такая плохая слава принесла бы нашей короне после многих счастливых лет более зла, чем если бы мы слышали о счастье твоем и твоего единственного сына и о неприкосновенности ваших сокровищ. Предоставляю тебе и ему избрать войну или мир, взяться за оружие против меня или бросить его, ибо я надеюсь, что и без его помощи я одержу победу в моем праведном походе.

Тут король велел принести множество богатых и прекрасных подарков, соответствовавших его королевскому достоинству и доблести пленника и его матери; и, одарив их, он распрощался с ними и дал им почетную свиту, с которой они, радостные, возвратились в свои края. Когда они оказались среди арабов, не было никого, кто бы открыто или в душе поверил этому происшествию, ибо оно казалось совершенно невозможным, и мужчины и женщины стекались толпами, чтобы посмотреть на мать, вернувшуюся с сыном. Она неустанно восхваляла великий разум короля, а арабы никак не могли наговориться о великодушии, щедрости и великой доблести короля дона Альфонсо. Побуждаемые этими удивительными поступками, мать и сын пожелали выказать свою благодарность. А потому Молефес, собрав большое войско и много денег, на следующий год торжественно выступил в поход, имея при себе около пятнадцати тысяч солдат.

конных и пеших, и, ничего не сообщив об этом португальскому королю, явился в его лагерь. Услышав об этом, превосходный король преисполнился не столько новым изумлением, сколько радостью и принял араба с величайшим почетом и уважением. И, обласкав его, как родного брата, он постоянно держал его при себе; араб же каждый день проникался все большей благодарностью и с великой любовью и верностью служил ему до конца своих дней, отражая его врагов и ведя войну на свой счет.

М А З У Ч Ч О

Еще раз подтверждая последние слова посвящения этой новеллы, я полагаю, что описанные три добродетели, одна, вызванная другой, могут восприниматься каждая по отдельности как редчайший благоуханный цветок. И конечно, то, что эта женщина была арабкой, не отвратит мое перо от описания ее доблести, которая, хотя и была вызвана материнским чувством, все-таки удивительна для ее веры и убежденности в добродетельности христианского короля, врага и победителя и ее самой, и ее закона, и противоречит природе женщин, обычно столь робких, скупых и подозрительных; она же разом вручила ему себя, свою честь и все свое достояние. Так что если бы нам было нужно рассуждать о недостатках и вообще ущербной природе женщин, то для нашей арабки мы сделали бы исключение. Но, не желая столь долго ее восхвалять, дабы другие не оказались в числе забытых, я скажу лишь, что щедрость нашего щедрейшего государя короля можно описать и особо отметить, назвав огромнейшей и величайшей без каких-либо ограничений. Но, не зная, на какую ступень поместить огромную и бесконечную благодарность арабского вождя, который оказался великолепным, замечательным и благородным рыцарем, я оставляю этот нерешенный спор тем, кого природа наделила большим благоразумием и способностью рассуждать и кто сумеет воздать должные похвалы добродетели как в том, так и в другом случае, при этом никого не обидев. А я, не сходя с пути добродетели, расскажу о другом добродетельном, справедливом и несколько суровом королевском поступке, достойном упоминания в не меньшей степени, чем описанные прежде.

* * *
*



НОВЕЛЛА СОРОК СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Король Сицилии остановился в доме одного кастильского рыцаря. Двое приближенных к нему рыцарей путем насилия лишают невинности двух дочерей хозяина-рыцаря. Король, с величайшим огорчением узнав об этом, заставляет рыцарей жениться на девушках, а затем, позаботившись о чести, хочет удовлетворить и правосудие и тотчас же приказывает отрубить головы обоим своим рыцарям.

Светлейшему синьору герцогу Урбинскому

П О С В Я Щ Е Н И Е

Если красноречивые и искуснейшие ораторы перед лицом великих правителей и синьоров, случается иногда, во время речи смущаются и замолкают, то что же тогда удивляться, светлейший мой синьор, что у Мазуччо, желающего со своей неискусностью писать тебе, государю, который может быть по заслугам назван не только новым Марсом в выборе оружия и в военном искусстве, но и вторым Меркурием в красноречии и познаниях, так путаются и разбредаются чувства, способности и средства, что он не то что о других, но и о самом себе не может вынести верного суждения? Однако я решился пуститься в путь, столь непрямой и окольный, не только из-за желания украсить мое сочинение твоим выдающимся и превосходным именем, но и чтобы исполнить мое обещание, некогда данное на партенопейских морских берегах, и посетить тебя как дорогого друга в столь долгой разлуке моими недостойными писаниями, и сообщить тебе об одном замечательном и справедливом, а отчасти строгом и суровом поступке одного арагонского государя, чтобы ты, образец добродетели среди живущих, мог бы восхвалить подобные добродетели, везде о них рассказывая и их одобряя. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Начну с того, что после того как богатая и могущественная Барселона вернулась под законную власть славного синьора дона Джоанни, короля Арагонского, этот последний задумал отомстить французам за захват Перпиньяна и для этого дела призвал к себе на помощь своего старшего сына, славнейшего принца Арагонского, короля Сицилии, который, повинуясь отцовскому приказанию, оставил полную развлечений и наслаждения с молодой женой жизнь в Испании и двинулся в предписанный ему путь со своими баронами и рыцарями. Он проехал через множество городов и крепостей Кастильского королевства, и повсюду его радостно принимали, оказывая ему почет, почти как своему государю. Прибыв в Вальядолид, он был здесь принят с большим торжеством и почетом, как вследствие его могущества, так и по причине его нового родства, и здесь он поселился в доме одного видного рыцаря из числа первых дворян города. Этот последний не пожалел средств для пышных торжеств, а после того, не желая упустить случай оказать принцу весь тот почет и уважение, которые подобали столь великому государю, он на следующий день пригласил в свой дом многих городских дам и устроил празднество с многочисленными музыкантами и всякого рода танцами. И среди дам наиболее целомудренными и прелестными были две его дочери, чистые девушки, которые превосходили всех остальных своей редкой красотой.

И вот случилось, что два арагонских рыцаря из числа наиболее любимых и покровительствуемых этим славным королем пылко влюбились в упомянутых прекрасных девушек и вскоре унеслись в открытое море любви, откуда никакой обратный ветер уже не мог вернуть их в тихую пристань. Предпочитая свое распутное желание голосу целомудрия и разума, они твердо решили одержать победу в этом предприятии раньше, чем уедут оттуда, даже если бы им пришлось для этого умереть. И так как их превосходнейший государь готовился уехать на следующий день, они по обоюдному соглашению задумали полностью осуществить в ту же ночь свое неправедное и преступное желание. Осторожно и ловко войдя в сношение с домашней служанкой рыцаря, по имени Аньолина, которая спала в комнате девушек, они подкупили ее обильными подарками и обещаниями, как это делают обычно чужеземцы, и столковались с нею обо всем, что было необходимо для выполнения их намерения. Хотя окна комнаты обеих девушек были расположены высоко над улицей, однако любовь напомнила рыцарям о веревочной лестнице, которую они возили с собой в обозе, пользуясь ею при случае для проникновения в монастыри, и которая в данном случае

оказалась совершенно необходимой ввиду недостаточности всех других средств. Когда наступила ночь, они со всеми нужными приспособлениями подошли к намеченному окну, и при содействии подкупленной служанки им удалось прицепить лестницу к окну той комнаты, в которой обе девушки считали себя в полной безопасности. Поднявшись один вслед за другим, они вошли с маленькой лампой в комнату и нашли девушек, которые лежали в кровати обнаженные и непокрытые и спали крепким и мирным сном. Тогда каждый из них признал с величайшей страстью любимую им девушку, и они легли рядом с ними, приготовившись осуществить свое дурное, низкое и преступное намерение. Бедные целомудренные девушки не совсем еще проснулись при появлении молодых людей, и каждой из них показалось, что другая шутит с нею, как это нередко между ними бывало. Таким-то образом, раньше, чем они это почувствовали, у них похитили и украли путем величайшего насилия и обмана их девственность; и, заметив это, они, смертельно опечаленные, стали кричать громким голосом, призывая на помощь.

На этот шум и крики к ним поспешно прибежал отец, которому девушки и рассказали о происшедшем с ними. Увидев, что рыцари бежали и что лестница еще прицеплена к окну, он тотчас же при помощи жестоких угроз и истязаний стал допытываться у служанки, кто были осквернители его чести и доброго имени. Когда же эта последняя полностью созналась и отец узнал, как все произошло на деле, всякий легко может себе представить, какова была его скорбь и упреки дочерям, из которых каждая уже добровольно решилась на ужасную смерть. Как только рассвело, благоразумный рыцарь, хотя душевная мука и поразила его сердце, все же, взяв дочерей за руки, в великом гневе отправился в комнату сицилийского короля и сказал ему:

— Государь, прости мне мою дерзость и выслушай несколько слов, дабы устранить печаль и отвращение, которые могут возникнуть в человеческих душах. Я принес с собой цветы, сорванные в моем саду твоими близкими слугами в виде высшей неблагодарности и вечной отплаты за то радушие, которое я проявил к ним, желая почтить тебя.

Произнеся это, он подробно рассказал королю все происшедшее, и, видя, как горько плачут его дочери, он, сломленный состраданием и душевным горем, был также вынужден сильно заплакать. Благоразумнейший и мудрейший король, выслушав рыцаря с величайшей скорбью и печалью, был охвачен таким гневом и негодованием, что чуть было немедленно не приказал предать своих негоднейших рыцарей позорной казни. Однако, несколько овладев собой, он затаил в душе мысль о жестоком наказании, которое полагалось за столь ужасный и необычайный

поступок; и, утешив насчастного рыцаря и его дочерей, он решил, временно сдержав свой гнев, позаботиться об их чести. Потому, отложив свой отъезд, он тотчас же сговорился с подестою, чтобы тот созвал всех знатных жителей и дам города на новое празднество, которое он, король, собирался дать в доме рыцаря.

Приглашенные очень скоро явились и были проведены в большую залу, куда вошел король в сопровождении двух девушек, а с другой стороны велел привести двух своих провинившихся рыцарей; и здесь он, почти со слезами на глазах, в точности поведал всем присутствовавшим об этом ужаснейшем происшествии, рассказав, как и почему оно произошло. И по этой причине он выразил желание, чтобы в качестве некоторого возмещения за столь отвратительный поступок оба рыцаря женились на девушках, дав каждой из них по десяти тысяч золотых флоринов в качестве приданого. И после того, как это было тотчас же исполнено, превосходнейший и великодушнейший король пожелал тут же полностью уплатить девушкам обещанное приданое из собственной казны. Таким образом, горе и печаль сменились столь же большой радостью, веселье праздника удвоилось, и все гости испытали огромное удовлетворение. После этого король вышел на главную площадь, велел созвать всех дворян и народ и, когда герольды водворили тишину, в присутствии обоих молодых супругов, которых тщательно охраняли, сказал:

— Синьоры, мне кажется, что при всем моем неудовольствии я охранил честь доброго рыцаря, моего хозяина, и его дочерей, приняв все возможные меры, которые судьба позволила мне применить в такой беде, что каждый из вас может сейчас и в будущем засвидетельствовать. Теперь же я хочу полностью удовлетворить правосудие, которое настолько важнее всего остального, что я скорее готов испытать смерть, чем в чем-либо погрешить против него; а потому пусть каждый из вас со спокойствием выслушает то, что я с беспримерной печалью намерен совершить, дабы выполнить священную мою обязанность.

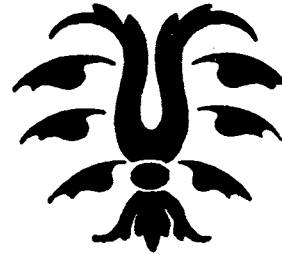
Сказав это, король, не оглашая никакого приговора, велел принести два длинных, доходивших до пят черных балахона и, надев их на обоих рыцарей, приказал тотчас же обоих обезглавить в присутствии сих достойных зрителей, что и было немедленно исполнено при общем плаче всех собравшихся. И после того, как граждане с почетом похоронили мертвецов, король постановил, чтобы все имущество, которое они имели, как движимое, так и недвижимое, было передано их вдовам. Когда и это было исполнено, король пожелал, чтобы, прежде чем недавно начатый праздник сменится новым горем, девушки, ставшие весьма богатыми, были выданы замуж за двух граждан из числа самых знатных дворян. Так закончилось празднество,

то затихавшее, то снова разгоравшееся среди подобных треволнений. Король удалился, всеми признанный за несравненного в наш век по добродетели и великодушию государя, а девушки, выйдя замуж, весело и счастливо зажили со своими новыми мужьями, и испытанные ими горести сменились высшей радостью.

М А З У Ч Ч О

Хотя можно услышать правдивые рассказы о многочисленных и разнообразных достойнейших поступках упомянутого правителя, повсюду им совершаемых, все-таки, размышляя по поводу описанной добродетели, можно сказать, что она замечательна и велика. И конечно, желая следовать королевским предписаниям, как и подобало, он не мог поступить иначе; потому что похоже, что мирские правители были назначены и поставлены на земле господом богом и природой, а также божественными и человеческими законами для властвования и управления народами и поддержания справедливости, дабы властвовали они и управляли, одинаково нагружая обе чаши весов и изгоняя из своего сердца всякую любовь и страсть, ненависть и злопамятность. И те, кто наделен столь похвальными добродетелями и иными достойными качествами, заслуживают великого прославления не только от смертных людей, но и от вечных богов; и наоборот, не справедливые, мудрые и осторожные короли, великодушные и щедрые, а неправедные, злые и порочные тираны оставили после себя бессмертную славу; как об этом ежедневно свидетельствует память о добрых и злых делах и людях. А я,

продвигаясь быстрыми шагами в заданном
направлении, с удовольствием завер-
шу то немногое, что
осталось.



НОВЕЛЛА СОРОК ВОСЬМАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Сын тунисского короля взят в плен корсарами и продан в Пизу. Хозяин проникается к нему любовью, через некоторое время дарует ему свободу и, не зная, кто он, отпускает его домой. Немного времени спустя тот делается королем Туниса. Через несколько лет пизанец захвачен мавританскими галерами и, никем не узнанный, попадает в качестве раба к королю. Тот, узнав его, в виде благодарности заставляет свою сестру принять христианство и вместе с многочисленными сокровищами отдает ее пизанцу в жены, после чего отпускает его обогащенным в Пизу.

Светлейшему синьору Джоанни Караччоло, герцогу Мельфийскому

ПОСВЯЩЕНИЕ

Зная, светлейший мой синьор, что благодарность — врожденное свойство натуры не только твоей, но и всякого великодушного и щедрого человека и что она побуждает вознаграждать за полученные услуги, как многие примеры о том свидетельствуют, я решил посвятить настоящую новеллу о щедрости и благодарности, и по праву, именно тебе, чтобы ты, как подлинный знаток этой добродетели, смог бы сообщить другим о ней, заслуживающей среди прочих добродетелей наибольших похвал. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В прошлом году, не раз ведя разумные беседы с некоторыми именитыми купцами, я услышал от одного знатного флорентийца следующий достоверный рассказ. После того как островом Сицилией завладел король Педро Арагонский,

каталонские корсары начали весьма свободно забирать у мавров огромную добычу. И потому тунисский король, ежедневно слыша об ущербах, наносимых ему пиратами, задумал соорудить крепость на огромной скале, именуемой Чимбало и расположенной посреди моря, против самого Туниса, в нескольких милях от него; и в этой крепости король решил постоянно держать стражу, которая, обнаружив прячущиеся суда христиан, давала бы сигнал на сушу при помощи огня и дыма. И вот в один прекрасный день король послал начальствовать в этом месте своего старшего сына, по имени Малем, дав ему несколько хорошо снаряженных судов и множество своих лучших и знатных воинов, а также несколько знатоков подобного дела. И немного отплыв однажды от Чимбало, тянувшегося в море на несколько миль, они на беду свою повстречались с двумя галерами каталонцев, которые налегли на весла и оцепили мавританское судно; и подобно тому как вышколенные соколы лихо налетают на робких куропаток, так пораженные ужасом мавры, не будучи в силах ни бежать, ни защищаться, были захвачены голыми руками. И хотя Малем был еще так молод, что его нежные щеки еще не покрылись пушком, однако, будучи юношей разумным, он сбросил с себя королевское платье и переоделся простым моряком, и его в качестве гребца забрали вместе с остальными, связали и посадили на галеру. Захватив большое число мавров и поплыв обратно на запад, хозяева упомянутых галер стали рассуждать, где бы им лучше заняться привычным сбытом добычи. И после того как они в течение многих дней успешно плыли и достигли Понцы, на них внезапно налетели противные ветры, так долго трепавшие их, что они, едва не погибнув, должны были укрыться в устье Арно и здесь, очутившись в безопасности, продали большую часть мавров в Пизе.

В числе их прекрасный и нежный королевский сын Малем был продан одному знатному пизанскому юноше, по имени Гвидотто Гамбакорта, который недавно получил богатое наследство после отца. Очарованный благородной наружностью своего раба, который был почти одного возраста с ним, Гвидотто не пожелал употребить его для какой-либо низкой работы, а, напротив, одел его в свое старое платье и стал всюду водить его с собой. И, замечая каждый день, что прекрасные привычки мавра влекут его более к благородству и доблести, чем к чему-либо иному, Гвидотто решил про себя, что он может происходить лишь из знатнейшего мавританского рода; и, проникшись этой уверенностью, он все время старался делать приятное Малему и хорошо с ним обходиться. Убедившись в остроте и благородстве ума мавра после того, как тот в несколько дней выучился тосканскому языку, Гвидотто решил, если это окажется возможным, присоединить к прочим его достоинствам знакомство с итальянс-

кой литературой. И он с такой легкостью добился этого, что не прошло и трех лет, как все решительно стали считать мавра тосканцем и весьма образованным по части литературы. По этой-то, как и по указанным выше причинам, мавр приобрел такую любовь и благосклонность своего господина, что тот считал его своим вторым «я» и, относясь к нему, как к родному брату и вернейшему другу, доверил ему управление собой и своим состоянием. А Малем, которого его господин называл Мартино, видя, что из столь великой невзгоды он попал в такие достойные руки, благодарил за это бога и, радуясь своей судьбе, старался как можно лучше служить своему господину. И хотя при той свободе, которой он пользовался, он мог каждый день убежать, однако его удерживала любовь к хозяину, от которого он получил столько благодеяний, и потому подобный замысел не мог возникнуть в его сердце.

Наконец, Гвидотто, желая показать ему высшую степень своей любви, начал пытаться обратить его в христианство, чтобы дать ему в жены какую-нибудь девушку хорошего происхождения вместе со значительной долей своего имущества; и однажды, призвав к себе мавра, он надлежащим образом сообщил ему об этом своем желании. Мартино с большим смирением ответил на это:

— Господин мой, помня то ничтожество, в котором я находился, когда ты купил меня в качестве презренного раба, а также и то, как высоко ты вознес меня по твоей врожденной доброте и природному благородству, без всякого повода с моей стороны, я сознаю, что должен был бы не только согласиться на твое доброе и милостивое предложение, клонящееся к моему же благу, но и охотно пожертвовать ради тебя своей жизнью, если бы это понадобилось. Однако же, так как я не должен скрывать от тебя ни крупного, ни мелкого, что меня касается, то знай, что, оставляя в стороне вопрос о том, истинна или ложна наша вера, я не намерен менять ее на другую, даже если бы мне пришлось принять за это смерть; и заклинаю тебя твоей великой добротой — не смущай этим более мою душу. Но если, ради завершения начатых тобой благодеяний, ты соизволишь отослать меня к моему отцу, слывущему среди мавров замечательным и крупнейшим купцом, то я надеюсь, к величайшему моему удовольствию, дать тебе вскоре отведать плодов его и моей торговли. Если же ты решишь из чрезмерной любви ко мне поступить иначе, то будь уверен, что я никогда не перестану служить тебе до тех пор, пока не наступит моя смерть.

Увидев такую честность души Мартино и великую его правдивость, Гвидотто не пожалел о том добре и почете, которым одарил его, и ответил ему следующим образом:

— Милый Мартино, ты уже на деле мог убедиться в том, что

ни один человек, связанный с тобою узами крови или дружбы, не мог бы тебя любить сильнее или даже столь же сильно, как я любил и люблю тебя; и если просьба моя несколько перешла границы пристойности, то причиной тому, поверь, послужило мое желание раскрыть перед тобою сокровенные глубины моего сердца. Узнав, однако, что твое желание устремлено на другое, прошу тебя быть спокойным, ибо я обещаю тебе в самом скором времени полностью осуществить твое честное желание.

Выслушав столь приятный ответ, Мартино со слезами на глазах сказал:

— Господин мой, так как в настоящее время я лишен возможности воздать тебе должную благодарность, то я не хочу, чтобы мне было дозволено как-либо отблагодарить тебя, а вместо этого поручаю нас обоих, меня и тебя, воздателю всех благ, дабы он послал тебе за меня такое великое благо, какого ты сам себе желаешь.

Гвидотто крепко обнял его и поцеловал, также плача от умиления; затем, после некоторых подобающих случаю речей, они договорились о том, как и каким способом Гвидотто отошлет Мартино с пизанскими галерами, отплывающими в Берберию. Когда же наступило время отъезда, Гвидотто с почетом снарядил в путь своего дорогого Мартино, сделал ему ряд благородных и достойных подарков, наполнил его кошелек деньгами и, проливая потоки слез, отправил его домой.

Все это время тунисский король усердно разыскивал сына в большей части западных стран с помощью христиан-отступников и иных людей, но нигде ему не удавалось что-либо услышать о нем. И теперь, внезапно увидев его перед собой, хорошо одетого и окруженного почетом, он тем сильнее обрадовался и возликовал своим отцовским сердцем, что перед этим совсем потерял было уже надежду. После бесчисленных объятий сын поведал ему обо всем, что с ним произошло, и король повелел по всем своим владениям устроить великое празднество по случаю возвращения его Малема, что и было исполнено. И вскоре после этого торжества и ликования тунисский король, который был уже очень стар, покинул этот мир. Тогда, приняв во внимание достоинства Малема, а также то, что он как королевский сын по праву заслуживал королевский престол, тунисцы шумно приветствовали его и провозгласили государем всего Берберийского королевства в надежде, что новый король окружит себя хорошими помощниками. И так, к великой радости своего народа, он без всякого промедления стал королем Туниса. Вступив в полное владение отцовской казной, Малем постоянно хранил в своем уме воспоминания о невознагражденных им благодеяниях, которые некогда оказал ему Гвидотто, и внушал

себе, что должен настолько же увеличить вознаграждение за полученные блага, насколько возросли теперь его власть и могущество, тем более что друг пришел к своей щедрости добровольно и вследствие личной добродетели, а он, Гвидотто, понуждался к ней чувством долга и благодарности. И все время он был занят мыслью о том, каким бы способом осуществить свое столь благородное намерение.

Но тут бог и судьба, проявившие к нему уже столько милости, пожелали удовлетворить также его честное и похвальное желание. Случилось так, что хотя Гвидотто и принадлежал к числу виднейших граждан Пизы, однако вследствие гражданских раздоров он был вынужден отправиться в изгнание в Мессину. Поэтому он сел на одно купеческое судно и неподалеку от Мессинского пролива был взят в плен мавританскими кораблями, которые отвезли его в Тунис, где, к своему величайшему счастью, он попал в число королевских рабов. Всякий, кто не лишен ума, легко сообразит, как весело, сладко и радостно на душе было в эту минуту у Гвидотто. Нет сомнения, что он много раз восклицал про себя: «Увы, судьба! Увы, злой рок! Я, свободный, стал рабом! О, если бы моей судьбе было угодно, чтобы я услышал что-нибудь о моем Мартино, который, я в этом уверен, послал бы, как друг, за моим выкупом в Пизу или же доставил бы мне свободу, дабы мне не пришлось провести остаток дней моих в рабстве». Так горевал бедный Гвидотто, расточая горькие жалобы, и пребывал в отчаянии, считая себя хуже, чем мертвым. Он считал, что судьба не могла послать ему худшей участи и сделать его более печальным из смертных, как потому, что он лишился надежды на спасение, так и потому, что, если бы он попал в собственность к какому-нибудь другому лицу, ему, быть может, удалось бы увидеть своего Мартино и получить от него спасение. Итак, бедного Гвидотто заковали в цепи и вместе с другими рабами-христианами послали обрабатывать большой и прекрасный сад при королевском дворце, куда не входил никто, кроме короля с немногими его приближенными. И здесь, в невыносимой скорби и без всякой надежды на будущее счастье, он, постоянно проливая слезы, коротал свою жизнь с мотыгой и ножом в руках, ибо нужда вместе с насилием научили его садоводству.

И вот случилось однажды, что королю, который прогуливался по саду, показалось, что он узнал бедного Гвидотто, и хотя он считал невозможным, чтобы это действительно был он, ибо несчастье сделало его совсем не похожим на себя, однако, внимательно присмотревшись к Гвидотто, он стал колебаться и потому, приблизившись, обратился к нему по-тоскански с вопросом, кто он такой и откуда прибыл. Горемычный Гвидотто, услыша

голос короля, поднял голову и, хотя выросшая за это время борода и королевское одеяние изменили его облик, тотчас же признал своего Мартино и понял, что он сделался королем Туниса. Со слезами он бросился к ногам короля и, онемев от чрезмерной и неожиданной радости, молча взмолился о помиловании. Тогда Малем окончательно убедился, что это его Гвидотто, и, чем более желанной для него была встреча с другом, тем большую радость он испытывал, видя его около себя; все полученное им от судьбы казалось ему ничтожным в сравнении с тем, что она прислала к нему друга, повергнутого в такую нужду. Он заставил его подняться, тотчас же снял с него цепи и, взяв за руку, отвел во дворец. И после того как они бесчисленное множество раз обнялись и поцеловались, рассказывая друг другу все приключившиеся с ними счастливые и несчастные происшествия, король тотчас же приказал одеть Гвидотто в королевское платье и повел его в зал, где находились все бароны. Открыв им, кто такой Гвидотто и какие благодеяния он оказал ему, король повелел каждому из придворных уважать и почитать Гвидотто, как его самого, поклоняясь ему, как королю и законному владыке.

Продержав Гвидотто около себя с год в таком почете и славе, король сказал ему:

— Дорогой друг, после того как богам и нашей счастливой судьбе было угодно столь невообразимо радостно осуществить мое давнишнее и единственное стремление, мне кажется необходимым позаботиться наконец о тебе и полностью удовлетворить твое желание. Потому заклинаю тебя узами нашей непорочной дружбы открыть мне, что тебе более по душе: остаться ли здесь со мной в качестве не только друга, но господина меня самого и всего, что у меня есть, или же возвратиться в Пизу с частью моего имущества, которое мне принадлежит скорее по счастливой случайности, нежели по праву; и твое желание будет тотчас же полностью удовлетворено.

Хотя Гвидотто был сейчас почти на положении короля, однако, сравнив свое прежнее положение с нынешним и будущим и побуждаемый любовью к родине, почтением к матери, привязанностью к родным и уважением к друзьям, он подумал прежде всего о совершенстве истинной Христовой веры и в конце концов решил возвратиться по милости короля к себе домой; и это свое решение он открыл королю вместе с его причинами. Хотя Малем, услышав этот ответ, и испытал сердечную боль, однако ему было очень отрадно удовлетворить желание друга, и он сказал ему:

— Милый Гвидотто, да будет мне свидетелем тот, кто один ведает сердечные тайны, что в столь великом счастье, которое он мне уделил без всяких твоих или моих домогательств, меня не

могло постигнуть худшее огорчение, чем то, что ты меня покидаешь. Однако, учитывая, сколько благ я получил от тебя в дар вместе с самим тобою, не думаю, чтобы какая-либо благодарность могла достаточно вознаградить за столь великую щедрость, разве только то, что я уступлю тебя, который мне дороже всего остального, тебе же самому. И потому, нанося себе величайший ущерб, я хочу не только разрешить тебе возвратиться на родину, но, кроме того, отослать тебя богатым и счастливым, в сопровождении второго моего «я»; и это — моя сестра Маратра, которая, как тебе известно, очень молода, прекрасна, умна и благонравна. Я хочу, чтобы ты взял ее себе в жены как христианку, и да будет тебе угодно удовлетворить этим твою и мою душу для нашего общего счастья.

Воздав королю бесчисленные благодарения, Гвидотто ответил, что готов исполнить всякое его желание. Через несколько дней Малем велел священникам немедленно окрестить свою сестру, отдал ее в жены Гвидотто с приданым в двести тысяч дублонов, как драгоценностями, так и наличными деньгами, и отправил его с почетной свитой и прекраснейшими дарами в Пизу. Здесь новобрачных встретили и приветствовали с великим торжеством друзья и родственники. И они прожили много лет в богатстве, окруженные прекрасными детьми, пока не закончили свою жизнь в положенный им срок.

М А З У Ч Ч О

Великими и удивительными были неожиданные и разнообразные происшествия, принесшие столько многоразличных изменений в судьбе, случившиеся как с королем мавров, так и с христианином из Пизы. И хотя, конечно, начало проявлениям добродетели положил христианин, движимый внутренними побуждениями своей доброй природы и без какой-либо надежды на вознаграждение, все равно бесконечную благодарность тунисского короля можно назвать несравненной. Но поскольку приключения того и другого закончились радостно и весело, мы можем по заслугам прославлять их обоих как добродетельнейших людей; и лишь размышления о совершенстве нашей христианской веры, которую Гвидотто не захотел оставить, находясь столь высоко, побуждают меня рассказать о ней еще одну удивительную историю, случившуюся с султаном Вавилонии и Фридрихом Барбароссой; ее надо увековечить во всеобщей памяти как образец и в похвалу нашей непоколебимой и истинной вере.



НОВЕЛЛА СОРОК ДЕВЯТАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Фридрих Барбаросса, переодетый, отправляется к гробу господню. Услышав об этом, папа велит написать его портрет и посылает его султану; по этому портрету Фридриха схватывают. Султан, даруя ему свободу, желает получить с него пятьсот тысяч дукатов; Барбаросса оставляет ему в залог тело Христово, возвращается на родину и посылает султану обещанные деньги; между ними завязывается дружба, а император изгоняет папу из Рима.

Превосходному
и доблестному синьору
Маттео Капуанскому,
графу Палена

П О С В Я Щ Е Н И Е

Чем более мы удаляемся от деяний, далеко отстоящих от нас по времени, превосходный и доблестный мой синьор, тем более странными и необычными должны казаться новым слушателям рассказы о них. И хотя я не сомневаюсь, что ты слышал об этой истории уже много лет назад, я все-таки решил удостоить ее вечной памяти в моих неотесанных сочинениях и посвятить ее тебе, который заставит современников и потомков взглянуть на историю эту как на новую и правдивейшую, дабы, раздумывая об отдельных ее частях, о каждой в отдельности, а затем и о всех них вместе, мы бы осознали, как доподлинно отразилась здесь наша непорочная вера, и мы бы укрепились в убеждении, что вера эта действительно не имеет ни малейшего изъяна. Vale.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Побуждаемый величайшим своим благочестием, император Фридрих Барбаросса решил, как правоверный и христианнейший государь, увидеть гробницу того, кто пожелал для всеобщего искупления умереть на кресте; и с этой целью он отдал секретные предписания относительно приготовлений, необходимых для того, чтобы он мог совершить столь доблестное и святое путешествие, не будучи узнанным. Однако он не сумел проделать свое дело настолько тайно, чтобы об этом намерении не узнал Александр IV, облеченный в то время папской властью в качестве наместника Христа. Будучи личным и смертельным врагом императора, этот папа, по своему злокозненному характеру, задумал во время столь достойного благочестивейшего путешествия выдать императора врагам Христовым, чтобы погубить его. И, не откладывая дела в долгий ящик, папа, имея искуснейшего живописца, обещал ему немалую награду и тайно послал его написать портрет императора в его настоящем, естественном виде. И, получив немного времени спустя портрет, написанный с таким совершенством, что ему недоставало только дыхания, чтобы быть признанным живым, он послал его султану Вавилонии со своим личным камердинером, дав ему наставление, как поступить и что сказать для осуществления этого злого и гнусного намерения.

Тот, прибыв в надлежащее время и будучи тайком введен к султану, сказал ему:

— Могущественнейший государь, наш святейший повелитель папа посылает меня предупредить тебя (хотя ты и принадлежишь к числу главных врагов христианской веры и религии, которой он, как наместник святого Петра, главный начальник и руководитель), что император, не довольствуясь обладанием большей частью западных стран, всемерно стремится подчинить себе также и Восток. И потому некоторые союзники постоянно увещевают и уговаривают его затеять поход для завоевания гроба господня. И начинает он это дело не ради благочестия, как последователь Христова знамени, но как неправедный тиран, хищный и завистливый к чужому добру, желающий, победив тебя и весь твой род, сделаться властителем мира. И так как он уже не раз выставлял такие тщеславные замыслы, но папа, поняв их, постоянно давал ему отказ, то теперь он ищет другого пути, чтобы утолить свою ненасытную алчность. И поскольку он уже сделал большие приготовления вместе с другими христианами, но в то же время не верит, что кто-либо сможет ему дать полные сведения о свойствах и состоянии твоей страны, то он решил лично с двумя своими приближенными рыцарями

прибыть сюда, переодевшись пилигримом; и он уже двинулся в путь и в ближайшее время осуществит свое намерение. Вследствие этого его святейшество папа пожелал не только сделать тебе особое предупреждение, чтобы ты мог поскорее принять меры против столь великой наглости, но и послать тебе через меня его портрет, написанный с натуры, с помощью которого ты, передав его куда следует и приказав внимательно выслеживать императора, несомненно, сможешь его безнаказанно захватить.

Сказав это, посол отдал ему в руки этот портрет. Султан же, будучи весьма разумным государем, выслушал, правда, посла и его донесение с большой признательностью, воздал папе бесчисленные благодарения и отпустил посла радостным, наградив его многочисленными дарами; однако сам про себя рассудил, что велика должна быть низость этой гнусной породы клириков; ибо подтвердилось то, что он много раз слышал о верховном пастыре и о большей части его кардиналов: об их надменности, корыстолюбии и завистливости, о том, что они запятнаны беззаконною похотью и преисполнены всякого рода мерзких и гнуснейших пороков. Тем не менее, оказав полнейшее доверие посольству, он рассудил, рассмотрев портрет императора, что не малым должно быть его могущество, и потому он не только поспешно и толково отдал приказ схватить императора, как только он тайком появится, но и без всякого промедления призвал на помощь все силы язычников и на бесчисленные и величайшие сокровища стал нанимать войско, чтобы предотвратить столь великую гибель, которая, как думал он, готовилась ему.

Закончив большую часть своих приготовлений, император, когда настало время, искусно переоделся и вместе с двумя своими спутниками тайком отправился в намеченный путь. И после многих тягот, тревог и лишений, духовных и телесных, испытанных во время путешествия по морю и по суше, он прибыл туда, где враги поджидали его с немалой бдительностью. Его тотчас же признали по портрету, молча и вежливо схватили и привели к султану. Каждый может себе представить, как этому обрадовался — и не без основания — султан. И хотя он принял императора несколько сурово, однако затем, присмотревшись к нему, решил, что бог и судьба наделили этого государя величайшими дарами и что могущество его должно быть большим, нежели он раньше предполагал. И, приказав содержать императора в своем дворце под крепким надзором и хорошо прислуживать ему, он как-то раз, когда ему захотелось этого, велел привести к себе императора и добродушно спросил его о цели его тайного прибытия. На это император, не испугавшийся своего пленения, отвечал ему с немалым мужеством:

— Государь, в прошлом я потратил большую часть своей жизни на празднества и торжества, на мимолетную славу, наслаждения и суетные блага; теперь же я решил позаботиться о боге и о своем спасении и для этого прибыл сюда, претерпев столько опасностей и лишений, чтобы посетить маленькую лачугу, в которой пребывал короткое время наш общий спаситель, сын божий, после того, как был предан смерти иудеями. И хотя моему столь похвальному намерению были воздвигнуты препятствия, я нисколько в нем не раскаиваюсь и не буду раскаиваться, даже если бы мне пришлось принять не только одну, но тысячу смертей за служение тому, кто претерпел за меня муки и смерть, и тем самым уплатить ему хоть часть своего долга.

Султан понял из слов императора, что не был обманут его наружностью, и, оказывая гораздо больше доверия его справедливой и разумной речи, чем пагубному и лживому сообщению папы, вызванному слепой завистью и лютой ненавистью, он пожелал выказать великодушие и, обратившись к императору, сказал ему:

— Великий бог, всемогущий и всеведущий, да будет мне свидетелем того, что, узнав уже давно, по достоверным слухам, о большей части твоих доблестей, я чувствовал себя вынужденным горячо любить тебя и немало желал тебе угодить. И, поистине, если бы ты, собравшись приехать сюда, пожелал довериться мне, уповая на свою безопасность, как это подобало твоему достоинству, то твое великое желание было бы удовлетворено к нашему обоюдному удовольствию. Однако, раз ты все же явился сюда, как, по-видимому, было угодно небу, я рад уверить тебя, что ты встретишь во мне, которого ты считал своим врагом, больше доброго расположения, чем в главе и первосвященнике вашей церкви.

И, говоря это, он показал ему портрет и подробно рассказал, как и откуда он его получил, а также все, что папа сообщил ему с целью погубить императора, а затем прибавил:

— Хотя ты, будучи победителем, и попал мне в руки как жертва и я мог бы в твоем лице отомстить всем моим врагам, я хочу дать тебе не только жизнь, но и свободу. Однако, узнав о твоем прибытии, я истратил огромные средства на необходимые приготовления к тому, чтобы не только защититься самому, но и предотвратить твое нападение на других, и потому я решил, что в награду за столь великий дар ты должен внести выкуп в размере пятисот тысяч дублонов, чтобы покрыть хотя бы часть напрасно потраченных мною денег. А чтобы ты мог доставить мне эти деньги, я не только немедленно возвращу тебе свободу, но и окажу содействие твоему благополучному возвращению домой.

Хотя император был весьма изумлен злокозненным и низким поступком папы, истинного предтечи антихриста, однако он так сильно обрадовался доброте султана, превзошедшей его ожидания, а также счастливому исходу дела, что эта сумма показалась ему совсем ничтожной. Выразив султану бесконечную благодарность за столь неожиданное великодушие и обмениваясь с ним разными мыслями по поводу порочной и развратной жизни римского пастыря, сделавшегося жадным и хищным волком, император сказал:

— Доблестнейший государь, хотя назначенный тобою выкуп и кажется мне совсем ничтожным, тем не менее я не знаю никакого способа, каким я мог бы получить его, оставаясь здесь. Ибо не успеют услышать в христианских землях об этом происшествии, как тотчас в самой Италии и вне ее появится множество честолюбцев, которые, по совету и с содействия папы, из притворного человеколюбия завладеют в кратчайший срок моей империей и накопленными мною сокровищами; и тогда будет не только нарушен и расстроен наш общий план, но и я сам, как частное лицо, должен буду остаться навеки твоим пленником. А потому для полного завершения начатого тобою благодеяния да будет угодно твоей великой милости предотвратить столько несчастий одним-единственным поступком; я же, кроме своего честного слова, оставлю тебе в качестве ценного залога несравненно более великого государя, чем я сам, а именно святейшее тело моего господа Иисуса Христа. Клянусь тебе им и обещаю, что как только я с божьей помощью прибуду на родину, то без малейшего промедления вышлю тебе полностью обещанный долг, после чего я лично вместе со всем, что у меня есть, буду считать себя вечно обязанным тебе.

Султана убедили справедливые и правдивые доводы императора, но особенно удивился он величайшему уважению, которое христианский государь выказал к маленькой облатке, сделанной из хлеба и претворенной словами священника в тело Христа. И это уважение возымело такую силу, что он отогнал от себя все другие мысли, какие явились у него с целью получить деньги, и он тотчас же принял решение принять указанный залог, и при этом — не ради того, чтобы получить деньги, а чтобы подвергнуть великому испытанию эту самую христианскую веру. Он кратко ответил, что согласен на все, что приятно и угодно императору, и что все будет исполнено так, как он о том просит. И так как дело требовало поспешности, он немедленно призвал священника из ордена францисканцев, который в его присутствии благочестиво освятил тело Христово и с надлежащими церемониями поместил его в прекраснейший ковчег, после чего император передал его султану с великим благоговением и слезами

умиления. И, подтвердив на нем еще раз свое клятвенное обещание, император через несколько дней после этого возвратился в свои владения так же тайно, как и уехал оттуда. Прибыв туда, император, постоянно размышляя о полученном им великом благодеянии, велел с большой поспешностью снарядить несколько галер и посадил на них почетное посольство с одним своим преданным капелланом, с которым послал султану пятьсот тысяч дукатов новой чеканки и с новой надписью.

Прибыв в надлежащее время в Александрию и будучи приведено к султану, это великое и почетное посольство передало ему деньги, прося его милостиво возвратить оставленный у него залог. Султан, который радушно принял послов и в душе своей весьма одобрил великую добродетель императора, велел немедленно принести ковчег с Христовым телом; тогда капеллан взял его с великим благоговением и причастился в присутствии султана, его мамелюков и других людей. Султан еще более поразился этим и, вне себя от изумления, сказал себе: «Во всем остальном мире нет такого человека, как мой превосходный, недавно приобретенный друг». И он не только признал величайшее могущество христианской веры, но и величие души императора, который заплатил такие огромные деньги за такой маленький кусок, полученный от своего ничтожного капеллана. И, обратившись к послам, он сказал:

— Видит бог, что никакое количество денег или сокровищ не достаточно для того, чтобы нарушить или запятнать мою дружбу с императором. А потому возвращайтесь назад с привезенными деньгами к моему и вашему государю и, передав ему привет от меня, скажите, что, выказав столь великую душевную доблесть, он может располагать мною и всем моим имуществом во всяком другом деле; но только пускай он никогда не думает оставлять мне присланные деньги, ибо уже одно данное им доказательство будет мне всегда вполне достаточным выкупом за него. И кроме того, так как у меня нет столь достойного и великого залога, как тот, который он оставил мне во исполнение своего обещания, мне придется воспользоваться тем, что у меня есть, и потому я ему пошлю с вами моего первородного сына — не в качестве залога, но в знак прочности и сохранности завязавшейся между нами дружбы. Пускай император, которого надлежит признать единственным по доблести человеком в мире, научит моего сына своему похвальному образу жизни и добрым нравам, наставит его и даст ему хорошее воспитание, а затем вернет его мне, когда ему будет угодно.

Тотчас же он велел достать множество своих редчайших и дорогих драгоценностей и, присоединив их к возвращенным деньгам, отправил к императору сына вместе со своей нежнейшей

любовью. Тот же принял его сына с величайшим почетом и торжеством и около трех лет постоянно держал при себе, как родного сына. Когда же юноша обучился наукам и многим другим добродетелям, он отослал его к отцу с немалыми дарами. После этого он, как раньше не желал оставить без награды полученное добро, так теперь не захотел оставить безнаказанным преступление негодного папы. И потому, собрав в своей державе многочисленное войско и казну, он отправился в поход на папу и — не ради мести, но в наказание за такое предательство и зависть, для примера потомкам — изгнал его с позором из Рима и заставил окончить жизнь, как это и подобало, в бедности и величайшей нищете, в госпитале Сиены.

М А З У Ч Ч О

Ввиду того что ни словами, ни пером я не смогу достаточно осудить описанное лукавство старинного папы, которое постоянно находит явное подтверждение в предосудительном поведении нынешних пап, я намерен совершенно умолчать как о древних папах, так и об их преемниках, ибо напрасным и ненужным трудом было бы открывать немногим отдельным лицам то, что известно всему миру. А потому, предписывая себе постоянное молчание об этом, я не только умолчу об их мерзостных, ужаснейших пороках, публичных и тайных, об их службах, бенефициях, прелатствах, красных шляпах, которые они продают с аукциона в пожизненное пользование, но не упомяну даже о клобуке святого Петра, ибо барышничанье им уже вполне установлено. Поэтому мне, недостойному христианину, остается только постоянно молить бога, чтобы он не обращал внимания на порочную и развратную жизнь этих пастырей, внимая только твердой вере и простодушной молитве паствы. Мы же, укрепляясь в чистоте и совершенстве истинной Христовой веры и беря пример с добродетелей, явленных мавританским султаном и христианнейшим императором, можем, как и подобает, рассказать о них другим людям как о вещах, достойных похвалы и одобрения. А теперь я, присоединяя еще одну удивительную добродетель к описанным ранее, дам приятное и окончательное завершение моему *Новеллино*, как я давно того желаю.



НОВЕЛЛА ПЯТИДЕСЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Один кастильский рыцарь, любимец графа д'Арманьяка, служит французскому королю и становится главным его военачальником. Дочь графа влюбляется в него и предлагает ему свое тело; рыцарь из личной доблести отклоняет это предложение. Услышав об этом, граф в знак благодарности отдает ему дочь в жены, а король делает его знатным синьором.

Великолепному и украшенному добродетелями синьору Буффилло делло Джудиче, благороднейшему партенопейцу

П О С В Я Щ Е Н И Е

Приходит мне на память, великодушный и великолепный Буффилло, что ты не только первым пробудил мой заснувший разум, но и явился важнейшей причиной того, что я, сочиняя, стал известен и почти причислен смертными к сонму бессмертных. Поскольку в этой последней части моего *Новеллино* я рассуждал о такой добродетели, как благодарность, то я полагаю необходимым выразить тебе и свою благодарность за плоды, собранные в твоем плодоносном саду, дабы нельзя было причислить меня к числу неблагодарных. Итак, прими, так долго находясь от меня столь далеко, эту мою последнюю новеллу о доблестных деяниях, совершенных по ту сторону гор, с тем чтобы ты, добровольно превративший себя из благороднейшего партенопейца в человека, живущего по ту сторону гор, читая ее на досуге, вспоминал о некогда столь любимом тобою Мазуччо. Vale.

П О В Е С Т В О В А Н И Е

Недавно, когда я был в поисках доблестных деяний, один знатный чужестранец рассказал мне следующее достоверное происшествие. Много лет тому назад в Толедо, знаменитом городе Кастилии, жил рыцарь древнего и знатного рода, прозывавшийся мессером Пьеро Лопес д'Айала, который имел единственного сына, очень красивого, изящного и мужественного, по имени Ариэте. Этот юноша, как часто бывает с молодыми людьми, нечаянно вступил в ночную драку вместе со своими другими товарищами, и так как ему пришлось сразиться, то случилось, что от его руки пал один знатнейший юноша, личный слуга и любимец короля. И так как Ариэте очень боялся гнева короля, мало надеясь оправдаться непреднамеренностью своего проступка, то, не желая подвергать себя такой опасности, он решил уехать в другие страны и там попытать свое счастье. Он попрощался с отцом и, не зная, куда направиться, выехал с двумя лошадьми, немногими слугами и таким количеством денег, которое ему удалось захватить в такой спешке.

Услышав, что во Французском королевстве идет жестокая война между французами и англичанами, он решил отправиться туда, чтобы испытать свою храбрость. Когда он прибыл в лагерь французского короля, его судьбе было угодно, чтобы он поступил на службу к графу д'Арманьяку, который был родственником короля и главнокомандующим всех войск. И вот наш юноша, присоединив то небольшое количество денег, которое он получил по своему убогому контракту, к тем, которые у него были с собой, снарядился как можно лучше и стал проявлять большую храбрость и упорство в горячих и кровавых битвах, при осаде города и замков, а также во всех других действиях, которых требовала военная служба; и все это настолько увеличило его добрую славу, что он, подавая французам пример храбрости и смелости, устрашал врагов, постоянно обращая их в бегство. По этой причине он не только вошел в большую милость к своему начальнику, который считал его как бы своим вторым «я», но и король настолько проникся любовью к нему, что он стал одним из самых почитаемых и любимейших воинов во всем его могущественном войске. Вследствие этого король сделал его рыцарем и военачальником, окружил его величайшим почетом, весьма увеличил жалованье, следуемое ему по контракту, и так ценил его, как если бы без его помощи было невозможно побеждать врагов в бою и брать приступом вражеские крепости.

И в то время как Ариэте пребывал в таком величии и славе,

приобретенных его личными доблестями, наступила зима, и король, по обыкновению, отослал свои войска на зимние квартиры, как того требовало время года, а сам отправился в Париж с большей частью своих соратников и рыцарей, а также с новым своим любимцем. Несколько дней спустя, желая как-нибудь проявить свою радость по поводу одержанной победы, король велел созвать большую часть своих баронов вместе с их женами и дочерьми на празднество, причем одним из первых прибыл граф д'Арманьяк со своей единственной дочерью, в сопровождении почетной свиты. Так началось веселое и пышное празднество, длившееся много дней ко всеобщему удовольствию. И вот случилось, что дочь упомянутого графа, получившая среди других дам пальму первенства по части рассудительности и красоты, пожелала проявить свой ум также и в выборе достойного возлюбленного. Заметив красоту и молодость испанского рыцаря и приняв во внимание его доблесть и громкую славу, она так сильно влюбилась в него, что если в течение дня она его не видела или не слышала рассказов о нем, то не могла провести ночь без величайшей тоски и душевного страдания. Не имея никого, кому бы она могла поведать о своей жестокой страсти, она множеством тайных и в то же время очевидных знаков дала ему понять, что тает и сгорает от любви; он же, будучи весьма опытным по части любовных поединков, легко понял ее, и хотя она казалась ему изумительно прекрасной, однако в его уме настолько запечатлелись постоянные благодеяния, получаемые им от ее отца, что он решил раз навсегда изгнать в настоящем и в будущем всякое чувственное влечение к любимой девушке. Укрепившись в столь добродетельном решении, он все время удивительно искусно притворялся, что не понимает страстных взглядов и других любезностей влюбленной девушки, ежедневно доставляя ей этим новые поводы к жестокой скорби и плачу. И вот, считая его либо недогадливым, либо жестоким, она, поразмыслив, решила заставить его прийти на любовное ристалище более прямым и верным способом. Взяв лист бумаги, она написала ему письмо, такое красноречивое и проникнутое такой страстью, что оно должно было разжалобить каменное сердце — не то что благородную душу любимого юноши; и свое изящное послание она закончила словами, что решила подвергнуть себя мукам насильственной смерти, если он не согласится удовлетворить ее великую страсть; и, запечатав письмо, она отдала его мальчику, своему слуге, объяснив, кому и как он должен его передать.

Посланец, несмотря на свой нежный возраст, обладал зрелым умом и, рассудив, что в этом письме может идти речь только о скверных вещах, нарушил полученный им приказ и, быстро направившись к своему господину графу, передал ему письмо

и поручение. Граф д'Арманьяк взял у него письмо и прочитал его, и как велико было его ужасное, никогда доселе не испытанное горе, когда он узнал о распутном и постыдном желании своей единственной дочери, это сможет понять всякое благородное сердце, чуждое низости и подлости. Находясь в столь трудном положении, он обдумал много различных способов, как бы осмотрительно подвергнуть скверную дочь заслуженному наказанию. И, не остановившись ни на каком определенном решении, он задумал — после того как с невыносимой скорбью узнал превзошедшую всякие ожидания порочность дочери — сначала подвергнуть испытанию добродетель и любезность доброго рыцаря, а затем уже поступить сообразно с тем, как обернется дело. Он осторожно запечатал письмо, отдал его милому пажу и приказал отнести его, согласно полученному от дамы приказанию, к мессеру Ариэте, а затем, по получении ответа, возвратиться к нему. Паж поспешно выполнил поручение, и испанский рыцарь, благосклонно приняв письмо, прочел его содержание; и хотя он с самых первых попыток девушки вплоть до этого мгновения тщательно обдумывал все плохие и хорошие последствия, которые это дело могло для него иметь, он все же, не изменяя принятого решения, рассудил упорно держаться добродетели. И, прочно вооружившись ею, он взял лист бумаги и пристойным и благородным образом ответил подробно на ее письмо, закончив тем, что уж лучше пусть она изберет для себя любой вид насильственной смерти, нежели он уязвит или чем-либо запятнает честь своего господина графа, делом или хотя бы помышлением. Однако, опасаясь природных злых наклонностей подлого женского пола, он не хотел совершенно ее ожесточить, ибо когда такие великие мастерицы видят, что они отвергнуты и осмеяны своими возлюбленными, то они имеют обыкновение яростно наносить свирепые и смертельные удары. Потому, решив подать ей какую-либо слабую и несбыточную надежду, он написал (отлично понимая неравенство их положений), что если она сможет получить его в супруги от своего отца, а не каким-либо иным способом, то в этом случае он сможет удовлетворить ее желание; а иначе пусть она выбросит из головы эту прихоть, ибо при мысли о почестях и одолжениях, полученных им от ее отца, никакая чрезвычайная красота, никакое высокое положение, никакое количество сокровищ не будет достаточным для того, чтобы он согласился запятнать свою добродетель. Запечатав письмо, он отдал его разумному пажу и с немалыми душевными муками, беспокойными мыслями и страхом стал ждать, какой дурной исход будет иметь это дело.

Паж отнес ответ своему господину, и когда тот внимательно

с ним ознакомился, то владевший им ранее гнев и душевная скорбь исчезли перед проявлением добродетели столь горячо любимого им рыцаря — такой великой добродетели, что она не только внушила ему желание по-прежнему уважать рыцаря, но изгнала из его сердца всякое намерение строго наказать любимую дочь и побудила снова сделаться к ней благосклонным, милостивым и великодушным. Укрепившись в таком похвальном намерении, он, не говоря ни слова ни дочери, ни кому-либо другому, поспешно отправился к королю и полностью рассказал ему все это дело с начала до конца, а также свое новое решение, попросив короля милостиво сообщить ему, что он думает об этом и как он желал бы поступить. Король, который был государем мудрым и благоразумным, нашел, что порочная женская натура не проявилась здесь никаким особенным или необычным образом; зато он был изумлен и прямо-таки поражен великой душевной силой и стойкостью рыцаря, проявленными им в таком удивительном испытании, и заключил, что его доблесть и положение должны быть более значительными, чем он считал доселе. И после того как они подробно и всесторонне обсудили это дело, король убедил графа и приказал ему без всякого промедления привести в исполнение свое столь похвальное решение. Послали за рыцарем, и, когда тот немедленно явился, все трое заперлись в комнате, и король так начал свою речь:

— Дражайший наш Ариэте! Ввиду того что с самого начала твоей службы под начальством графа ты проявил множество доблестей, как-то: отвагу, сдержанность и благоразумие в целом ряде различных памятных деяний, то тебе оставалось только проявить внутреннюю твердость и подлинную душевную добродетель для того, чтобы выказать себя вполне безупречным и совершенным рыцарем. И только что выдержанным испытанием ты убедил нас и в том и в другом, мы за это навеки обязаны тебе и готовы отдать все имущество, которым мы владеем; к тому же чувство долга, а также бессмертные доблести, проявленные тобою на войне и в мире, заставляют нас дать тебе такую награду, чтобы и современники и потомки одобрили нашу благодарность и почтили вечной памятью тебя как образец добродетели.

Сказав это, король точно изложил ему то, что предлагала дочь графа в своем письме, и то, что Ариэте ей на это ответил, вместе со всем остальным, что он узнал об этом деле, а затем сказал:

— Хотя мы вместе с графом прекрасно поняли и уразумели, что твое последнее условие относительно брака, предложенное девушке в конце письма, было вызвано только опасением совершенно разгневать девушку, ибо ты знал, что условие это неосущест-

вимо вследствие большого неравенства вашего положения, однако, если бы помимо всех твоих достоинств природа дала тебе знатность, а Фортуна сделала богатым, как дочь графа, то ты мог бы посвататься к гораздо более высоко стоящей даме. Так вот, ввиду того что в счастливые дни ты доставил нам столько побед, а нашему горячо любимому графу сохранил всю его честь, мы обсудили это дело и приняли твердое решение устранить все названные препятствия и в награду за твою выдающуюся доблесть отдать тебе в жены эту знатную и прекрасную девушку, чего она так сильно желает и что тебе казалось невозможным.

Когда король кончил свою речь, граф красноречиво подтвердил его слова и, чуть не плача от умиления, обнял и поцеловал рыцаря, благословив его как своего зятя и единственного сына.

Благоразумный рыцарь был столь же изумлен, как и обрадован таким неожиданным счастьем и не нашел никакого другого ответа, кроме следующего:

Государь мой, хотя я хорошо сознаю, что могучая власть твоего величества и доблесть графа, моего бывшего господина и нынешнего отца, простираются так далеко, что вы можете поднять меня на высшую ступень славы и почета, однако я столь ясно сознаю свое место, что, подобно тому как я не в силах выразить вам должную благодарность, я точно так же полагаю, что никакое приличие или долг не позволят мне принять столь высокое положение. А потому да будет предоставлено благоразумному усмотрению твоего величества и его светлости поступить так, чтобы устранить оба затруднения. Я же, не заслужив этой милости ни своим состоянием, ни каким-либо своим поступком, буду считать себя щедро награжденным благосклонностью твоего величества и буду вечно называть себя твоим выкупленным рабом и нижайшим слугой графа.

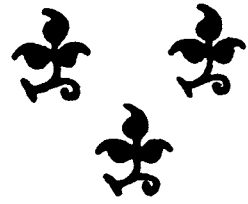
Он поцеловал ноги короля, и беседа их на этом закончилась. Великодушный король, не желая откладывать дело в долгий ящик, а, напротив, стремясь поскорее полностью осуществить его, тотчас же распорядился, чтобы на следующий день было приготовлено величайшее и пышное празднество в его королевских покоях, что и было исполнено. Когда собралось великое множество баронов и рыцарей, много дам и разных знатных гостей, началось веселое празднество, причем по желанию короля ни девушка, ни другие приглашенные не догадывались о его причине. В разгаре празднества король велел привести дочь графа, столь же блиставшую природной красотой, сколь и изяществом своего убора, так что все только на нее одну и любовались; и после того как герольды провозгласили мессера Ариэте главным начальником войск и графом де Фуа (ибо графство это

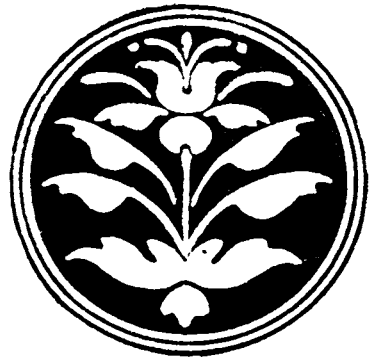
осталось без владельца), король при восхищенных взорах всех присутствующих повелел новому графу взять в жены благородную девушку. А затем празднество продолжалось с удвоенным оживлением при общем ликовании всех присутствующих. Когда же немного погодя многим стала известна причина этого неожиданного события, то все с восхищением одобрили и наградили похвалами короля, графа, девушку и рыцаря, каждого в отдельности и всех вместе. Через несколько дней, когда великое празднество закончилось, граф решил, что настало время вернуться с молодыми супругами в свои владения. На прощание король одарил их пышными подарками, и они уехали. Прибыв домой, они были встречены наилучшими пожеланиями, празднествами и ликованием подданных, и каждый из них был вполне удовлетворен таким исходом дела. Ариэте, побуждаемый сыновней любовью и почтительностью, пожелал призвать своего отца, мессера Лопеса, чтобы он разделил его величие и славу, и послал за ним почетное посольство. Когда через некоторое время мессера Лопеса привезли, каждый может себе представить, как велики были радость и веселье, испытанные этими тремя полными любви и нежности сердцами. Оставляя их в таком счастье, я на этом кончаю и прекращаю дальнейшее писанье моих новелл.

М А З У Ч Ч О

Из-за того, что ныне добродетель повсеместно попирается и мало или же вовсе не ценится правителями и вознаграждается обычно неблагодарностью, я полагаю, что рассказ о каком-либо проявлении благодарности в прошлом может быть по праву записан и сочтен не просто чем-то добродетельным, но и сверхъестественным, как об этом с достоверностью свидетельствует благодарность короля Франции и графа д'Арманьяка, благотворно проявленная по отношению к славному кастильскому рыцарю. Но поскольку оказанные и полученные благодеяния как бы пробуждают иную добродетель и открывают дорогу и указывают путь благодарности, то я считаю, что тот, кто начал, достоин больших похвал; и пусть вопрос о том, какой из двух добродетелей следует отдать предпочтение, останется для скромного размышления читателей и слушателей. Однако нельзя не сказать, что, хотя у рыцаря, не ответившего на любовь, был на то достойный повод, все-таки проявленные им сила духа и постоянство были удивительными, ведь он с помощью свойственной ему добродетели победил самого себя, отказавшись от столь лестного предложения, он предпочел сохранить свою честь и верность своему господину графу, как о том и о другом было уже

достаточно сказано. Однако пора дать отдых моему беспокойному уму, ведь уже завершены обещанные пятьдесят новелл, и мне лишь остается распрощаться с моим нежно любимым *Новеллино,* который, совсем недавно законченный, я постараюсь поставить на якорь в порту, избежав крушения, а сам буду подражать обычаям лесных пастухов, не имеющих овец. Vale.







РЕЧЬ АВТОРА К СВОЕЙ КНИГЕ

Доведя с божьей помощью до конца начатый мною труд и счастливо выполнив тем самым мое сильнейшее и горячее желание, я полагаю, что уже настало время отослать тебя, моя скромная книжечка, пред ясные очи той, ради которой я предпринял этот почти непосильный для моего слабого ума труд. Знай при этом, мой *Новеллино,* что она не только прославлена всякими добродетелями среди земных дам, но и может по заслугам быть причислена к сонму божеств. И потому прежде всего я приказываю тебе явиться к ней со всем смирением, на какое ты способен, и, поцеловав ее прекраснейшую белоснежную руку, вручить ей себя лично, без всякого доверенного посредника с моей стороны; и после того как ты поручишь меня ее доброте и повергнешь к ее стопам, постарайся не забыть испросить у нее особую милость — не отвергать тебя как ничтожный дар. Если же случайно ты заметишь, что она встретила тебя с гневным лицом из-за твоей невзрачной наружности, то напомни ей рассказ, несомненно читанный ею уже среди достойнейших греческих повестей, о том, как Ксеркс, выдающийся повелитель многих государств, обладавший могущественным войском и великими сокровищами, ехал однажды верхом по своим владениям в сопровождении многих своих баронов, как это подобало столь великому государю. И вот, когда он подъехал к переправе через реку, случилось, что на берегу ее находился земледелец, пахавший хозяйскими быками хозяйскую землю. Ему сказали: «Едет король!» Бедняк знал давний обычай, по которому при виде короля каждый должен сделать ему какое-либо приношение, кто — большое, кто — малое, сообразно со своими средствами. Видя, что он никак не может подобающим образом почтить короля и его величие, земледелец, в порыве восторга, исходившего из глубины его сердца, оставил своих быков и поспешно бросился в реку, около которой он увидел короля; сложив ладони, он набрал в них воды, подошел к королю и сказал ему:

— Государь мой, у меня нет ни золота, ни серебра и никакого иного имущества, которым я мог бы надлежащим образом почтить тебя, моего владыку и повелителя. У меня нет ничего, кроме вот этой малости воды, которую ты видишь в моих мозолистых руках; прими же ее, молю тебя, с таким чистым сердцем, с каким я даю тебе ее, и поверь, что, если бы моей благосклонной Фортуне было угодно, я принес бы тебе более подобающее приношение.

И поистине велика была человечность короля, совершившего деяние, достойное подлинно великого государя: он не погнушался склонить свои нежнейшие уста к грязным и грубым рукам сельского хлебопашца и выпить из них воду, оценив не размер этого ничтожного дара, а только чистую любовь дарителя; и, поблагодарив его за трогательную любовь, король поехал себе дальше с богом. Итак, приведя ей на память этот красноречивый пример, скажи ей далее, что, хотя я хорошо сознаю, сколь скуден самый пышный дар в сравнении с красотой ее возвышенной и благородной души, пусть она все же удостоит оценить не твою незначительность, но величайшую преданность того, кто ей тебя посылает. И пусть с той же человечностью, с какой эта государыня обычно дорожит малыми вещами, она соблаговолит присоединить тебя к их числу и не забывать в течение некоторого времени о ее преданнейшем рабе Мазуччо. И, так как я уверен, что, исполнив как следует данное тебе приказание, ты будешь любезно принят этой ясной звездочкой, я считаю необходимым дать тебе несколько полезных наставлений относительно того, как тебе следует держать себя в течение всей твоей жизни с другими частными лицами, которые будут тебя читать.

Прежде всего я хочу, чтобы ты никогда не пытался самонадеянно убеждать, просить или заставлять других людей читать тебя, дабы те длинные и безвкусные, беспорядочно расположенные и написанные плохим языком новеллы, из которых ты состоишь, не вселили в того, кто не расположен их читать, скуку и отвращение. Тем же, кто сам пожелает прочесть тебя, приветливо открой все свои тайны, ничего не скрывая. Будь готов к тому, что наверное найдутся шептуны, которым природа отказала в даре ясной речи, зато обильно наделив их способностью колоть добродетельных людей своими собственными пороками; и вот эти-то шептуны будут язвить меня за то, что я писал о честности женщин и порочной жизни лжемонахов. Ответь им разумно, мой *Новеллино,* и скажи им кратко и вразумительно, что все сообщенное мною о женщинах по сравнению с тем, что я мог бы еще с полнейшей правдивостью рассказать о них, является, как большинство из них могут сами промеж себя засвидетельствовать, горсточкой воды, зачерпнутой из огромного моря. Что

же касается моих нападок на монахов, которые, несомненно, вызовут много крика, ты на этот счет не смущайся и скажи, что, насколько тебе известно, ни разум, ни честность не позволяют считать и называть монахами тех людей, которые ни своим образом жизни, ни своими нравами не похожи на монахов, ибо эти люди и в прошлом совершали, и сейчас ежедневно творят столько явных злодеяний и успешных мошеннических проделок, что мы вынуждены причислить их к хищным волкам и заслуженно назвать их воинами великого дьявола. Поэтому если я столь пространно, хотя все же недостаточно писал о них, то никто по справедливости не может упрекнуть меня за это; и, конечно, если бы я мог думать, что меня при этом поймут, я никогда не называл бы их монахами, но служителями сатаны.

Итак, пускай подлинные и безупречные монахи остаются спокойны в своих святых обителях со своей столь похвальной набожностью, ибо против них я не писал и не собирался писать. Напротив, скажи им то, что я уже сказал и еще раз убежденно повторяю: те монахи, которые радеют лишь о служении богу, о чистом и высоком отправлении церковных обрядов, которые бегут мира и его хитрых козней и удалились из него добровольно, должны быть не только признаваемы, почитаемы и любимы как монахи, но и заслуживают того, чтобы мы их прославляли и считали блаженными и святыми при жизни и после смерти, ибо можно сказать (и это будет непогрешимая истина), что они являются адамантовыми столпами и прочной поддержкой нашей христианской веры и религии. И этого достаточно, чтобы дать окончательный ответ тем, кто из засады осыпает меня отравленными стрелами. Если же они захотят возразить, что я не являюсь их законным судьей, что не мое дело обличать их пороки и разделять монахов на добрых и злых и что я должен удовольствоваться тем, чем довольствовались остальные люди, тогда, *Новеллино,* твердо и уверенно ответь им, что, после того как многие злодейства этих истязателей и разрушителей религии стали достоянием народной молвы, я, опасаясь, чтобы кто-либо не подумал, что все монахи одним миром мазаны, счел себя обязанным (во имя бога, добрых нравов и даже самих хороших монахов) провозгласить это разделение и, похвалив безупречных монахов, осудить дурных и преступных, о чем я достаточно ясно и правдиво говорил в свое оправдание в первой части. Не зная, что ответить на эти правдивые доводы, они прибегнут, быть может, к уловке жалких бабенок, которые любят кричать: «Что-то ты запоешь в день страшного суда!» Но если они думают сразить меня таким выпадом, то ты без колебания ответь им, что я сам хочу и жду этого страшного суда, где все мы будем наказаны за зло и вознаграждены за добро.

Кроме этих критиков, думаю, найдутся еще другие, менее удачливые, которые скажут, что из пятидесяти новелл, которыми я наполнил тебя, большая часть является баснями и ложью. На это, пожалуйста, ответь им, что они очень погрешают против истины, и призови бога в свидетели того, что все это вполне истинные происшествия, случившиеся по большей части в наше, нынешнее время; а те истории, которые украшены древними одеяниями и седыми бородами, были мне рассказаны и подтверждены весьма почтенными лицами.

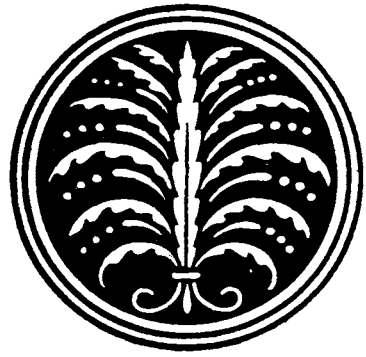
Отвечая и возражая на все эти различные толки по поводу тебя, будь надежным защитником и вечным щитом для твоего Мазуччо. И не удивляйся, что я отправлю тебя в столь большое путешествие бедно одетым и запятнанным слезами; ибо тебе должно быть известно то необычайное и ужасное происшествие, тот жестокий и кровавый случай, который поверг меня в непрерывную скорбь и беспрестанный плач. Потому, переменив платье и изменив облик, отправься со слезами в путь и до тех пор, пока не прибудешь и не исполнишь полученного от меня приказания, не переставай плакать, ибо для твоего создателя закатилось солнце, померкла луна, лишились своего вечного света небеса, планеты и звезды: умер прекрасный и изящный рыцарь, славный, великодушный, благородный государь, светлейший Роберто, князь Салернский, мудрейший великий адмирал нашего омраченного и овдовевшего королевства. И потому с полной правдивостью, не прекращая слез своих, скажи, что доблестное великодушие подверглось вечному изгнанию, что грубая и безжалостная смерть своим свирепым набегом истребила милосердие, лишила бедняков утешения, отняла опору нуждающихся,— словом, навеки замкнула дверь общего убежища всех благородных людей.

Плачь, мой *Новеллино,* ибо умер тот, кто прославил латинскую и отечественную словесность, кто поощрял военную науку как делом, так и словом, как в военных упражнениях, так и в королевских палестрах и пышных марсовых играх, тот, кто на охоте преследовал стольких диких и пугливых животных и столько различного рода птиц. Воскликни же, бедный *Новеллино,* что этот славный государь своей смертью убил правосудие, которое он отправлял столь нерушимо, что с его кончиной скрылась истина и повержена в прах всякая добродетель; и воскликни самым громким, каким только сможешь, голосом: «О, славный государь! Где теперь твое изящное и остроумное красноречие, где твой дивный разум, твоя великая прозорливость, твой тонкий ум и превосходная рассудительность, которые ты проявлял столь искусно и, кстати, как в значительных общественных, так и в ничтожных частных делах, сообразно всякому случаю?»

И, плача, не позабудь, мое печальное детище, сказать всем

современникам и потомкам, что я настолько упал духом вследствие этой мрачной и внезапной смерти, что не в силах, как думал было раньше, прибавить к тебе еще другие замечательные и изысканные части. Ибо эта неожиданная и почти насильственная смерть заставила меня добровольно расстроить свою лиру и отдать Меркурию ранее предполагаемого срока свое усталое, посвященное ему перо. И теперь, обрекая себя на вечное молчание, я не хочу больше, покуда продлится моя горькая жизнь, писать о приятных и веселых вещах. Так, оставляя своего Мазуччо заплаканным и печальным, прими от него последний прощальный привет.

Vale.



КОММЕНТАРИИ

Первое научное издание «Новеллино» было осуществлено видным итальянским писателем и общественным деятелем Луиджи Сеттембрини (1813—1876): Il Novellino di Masuccio Salernitano, restituito alla sua antica lezione da Luigi Settembrini. Napoli, 1874. По этому изданию (или одному из его стереотипных повторений) был выполнен первый и единственный русский перевод: *Мазуччо Гвардато из Салерно*. Новеллино. Перевод С. С. Мокульского и М. М. Рындина, под редакцией А. А. Смирнова, со вступительной статьей А. К. Дживелегова. М.; Л., 1931 (причем в переводе были опущены все посвящения новелл и большинство послесловий — так называемых «мазуччо», кроме пяти). Для нашего издания этот перевод был проверен и кое в чем исправлен по другой научной публикации «Новеллино», осуществленной Джорджо Петрокки: *Masuccio Salernitano*. Il Novellino, con appendice di prosatori napoletani del '400. A cura di Giorgio Petrocchi. Firenze, 1957. Для комментариев мы также воспользовались новейшим изданием «Новеллино»: *Masuccio Salernitano*. Il Novellino nell'edizione di Luigi Settembrini a cura di Salvatore S. Nigro. Milano, 1990.

С. 16. *...высокородная Мадонна...* — Мазуччо посвящает свою книгу Ипполите-Марии Арагонской, герцогине Калабрийской (1446—1484), жене (с 1465 г.) наследника неаполитанского престола Альфонса, герцога Калабрийского (1448—1495), затем короля Неаполя.

...прославленное книгохранилище. — Речь идет о знаменитой «Герцогской» библиотеке неаполитанских королей Арагонской династии. Основана она была еще при анжуйцах и просуществовала до 1495 г., когда была разграблена и уничтожена солдатами французского короля Карла VIII во время его итальянского похода.

...народная повесть... — Скорее всего, имеется в виду какой-то «пример», популярный жанр поздней средневековой литературы. Такие «примеры», повествующие о каком-либо достопамятном случае, обычно использовались в проповедях и иных произведениях богословской литературы (вначале латинской, а затем и на народных языках).

С. 17. *Маргарита* (ум. 1412) — жена неаполитанского короля Карла III (1345—1386) из рода Дураццо, мать короля Владислава (ум. 1414) и королевы Джоанны II.

Дукат — крупная золотая монета, которая чеканилась в Венеции начиная с 1284 г.

Торнезе — мелкая медная монета, чеканившаяся сначала во французском городе Туре (откуда и название), а затем перенесенная анжуйцами в Неаполь.

Флорин — крупная золотая монета, чеканившаяся во Флоренции начиная с 1252 г.; ее стоимость приблизительно равнялась стоимости дуката.

С. 18. *...по утверждению философа...* — Скорее всего, имеется в виду Аристотель, очень популярный в Европе как в средние века, так и в эпоху Возрождения.

С. 20. *Магистр* — ученое звание в средневековых университетах.

Фернандо (или Ферранте) Арагонский (1431—1494) — король Неаполя с 1458 г., внебрачный сын короля Альфонса I Неаполитанского; был женат на Изабелле ди Кьярамонте (ум. 1465) и имел от нее шестерых детей — сыновей Альфонса, Федериго, Джованни и Франческо и дочерей Элеонору и Беатриче (см. ниже).

Кастильское королевство. — Оно существовало на территории Пиренейского полуострова с 1035 г., в 1230 г. присоединило к себе королевство Леон и стало самым влиятельным на полуострове; вело активную борьбу с маврами. В конце XV в. объединилось с Арагонским королевством.

Меньшой брат — монах-францисканец.

С. 21. *...Фернандо Арагонский, достойнейший дед твой...* — Речь идет о Фердинанде I (1373—1416), короле Арагона и Сицилии с 1412 по 1416 г. Его сын Альфонс V (1385—1458) в 1442 г. завоевал Неаполь и тем самым воссоединил обе части Королевства Обеих Сицилий, где он правил под именем Альфонса I Великодушного. Фердинанд I управлял Кастильским королевством в пору молодости его двоюродного брата Хуана II (1405—1453).

Саламанка — испанский город, знаменитый своим университетом, открытым в 1215 г.

Минорит — член монашеского ордена францисканцев (или «меньших братьев»), проповедовавшего «религию нищеты и любви» Франциска Ассизского (1182—1226). Орден основан в 1208 г.

Конвентуал — монах, принадлежащий к определенному течению во францисканстве, выступающему за смягчение строгого аскетического устава ордена.

Фома — Фома Аквинский (1226—1274), великий средневековый богослов и философ, один из самых влиятельных мыслителей своего времени.

Скот — Иоанн Дунс Скот (ок. 1266—1308), известный средневековый философ, основатель «скотизма», сильно формализованного философского учения, боровшегося с «томизмом» — учением Фомы Аквинского. В споре этих двух направлений западноевропейской философии францисканцы в основном поддерживали сторонников доктрины Дунса Скота.

С. 24. *...пробьет три часа...* — В Италии XV столетия полночью считался момент захода солнца, то есть время было значительно сдвинуто, и три часа ночи могли соответствовать современным девяти или десяти часам вечера.

С. 26. *Медина* — правильнее: Медина-дель-Кампо, город в Испании, недалеко от Вальядолида; место проведения ярмарок, куда съезжались купцы со всей Европы.

С. 27. *...наподобие ослицы Иерусалимской...* Речь идет об ослице, на которой Иисус Христос въехал в Иерусалим (Ев. от Матф., 21: 2—7); об ослице говорится только в одном Евангелии, в других рассказывается, что Христос въезжает в Иерусалим на молодом осле.

С. 29. *Мадонна* — Ипполита-Мария Арагонская (см. выше).

С. 30. *Брат-спиритуал.* — Речь идет о сторонниках ортодоксального течения во францисканстве, отделившегося от ордена в середине XIII в. Спиритуалы настаивали на строгом соблюдении обета бедности, непременном проведении проповеднической деятельности и бродячем образе жизни.

Соблюдающий правила — монах, принадлежащий к одному из трех нищенствующих монашеских орденов.

Викентий Феррьеро (ок. 1350—1419) — католический святой, монах-доминиканец, прославленный миссионер и проповедник.

Бернардин Сиенский (1380—1444) — католический святой; принадлежал к ордену францисканцев; благодаря своей проповеднической деятельности ему удалось реформировать орден, приблизив его к первоначальным задачам.

Капистрано.— Речь идет о католическом святом Иоанне да Капистрано (1386—1456), видном деятеле ордена францисканцев, прославившемся своей миссионерской деятельностью и борьбой с мусульманской опасностью в Европе.

С. 31. *Альфонс Арагонский.*— Имеется в виду муж Ипполиты-Марии (см. примеч. к с. 16).

С. 33. *Доминик* (1170—1221) — католический святой, основатель ордена доминиканцев (1215 г.), чья деятельность в основном заключалась в миссионерстве и проповедничестве; в этом монахи-доминиканцы конкурировали с францисканцами.

...ножа, которым был убит святой Петр Мученик... В действительности, как свидетельствуют источники, святой Петр был не убит ножом, а распят (64 г. н.э.).

С. 34. *Екатерина Сиенская* (1347—1380) — католическая святая и писательница; принадлежала к ордену доминиканцев.

С. 36. *«Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес...»* — Цитируется Евангелие от Иоанна (20: 30).

С. 41. *Гриффон* — такого святого, скорее всего, не существовало.

Понтано Джованни (1422 или 1426—1503) — неаполитанский государственный деятель и латинский поэт, близкий друг Мазуччо. В 1447 г. Понтано приехал в Неаполь по приглашению короля Альфонса I и стал одним из его секретарей; возглавлял Академию и играл заметную роль в политической жизни королевства.

С. 46. *Доминиканцы* — см. примеч. к с. 33.

С. 47. *...все гвозди, изготовленные в Милане.* В этом городе Северной Италии (Ломбардия) издавна было развито железоделательное производство.

С. 48. *Капитул* — собрание духовных лиц, состоящих, как правило, при епископе, реже при другом деятеле церкви (в том числе настоятеле монастыря).

С. 49. *«Приди, животворящий дух»* — начало одной из католических молитв.

С. 50. *Авиценна* (или Ибн Сина; 980—1037) — великий арабский философ и врач. Его произведения (а вернее, его научные идеи) были широко известны в Европе Средних веков и эпохи Возрождения.

С. 52. *Петруччи* Антонелло (ум. 1487) — неаполитанский государственный деятель, королевский секретарь при Фернандо Арагонском. В конце жизни он был брошен в тюрьму по надуманному обвинению и казнен. Мазуччо хорошо его знал, как и его сына, поэта Джан-Антонио Петруччи (1456—1486).

Орфей — герой древнегреческой мифологии, славился как искусный певец и музыкант.

Меркурий — древнеримский бог торговли (Гермес у греков), считался покровителем искусств, магии, красноречия.

С. 53. *Иаков Французский.*— Речь идет о графе Жаке Бурбоне (ум. 1468), незначительном политическом деятеле XV в.

...последней из рода Дурацци.— Имеется в виду Джоанна II (1370—1435), последняя неаполитанская королева Анжуйской династии. Род Дурацци (или Дураццо) был одной из ветвей Анжуйской династии, занимавшей неаполитанский или сицилийский престол на протяжении нескольких столетий. Представители рода Дурацци были также венгерскими королями.

...Сполетским... — происходящим из итальянского города Сполето (Умбрия), расположенного в горной местности, километрах в восьмидесяти севернее Рима.

Аверса — небольшой город километрах в пятнадцати севернее Неаполя.

Братья-проповедники — доминиканцы.

...достичь степени прелата... — достичь одного из высших церковных чинов.

Приор — настоятель монастыря.

Санта Кроче — неаполитанский монастырь.

С. 54. *Саонский* — происходящий из итальянского города Саоны (ныне Савона), на побережье Генуэзского залива.

Амантея — город и порт в Калабрии, на берегу Тирренского моря.

С. 55. *Викарий* — помощник священника или епископа в католической церкви.

С. 56. *Акафист* — в христианской церкви хвалебное песнопение в честь Иисуса Христа, Богоматери и святых.

...изображала ее подлинный лик. — Согласно церковной традиции, апостол Лука был не только писателем, но и художником.

С. 57. *...крестными ранами, дарованными... Франциску...* — Согласно церковной легенде, во время поста в 1224 г. на теле Франциска Ассизского (см. примеч. к с. 21) появились стигматы как знаки истинности и силы его веры.

С. 58. *Симония* — продажа церковных должностей и званий, широко практиковавшаяся в эпоху Возрождения многими деятелями католицизма. Ее название связывают с именем Симона Мага (Волхва), согласно Деяниям Апостолов (8: 9—24), пытавшегося купить у учеников Христа их умение творить чудеса.

С. 60. *...водворить папу в Рим.*— С 1309 по 1377 г. местопребыванием папской курии был южнофранцузский город Авиньон (так называемое «Авиньонское пленение пап»).

...изгнать турка из Константинополя. — Намек на взятие столицы Византии турками в 1453 г.

С. 61. *Караччоло* Анджело.— Точных данных об этом близком знакомом Мазуччо нет; известно лишь, что он не был чужд литературных занятий и в 1472 или 1473 г. вышел из печати его «Диалог Полимака и Филиарка».

С. 62. *...к Амальфийскому побережью.* — Побережье около итальянского городка Амальфи (между Салерно и Сорренто). Этот город был во времена Мазуччо крупным портом, через который шла торговля с Востоком. С Амальфи в этом успешно соперничала Пиза (расположенная западнее Флоренции, в устье Арно); в середине XII в. Амальфи начинает утрачивать свою ведущую роль. Мазуччо производит (ошибочно) название города от глагола «любить» (amare).

С. 63. *Каравелла* — трех- или четырехмачтовое морское судно со сложной системой парусов; могло совершать длительные плавания.

С. 67. *Роберто дель Сансеверино* (ум. 1474) — патрон Мазуччо; при Роберто писатель состоял в должности секретаря с конца 50-х гг.

С. 68. *Марсико* — небольшой город в Южной Италии (в провинции Базиликата), которым Роберто владел до того, как стал князем Салернским.

Кьяра — «ясная» (во всех смыслах этого слова).

Агнесса.— Такое имя обычно связывается с идеей невинности и простодушия.

С. 69. *...из предшественников Адама...* — Имеются в виду животные, которых бог создал в последний, шестой день творения, но раньше первого человека (см.: Бытие, 1: 24—25).

Кайафа — евангельский персонаж, первосвященник Иудеи, добившийся осуждения Иисуса Христа и преследовавший апостолов.

Баллиста — гигантский лук, использовавшийся в древности в военном деле для метания снарядов и стрел.

С. 71. *...Тот, кто освободил Сусанну от ложного обвинения...* — Речь идет об известном библейском эпизоде (Книга пророка Даниила, 13: 45—64); содержание его таково: молодая вавилонская женщина Сусанна приглянулась старейшинам, увидевшим ее во время купания; она им отказала, и тогда они ложно оговорили ее; юноша Даниил вступился за Сусанну, добился нового суда и оправдания молодой женщины.

«Се человек!» — Слова Понтия Пилата об Иисусе Христе, обращенные к иудейским первосвященникам и служителям (Ев. от Иоанна, 19: 5).

С. 72. *...влагу господина нашего святого Иоанна Златоуста...* — Речь идет об одном из отцов церкви, Иоанне Златоусте (ок. 350—407), константинопольском патриархе, прославившемся своим красноречием; источаемая им «влага» — это золото.

С. 73. *Ирод* — легендарный царь иудейский (с 39 по 4 г. до н.э.); при нем родился Иисус Христос и произошло описанное в Евангелиях избиение младенцев, которое и имеет в виду Мазуччо.

Караччоло Марино (ум. 1480) — синьор Сантобуоно, придворный герцога Калабрийского. Выполнял его различные дипломатические поручения, погиб во время войны с турками.

Партенопеец — неаполитанец (от древнего названия Неаполя — Партенопея).

С. 75. *...по смерти... Альфонса Арагонского...* — Этот король скончался, как уже говорилось, в 1458 г. (см. примеч. к с. 21).

...пламя гибельной и смертоносной войны разгорелось в королевстве... — Речь идет о мятеже неаполитанских баронов против короля Фернандо, поднятом в 1460 г., что заставило короля бежать из города и какое-то время скрываться в Калабрии. Мятежников поддержали князь Тарантский и герцог Сессский.

С. 76. *Илларион* (291—372) — католический святой; он был учеником святого Антония, убежденным аскетом и распространителем монашества в Палестине.

Королева — жена короля Фернандо Изабелла ди Кьярамонте.

Шильятский склон — район Неаполя; назван так по фамилии Шильяти, старинного дворянского рода из Салерно; принадлежащие им дома находились на этом склоне.

С. 80. *...Медуза не превратила его в камень...* — Имеется в виду греческий миф о чудовище Медузе Горгоне, один взгляд которой способен был превратить человека в камень. Описан у Гомера и Гесиода.

С. 83. *Скалес* Франческо — о нем мало что известно; сохранившиеся документы называют его «королевским секретарем», но документы эти датируются 1493 г., когда книга Мазуччо давно уже была издана. Других сведений об этом испанце при неаполитанском дворе нет.

Сицилийское королевство — точнее, Королевство Обеих Сицилий, возникшее в 1130 г. и просуществовавшее с небольшими перерывами до 1860 г. В 1282 г. оно распалось на королевства Неаполитанское и Сицилийское; начало его восстановления было положено в 1435 г. Альфонсом Арагонским.

С. 85. *...сокол, с которого сняли колпачок...* — Во время соколиной охоты птицам надевали на голову специальный колпачок, чтобы они раньше времени не видели дичь.

Гроссето — небольшой город в Тоскане, по понятиям людей того времени, глухая провинция.

С. 87. *Блюстители* — те члены ордена францисканцев, которые особенно рьяно выполняли его устав.

С. 88. *Роберто да Лечче* — видимо, пользовавшийся в то время большой популярностью проповедник.

С. 90. *Драгонетто Бонифаччо* — приближенный короля Альфонса I, пожаловавшего ему Аверсу (см. примеч. к с. 53.).

Беневентская долина — небольшая долина северо-восточнее Неаполя, по которой протекает река Колоре.

С. 93. *Церковные часы* — молитвы, читаемые в строго определенное время дня.

С. 96. *Сан-Марчелло* — небольшой город севернее Флоренции.

Франческо Арчелла — представитель старинной неаполитанской дворянской семьи, близкий друг поэта Понтано.

С. 97. *Евгений IV* — Габриэле Кондульмер (1383—1447), папа римский с 1431 г.

Иоанн Креститель — евангельский персонаж, крестивший Иисуса Христа и указавший на него народу как на мессию.

С. 98. *Медина* — см. примеч. к с. 26.

С. 100. *Собор святого Марка* — собор в Венеции, построенный в 1063—1095 гг., затем достраивавшийся в XIV в. В его ризнице собрано очень много всевозможных сокровищ.

С. 102. *...только один папа или Венецианская республика...* — В описываемую эпоху папский Рим и Венеция были самыми богатыми государствами Италии; первый — благодаря пожертвованиям, стекавшимся сюда из всех католических стран, вторая — благодаря своей активной торговле.

С. 104. *...перевозчику Харону за переправу на противоположный берег в город Дите.* — Здесь Мазуччо имеет в виду описанного Данте в «Божественной комедии» Харона, перевозившего души умерших в преддверии Ада через реку Ахерон (песнь III). Город Дит описан поэтом в другой песне (песнь VIII); к нему надо переправляться через реку Стикс. Здесь Мазуччо объединил две эти переправы. И Ахерон, и Стикс упоминаются уже в античной мифологии, откуда заимствовал их Данте.

С. 107. *Звезда* — так называли придворные поэты Ипполиту-Марию Арагонскую.

Федериго Арагонский (1452—1504) — второй сын Фернандо (Ферранте) Арагонского; после смерти старшего брата Альфонса и затем его сына Феррантино (1496) вступил на неаполитанский престол, но удержался на нем недолго и вынужден был удалиться в изгнание во Францию. С ним Арагонская династия на неаполитанском троне пресеклась.

С. 109. *Филиппо-Мария Висконти* (1391—1447) — миланский герцог, последний герцог из этой семьи (она правила Миланом с 1277 по 1447 г.).

...деду твоему королю Альфонсу... — см. примеч. к с. 21.

Нола — город в княжестве Салернском.

Герцог Калабрийский — Альфонс, муж Ипполиты-Марии (см. примеч. к с. 16), был знаменит своими любовными похождениями (об одном из них рассказано в новелле сорок четвертой).

С. 111. *В день святой Екатерины...*— 25 ноября.

Формелло — имеется в виду неаполитанская церковь святой Екатерины-в-Формелло (по одноименному району города).

С. 112. *...боялся... даже птиц...*— намек на легенду о непорочном зачатии девы Марии, к которой Святой Дух спустился в облике голубя.

С. 117. *Инико д'Авалос* — испанец по происхождению, придворный Альфонса I, который выдал за Инико единственную наследницу маркезата Пескары Антонеллу д'Аквино.

С. 118. *Мартин V* — Оддоне Колонна (1368—1431), папа римский с 1417 г. Он получил от Джоанны II (см. примеч. к с. 53) в ленное владение город Салерно (за помощь при подавлении восстания неаполитанских баронов). Правителем города стал тогда Антонио Колонна, племянник папы.

С. 121. *Капуанский замок* — королевский дворец в Неаполе.

С. 122. *...дочь графа Синопольского, которая недавно овдовела, потеряв своего мужа, мессера Горелло Караччоло...*— Об этом представителе разветвленнейшего рода Караччоло достоверных сведений не сохранилось.

С. 125. *Марка* — итальянская провинция на восточном побережье полуострова, вдоль берега Адриатического моря; главный город — Анкона.

С. 126. *Стратик* — так в средневековой Италии назывался градоправитель, назначаемый королем.

Бернабо Сансеверино, граф Лаурия — неаполитанский придворный, один из участников заговора баронов против короля Ферранте; казнен по его приказу в 1487 г.

С. 127. *Орсини* Раймондо — итальянский политический деятель, граф Нола; он получил в ленное владение княжество Салернское, отобранное у Антонио Колонна королем Альфонсом, но после того, как сын Раймондо, Феличе Орсини, принял участие в заговоре баронов, княжество было передано Роберто дель Сансеверино, патрону Мазуччо (см. прим. к с. 67).

Асессор — здесь: судебный заседатель.

С. 128. *Сбир* — солдат городской стражи в средневековой Италии.

С. 129. *Синдик* — в Италии — чиновник, выбранный из числа уважаемых граждан города, в прерогативу которого входило проверять деятельность градоправителей. Синдиков обычно бывало несколько.

С. 131. *Нола* — итальянский город километрах в сорока на восток от Неаполя. Место постоянного пребывания Раймондо Орсини, который был графом Нолы.

Сарно — городок недалеко от Салерно.

Иосафат — долина, отделяющая Иерусалим от Масличной горы, где был распят Иисус Христос. Согласно христианским представлениям, здесь должны будут собраться души умерших в день Страшного суда.

С. 133. *Джакобо Солимена* — очень почитавшийся в родном городе врач (Салерно славился своей медицинской школой), друг Мазуччо и Понтано.

С. 134. *Мариконда* — известная в Неаполе и Салерно дворянская семья, члены которой занимали заметные посты в королевстве.

Карл III — неаполитанский король, венгр по происхождению, муж королевы Маргариты (см. примеч. к с. 17). Он погиб во время междоусобиц в Венгрии в 1386 г. После этого бароны посадили на неаполитанский трон Людовика II Анжуйского (1377—1417), но сыну Карла Владиславу (Ладислао; 1375—1414) удалось одержать над баронами и их малолетним королем верх и вернуть себе престол отца (1390 г.).

Анжуйский дом — королевская династия, правившая в Неаполе с постоянными перерывами со второй половины XIII в. (с 1266 г.). Первым королем Неаполя из этой династии был Карл I (1226—1285), родной брат французского короля Людовика IX. С анжуйцами местные бароны вели непрекращающуюся борьбу, которая шла с переменным успехом; короли Анжуйского дома нередко изгонялись, потом им иногда удавалось вернуться. Конец их притязаниям положило появление в Неаполе испанцев во главе с Альфонсом Арагонским.

Дом Дураццо — см. примеч. к с. 53.

С. 137. *Прочида* — небольшой остров в Неаполитанском заливе.

С. 138. *Иския* — остров при входе в Неаполитанский залив.

С. 140. *Панормита* — литературная кличка (по старому названию его родного города Палермо — Панорма) итальянского поэта Антонио Беккаделли (1394—1471), близкого друга Мазуччо. Между 1425 и 1429 г. Беккаделли учился в Болонье, городе, в котором жили его предки. В Болонье и Сиене он написал «Гермафродита», произведение, принесшее ему скандальную славу.

С. 141. *«Плодитесь и размножайтесь»* — См.: Бытие, 1: 28; 8: 17; 9: 1, 7.

Пий II — Эней Сильвий Пикколомини (1405—1464), папа римский с 1458 г. Он был крупным для своего времени ученым-гуманистом и писателем.

Мантуя — город в Северной Италии, в провинции Ломбардия. Пий II посетил Мантую в феврале 1459 г.

...похода против турецкого султана.— Организованный Пием II в Мантуе собор состоялся в феврале 1459 г., на нем обсуждались планы борьбы с турецкой экспансией.

Кардинал.— Речь идет, скорее всего, о Родерико Борджа (1430—1503), кардинале Валенцском, будущем папе Александре VI (с 1492 г.).

...одарен... привлекательной наружностью.— Комментаторы полагают, что здесь Мазуччо, вне всяких сомнений, изобразил будущего Александра VI.

С. 149. *Бернардин* — см. примеч. к с. 30.

Джованни Арагонский (1456—1485) — сын короля Ферранте. В 1478 г. он был возведен в сан кардинала Неаполитанского. Новелла была, видимо, написана значительно раньше, в пору молодости Джованни.

С. 150. *...прозывался Весковоне...*— то есть «Епископчик».

...паломничество к святому Иакову Компостельскому.— Речь идет о Сант-Ягo-де-Компостела, городе в испанской провинции Галисия (северо-запад страны), где находится гробница святого Иакова, покровителя Испании. На всем протяжении Средних веков сюда стекались многочисленные паломники со всей Европы. Паломничества продолжались и в следующие столетия.

С. 152. *...наш серафический Франциск...*— Франциск Ассизский (см. примеч. к с. 21), называлася часто «серафическим», то есть приравненным к серафимам, высшему чину ангелов.

С. 153. *Сольдо* — итальянская мелкая медная монета.

С. 154. *Болонья.*— В этом городе находится один из самых старых университетов Европы; основан ок. 1109 г. Особой славой пользовался его юридический факультет, куда приезжали учиться студенты из разных стран Европы.

С. 155. *Кардинал Неаполитанский.*— Речь идет об Оливьеро Карафа (ум. 1511); в 1458 г. он стал архиепископом Неаполя, в 1467 г.— кардиналом.

С. 156. *Кастель Сан-Пьеро* — небольшое местечко в районе Неаполя.

С. 159. *Орден святого Антония* — такого монашеского ордена как некоей организации не существовало, но святой Антоний Падуанский (1195—1231), видный богослов-францисканец, был весьма почитаем и имел многих приверженцев и последователей.

С. 160. *Антонио де Сансеверино* (ум. 1499) — сын Роберто Сансеверино и Раймонды Орсини, итальянский политический деятель. В 1474 г. он стал, по смерти отца, князем Салернским. Новелла Мазуччо написана, видимо, значительно раньше этого события.

Сполето — см. примеч. к с. 53.

Черрето — небольшой город недалеко от Сполето (Умбрия), родина Джованни Понтано, друга Мазуччо.

С. 161. *Черинъола* — город в Апулии, на самом востоке Неаполитанского королевства.

С. 162. *Манфредония* — портовый город в Апулии, на берегу Адриатического моря.

С. 164. *...Христос, вступивший в Иерусалим...*— см. примеч. к с. 27.

С. 165. *Каванец* — уроженец небольшого городка Кава дси Тиррени, близ Салерно; здесь издавна было развито изготовление шелка.

Торре-дель-Греко — город на берегу Неаполитанского залива.

Понте-Ричардо — мост через одну из речушек на окраине Неаполя (ныне — Понто делла Маддалена).

Бернардо де Роджери — подеста (градоправитель) Кавы в годы правления короля Ферранте.

С. 166. *Онофрио де Джордано* — неаполитанский архитектор; точных данных о нем не сохранилось.

Новый замок — королевский дворец в Неаполе, строительство которого началось при Карле I Анжуйском (см. примеч. к с. 134) в 1279—1283 гг. и было продолжено при Альфонсе I Арагонском уже в 1442 г.

С. 167. *Орти* — пригород Неаполя.

Маддалена — квартал и одноименная церковь в Неаполе.

С. 168. *Сомма* — городок неподалеку от Неаполя, у подножия Везувия; славился своим вином.

С. 170. *Джоан-Франческо Караччоло* (1437— ок. 1505) — неаполитанский придворный и поэт-петраркист, автор единственного сборника стихов, изданного посмертно в Неаполе в 1506 г.

С. 171. *Седжо-ди-Портанова* — район Салерно.

Гонелла — знаменитый шут первой половины XV в., подвизавшийся при дворе Феррарских герцогов из рода д'Эсте.

С. 172. *Барабас* — Варавва, один из разбойников, которого привели к Понтию Пилату вместе с Иисусом Христом; он был отпущен на свободу (Ев. от Матф., 27:16—26; Ев. от Марка, 15:7—15; Ев. от Луки, 23:18—25).

С. 174. *Люцифер* — глава восставших ангелов, Сатана, падший ангел в христианской мифологии.

...на осле, шествовавшем в Египет...— Имеется в виду бегство в Египет Иосифа и Марии с новорожденным Христом (Ев. от Матф., 2: 13—15).

Аркебуза — одна из самых старых разновидностей фитильного ружья, употреблявшаяся в Европе в XIV—XVI вв.

С. 175. *Варварийский* — в данном случае арабский.

С. 176. *...бога, носящего колчан...*— то есть Амура, согласно античным легендам.

С. 178. *Эол* — бог ветра (греч. миф.).

Нептун — бог морей у римлян (соответствует Посейдону в древнегреческой мифологии).

...к чаще ужасного леса...— возможная реминисценция начала первой песни «Ада» Данте.

Меркурий — см. примеч. к с. 52.

С. 179. *Ювенал* Децим-Юний (ок. 60—127) — древнеримский поэт-сатирик; одна из его сатир посвящена разоблачению женских пороков.

С. 180. *Ипполита-Мария де Висконти* — Ипполита Арагонская, которой посвящена вся книга (см. примеч. к с. 16). Она была дочерью Бьянки Висконти, последней представительницы этого рода, и Мазуччо всегда называет ее Висконти, а не Сфорца (отцом Ипполиты был Франческо Сфорца), чтобы подчеркнуть значительность и большую древность рода Висконти, правившего в Милане с 1277 по 1447 г. Франческо Сфорца (1401—1466) был первым герцогом Милана из этого рода.

Элеонора Арагонская (ум. 1493) — старшая дочь Фернандо Арагонского, сестра Альфонса, герцога Калабрийского; была замужем за Галеацо-Мария Сфорца (1444—1476), затем за Эрколе д'Эсте (1431—1505), герцогом Феррары.

Беатриче Арагонская (1457—1508) — дочь Фернандо Арагонского, сестра Альфонса, герцога Калабрийского; в 1476 г. вышла замуж за венгерского короля Матвея Корвина (1443—1490).

Единорог — фантастическое животное, легенды о котором были очень популярны на протяжении всего Средневековья. Согласно этим легендам, единорог может быть пойман и укрощен лишь непорочной девой.

С. 182. *Антонелла д'Аквино*, графиня Камберлинго — наследница богатого рода маркизов Пескарских. Король Альфонс выдал ее замуж за своего верного советника графа Инико д'Авалос, которому посвящена двенадцатая новелла Мазуччо.

Манфред (1233—1266) — побочный сын императора Фридриха II; Манфред был королем Королевства Обеих Сицилий, но против него выступил Карл Анжуйский (см. примеч. к с. 134) и разбил его войско при Беневенте (1266); в этом сражении Манфред погиб. Однако Карл сумел удержать в своих руках только Неаполь: в 1282 г. восставшие сицилийцы перебили французский гарнизон (так называемая «Сицилийская вечерня»), и остров перешел под владычество Арагонской династии.

Карл Первый — Карл Анжуйский (см. выше).

С. 185. *...беря пример с похотливой волчицы...*— В переносном смысле слово «волчица» (lupa) обозначало публичную женщину (откуда лупанарий — публичный дом).

С. 189. *Трапани* — портовый город в Сицилии.

Берберия — так европейцы времен Мазуччо называли Северную Африку, страну мавров.

Галеаццо Сансеверино (ум. 1525) — итальянский военачальник, состоявший на службе у миланских герцогов из рода Сфорца.

С. 190. *Триполи* — город и порт на северо-западе Ливии; в Средние века — крупный торговый центр; в 1510 г. был захвачен испанцами.

С. 191. *Маццара* — город на Сицилии, недалеко от Трапани.

С. 194. *Дублон* — крупная испанская золотая монета.

С. 196. *Подеста́* — в итальянских городах XII—XV вв. так назывался градоправитель, наделенный верховной властью. Обычно он приглашался из другого города сроком на один год.

Марино Бранкаччо (ум. 1497) — придворный короля Ферранте, командовал кавалерией в его армии.

С. 201. *...дождавшись галер...*— Эти длинные весельные суда широко использовались генуэзцами и венецианцами в плаваниях по Средиземному морю.

...пока она не родит.— По общепринятым представлениям и законам того времени, беременная женщина не могла быть казнена.

С. 202. *Соломон* — царь Израиля, славившийся своей мудростью.

С. 204. *Граф д'Альтавилла.*— Речь идет о Франческо ди Капуа (ум. 1488), придворном короля Ферранте.

С. 209. *Джулио д'Акваviва*, герцог Атри (ум. 1481) — прославленный военачальник, отличавшийся отменной храбростью; погиб в войне с турками. Легенды рассказывают, что враги снесли саблей ему голову, но его тело не выпало из седла и как бы продолжало сражаться. Его сыном был знаменитый Андреа-Маттео д'Аквавива (1457—1529), видный политический деятель. И отца, и сына не раз восхвалял в стихах Понтано.

Анкона — итальянский портовый город на побережье Адриатики.

С. 215. *Франчискелла де Мориско* — неаполитанская придворная, вероятно, кто-то из потомков Лодовико Альдомориско (ум. 1414), видного неаполитанского политического деятеля.

С. 216. *Пистолезе* — скорее всего, какой-то странствующий монах. Его имя может быть переведено как «Острый Кинжал».

Кармине — пригород Неаполя; здесь находилась церковь Санта Мария дель Кармине со статуей Богоматери, весьма чтимой и часто посещаемой.

С. 220. *Графиня ди Буккианико.*— Она принадлежала к семейству Караччоло; эта неаполитанская придворная дама сопровождала вместе с мужем в Феррару Элеонору Арагонскую, когда та выходила замуж за Эрколе д'Эсте.

С. 222. *Ольцина* Никколо́ — это действительно существовавшее историческое лицо; известно, что в 1468 г. Ольцина был неаполитанским градоправителем. Его родственник Джованни Ольцина был секретарем короля Альфонса.

С. 225. *Франческо Арагонский* (1461—1486) — младший сын короля Ферранте.

...после пожара, учиненного... королем Альфонсом Арагонским...— Речь идет о пожаре, причинившем большой ущерб Марселю, во время военных действий между Альфонсом I Арагонским и Рене Анжуйским (1409—1480). В 1417 г. Рене был провозглашен королем Сицилии, в 1434 г. он по наследству получил неаполитанский трон, по смерти своего брата Людовика III Анжуйского (1403—1434), но так и не смог его занять. Всю жизнь он скитался по Европе, сопровождаемый небольшим числом придворных, но так и не стал полновластным королем.

С. 229. *Джакомо Аччайоло* — неаполитанский придворный; семейство Аччайоло обосновалось в Неаполе в середине XIV в., при короле Роберте.

Цоколи — нижняя часть шкафов, буфетов и т. п.

С. 230. *Лоджия* — неаполитанский крытый рынок.

С. 231. *Хранилище для трав.*— Оно, видимо, напоминало небольшой балкончик, подвешиваемый к окну с наружной стороны дома.

С. 236. *Князь Салернский* — Роберто дель Сансеверино (см. примеч. к с. 67).

Джеронимо де Сансеверино, князь Бизиньянский (ум. 1487) — придворный короля Ферранте; участник мятежа неаполитанских баронов, который был жестоко подавлен.

С. 237. *...дворцу, построенному князем...*— Строительство этого дворца закончилось в 1374 г.

С. 241. *Мастер Изречений* — видимо, речь идет об Аристотеле.

С. 243. *Овен* — этот знак зодиака соответствует концу марта — первой половине апреля (см. примеч. к с. 282).

С. 244. *Элеонора Арагонская* — см. примеч. к с. 180.

С. 245. *...когда во Франции появилась Девственница...*— Речь идет о Жанне д'Арк, которая в 1429 г. появилась на политической арене Франции, провозгласив себя ее спасительницей. В 1431 г., попав в плен к англичанам (после ряда громких побед над ними), Жанна была судима как колдунья и сожжена.

Герцогство Лотарингское — феодальное государство (одно время королевство), существовавшее с 855 по 1766 г. Оно принимало активное участие в политической жизни Европы; в свою очередь, из-за него шла борьба между Францией и Германией.

С. 248. *Диана* — римское название греческой богини Артемиды; целомудренная прекрасная девушка, покровительница охоты.

Нарцисс — прекрасный юноша, влюбившийся в собственное отражение в реке (греч. миф.).

...в последнюю войну...— Речь идет о заключительном этапе так называемой Столетней войны (1337—1453) между Англией и Францией.

С. 253. *Санта-Кьяра* — монастырь святой Клары на небольшом одноименном островке в западной части Венеции.

Дзаккария Барбаро — представитель Венеции при неаполитанском дворе в 1471—1473 гг.

...тебе на время запрещено... вкушать плоды твоей славной родины...— Это и понятно: ведь венецианец Дзаккария находился в это время в Неаполе, куда он был послан властями Венецианской республики.

С. 254. *Славонка* — так в средневековой Европе называли представителей различных славянских народов, обитавших на Балканах и находившихся в тесном общении с западноевропейцами. Позднее, уже во времена Мазуччо, славонцами назывались жители Славонии, северной части Хорватии; Славония имела непосредственные контакты с Венецией, вот почему в Венецианской республике было так много славонцев.

С. 256. *...в закрытую по венецианскому обыкновению лодку.* — Речь идет о гондоле, имевшей в центре специальную кабинку, где размещались пассажиры.

Санта-Кроче — квартал в центре Венеции, названный так по одноименной церкви.

Санто-Апостоло — район в восточной части Венеции, расположенный на небольшом островке.

С. 258. *Сенат* — так называемый «Совет десяти», высший орган власти Венецианской республики.

Дож — глава государства в Венецианской республике.

Святого Марка... — см. примеч. к с. 100.

С. 260. *Александрия* — город в Египте; здесь была большая колония итальянских купцов.

Герцог Амальфи — Антонио Пикколомини (ум. 1493), племянник папы Пия II; был женат на внебрачной дочери короля Ферранте Марии.

С. 261. *Августинский монах* — член монашеского ордена августинцев, возникшего в XIII в. Его патроном считался выдающийся религиозный деятель и философ Блаженный Августин (354—430), самый прославленный из отцов церкви.

С. 262. *Иоанн Златоуст* — см. примеч. к с. 72.

С. 263. *Порто-Пизано* — порт в устье реки Арно, рядом с Пизой.

Акка-Морта — французская крепость Эг-Морт на южном побережье Франции; здесь был и порт, через который шло торговое общение с Востоком.

С. 265. *Пьомбино* — портовый город в средней Италии (Тоскана).

С. 267. *Приньяно.*— Речь идет о неаполитанском придворном бароне Антонелло де Приньяно из семейства Кардони, владевшем землями в окрестностях Неаполя.

Джовенаццо — приморский городок на юго-восточном побережье Италии (Апулия), недалеко от города Бари.

С. 268. *Рагуза* — итальянское название далматинского города Дубровника, в течение долгого времени имевшего самые тесные контакты с Венецией.

Монополи — портовый город на восточном побережье Апулии, на берегу Адриатического моря.

С. 270. *Таранто* — большой портовый город на западном побережье Апулии, на берегу одноименного залива.

С. 272. *Франческо Бандини.*— Он был флорентийским послом в Неаполе; принял участие в заговоре Пацци против тирании Медичи (1478) и был изгнан из родного города (но это произошло уже после выхода книги Мазуччо).

Перуджия — крупный город в Италии, центр Умбрии; в описываемое время входил в папскую область.

С. 277. *Уголотто Фачино* — представитель Феррары при неаполитанском дворе.

Герцог Феррарский.— Феррарскими герцогами на протяжении долгого времени были представители семейства д'Эсте. Мазуччо имеет здесь в виду самого знаменитого из них, мужа Элеоноры Арагонской Эрколе д'Эсте (см. примеч. к с. 180).

С. 278. *...между двумя и тремя часами ночи* — см. примеч. к с. 24.

С. 279. *Поликастро* — небольшое местечко на берегу одноименного залива, южнее Салерно.

С. 282. *Ариете* — возможно, это кличка («Овен»), данная Мазуччо кому-то из своих друзей или близких родственников.

Сфорца Франческо-Алессандро (1401—1466) — итальянский политический деятель, сначала кондотьер, затем герцог Миланский; отец Ипполиты-Марии Арагонской, которой посвящена книга.

Анконская марка — область в Средней Италии, на ее Адриатическом побережье (см. примеч. к с. 125).

Фаэнца — город недалеко от Болоньи.

Верчелли — город в Пьемонте, на полпути между Турином и Миланом. Таким образом, эти два рыцаря происходят из совсем разных областей Италии.

С. 283. *Фано* — небольшой приморский городок на Адриатическом побережье Италии; расположен достаточно далеко от Милана. Почему здесь проводились различные военные упражнения, не очень ясно; вряд ли это может быть связано с подготовкой похода против турок.

Малатеста Сиджисмондо (1417—1468) — итальянский кондотьер, правитель Римини (город в Романье, на берегу Адриатического моря).

Аримини — старое название города Римини.

С. 288. *Джорджи Контарино,* граф Джаффо, синьор Аскалоне — неаполитанский придворный; никаких точных сведений о нем нет.

С. 289. *...о твоей родине...*— то есть Венеции.

Зара — далматинский город Задар, где находилась большая итальянская торговая колония.

С. 291. *Гамурра* — очень закрытое женское платье.

С. 292. *Тревизанская пляска* — буквально: пляска жителей Тревизо, небольшого города близ Венеции. Эти пляски отличались темпераментностью и быстротой. Но, возможно, здесь скрыт и какой-то эротический намек.

С. 294. *Беатриче Арагонская* — см. примеч. к с. 180.

С. 295. *Ланцилао* — неаполитанский король Владислав (Ладислао); см. примеч. к с. 134.

Понца — остров у западного побережья Италии, недалеко от Неаполитанского залива.

С. 296. *Тунис* — в данном случае имеется в виду город, а не одноименное государство.

С. 297. *...королевскому казначею...*—Мазуччо считает Тунис королевством на западный лад.

С. 300. *Джованни Сансеверино,* граф Турсийский — один из представителей разветвленной семьи неаполитанских баронов.

...шла жестокая война...— Речь идет о первом восстании баронов против вступившего на престол Фернандо (Ферранте) Арагонского. Военные действия продолжались несколько лет, с 1458 по 1462 г.

С. 307. *Франческо Галеото* (ок. 1446—1497) — неаполитанский писатель-эпистолограф и поэт-петраркист (его стихи были разысканы и впервые изданы лишь в 1986 г.).

Рене Анжуйский — см. примеч. к с. 225.

С. 309. *«Зачем ты меня оставил?»* — слова распятого Иисуса Христа (правильнее: «лама савахфани?»), которые он произнес по-арамейски (Ев. от Матф., 27: 46; Ев. от Марка, 15: 34).

Кембрик — тонкая полотняная ткань, изготовляемая во французском городе Камбре.

Герцог Жан (ум. 1470) — сын Рене Анжуйского; восставшие против Фернандо Арагонского бароны призвали герцога Жана, намереваясь передать ему трон, но этот замысел потерпел неудачу.

«Поддельный алмаз...» — В оригинале игра слов: «Di', amante falso...» может быть переведена и так: «Скажи, неверный любовник...» (а не алмаз — «diamante»); так что тут все дело в запятой и словоразделе.

С. 313. *Феррандо де Гевара,* граф Белькастро — испанский аристократ, обосновавшийся в Неаполе при Альфонсе I Арагонском.

Джермино — сказать с уверенностью, кого здесь имеет в виду Мазуччо, невозможно. С известной долей осторожности можно отождествить этого персонажа с Ягайло (ок. 1350—1434), великим князем литовским и польским королем с 1386 г. (под именем Владислава II) в результате женитьбы на польской королеве Ядвиге (1371—1399).

С. 314. *Босния* — королевство на Балканах, завоеванное турками в 1464 г.

...Геркулес, который убил Цербера, содрал шкуру со льва, а затем вследствие любви научился прясть...— Упоминаются подвиги Геркулеса (Геракла), героя греческой мифологии,— двенадцатый и первый (согласно общепринятому перечню), а также его трехлетнее пребывание в рабстве у лидийской царицы Омфалы, заставлявшей его выполнять женскую работу.

...о Тезее, который, оставив Адриану...— Речь идет об Ариадне, которая помогла Тезею выбраться из Критского лабиринта и убить чудовище Минотавра. Вместе с Тезеем с Крита бежала Ариадна. Тезей вскоре покинул Ариадну (греч. миф.).

...принадлежать Федре, нисколько не заботясь... о Ипполите.— Миф о преступной любви мачехи (Федры) к пасынку (Ипполиту) разрабатывался во многих произведениях (в том числе Еврипида и Сенеки). Согласно этому мифу, Тезей слепо верил своей новой жене.

С. 321. *Джованни Гварна* — видный политический деятель, выходец из старинной салернской семьи, среди представителей которой были церковные деятели, врачи и т. д. Джованни Гварна при появлении арагонцев вынужден был отправиться в изгнание во Францию; затем он вернулся, но в 1463 г. был арестован за свои проанжуйские взгляды, снова бежал; окончательно вернулся на родину в 1468 г.

Карл II Анжуйский (1250—1309) — неаполитанский король с 1285 г.

С. 323. *Ночера* — Ночера деи Пагани (или Ночера Инфериоре), небольшой город близ Салерно, по направлению к Неаполю.

Линялый сокол — годовалая птица, уже имеющая охотничий опыт.

Герцог Калабрийский — в данном случае это второй сын Карла II Роберт, правивший в Неаполе с 1309 по 1343 г.

С. 329. *Романья* — итальянская провинция, соседствующая с Тосканой и Умбрией; главный город — Болонья.

Лига — одно из многочисленных объединений итальянских государств, создававшихся на протяжении столетий многократно в военных целях. О какой именно из лиг идет речь, сказать затруднительно.

С. 332. *...моим отцом и государем...*— Имеется в виду король Фернандо (см. примеч. к с. 20).

Король Ланцилао — см. примеч. к с. 134.

С. 335. *Энрико Арагонский* (ум. 1478) — внебрачный сын короля Фернандо.

С. 336. *Болонский университет* — см. примеч. к с. 154.

Авиньон — город на юге Франции, крупный торговый и политический центр, где долгое время находилась папская курия (см. примеч. к с. 65).

С. 337. *...звали Лаурой.*— Так звали возлюбленную Петрарки Лауру де Сад (1308—1348), тоже уроженку Авиньона.

С. 338. *Трек* — видимо, город Труа, центр Шампани.

С. 342. *Онорато Гаэтано,* граф Фондийский — неаполитанский политический деятель, один из участников заговора баронов 1487 г., отличавшийся смелостью и твердостью характера.

Протонотарий — чиновник при папском дворе, в ведении которого была рассылка постановлений и актов, принимаемых папой.

С. 343. *Король дон Альфонсо.*— Имеется в виду португальский король Альфонс V (1432—1481), правивший с 1438 г. Вел успешные войны в Кастилии и в Северной Африке.

...его отцом...— Речь идет о португальском короле Эдуарде, правившем в 1433—1438 гг.

Агальсере Сегер — мавританский город Алькасер Секерк.

...у короля Фесского...— Королевство Фесское, расположенное в Северной Африке (Марокко), возникло в конце VIII в. Названо по его столице — городу Фец.

Танжер — портовый город на северо-западе Африки; с VIII в. принадлежал арабам, в 1471 г. захвачен португальцами.

Арзиль — мавританский город, завоеванный португальцами в 1470 г.

С. 348. *Герцог Урбинский.*— Видимо, Федерико да Монтефельтро, герцог Урбинский (1422—1482), глава небольшого самостоятельного государства в провинции Марка, видный меценат, сам не чуждый ученых занятий. Он одно время состоял на службе у короля Альфонса, а его дочь Констанция вышла замуж за Антонелло Сансеверино.

С. 349. *...дон Джоанни.*— Имеется в виду Хуан II (1397—1479), король Арагона с 1458 г. Ему пришлось вести тяжелую борьбу с восставшими каталонцами и ради полученной поддержки уступить Франции провинцию Руссильон с главным городом Перпиньяном. Это произошло в 1475 г. Затем он долго пытался вернуть себе Руссильон, но так и не добился этого.

...своего старшего сына...— Им был Фердинанд II Католик (1452—1516), который, женившись на королеве Кастилии и Леона Изабелле (1451—1504), завершил объединение Испании.

Вальядолид — этот испанский город был столицей Кастилии.

...по причине его нового родства...— женитьбе на Изабелле.

С. 353. *Джоанни Караччоло,* герцог Мельфийский (ум. 1487) — неаполитанский придворный, участник мятежа баронов, который был жестоко подавлен.

Педро Арагонский — король Арагона Педро III (1236—1286). Он был женат на дочери Манфреда (см. примеч. к с. 182) Констанции и установил свою власть в Сицилии после антифранцузского восстания на этом острове.

С. 354. *Чимбало* —видимо, остров Зембра в Тунисском заливе.

Гамбакорта — «Коротконогий».

...знакомство с итальянской литературой — то есть с литературой, написанной на тосканском диалекте итальянского языка, который лег в основу литературного языка Италии (он сформировался благодаря литературной деятельности Данте, Петрарки и Боккаччо, так называемых «трех светочей Флоренции»).

С. 357. *...был вынужден отправиться в изгнание...*— такова была обычно участь проигравших в политической борьбе в итальянских городах-республиках XIII — начала XV в. Позже, когда там постепенно установилась абсолютная власть феодальных родов (Медичи, Сфорца, Сансеверино, Малатеста, д'Эсте и др.), с побежденными оппонентами поступали более круто.

Мессина — портовый город на Сицилии.

С. 359. *Фридрих Барбаросса* (ок. 1125—1190) — германский король и император Священной Римской империи с 1152 г.; он вел напряженную борьбу с папством и итальянскими городами-государствами, особенно с Миланом. Случайно утонул на Сицилии, направляясь на Восток во время Третьего крестового похода.

С. 360. *Маттео Капуанский,* граф Палена (ум. 1481) — знаменитый итальянский военачальник, отличавшийся большой храбростью даже в весьма преклонном возрасте; погиб на поле брани во время войны с турками. Капуа — небольшой город севернее Неаполя.

С. 361. *Александр IV.*— Неточность Мазуччо: в то время папский престол занимал Александр III (1159—1181), злейший враг Фридриха Барбароссы, для противостояния которому он создал так называемую Ломбардскую лигу. Лига нанесла императору внушительное поражение в битве под Леньяно (1176). Папа Александр IV занимал папский престол совсем в другое время — в 1254—1261 гг.

С. 363. *...лачугу, в которой пребывал короткое время... спаситель... после того, как был предан смерти иудеями.*— Видимо, речь идет о появлении воскресшего Иисуса Христа среди учеников, о чем говорится в Евангелии от Луки (24: 29—31) и Евангелии от Иоанна (20: 19—28).

С. 365. *Мамелюки* — гвардия египетских султанов, набиравшаяся из тюркских и кавказских рабов. Возникла в XIII в. В 1250 г. их вожди захватили власть в Египте и правили там до 1517 г. (династии бахритов и бурджитов).

С. 366. *...в госпитале Сиены.*— В действительности такого с папой не случилось.

Бенефиции — церковная должность и связанные с ней доходы.

Прелатство — та или иная высшая должность в церкви.

Красные шляпы — часть одеяния кардинала.

...о клобуке святого Петра.— Согласно церковной традиции, Петр был первым римским епископом, и тем самым папы были его преемниками в этой должности.

С. 367. *Буффилло делло Джудиче* — неаполитанский военачальник, одно время состоявший на службе у французского короля и принимавший участие в военных действиях в Руссильоне (см. примеч. к с. 349). Людовик XI его высоко ценил и осыпал милостями. Умер Буффилло, видимо, в 1502 г.

С. 368. *Лопес д'Айала.*— Мазуччо делает этого персонажа однофамильцем известного испанского политического деятеля и историка Лопеса де Айала (1332—1407), с трудами которого он мог быть знаком.

...война между французами и англичанами...— Столетняя война (см. примеч. к с. 248).

Арманьяк — старинная французская феодальная семья, владевшая графством в Гаскони. Представители этого рода принимали участие в междоусобной войне с феодальной группировкой бургундцев. Среди Арманьяков особенно выделялись Жак, герцог Немурский (1437—1477) и Жак V, граф Арманьяк (убит в 1473 г.).

С. 372. *Фуа* — старинный французский феодальный род; он владел самостоятельным графством, расположенным в предгорьях Пиренеев, на границе с Испанией (вошло в состав королевства в 1589 г.).

С. 375. *Ксеркс* — персидский царь с 486 до 465 г. до н.э.; он вел успешные войны с греками, захватил и разрушил Афины, но в конце концов потерпел поражение и бежал в Персию.

С. 378. *...умер... государь, светлейший Роберто...*— Речь идет о Роберто дель Сансеверино (см. примеч. к с. 67), который скончался 12 декабря 1474 г.

Палестры — так назывались в Древней Греции специальные гимнастические школы.

Марсовы игры — военные игры у римлян; они проводились в честь бога войны Марса.

С. 379. *...отдать Меркурию...*— то есть издать, так как Меркурий (см. примеч. к с. 52) был покровителем и красноречия (в конечном счете литературы), и торговли.

А. Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

А. Михайлов. Книга рассказов Мазуччо Гвардато из Салерно и итальянская новелла эпохи Возрождения 3

Пролог 16

НОВЕЛЛА ПЕРВАЯ

Магистр Диэго, умерщвленный в доме мессера Родерико, перенесен в свой монастырь. Другой монах, считавший магистра живым, бросает в него камень и думает, что совершил убийство. Спасаясь бегством верхом на кобыле, он, по странному стечению обстоятельств, встречает мертвеца, сидящего верхом на жеребце, и тот, с копьем наперевес, преследует его по всему городу. Живой забран и признает себя убийцей; ему грозит казнь. Рыцарь открывает истину, и монах избавляется от незаслуженной смерти 20

НОВЕЛЛА ВТОРАЯ

Один монах-доминиканец дает знать мадонне Барбаре, что она зачнет от праведника и произведет на свет пятого евангелиста; с помощью этого обмана он ею овладевает, и она становится беременной; затем, прибегнув к новому обману, он спасается бегством 31

НОВЕЛЛА ТРЕТЬЯ

Брат Николо́ да Нарни, влюбленный в Агату, добивается исполнения своего желания; является муж, и жена говорит ему, что монах с помощью некоторых реликвий освободил ее от недуга; найдя штаны у изголовья кровати, муж встревожен, но жена говорит, что это штаны святого Грифона; муж верит этому, и монах с торжественной процессией относит штаны домой 41

НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТАЯ

Брат Джироламо из Сполето, показывая соррентинцам кость одного мертвеца, уверяет их, что это рука святого Луки; товарищ его возражает на это; Джироламо просит бога явить чудо; товарищ падает и прикидывается умирающим, а Джироламо своей молитвой возвращает его к жизни; с помощью этого двойного чуда он собирает немало денег, покупает должность прелата и бездельничает вместе с товарищем . . . 52

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ

В Массимиллу влюблены священник и портной, и она обещает свою любовь обоим; пока она тешится в свой хижине с портным, священник приходит за обещанным и силой хочет войти; портной из страха прячется на чердак; священник входит и говорит, что хочет водворить папу в Рим; портной, присутствующий при этом торжестве, решает, что оно не должно происходить без музыки, и начинает играть на дудке; священник убегает, и портной снова овладевает упущенной добычей . 61

НОВЕЛЛА ШЕСТАЯ

Две монахини тешатся ночью с приором и священником; епископ узнает об этом, устраивает засаду и приказывает схватить приора, когда тот выходит из монастыря; священник остается в монастыре, а его любовница, узнав, что епископ собирается туда войти, обманывает настоятельницу и, заставив ее покинуть постель, прячет там священника; епископ находит его, монахиня оправдана от обвинения, настоятельница опозорена, а приор и священник платятся деньгами . . . 67

НОВЕЛЛА СЕДЬМАЯ

Монах-партенопеец влюбляется в Маркезу; он прикидывается приверженцем короля, чтобы снискать расположение двора, и под вымышленным предлогом завладевает ключом от ворот монастыря; его товарищ приводит Маркезу к нему в келью, и монах дает ей деньги; Маркеза обо всем рассказывает своему любовнику; монах разоблачен, схвачен и приговорен к пожизненному заточению . . . 74

НОВЕЛЛА ВОСЬМАЯ

Один молодой законовед не хочет заниматься наукой, продает книги и тратит деньги на удовольствия. Некий монах, проповедуя, обещает воскресить мертвых; молодой человек с несколькими товарищами идет на проповедь и забавной шуткой думает досадить монаху, но тот ловко изворачивается, дав юноше быстрый и достойный ответ . 83

НОВЕЛЛА ДЕВЯТАЯ

Священник сошелся со своей кумой; ревнивый муж мешает их свиданиям; молодка прикидывается одержимой, и муж отправлен любовниками в паломничество; священник же, не возбуждая подозрений, продолжает тешиться с кумой . . . 90

НОВЕЛЛА ДЕСЯТАЯ

Брат Антонио из Сан-Марчелло, исповедуя, торгует царством небесным и скопляет таким способом уйму денег; двое феррарцев с помощью ловкого обмана продают ему поддельную драгоценность; узнав, что это подделка, он приходит в отчаяние и умирает от огорчения . 96

ПРОЛОГ [ко второй части] . 107

НОВЕЛЛА ОДИННАДЦАТАЯ

Джоанни Торнезе из ревности водит с собой жену, переодетую мужчиной; влюбленный в нее рыцарь, прибегнув к тонкой хитрости, плотски познает ее в присутствии приятеля ее мужа; муж в бешенстве отводит жену домой; дело разъясняется, и, после того как Джоанни умирает с горя, жена его вновь выходит замуж и наслаждается жизнью . . 108

НОВЕЛЛА ДВЕНАДЦАТАЯ

Один молодой человек влюбляется в жену хозяина гостиницы; переодевшись знатной вдовой, он ночью в сопровождении своей свиты является на постоялый двор; введенный в заблуждение, хозяин укладывает спать мнимую вдову вместе со своей женой, которая, оказав сначала легкое сопротивление, отдается затем своему возлюбленному; ничего не подозревающий хозяин получает двойную плату 117

НОВЕЛЛА ТРИНАДЦАТАЯ

Пандольфо д'Аскари приезжает в качестве стратика в Салерно; он женится, но не способен удовлетворить свою жену; один юноша влюбляется в нее, заказывает изображение мужского пола и вместо меча носит его на боку; городская стража приводит его к стратику, и в присутствии его жены это оружие обнажается; стратик в гневе изгоняет юношу; весть об этом разглашается, и стратик умирает от огорчения, а его жена сходится с любовником . 126

НОВЕЛЛА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Один рыцарь-мессинец влюбляется в молодую неаполитанку; узнав, что отец ее крайне скуп, он, сблизившись с ним, дает ему возможность нажиться, затем, сделав вид, что хочет вернуться на родину, дает купцу в залог рабыню, хорошо осведомленную о намерениях рыцаря; та подговаривает дочку купца, и они вместе захватывают его имущество и убегают с влюбленным; рыцарь женится на девушке, и, вернувшись в Неаполь, они наслаждаются любовью . 133

НОВЕЛЛА ПЯТНАДЦАТАЯ

Один кардинал любит замужнюю женщину; он соблазняет мужа деньгами, и тот приводит жену в комнату кардинала; на следующее утро он приходит за ней обратно, но жене понравилось ее новое положение, и она не хочет возвращаться домой; долгие уговоры мужа ни к чему не приводят; в конце концов он берет обещанные ему деньги и отправляется в добровольное изгнание, а жена его приятно проводит время с кардиналом 140

НОВЕЛЛА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Святой Бернардин обманут двумя салернитанцами. Один из них уверяет его, что нашел кошелек с двумя тысячами дукатов, другой же говорит, что потерял его, сообщает приметы кошелька и получает его обратно. Святой призывает флорентийский народ помочь бедности первого из них, собирает много денег и отдает их обманщику, который, сойдясь с приятелем, делит с ним добычу. . . 149

НОВЕЛЛА СЕМНАДЦАТАЯ

Один ученый-законовед отсылает домой кубок. Два плута замечают это; один приносит жене законоведа рыбу, чтобы та приготовила ее для мужа, и от его имени просит отдать ему кубок; жена отдает его; законовед, возвратясь домой, узнает, что кубок исчез, и уходит в надежде разыскать его; другой мошенник, явившись в дом законоведа, говорит, что кубок найден и что законовед просит прислать ему рыбу. Он сходится с товарищем, и они оба веселятся по поводу удавшейся проделки и полученной прибыли 155

НОВЕЛЛА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Один монашек ордена святого Антония освященными желудями спасает от смерти двух кабанов. Хозяйка дарит ему кусок холста. Приходит муж, сердится на это и пускается вдогонку за монашком, чтобы отобрать у него холст. Тот, завидев его издали, подпаливает холст и возвращает его хозяину. Холст воспламеняется, все присутствующие кричат о чуде, монашка ведут в деревню, и он собирает там много добра . . 160

НОВЕЛЛА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Два каванца направляются в Неаполь; один из них, выбившись из сил, остается в Торро-дель-Греко, другой в поздний час прибывает в Понте-Ричардо и здесь ночует. Некий амальфиец выходит отсюда ночью; он пугается, видя повешенных, и обращается к одному из них с речью. Каванец, думая, что его зовет товарищ, спешит к нему. Амальфиец бежит и, видя, что его преследуют, бросает свой мешок. Каванец подбирает мешок, сходится с приятелем и возвращается домой . 165

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТАЯ

Джакомо Пинто любит одну вдову. Мессер Анджело обещает, что при помощи чернокнижия даст ему возможность овладеть ею. Он ведет его в одно место, уверяя, что там будет говорить с ним сам дьявол; тот верит этому, бросает дьяволу несколько животных и в страхе убегает. Случай разглашается; Джакомо поступает на военную службу и там образумливается и обогащается . . 170

ПРОЛОГ [к третьей части] . 178

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мессер Бертрамо д'Аквино любит, но не любим. Муж любимой им дамы весьма расхваливает влюбленного, сравнивая его с соколом, вследствие чего жена решается подарить тому свою любовь. Они сходятся вместе; мессер Бертрамо спрашивает даму о причинах ее поведения. Из благодарности к мужу рыцарь не прикасается к даме, оставив ее пристыженной 182

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Одна дама из Трапани влюбляется в мавра и вступает с ним в плотскую связь. Она обворовывает мужа и бежит в Берберию с мавром и турчанкой. Чтобы отомстить им, муж, переодевшись, отправляется за ними, убивает мавра и жену и возвращается с турчанкой в Трапани, где, женившись на ней, долго наслаждается счастьем . . . 189

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Одна вдова влюбляется в сына и посредством величайшего обмана вступает с ним в плотскую связь. Забеременев, она искусно открывает правду сыну, который, возмущенный этим, удаляется в изгнание. Дело получает огласку, и мать после родов сжигается подестою . 196

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Один молодой человек любит даму, но не любим ею; он прячется у нее в комнате; черный мавр обладает дамой, у которой спрятался влюбленный; последний показывается и, осыпав даму жестокими оскорблениями за ее коварство, сменяет любовь на ненависть . 204

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Одна молодая девушка имеет много поклонников, но насмехается над ними, держа их всех на пастбище. Один из них более других преследует ее. Раб девушки обладает ею и доказывает это пылкому влюбленному. Девушка умирает с горя, а влюбленный покупает раба и отпускает его на волю . 209

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Одна дама, влюбленная в красивого юношу, при содействии своего переодетого родственника вводит его к себе в комнату с завязанными глазами, наслаждается с ним одну ночь и сообщает способ, как и когда он сможет опять к ней прийти. Юноша доверяет свою тайну одному другу; дама узнает об этом и никогда более за ним не посылает . 215

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Одна дама, покинутая своим любовником, переодевается мужчиною и отправляется, чтобы убить его; схваченная стражей, она требует от подесты, чтобы тот содействовал ее мщению. Подеста, желая проверить смелость дамы, идет с нею и, убедившись в ее мужестве, примиряет ее с любовником, оказывает ей множество любезностей и оставляет их вернувшимися к прежней любви . 220

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Один провансальский рыцарь чрезвычайно любит жену, которая, будучи охвачена похотью, отдается карлику. Служанка-арапка, поймав их, убивает обоих копьем. Муж велит бросить их тела на съедение зверям 225

НОВЕЛЛА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Виола обещает трем своим любовникам удовлетворить их в одну и ту же ночь. Первый приходит, но второй мешает ему воспользоваться добычей. Приходит третий, но второй над ним подшучивает и мешает ему войти. Тот замечает обман, видит силу и пускает в ход хитрость, мстит одному и другому и, нанеся большой вред обоим, делается последним обладателем добычи 229

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТАЯ

Одна девушка, влюбленная в князя Салернского, посылает за его капелланом и показывает ему несколько писем, будто бы полученных ею от этого синьора, в которых тот добивается ее любви. Капеллан понимает ее намерение, вступает с нею в заговор и приводит дело к желательному концу 236

ПРОЛОГ [к четвертой части] . 243

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Двое прекрасных любовников бегут, чтобы сочетаться браком. Сбившись с пути вследствие бури, они попадают в приют для прокаженных, и здесь прокаженные убивают любовника, а девушка добровольно лишает себя жизни над его трупом 244

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Некая венецианка, помимо других многочисленных поклонников, любима одним флорентийцем. Он подсылает к ней свою служанку и приглашает ее от имени настоятельницы монастыря Санта-Кьяра. Муж и она верят этому, и ее ведут, с тончайшим обманом, в дом флорентийца, где ночью вспыхивает пожар. Начальник ночной стражи отправляется пособить беде, находит даму, которую он тоже любит, и велит посадить ее в тюрьму; служанка флорентийца весьма искусно освобождает ее, а сама остается в тюрьме. Утром старуху ведут вместо молодой женщины в сенат; начальник ночной стражи остается в дураках, а дама возвращается к мужу без всякого посрамления . . 253

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сиенец Марьотто, влюбленный в Ганоццу, совершив убийство, бежит в Александрию. Ганоцца притворяется мертвой и, выйдя из могилы, отправляется на поиски возлюбленного. Последний, услышав об ее смерти, тоже желает умереть и возвращается в Сиену; здесь его узнают, хватают и отрубают ему голову. Девушка, не найдя его в Александрии, возвращается в Сиену и узнает, что ее возлюбленный обезглавлен. Мессер Никколо помещает ее в монастырь, где она и умирает от горя. 260

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Рагузянин Тобиа наслаждается любовью с женой трактирщика из Джовенаццо и посредством тонкого обмана заставляет мужа привести ее на его корабль вместе со своей кобылой. Трактирщик возвращается домой и не находит жены. Он долго жалуется на вероломство рагузян, а затем снова женится и, забыв о потерянной первой жене, наслаждается с новоприобретенной второй 267

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Эуджения, забеременев от одного воина, опасается братьев и притворяется заболевшей и умершей от чумы. Любовник везет ее, переодетую

мальчиком, в Ломбардию. На них нападают враги; любовник убит, а Эуджения лишает себя жизни над его трупом . 272

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

По странной и тягостной случайности каждый из двух добрых друзей находится в любовной связи с женой другого. Они оба узнают об этом и, не желая разрушить свою дружбу, делят между собою жен и другие блага и вместе наслаждаются миром и спокойствием . . 277

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Два приятеля, воины Маркетто и Ланцилао, влюбляются в одну и ту же даму; они бьются друг с другом и оба умирают; девушка с горя тоже лишает себя жизни; их оплакивают при всеобщей скорби и всех троих погребают в одной могиле . 282

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Антонио Моро, влюбленный в жену одного рыбака, обманным способом заставляет его отвезти себя, чтобы насладиться с нею. Он везет ее с собою в лодке и заставляет мужа, не узнавшего ее, насладиться с нею. Тот платит за это обедом. Истина раскрывается. Муж убегает пристыженный, а Антонио открыто наслаждается с его женой . . 288

НОВЕЛЛА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сузанна влюбляется в Джоанни, и недолгое время они наслаждаются любовью. Джоанни попадает в плен к маврам. Его возлюбленная, переодевшись мужчиной, отправляется в Тунис и, чтобы выкупить любовника, сама продается в рабство и вносит за него деньги. Они вместе бегут. Судьба возвращает их обратно в Берберию. Они схвачены; Джоанни посажен на кол, а Сузанна, в которой признали женщину, лишает себя жизни 294

НОВЕЛЛА СОРОКОВАЯ

Каталонец Дженефра любит одну даму и осуществляет свое намерение вследствие недомыслия ревнивого мужа. Остроумнейшим способом он побуждает мужа привести жену к нему на корабль вместо кого-то другого и увозит ее в Каталонию. Муж поздно замечает обман и жалуется на злость и хитрость каталонцев . . 300

ПРОЛОГ [к пятой части] . 305

НОВЕЛЛА СОРОК ПЕРВАЯ

Два французских рыцаря влюбляются в двух сестер-флорентинок. Они вынуждены возвратиться во Францию. Одна из сестер остроумной посылкой поддельного алмаза заставляет обоих рыцарей возвратиться во Флоренцию, и здесь они необычайным образом наслаждаются своей любовью . . 307

НОВЕЛЛА СОРОК ВТОРАЯ

Польская королева посылает на смерть одного их своих сыновей. Она забеременевает от одного рыцаря и рождает дочь. После многих и разнообразных приключений сын спасается; узнав истину, он казнит свою мать-королеву и, сделавшись королем, женится на дочери короля венгерского 313

НОВЕЛЛА СОРОК ТРЕТЬЯ

Мессер Маццео Протоджудиче застает свою дочь с Антонио Марчелли, который убегает, не будучи узнан. Отец посылает дочь на смерть, но слуги, пожалев ее, отпускают ее на свободу. Переодевшись мужчиной, она отправляется ко двору герцога Калабрийского, приезжает со своим государем в Салерно, поселяется в доме возлюбленного и узнает, что он стал наследником ее отца. Она открывается ему, они сочетаются браком и получают отцовское наследство 321

НОВЕЛЛА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Марино Караччоло любит одну даму и любим ею; они готовы заключить союз любви. Дама видит, что герцог Калабрии гораздо любезнее Марино, оставляет первое предприятие, занимается вторым и добивается того, чтобы герцог пришел с нею наслаждаться. Последний, решив уже пойти к ней, узнает о страсти своего друга, великодушно лишает себя удовольствия и делает Марино обладателем добычи . 328

НОВЕЛЛА СОРОК ПЯТАЯ

Один кастильский студент проездом в Болонью влюбляется в Авиньоне и, желая насладиться с дамой, дает ей, согласно уговору, тысячу дукатов, после чего, раскаявшись, уезжает, встречается с мужем и, не зная его, рассказывает ему о происшедшем. Тот догадывается, что это была его жена, искусно заставляет студента вернуться в Авиньон, возвращает ему деньги, убивает жену, а студента с большим почетом наделяет дарами 335

НОВЕЛЛА СОРОК ШЕСТАЯ

Португальский король во время битвы берет в плен арабского вождя. Мать последнего отправляется в королевский лагерь без всяких предосторожностей, захватив с собой тридцать тысяч дублонов для выкупа сына. Король дарит ей пленника, но под известным условием. Араб на него не соглашается; король дарит ему деньги и полную свободу. В благодарность за это араб в следующем году приходит служить под его начальством с большим войском, которое содержит на собственный счет . 342

НОВЕЛЛА СОРОК СЕДЬМАЯ

Король Сицилии остановился в доме одного кастильского рыцаря. Двое приближенных к нему рыцарей путем насилия лишают невинности двух дочерей хозяина-рыцаря. Король, с величайшим огорчением узнав об этом, заставляет рыцарей жениться на девушках, а затем, позаботившись о чести, хочет удовлетворить и правосудие и тотчас же приказывает отрубить головы обоим своим рыцарям . 348

НОВЕЛЛА СОРОК ВОСЬМАЯ

Сын тунисского короля взят в плен корсарами и продан в Пизу. Хозяин проникается к нему любовью, через некоторое время дарует ему свободу и, не зная, кто он, отпускает его домой. Немного времени спустя тот делается королем Туниса. Через несколько лет пизанец захвачен мавританскими галерами и, никем не узнанный, попадает в качестве раба к королю. Тот, узнав его, в виде благодарности заставляет свою сестру принять христианство и вместе с многочисленными сокровищами отдает ее пизанцу в жены, после чего отпускает его обогащенным в Пизу . 353

НОВЕЛЛА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Фридрих Барбаросса, переодетый, отправляется к гробу господню. Услышав об этом, папа велит написать его портрет и посылает его султану; по этому портрету Фридриха схватывают. Султан, даруя ему свободу, желает получить с него пятьсот тысяч дукатов; Барбаросса оставляет ему в залог тело Христово, возвращается на родину и посылает султану обещанные деньги; между ними завязывается дружба, а император изгоняет папу из Рима . . . 360

НОВЕЛЛА ПЯТИДЕСЯТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Один кастильский рыцарь, любимец графа д'Арманьяка, служит французскому королю и становится главным его военачальником. Дочь графа влюбляется в него и предлагает ему свое тело; рыцарь из личной доблести отклоняет это предложение. Услышав об этом, граф в знак благодарности отдает ему дочь в жены, а король делает его знатным синьором . . 367

РЕЧЬ АВТОРА К СВОЕЙ КНИГЕ . 375
Комментарии. 380

МАЗУЧЧО ГВАРДАТО

НОВЕЛЛИНО

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников.*
Редактор *Н. Б. Чунакова.* Младший редактор *Е. В. Печкурова.*
Художник *О. А. Карелина.* Художественный редактор *А. А. Пчелкин.*
Технический редактор *Ю. А. Мухин.*

ИБ № 9423

Сдано в набор 08.05.92. Подписано в печать 07.03.93. Формат 60 × 84¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 25,14. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2879. С 082.

Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика»
Министерства печати и информации Российской Федерации.
Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.